

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ, ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ И ИСТОРИЧЕСКИЕ
ИССЛЕДОВАНИЯ НА СЕВЕРЕ РОССИИ

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ,
ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ И ИСТОРИЧЕСКИЕ

ИССЛЕДОВАНИЯ

НА СЕВЕРЕ РОССИИ

Сыктывкар 2024

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Федеральный исследовательский центр
«Коми научный центр Уральского отделения Российской академии наук»

Институт социально-экономических и энергетических проблем Севера
Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук

Институт языка, литературы и истории
Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ, ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ И ИСТОРИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ НА СЕВЕРЕ РОССИИ

**МАТЕРИАЛЫ III ВСЕРОССИЙСКОЙ
НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ
(с международным участием)**

21–22 декабря 2023 г., г. Сыктывкар

Сыктывкар 2024

Социально-экономические, демографические и исторические исследования на Севере России: материалы III Всероссийской научно-практической конференции (с международным участием). 21–22 декабря 2023 г., г. Сыктывкар. – Сыктывкар : ФИЦ Коми НЦ УрО РАН, 2024. – 276 с.

В сборнике представлены материалы III Всероссийской научно-практической конференции, организованной Институтом социально-экономических и энергетических проблем Севера и Институтом языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН в рамках научных мероприятий, приуроченных к: 100-летию со дня рождения В. П. Подоплелова (1923–2000); 300-летию Российской академии наук; 80-летию создания Коми научного центра УрО РАН; 75-летию проведения экономических исследований в Коми научном центре; 35-летию образования Института социально-экономических и энергетических проблем Севера Коми НЦ УрО РАН.

Рассмотрены вопросы регионального развития, инновационные подходы к управлению региональной экономикой, состояние и перспективы развития человеческого и трудового потенциалов, проблемы миграции и демографического развития.

Издание предназначено для исследователей в области общественных наук, государственных служащих, специалистов-практиков, аспирантов, магистрантов, студентов и всех, кто интересуется социально-экономическими и историческими проблемами северных территорий России.

Публикуемые материалы представлены в авторской редакции.

Socio-economic, demographic and historical research in the North of Russia: Materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference. December 21–22, 2023, Syktyvkar. – Syktyvkar: FRC Komi SC UB RAS, 2024. – 276 p.

The collection presents the materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference organized by the Institute of Socio-Economic and Energy Problems of the North and the Institute of Language, Literature and History of the Komi Science Centre of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences within the framework of scientific events dedicated to the 100th anniversary of the birth of V. P. Podoplelov (1923–2000); the 300th anniversary of the Russian Academy of Sciences; the 80th anniversary of the Komi Science Centre of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences; the 75th anniversary of economic research at the Komi Science Centre; the 35th anniversary of the Institute of Socio-Economic and Energy Problems of the North Komi SC UB RAS.

The issues of regional development, the innovative approaches to managing the regional economy, the state and prospects of human and labor potential development, the problems of migration and demographic development are considered.

The publication is intended for social scientists, civil servants, practitioners, postgraduates, undergraduates, students and all those who are interested in socio-economic and historical issues of the northern territories of Russia.

The published materials have been edited by the authors.

Ответственные редакторы:

д.э.н. Л. А. Попова,

д.э.н. В. В. Фаузер

ВВЕДЕНИЕ

Сборник включает материалы III Всероссийской научно-практической конференции, организованной Институтом социально-экономических и энергетических проблем Севера и Институтом языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН.

Первая конференция состоялась 24 декабря 2003 г. Она была посвящена 80-летию со дня рождения В. П. Подоплелова. Конференция включала два мероприятия: 1) совместное заседание Президиума Коми НЦ УрО РАН и Ученого совета Института социально-экономических и энергетических проблем Севера Коми НЦ УрО РАН; 2) Пленарное заседание, которое прошло в Малом зале Государственного Совета Республики Коми.

Вторая конференция прошла через 10 лет – 24–25 декабря 2013 г. Пленарное заседание проходило в зале заседаний Президиума Коми НЦ УрО РАН 24 декабря 2013 г. 25 декабря 2013 г. работали две секции: секция 1. «Социально-экономические и экологические проблемы развития Севера России»; секция 2. «Демографические и исторические исследования на Севере России».

Третья конференция состоялась 21–22 декабря 2023 г. Пленарное заседание прошло в зале заседаний ФИЦ Коми НЦ УрО РАН 21 декабря 2023 г. Работа была организована в формате «приветствия-воспоминания». Работа заявленных секций осуществлялась на площадке Института социально-экономических и энергетических проблем Севера Коми НЦ УрО РАН по направлениям:

- социально-экономические проблемы развития Севера России;
- демографические и исторические исследования на Севере России;
- проблемы занятости и безработицы, их особенности на Севере России;
- развитие трудового потенциала в условиях инновационной экономики;
- эффективное использование человеческих ресурсов как фактор устойчивого социально-экономического развития региона;
- государственный, муниципальный и корпоративный менеджмент;
- устойчивое развитие социально-экономических и экологических систем.

Всего подано 55 заявок из разных городов России (Москва, Омск, Белгород, Екатеринбург, Архангельск, Сыктывкар), Республики Узбекистан (Ташкент), Республики Казахстан (Алматы), Республики Беларусь (Минск, Новополоцк) и Мальты (Моста).

При подведении итогов были внесены предложения: проводить данную конференцию раз в два года на постоянной основе; вынести на заседание Ученого совета Института вопрос о присвоении конференции «Социально-экономические, демографические и исторические исследования на Севере России» статуса «Подоплеловские чтения».

ПЛЕНАРНЫЕ ДОКЛАДЫ

РАЗВИТИЕ ДЕМОГРАФИЧЕСКОЙ НАУКИ В РЕСПУБЛИКЕ КОМИ

В. В. Фаузер, д-р экон. наук, профессор

*Институт социально-экономических и энергетических проблем Севера
ФИЦ Коми НЦ УрО РАН, г. Сыктывкар*

Введение

Демография – одна из тех наук, которая, не успев зародиться, на долгие годы была забыта и не имела перспектив развития. Хотя в начале XX в. перспективы были радужными. В 1919 г. в г. Киев создается первое государственное научно-демографическое учреждение «Институт демографии АН УССР» (с 1934 г. – Институт демографии и санитарной статистики). Намечаются грандиозные планы по изучению народонаселения. Однако в 1938 г. принято решение о его закрытии. В 1930–1934 гг. в Ленинграде (ныне Санкт-Петербург) работал единственный специализированный демографический институт за всю историю существования Российской академии наук. Но и его судьба оказалась недолговечной. Причина закрытия «проста» – демография, как и генетика, была признана «буржуазной и вредной» наукой [1].

В корне меняется отношение к демографии в конце XX в. Многие видные ученые уделили этой науке пристальное внимание. О важности и практическом значении демографии ёмко сказал Питер Друкер – выдающийся ученый в области менеджмента: «Самая характерная черта нашего времени – хотя бы в силу абсолютной беспрецедентности в мировой истории – это резкое снижение рождаемости в развитых странах. Снижение рождаемости несет с собой также гигантские политические и социальные последствия, о которых мы пока не имеем никакого представления. Но этот процесс неизбежно скажется на экономике и бизнесе. Кроме того, любой вид подготовки сегодняшних ресурсов к возможностям, которые могут открыться в будущем, должен начинаться с демографии, а точнее с рассмотрения проблемы падения рождаемости в развитых странах. Изю всех современных процессов этот наиболее заметен, непредсказуем и абсолютно беспрецедентен. В ближайшие 20–30 лет демографическая ситуация в развитых странах будет определять политическую. И политика будет очень нестабильной. Ни одна из стран не готова к проблемам, к которым приведет снижение численности населения» [2]. Не претендуя на всеобщий охват заявленной темы, подчеркнем, что основная задача статьи – обозначить историю развития демографической науки в Республике Коми, выделить ее основные направления и вклад персоналий в ее становление.

Становление демографической науки в Коми крае

Не каждый регион России может поставить себе в заслугу то, что среди его жителей были творческие личности, причастные к демографии, к демографическим исследованиям. Республике есть чем гордиться. Родоначальником «северной демографии» в Республике Коми по праву можно считать А. С. Забоева, известного под псевдонимом «Сан-Антус». В 1928 г. в журнале «Коми му» он публикует научную статью «Заметки о народонаселении Коми области в связи с историей Коми». В ней автор ставит проблемы, которые не потеряли своей актуальности и сегодня.

Одна из поднятых им проблем – относительное аграрное перенаселение. Под ним автор понимает «некоторый избыток сельского населения по отношению к полезной сельскохозяйственной территории. Таким образом, избыточным следует считать такое сельское население, которое не может при данных условиях применять свой труд экономически рационально на имеющейся в его распоряжении сельскохозяйственной территории и которое в то же время вследствие ряда причин не отрывается от земледелия». Речь идет о нерациональном использовании запасов рабочей силы и упадке производительных сил.

Не менее остро для края стояла проблема убыли населения, автор выделяет две группы факторов: «...не надо упускать из виду постоянную "утечку" населения в форме переселений. За это время большое число людей из этой территории переселилось в Сибирь, на Печору, на Урал и т. д. За это время происходили три войны, из них две невиданные в мире по числу истребленных людей и разрушений хозяйства и невиданный голод, которые значительно уменьшили число населения».

В продолжение обозначенных задач, требующих решения, автор пишет о необходимости регулирования миграционных процессов экономическими стимулами, отмечает важность донесения информации о местах, требующих заселения: «Свобода расселения не отрицает воздействия мерами экономической политики на направление расселенческого русла. Нужно будет путем этих мер и поощрений направить расселение в такие районы, куда наиболее необходимо для развития производительных сил Области (скажем в верховья Печоры в связи с постройкой Печорско-Камского канала). Печора, несомненно, требует заселения, но переселяются из Вычегды (из Вишеры) только единицы. Переселения из Вычегды на Печору могут быть только при условии материальной помощи, долгосрочного кредитования, поощрения и широко и правильно поставленной информации о Печоре, т. к. население Вычегды мало что знает о Печоре. К тому же до сих пор не изучено, какие районы могут быть заселены и в каких из них наиболее благоприятные условия» [3].

Демография Республики Коми

Своим возникновением «демография» обязана появлению в Коми АССР в 1944 г. Базы Академии наук, созданной на основе эвакуированных Карельского и Кольского филиалов АН СССР, преобразованной в 1949 г. в Коми филиал АН СССР. Становлению демографической науки способствовало и то обстоятельство, что в 1960–1970-е гг. Республика Коми превращается в строительную площадку. Шло интенсивное освоение природных богатств: нефти, газа, угля, леса. Как следствие, остро встала проблема обеспечения промышленных строек и вводимых объектов нефтегазового и лесного секторов квалифицированными и образованными кадрами. Требовалось научное обоснование потребности республики в трудовых ресурсах. Необходимо было знать, сколько трудовых ресурсов воспроизведет сама республика, а сколько надо будет привлечь из других регионов России, Союзных Республик [4].

В этой связи встал вопрос о проведении демографических исследований в республике, о научном потенциале, который мог бы быть задействован на данном направлении. Организатором демографического направления стал Владислав Павлович Подоплелов, которым был поставлен вопрос о разработке долгосрочных планов развития и размещения производительных сил в республике [5]. К сожалению, первые результаты исследований не были опубликованы в силу их закрытости, но они нашли свое отражение в отчетах «Основные направления развития и размещения производительных сил Коми АССР на период до 1990 г. с учетом формирования Тимано-Печорского ТПК» и «Концепция развития и размещения производительных сил Коми АССР на период 1976–1990 гг.».

К числу заслуг В. П. Подоплелова можно отнести построение таблиц смертности, разработанных совместно с А. И. Таскаевым и И. К. Косенко, которые позволили методом передвижек возрастов выполнить долгосрочные прогнозы численности и возрастного состава населения. На тот момент для областей и автономных республик они не разрабатывались. Благодаря вышеуказанным ученым были построены полные таблицы смертности и средней ожидаемой продолжительности жизни для Коми АССР, Карелии, Архангельской и Мурманской областей, Европейского Севера в целом [6].

С конца 1960-х гг. выходят работы по демографии [7, 8]. В 1973 г. В. П. Подоплелов защитил докторскую диссертацию «Население и трудовые ресурсы как фактор развития и размещения производительных сил экономических районов» [9].

В 1980-х гг. демографические исследования, основанные на статистических данных, стали дополняться методическими инструментами социологической науки – анкетными опросами населения и опросами экс-

пертов. Первое социологическое исследование проведено среди женщин Ижемского района в 1989 г., которое было направлено на изучение репродуктивного поведения [10]. Подробно о развитии социологии в Республике Коми можно прочитать в статье «История развития демографических и социологических исследований в Республике Коми» [11].

Демографические исследования находят свое практическое применение в хозяйственном проекте «Комплексный план социально-экономического развития Ижемского района на период до 2010 года». Центральное место в этом плане занял первый том «Население Ижемского района в переходный период к рыночной экономике».

Для 1990-х гг. характерна публикация результатов демографических исследований в монографических работах И. Л. Жеребцова, Г. В. Загайновой, В. П. Подоплелова, В. В. Фаузера и др.: «Проблемы формирования населения Республики Коми» [12]; «Динамика, структура и особенности формирования населения Республики Коми» [13]; «Региональные проблемы воспроизводства и занятости населения» [14], «Сельское население северного региона: проблемы воспроизводства и занятости» [15]. Особый вклад в развитие демографических исследований внесли две монографии: «Население Республики Коми: прошлое, настоящее, будущее (о чем рассказывают переписи)» [16] и «Республика Коми в XX веке: демография, расселение, миграция» [17], в которых обобщено развитие народонаселения Республики Коми с древнейших времен до конца XX века. Появляются работы, изданные за рубежом: В. В. Фаузер, Вл. В. Фаузер «Социально-трудовые отношения: демографическое измерение» [18] и Л. А. Попова «Проблемы демографического старения северных регионов России» [19].

Новым направлением в демографических исследованиях стали работы Л. А. Поповой по изучению современного демографического кризиса и его последствий: «Сущность, причины и последствия современного демографического кризиса (на примере Республики Коми)» [20]. Важное значение придается изучению внебрачной рождаемости и моделям развития неполной семьи: «Внебрачная рождаемость: тенденции, причины, модели развития внебрачной семьи» [21]. Для республики острой проблемой в XXI в. стала проблема старения населения, что находит свое отражение в монографии «Экономические и социальные аспекты старения населения в северных регионах» [22]. Заслуживает внимания оценка мер демографической политики на рождаемость: «Влияние современной российской демографической политики на тенденции и перспективы рождаемости населения» [23].

В последние годы развивается новое направление исследований, связанное с изучением демографического развития территорий в условиях цифровизации общества, с использованием новых источников данных

о населении, возникающих в интернет-среде, этому направлению посвящена монография А. В. Смирнова «Демография российской Арктики в цифровую эпоху» [24].

В числе последних комплексных работ по демографии можно представить монографию В. В. Фаузера «Республика Коми на рубеже веков: демография, миграция, расселение» [25]. В ней рассмотрена история формирования населения Республики Коми: от первых ревизских сказок до Всероссийской переписи населения 2021 г. Динамика численности населения представлена как в целом по республике, так и в разрезе административных образований. Подробно рассмотрены вопросы воспроизводства и миграции населения. Значительное место уделено проблеме расселения населения. Подробнее с этими и другими публикациями по демографии можно ознакомиться в исторических обзорах [26, 27], а также на сайте <http://vvfauzer.ru>.

Наряду с публикациями о результатах демографических исследований ученые докладывают на заседаниях Президиума (общих собраниях) Коми НЦ УрО РАН. Первым был доклад В. П. Подоплелова, В. В. Фаузера и Г. В. Загайновой «Население Коми АССР» (1990) [28]. Затем – два доклада В. В. Фаузера: «Влияние миграции на численность и состав населения Республики Коми» (1992) [29] и «Демография и трудовой потенциал развития Республики Коми» (2007) [30]. В 2006 г. был представлен комплексный доклад М. П. Рощевского, А. И. Таскаева, В. В. Фаузера и др. «Человек на Севере: демография, здоровье, экология» (2006) [31]. Два препринта подготовлены Л. А. Поповой: «Демографическое развитие семьи в Республике Коми» (1998) [32] и «Младенческая смертность: история, современные тенденции, региональная специфика» (2010) [33].

Демографическая школа Республики Коми

Наряду с широкой публикацией результатов демографических исследований в республике сформирована своя демографическая школа. Активно идет защита кандидатских и докторских диссертаций. По специальности/специализации «Экономика народонаселения и демография»: В. В. Фаузер «Проблемы формирования населения в районах Севера (на примере Коми АССР)» (1983 г., к.э.н.); «Проблемы демографического развития Российского Севера» (1996 г., д.э.н.); Л. А. Попова «Проблемы демографического развития семьи в Республике Коми» (1996 г., к.э.н.), «Особенности современного популяционного кризиса в северном полиэтническом регионе» (2005 г., д.э.н.) [34]; А. А. Парначев «Проблемы демографического развития сельского населения Республики Коми» (1997 г., к.э.н.); Е. Н. Рожкин «Этнические особенности демографического развития Республики Коми» (2002 г., к.э.н.); Н. В. Клепиков «Демографическая дифференциация потребительских предпочтений жителей северных горо-

дов» (2006 г., к.э.н.); А. И. Черных «Демографическое измерение профессионального развития человеческих ресурсов в условиях всероссийской депопуляции» (2007 г., к.э.н.); Н. И. Климочкина «Формирование населения и использование его трудового потенциала в нефтегазовом секторе Республики Коми» (2007г., к.э.н.); В. Н. Макарова «Экономические инструменты регулирования демографических процессов северного региона» (2009 г., к.э.н.); Вл. В. Фаузер «Демографическая дифференциация социально-трудовых отношений» (2010 г., к.э.н.) [35]; И. Г. Назарова «Демографические и трудовые проблемы северных регионов России: теория и практика» (2012 г., д.э.н.); А. В. Смирнов «Методический инструментальный построения долгосрочных демографических прогнозов на уровне местных сообществ» (2017 г., к.э.н.) [36].

По специальности «Экономическая социология»: Н. Н. Ботош «Материальное положение сельских жителей Республики Коми и факторы его дифференциации» (1997 г., к.э.н.).

По специальности «Экономическая социология и демография»: Т. С. Лыткина «Экономическое поведение "новых бедных" в условиях социальной трансформации» (2005 г., к. социол. н.) [37].

С 1983 г. демографические исследования получили «официальную прописку» и стали проводиться на регулярной основе в Институте социально-экономических и энергетических проблем Севера Коми НЦ УрО РАН: 1) в секторе «Воспроизводства населения и трудовых ресурсов», заведующие: В. П. Подоплелов (1983–1988), В. В. Фаузер (1988–1992); 2) в отделе «Социальной демографии и проблем занятости», заведующий В. В. Фаузер (1992–1999); 3) в секторе «Социального менеджмента», заведующий В. В. Фаузер (1999–2003); 4) в лаборатории «Демографии и социального управления», заведующий В. В. Фаузер (2003 г. – по н/в).

Научные мероприятия

Учитывая значительный вклад в становление демографической науки в Республике Коми, Институт социально-экономических и энергетических проблем Севера совместно с Институтом языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН провели три конференции, посвященные памятным датам: к 80-, 90- и 100-летию со дня рождения В. П. Подоплелова. Последняя конференция прошла 21–22 декабря 2023 г. Наряду с российскими учеными в ней приняли участие зарубежные исследователи из Республики Беларусь, Республики Казахстан, Республики Узбекистан. По итогам работы первых двух конференций изданы «Труды конференций» (2004 и 2013 гг.) [38–40], материалы III Всероссийской конференции находятся в печати.

Значительное внимание демографической тематике отводит Институт языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН. В ИЯЛИ ежегодно

проходят конференции по исторической демографии и географии, с 2008 по 2022 г. издавался научный журнал «Историческая демография». За этот период вышло 30 номеров, в которых опубликованы работы исследователей из разных регионов России (от Владивостока до Мурманска и от Сочи до Якутска), ближнего и дальнего зарубежья. С 2023 г. издание продолжило свою научную жизнь на страницах научного журнала «Известия Коми НЦ УрО РАН» в серии «Историческая демография» с периодичностью два раза в год.

Статья подготовлена в рамках НИР «Человеческие ресурсы северных регионов России: потенциал развития или ограничение экономического роста (№ ГР 122012700169-9, 2022–2024 гг.).

Литература

1. Фаузер, В. В. Становление демографической науки и ее вклад в развитие Республики Коми / В. В. Фаузер // Вклад академической науки в развитие производительных сил Республики Коми: Межрегиональная научно-практическая конференция (к 95-летию образования Республики Коми) // Вестник Коми НЦ УрО РАН. – Сыктывкар, 2016. – Вып. 31. – С. 41–50.
2. Друкер, П. Ф. Задачи менеджмента в XXI веке / пер. с англ. Учеб. пос. – Москва : Издательский дом «Вильямс», 2001. – С. 69, 72, 77.
3. Сан-Антус. Заметки о народонаселении Коми области в связи с историей Коми (к вопросу о внутриобластном расселении) // Коми му. – 1928. – № 1. – С. 9–11.
4. Фаузер, В. В. Проблемы демографического развития Российского Севера: дис. ... докт. экон. наук: 08.00.05: защищена 15.03.1996 / Фаузер Виктор Вильгельмович. – Москва, 1996. – 328 с.: Библиогр.: С. 303–319.
5. Фаузер, В. В. Социально-экономические и демографические исследования в Республике Коми в трудах В. П. Подоплелова / В. В. Фаузер // Социально-экономические, демографические и исторические исследования в Республике Коми. – Сыктывкар, 2004. – С. 9–16.
6. Подоплелов, В. П. Население Европейского Севера СССР (Смертность и продолжительность жизни по данным переписей населения 1959–1970 гг.) / В. П. Подоплелов, А. И. Таскаев, И. К. Косенко // Коми филиал Академии наук СССР. – Сыктывкар, 1974. – 450 с.
7. Подоплелов, В. П. Средняя продолжительность жизни населения Коми АССР (по данным переписи 1959 г.) / В. П. Подоплелов // Коми филиал Академии наук СССР. – Сыктывкар, 1969. – 70 с.

8. Подоплелов, В. П. Проблемы воспроизводства населения, формирования трудовых ресурсов и их рационального использования / В. П. Подоплелов // Коми филиал Академии наук СССР. – Сыктывкар, 1972. – 61 с. (Серия препринтов «Научные доклады»; вып. 3).
9. Подоплелов, В. П. Население и трудовые ресурсы как фактор развития и размещения производительных сил экономических районов (на примере Коми АССР): 08.00.04: Доклад по совокупности опубликованных работ, представленных на соискание уч. степ. д.э.н. – Москва, 1973. – 153 с.
10. Фаузер, В. В. Детность семьи и некоторые установки репродуктивного поведения / В. В. Фаузер // Социально-экономическое развитие районов Севера. – Сыктывкар, 1991. – С. 61–68 (Тр. Коми НЦ УрО АН СССР, № 119).
11. Фаузер, В. В. История развития демографических и социологических исследований в Республике Коми / В. В. Фаузер // Историческая демография. – 2019. – № 1. – С. 52–60. – DOI: 10.19110/ 2304-5922-2019-1-52-60.
12. Фаузер, В. В. Проблемы формирования населения Республики Коми / В. В. Фаузер. – Москва : Союз, 1993. – 93 с.
13. Фаузер, В. В. Динамика, структура и особенности формирования населения Республики Коми / В. В. Фаузер, В. П. Подоплелов, Г. В. Загайнова. – Сыктывкар, 1994. – 104 с.
14. Региональные проблемы воспроизводства и занятости населения / В. В. Фаузер, Г. В. Загайнова, В. П. Подоплелов и др. – Сыктывкар, 1996. – 112 с.
15. Фаузер, В. В. Сельское население северного региона: проблемы воспроизводства и занятости / В. В. Фаузер, А. А. Парначев. – Сыктывкар, 1998. – 173 с.
16. Сквозников, В. Н. Население Республики Коми: прошлое, настоящее, будущее (о чем рассказывают переписи) / В. Н. Сквозников, И. Л. Жеребцов, В. В. Фаузер, Н. П. Безносова. – Сыктывкар : Госкомстат Республики Коми, 2001. – 202 с.
17. Фаузер, В. В. Республика Коми в XX веке: демография, расселение, миграция / В. В. Фаузер, Е. Н. Рожкин, Г. В. Загайнова. – Сыктывкар, 2001. – 124 с.
18. Фаузер, В. В. Социально-трудовые отношения: демографическое измерение / В. В. Фаузер, Вл. В. Фаузер. – Saarbrücken : LAP LAMBERT Academic Publishing GmbH & Co. KG, 2011. – 200 с.
19. Попова, Л. А. Проблемы демографического старения северных регионов России / Л. А. Попова. – Saarbrücken, Deutschland : LAP LAMBERT Academic Publishing RU, 2017. – 153 с.

20. Попова, Л. А. Сущность, причины и последствия современного демографического кризиса (на примере Республики Коми) / Л. А. Попова. – Екатеринбург : УрО РАН, 2004. – 203 с.
21. Попова, Л. А. Внебрачная рождаемость: тенденции, причины, модели развития внебрачной семьи / отв. ред. д.э.н., проф. В. В. Фаузер / Л. А. Попова. – Сыктывкар, 2007. – 92 с.
22. Попова Л. А., Зорина Е. Н. Экономические и социальные аспекты старения населения в северных регионах / отв. ред. д.э.н., проф. В. В. Фаузер. – Сыктывкар : ООО «Коми республиканская типография», 2014. – 122 с.
23. Попова, Л. А. Влияние современной российской демографической политики на тенденции и перспективы рождаемости населения / Л. А. Попова, М. А. Шишкина / отв. ред. д.э.н., проф. В. В. Фаузер. – Сыктывкар : ООО «Коми республиканская типография», 2017. – 128 с.
24. Смирнов, А. В. Демография российской Арктики в цифровую эпоху / А. В. Смирнов / отв. ред. В. В. Фаузер. – Москва : Изд-во «Экон-Информ», 2023. – 239 с.
25. Фаузер, В. В. Республика Коми на рубеже веков: демография, миграция, расселение / В. В. Фаузер. – Ижевск : ООО «Принт», 2023. – 308 с. (Б-ка демографа; вып. 22).
26. Жеребцов, И. Л. Историография работ по демографии, экономике труда и социологии, выполненных на материалах Республики Коми и Севера России / И. Л. Жеребцов // Историческая демография. – 2017. – № 1. – С. 87–98.
27. Фаузер, В. В. История развития демографической науки: от теории к практике / В. В. Фаузер // Историческая демография. – 2017. – № 1. – С. 68–75.
28. Подоплелов, В. П. Население Коми АССР (Сер. препринтов «Науч. докл.» / Коми НЦ УрО АН СССР; вып. 231 / В. П. Подоплелов, В. В. Фаузер, Г. В. Загайнова. – Сыктывкар, 1990. – 20 с.
29. Фаузер, В. В. Влияние миграции на численность и состав населения Республики Коми (Сер. препринтов «Науч. докл.» / Коми НЦ УрО РАН; вып. 293 / В. В. Фаузер. – Сыктывкар, 1992. – 32 с.
30. Фаузер, В. В. Демография и трудовой потенциал развития Республики Коми (Сер. препринтов «Науч. докл.» / Коми НЦ УрО РАН; вып. 492 / В. В. Фаузер. – Сыктывкар, 2007. – 40 с.
31. Человек на Севере: демография, здоровье, экология / М. П. Рощевский, А. Н. Попов, А. И. Таскаев и др. – Сыктывкар, 2006. – 96 с.
32. Попова, Л. А. Демографическое развитие семьи в Республике Коми (Сер. препринтов «Науч. докл.» / Коми НЦ УрО РАН; вып. 403) / Л. А. Попова. – Сыктывкар, 1998. – 26 с.

33. Попова, Л. А. Младенческая смертность: история, современные тенденции, региональная специфика (Сер. препринтов «Науч. докл.» / Коми НЦ УрО РАН; вып. 511) / Л. А. Попова. – Сыктывкар, 2010. – 32 с.
34. Попова, Л. А. Особенности современного популяционного кризиса в северном полиэтническом регионе: дис. ... докт. экон. наук: 08.00.05. – Сыктывкар, 2005. – 359 с.: Библиогр.: С. 339–359.
35. Фаузер, Вл. В. Демографическая дифференциация социально-трудовых отношений: дис. ... канд. экон. наук: 08.00.05; защищена 11.11.2010 / Владимир Викторович Фаузер. – Москва : ИСПИ РАН, 2010. – 163 с.
36. Смирнов, А. В. Методический инструментарий построения долгосрочных демографических прогнозов на уровне местных сообществ: дис. ... канд. экон. наук: 08.00.05, защищена 19.09.2017. – Екатеринбург, 2017. – 205 с.
37. Лыткина, Т. С. Экономическое поведение «новых бедных» в условиях социальной трансформации: дис. ... канд. социол. наук / Т. С. Лыткина. – Москва, 2005. – 177 с.
38. Социально-экономические, демографические и исторические исследования в Республике Коми. – Сыктывкар, 2004. – 408 с.
39. Социально-экономические, демографические и исторические исследования на Севере России: материалы Всероссийской научно-практической конференции (24–25 декабря 2013 г., Сыктывкар): в 2-х ч. – Сыктывкар, 2013. – Ч. I. – 180 с.
40. Социально-экономические, демографические и исторические исследования на Севере России: Материалы Всероссийской научно-практической конференции (24–25 декабря 2013 г., Сыктывкар): в 2-х ч. – Сыктывкар, 2013. – Ч. II. – 162 с.

НАУЧНЫЙ ПУТЬ В. П. ПОДОПЛЕЛОВА ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ ТЕМАТИКИ ЕГО ПУБЛИКАЦИЙ

А. В. Смирнов, канд. экон. наук

*Институт социально-экономических и энергетических проблем Севера
ФИЦ Коми НЦ УрО РАН, г. Сыктывкар*

В. П. Подоплелов известен прежде всего как организатор науки. За 1966–1983 гг., когда он был председателем Президиума Коми филиала Академии наук СССР, число работников филиала почти удвоилось – с 542 до 1014 чел. Численность научно-технических сотрудников увеличилась еще заметнее – со 165 до 398 чел. За период его председательства защищено 188 кандидатских и 17 докторских диссертаций, а основные фонды

организации увеличились в восемь раз. Были построены здания гуманитарных наук и радиобиологический комплекс, начато строительство здания Института геологии и проектирование здания Института химии [1]. Несмотря на большую организационную работу, Владислав Павлович не прекращал заниматься собственными исследованиями. В данной статье рассмотрен научный путь В. П. Подоплелова через призму тематики его научных публикаций.

В качестве информационной базы исследования использовался наиболее полный перечень работ В. П. Подоплелова, подготовленный Г. Л. Терешонковой [2]. Он включает как научные, так и публицистические труды, всего 210 наименований. Названия 11 работ были переведены с коми языка на русский. Для определения тематического репертуара работ использовались частотный и контент-анализы, а для построения и визуализации сетей соавторов – сетевой анализ. Алгоритмы анализа и визуализации данных реализованы на языке программирования Julia с использованием пакетов CSV, DataFrames, PyCall, rumorphy2, Graphs и GraphPlot. Более подробно инструментарий и методика подготовки текстовых данных описаны в монографии о демографии Арктики [3] и статье о корпусном анализе социологических текстов [4].

Рассмотрим тематику публикаций В. П. Подоплелова по десятилетиям (таблица). В 1957 г. он защитил кандидатскую диссертацию на тему «Себестоимость продукции лесозаготовок и пути ее снижения». Поэтому неудивительно, что все публикации 1950-х гг. и значительная часть изданий 1960-х гг. были посвящены лесному хозяйству. Однако в 1960-е гг. появились и другие тематики: демография, трудовые ресурсы, наука, экономика. Докторская диссертация на тему «Население и трудовые ресурсы как фактор развития и размещения производительных сил экономических районов» была защищена в 1973 г.

В 1970-х гг. наибольшее число публикаций было посвящено развитию науки в республике. Среди наиболее интересных можно отметить статью в Вестнике Академии наук СССР «Сотрудничество трех северных филиалов Академии», подготовленную совместно с руководителями Кольского и Карельского филиалов Академии наук СССР [5]. В 1970-е гг. была наиболее ярко выражена и природоохранная тематика. Статьи по охране посвящены в основном критике идеи переброски части стока рек Печоры и Вычегды в бассейн Волги. В. П. Подоплелов инициировал совместные исследования геологов, биологов и экономистов в целях научной оценки проекта и его возможных последствий. С воспоминаниями самого Владислава Павловича об этом проекте можно ознакомиться в интервью, опубликованном уже после его смерти [6].

*Публикации В. П. Подоплелова по десятилетиям
и тематике, 1954–2000 годы*

Тематика	1954– 1959	1960– 1969	1970– 1979	1980– 1989	1990– 2000	Всего
Лесная промышленность	19	8	0	0	0	27
Демография и труд	0	14	16	17	13	60
Наука	0	7	28	13	2	50
Экономика, ТПК	0	5	10	20	8	44
Охрана природы	0	2	8	0	1	10
Прочие	0	1	13	4	1	19
Всего	19	37	75	54	25	210

В 1980-е гг. В. П. Подоплелов прилагал большие усилия к изучению перспектив экономического развития Республики Коми, прежде всего Тимано-Печорского территориально-производственного комплекса (ТПК). В. Н. Лаженцев вспоминает: «Когда возникла проблема формирования ТПК, и к ее решению были подключены демографы, то они говорили экономистам и географам следующее: вы нам покажите, что и где будет размещаться, а мы вам на этой основе рассчитаем необходимую численность трудовых ресурсов, численность населения и возможную миграцию. Но по мере углубления понимания проблемы В. П. Подоплелов все чаще обращался к “обратной” задаче: мы, демографы, покажем вам, экономистам и географам, общие тенденции народонаселения и расселения, а уж потом вы должны рассчитать приемлемые для населения и среды его обитания параметры производства, промышленных узлов и коммуникационных сетей» [7]. В последнее десятилетие жизни Владислава Павловича снова стали преобладать публикации по демографической проблематике. Они же лидируют и в общем числе публикаций за всю жизнь.

На рис. 1 представлено облако слов в названиях публикаций В. П. Подоплелова. Чем больше размер слова, тем чаще оно фигурирует в перечне работ. Самые часто встречающиеся слова: Коми (77 раз), АССР (57), север/северный, развитие (по 35), трудовой, ресурс (по 34), проблема (32), население (31), экономический (22), район, наука, формирование (по 17), воспроизводство, европейский (по 13), СССР, республика (по 11), промышленность, хозяйство, Тимано-Печорский, перспектива (по 10). Можно сделать вывод, что Республика Коми была основным объектом изучения Владислава Павловича на протяжении его карьеры, а демографическая проблематика соседствовала с экономической. Рис. 1 также демонстрирует, что огромное внимание В. П. Подоплелов в своих трудах уделял развитию науки в регионе.

Рисунок 1. Наиболее частые слова в названиях публикаций В. П. Подоплелова.

На рис. 2 изображена сеть соавторов В. П. Подоплелова. Размер вершины графа показывает, насколько много работ опубликовал каждый из авторов совместно с В. П. Подоплеловым. Чаше других соавторами Владислава Павловича были Г. В. Загайнова (24 публикации), К. И. Азизов (12), В. А. Витязева (10), В. В. Фаузер (9), Г. Т. Мамаев (8), Д. А. Коновалов (7), В. И. Акопов, В. В. Терентьев (по 6), Н. Н. Ветошкина, В. В. Беляев (по 5), В. Н. Лаженцев, В. П. Гладков, Ф. В. Шахрай, А. П. Братцев (по 4), Г. А. Князева, Г. А. Естафьев, О. И. Конакова, В. П. Василенко, Г. В. Канев, И. В. Забоева (по 3). На рисунке легко узнаются кластеры ученых, занимающихся схожей проблематикой. Например, в левой верхней части рисунка изображены в основном специалисты по лесному хозяйству, а в правой – демографы. Сеть дает представление о том, насколько разносторонним ученым был В. П. Подоплелов.

Осмыслению научных трудов В. П. Подоплелова посвящено уже довольно много работ. О демографических трудах В. П. Подоплелова и его вкладе в развитие демографической науки в Республике Коми писали Г. В. Загайнова [8] и В. В. Фаузер [9, 10]. В.В. Терентьев и О. И. Конакова [11] рассмотрели его вклад в экономику труда, а Н. М. Большаков, В. И. Чупров [12] и И. В. Харионовская [13] – в изучение проблем лесопользования. В. Н. Лаженцев посвятил статью [14] вкладу В. П. Подоплелова в исследование Тимано-Печорского территориально-производственного комплекса.

В данном обзоре более подробно рассмотрим труды В.П. Подоплелова, посвященные демографии и экономике труда. В 1964 г. вышла первая работа, связанная с этой проблематикой – статья в Трудах Коми фили-

Одно из центральных направлений исследований В. П. Подоплелова – изучение продолжительности жизни на основе таблиц смертности. В 1969 г. вышла работа, в которой опубликованы полные таблицы смертности по полу и типу поселения в Коми АССР в 1958–1959 гг. [16]. Для учета возрастных аккумуляций использовали метод скользящих парабол третьего порядка (для пятилетних интервалов) и экстраполяцию по формуле Гомперца (для последнего возрастного интервала – от 85 лет и старше). На основе таблиц смертности рассчитан ряд демографических показателей, важнейший из которых – ожидаемая продолжительность жизни

населения. Второй важной работой в этом цикле стала монография «Воспроизводство населения Коми АССР» [17], в которой расширен изучаемый временной интервал (до 1926–1959 гг.). Помимо смертности в работе рассмотрены закономерности рождаемости и естественного воспроизводства населения. В приложениях приведены краткие таблицы смертности.

Наибольшее развитие проблематика изучения смертности получила в монографии «Население европейского Севера СССР» 1974 г., подготовленной совместно с А. И. Таскаевым и И. К. Косенко [18]. В ней расширен объект исследования. Изучаются Архангельская и Мурманская области, Карельская и Коми АССР, а также европейский Север СССР в целом. В приложениях представлены таблицы смертности и ожидаемой продолжительности жизни по итогам переписей 1959 и 1970 гг. в разрезе регионов. Важное отличие от предыдущих работ в том, что расчеты выполнены с помощью малой электронной вычислительной машины «Наири-С» (рис. 3). В тексте работы представлена математическая постановка задачи построения полных таблиц смертности, а также ее практическая реализация с помощью ЭВМ «Наири-С». Рабочая программа «Перепись-1» содержит 453 строки кода, а «Перепись-2» – 327 строк. Первая предназначена для подготовки и сглаживания данных, вторая – для расчета и вывода таблиц смертности. Программа «Перепись-3» использовалась для построения кратких таблиц смертности по методу В. В. Паевского. Для ввода команд использовалась перфолента.

Совместно с Г. В. Загайновой опубликованы две работы о занятости женского населения Коми АССР [19, 20]. В них оценивается доля женщин, занятых в общественном и домашнем (личном) подсобном хозяйстве. Да-

Рисунок 3. ЭВМ «Наири-С», Коми филиал АН СССР.

Источник: Киножурнал «Наш край»

(Ленинградская студия документальных фильмов). – 1975. – № 20.

ется распределение не занятых в общественном хозяйстве женщин по числу детей и уровню образования. Выявлены ограничения существовавшей в 1960-х гг. социальной поддержки населения и системы организации труда. Миграции населения Коми АССР посвящена статья, опубликованная в 1972 г. [21]. Особое внимание В. П. Подоплелов уделял демографии отдельных территорий, имеющих высокое значение для развития ее экономики. Среди них Тимано-Печорский территориально-производственный комплекс [22] и Ижемский район [23].

В последние годы жизни В. П. Подоплелов развивал демографическую тематику совместно с В. В. Фаузером и Г.В. Загайновой [24–26]. В. В. Фаузер, вспоминая работу Подоплелова в области демографии отметил, что «много было сделано лично им, либо под его руководством, либо при непосредственном участии. К числу бесспорных заслуг необходимо отнести впервые выполненный прогноз численности населения Коми АССР, а затем и других регионов Европейского Севера» [27]. Г. В. Загайнова вспоминала, что «Владислав Павлович Подоплелов был удивительно трудолюбивый человек. Сам работал со статистикой, составлял длинные полотноща таблиц, чтобы проследить, а главное – объяснить нарушения в динамике демографических показателей» [28]. Одним из любимых направлений исследования Владислава Павловича были прогнозы.

Символично, что последняя работа В. П. Подоплелова, опубликованная при жизни, носила название «Население Республики Коми на рубеже веков: исторический опыт и перспективы развития» (соавторы: В. В. Фаузер и И. Л. Жеребцов) [29]. В ней подводится итог демографическому развитию Республики Коми в XX в. и делается прогноз на первые десятилетия XXI в. Уже после смерти В. П. Подоплелова вышел сборник «Региональная демография. Выпуск первый», содержащий 14 избранных его статей [30].

В заключение обзора демографических работ стоит отметить, что благодаря усилиям В. П. Подоплелова в Коми филиале АН СССР стало развиваться демографическое направление [31, 32], которое продолжает существовать и спустя четверть века после его ухода из жизни. Идеи, заложенные В. П. Подоплеловым, история демографических исследований и современное их состояние в Республике Коми нашли отражение в монографии В. В. Фаузера: «Республика Коми на рубеже веков: демография, миграция, расселение» [33].

Статья подготовлена в рамках НИР «Человеческие ресурсы северных регионов России: потенциал развития или ограничение экономического роста» (№ ГР 122012700169-9, 2022–2024 гг.).

Литература

1. Подоплелов, В. П. Итоги моей работы на посту председателя Президиума Коми филиала АН СССР с 1965 по 1983 г. (Выступление на заседании Президиума) / В. П. Подоплелов // Подоплелов Владислав Павлович. – Сыктывкар : Коми НЦ УрО РАН, 2003. – 116 с. – С. 80–88.
2. Терешонкова Г. Л. (сост.). Научные труды Владислава Павловича Подоплелова / Г. Л. Терешонкова // Подоплелов Владислав Павлович. – Сыктывкар : Коми НЦ УрО РАН, 2003. – 116 с. – С. 89–103.
3. Смирнов, А. В. Демография российской Арктики в цифровую эпоху / А. В. Смирнов. – Москва : Изд-во «Экон-Информ», 2023. – 239 с.
4. Смирнов, А. В. Российская социология в условиях цифровизации общества: результаты анализа корпуса научных текстов // Социологические исследования / А. В. Смирнов. – 2023. – № 4. – С. 39–50. – DOI: 10.31857/S013216250022128-3.
5. Горбунов, Г. И. Сотрудничество трех северных филиалов Академии / Г. И. Горбунов, Н. И. Пьявченко, В. П. Подоплелов // Вестник Академии наук СССР. – 1976. – № 10. – С. 24–28.
6. Подоплелов, В. П. «Проект века» или о том, как Север чуть не стал «донором» для Юга / В. П. Подоплелов // Вестник Института биологии Коми НЦ УрО РАН. – 2000. – № 7. – С. 19–21.
7. Лаженцев, В. Н. В. П. Подоплелов и Тимано-Печорский комплекс // Подоплелов Владислав Павлович / В. Н. Лаженцев. – Сыктывкар : Коми НЦ УрО РАН, 2003. – 116 с. – С. 65–72.
8. Загайнова, Г. В. В. П. Подоплелов – демограф // Подоплелов Владислав Павлович / Г. В. Загайнова. – Сыктывкар : Коми НЦ УрО РАН, 2003. – 116 с. – С. 43–47.
9. Фаузер, В. В. Социально-экономические и демографические исследования в Республике Коми в трудах В. П. Подоплелова // Социально-экономические, демографические и исторические исследования в Республике Коми / В. В. Фаузер. – Сыктывкар : ИСЭ и ЭПС Коми НЦ УрО РАН, 2004. – 408 с. – С. 9–16.
10. Фаузер, В. В. Социально-экономические и демографические исследования в Республике Коми в трудах В. П. Подоплелова / В. В. Фаузер // Социально-экономические, демографические и исторические исследования на Севере России: материалы Всероссийской научно-практической конференции (24–25 декабря 2013 г., Сыктывкар). Ч. I. – Сыктывкар : Коми НЦ УрО РАН, 2013. – 330 с. – С. 3–8.
11. Терентьев, В. В. Новое направление в региональной науке / В. В. Терентьев, О. И. Конакова // Подоплелов Владислав Павлович. – Сыктывкар : Коми НЦ УрО РАН, 2003. – 116 с. – С. 59–64.

12. Большаков, Н. М. Исследование проблем повышения эффективности лесопромышленного производства в трудах В. П. Подоплелова / Н. М. Большаков, В. И. Чупров // Социально-экономические, демографические и исторические исследования в Республике Коми. – Сыктывкар : ИСЭ и ЭПС Коми НЦ УрО РАН, 2004. – 408 с. – С. 23–27.
13. Харионовская, И. В. Проблемы развития лесопользования в трудах В. П. Подоплелова / И. В. Харионовская // Социально-экономические, демографические и исторические исследования на Севере России: материалы Всероссийской научно-практической конференции (24–25 декабря 2013 г., Сыктывкар). Ч. I. – Сыктывкар : Коми НЦ УрО РАН, 2013. – 330 с. – С. 8–12.
14. Лаженцев, В. Н. В. П. Подоплелов и ТПК / В. Н. Лаженцев // Социально-экономические, демографические и исторические исследования в Республике Коми. – Сыктывкар: ИСЭ и ЭПС Коми НЦ УрО РАН, 2004. – 408 с. – С. 17–22.
15. Подоплелов, В. П. Вопросы использования трудовых ресурсов Коми АССР / В. П. Подоплелов, З. П. Сурина // Труды Коми филиала АН СССР. – 1964. – № 13. – С. 23–30.
16. Подоплелов, В. П. Средняя продолжительность жизни населения Коми АССР (По данным переписи 1959 г.) / В. П. Подоплелов. – Сыктывкар : Коми филиал АН СССР, 1969. – 71 с.
17. Подоплелов, В. П. Воспроизводство населения в Коми АССР / В. П. Подоплелов. – Сыктывкар : Коми филиал АН СССР, 1970. – 101 с.
18. Подоплелов, В. П. Население европейского Севера СССР (смертность и средняя продолжительность жизни по данным переписей населения 1959–1970 гг.) / В. П. Подоплелов, А. И. Таскаев, И. К. Косенко. – Сыктывкар : Коми филиал АН СССР, 1974. – 452 с.
19. Подоплелов, В. П. Некоторые проблемы использования женского труда в Коми АССР / В. П. Подоплелов, Г. В. Загайнова // Труд женщин в народном хозяйстве: материалы к научному, совещанию. – Москва, 1966. – С. 26–29.
20. Подоплелов, В. П. Занятость женского трудоспособного населения Коми АССР в общественном производстве / В. П. Подоплелов, Г. В. Загайнова // Труды Коми филиала АН СССР. – 1970. – № 20. – С. 110–117.
21. Подоплелов, В. П. Роль миграции населения в территориальном размещении и формировании трудовых ресурсов Коми АССР / В. П. Подоплелов // Труды Коми филиала АН СССР. – 1972. – № 24. – С. 14–20.
22. Подоплелов, В. П. Демографическая ситуация в районе Тимано-Печорского ТПК / В. П. Подоплелов, Г. В. Загайнова // Труды Коми филиала АН СССР. – 1979. – № 43. – С. 35–47.

23. Подоплелов, В. П. Проблемы занятости села европейского Севера (на примере Ижемского района Коми АССР) / В. П. Подоплелов // Социальное развитие села: прошлое, настоящее, будущее: тезисы докладов Всесоюзной научно-практической конференции. – Новосибирск, 1990. – С. 277–279.
24. Подоплелов, В. П. Население Коми АССР / В. П. Подоплелов, В. В. Фаузер, Г. В. Загайнова. – Сыктывкар : Коми научный центр УрО АН СССР, 1990. – 20 с.
25. Фаузер, В. В. Динамика, структура и особенности формирования населения Республики Коми / В. В. Фаузер, В. П. Подоплелов, Г. В. Загайнова. – Сыктывкар : Коми научный центр УрО РАН, 1994. – 104 с.
26. Фаузер, В. В. Региональные проблемы воспроизводства и занятости населения / В. В. Фаузер, Г. В. Загайнова, В. П. Подоплелов, О. И. Конакова / отв. ред. В. Н. Лаженцев. – Сыктывкар : Коми НЦ УрО РАН, 1996. – 110 с.
27. Фаузер, В. В. Социально-экономические и демографические исследования в Республике Коми в трудах В. П. Подоплелова / В. В. Фаузер // Социально-экономические, демографические и исторические исследования в Республике Коми. – Сыктывкар: ИСЭ и ЭПС Коми НЦ УрО РАН, 2004. – 408 с. – С. 12.
28. Загайнова, Г. В. В. П. Подоплелов – демограф / Г. В. Загайнова // Подоплелов Владислав Павлович. – Сыктывкар : Коми НЦ УрО РАН, 2003. – 116 с. – С. 46.
29. Подоплелов, В. П. Население Республики Коми на рубеже веков: исторический опыт и перспективы развития / В. П. Подоплелов, В. В. Фаузер, И. Л. Жеребцов // XXI век: взаимодействие языков и культур (бесконфликтное сосуществование): материалы Республиканской научно-практической конференции. – Сыктывкар: РИРО и ПК, 1999. – С. 45–52.
30. Региональная демография. Выпуск первый: избранные статьи д.э.н. профессора В. П. Подоплелова / сост. В. В. Фаузер. – Сыктывкар : ИСЭ и ЭПС Коми НЦ УрО РАН, 2003. – 82 с.
31. Фаузер, В. В. Становление демографической науки и ее вклад в развитие Республики Коми / В. В. Фаузер // Вестник Коми научного центра УрО РАН. Вып. 31. – Сыктывкар, 2016. – С. 41–50.
32. Фаузер, В. В. История развития демографических и социологических исследований в Республике Коми / В. В. Фаузер // Историческая демография. – 2019. – № 1 (23). – С. 52–60.
33. Фаузер, В. В. Республика Коми на рубеже веков: демография, миграция, расселение / В. В. Фаузер. – Ижевск : ООО «Принт», 2023. – 308 с. (Б-ка демографа; вып. 22).

ОСОБЕННОСТИ ДЕМОГРАФИЧЕСКОГО СТАРЕНИЯ СЕВЕРНЫХ РЕГИОНОВ РОССИИ В СООТВЕТСТВИИ С НОВЫМ ЭКОНОМИЧЕСКИМ ПОРОГОМ СТАРОСТИ

Л. А. Попова, д-р экон. наук, доцент,

Е. Н. Зорина

*Институт социально-экономических и энергетических проблем Севера
ФИЦ Коми НЦ УрО РАН, г. Сыктывкар*

Демографическое старение – увеличение доли пожилых и старых людей в общей численности населения, причиной которого являются длительные изменения в характере его воспроизводства [1]. Наряду с общим ростом населения, увеличением международной миграции и урбанизацией, ООН относит старение населения к числу глобальных демографических «мегатрендов» [2], которые оказывают долговременное влияние на мировое развитие.

Для измерения степени демографического старения был разработан ряд шкал, основанных на определенных значениях границы старости. В России и странах, где значительная часть населения уходит на пенсию в 60 лет, наибольшее распространение получила шкала Ж. Боже-Гарнье – Э. Россета с порогом старости 60 лет [3]. В экономически развитых странах в качестве критерия выделения пожилого населения для статистических целей традиционно используется другая граница старости – 65 лет. В последние годы ООН все чаще использует этот порог не только для развитых стран, но и для населения всего мира.

Оба порога старости привязаны к верхней границе трудоспособного возраста. Это логично, поскольку именно численность лиц пенсионного возраста и их доля в составе населения определяют экономические аспекты постарения населения, и именно переход границы трудоспособности обуславливает формирование нового социального статуса человека со всем сложным комплексом социально-психологических последствий старения. Поэтому в наших предшествующих исследованиях по демографическому старению [4–6] мы придерживались экономического порога старости, т. е. достижения пенсионного возраста, а не традиционно используемых в российских исследованиях по постарению 60 лет для обоих полов [7–9]. Поскольку с 1932 г., когда в СССР был законодательно утвержден возраст выхода на пенсию по старости (60 лет для мужчин и 55 лет для женщин), пенсионный возраст в стране не менялся, переписи населения давали возможность корректно анализировать уровень и темпы постарения населения России и отдельных регионов на основе динамики численности и удельного веса населения старше трудоспособного возраста.

С 1 января 2019 г. в России вступил в действие закон о поэтапном повышении пенсионного возраста [10], согласно которому к 2028 г. верхняя граница трудоспособности у мужчин повысится до 65 лет, у женщин – до 60 лет. Всероссийская перепись населения, проведенная по состоянию на 1 октября 2021 г., отнесла к населению старше трудоспособного возраста мужчин от 61,5 лет и более и женщин – от 56,5 лет и более [11]. Предыдущие переписи относили к этой категории мужчин в возрасте 60 лет и старше и женщин 55 лет и старше. А предстоящая и последующие переписи отнесут к населению старше трудоспособного возраста мужчин 65 лет и старше и женщин 60 лет и старше – в соответствии с новым пенсионным возрастом. Таким образом, нарушается преемственность исследований закономерностей постарения населения страны по экономическому порогу старости в разные периоды времени – необходимо привести их к единому критерию.

Удельный вес населения старше нового экономического критерия старости (мужчины в возрасте 65 лет и старше и женщины 60 лет и старше) на протяжении последних 60 лет увеличился по России в целом более чем в 2,5 раза: с 8,0 % в 1959 г. до 20,3 % в 2021 г. (табл. 1). Доля населения указанных возрастов в составе взрослого населения (16 лет и старше) выросла за это время более чем в два раза: с 11,4 до 24,4 %.

Таблица 1

Возрастная структура населения России в соответствии с новым экономическим порогом старости, переписи населения 1959–2021 годов, %

Год	Население в возрасте 0–15 лет	Мужчины в возрасте 16–64 лет и женщины в возрасте 16–59 лет	Мужчины в возрасте 65 лет и старше и женщины в возрасте 60 лет и старше	Доля мужчин 65 лет и старше и женщин 60 лет и старше в составе населения 16 лет и старше
1959*	29,9	62,1	8,0	11,4
1970*	28,6	60,9	10,5	14,7
1979*	23,3	64,3	12,4	16,2
1989*	24,5	64,2	11,3	15,0
2002	18,1	65,6	16,2	19,8
2010	16,2	67,9	16,0	19,0
2021	16,8	62,9	20,3	24,4

*Примечание. *РСФСР.*

Источник: здесь и табл. 2–5: рассчитано авторами на основе данных Федеральной службы государственной статистики. – URL: <https://rosstat.gov.ru/> (дата обращения: 15.11.2023).

В демографическом старении традиционно различают «старение снизу», происходящее из-за постепенного сокращения числа детей вследствие снижения рождаемости, и «старение сверху», вызываемое ростом числа старых людей в результате сокращения смертности в старческих

возрастах при относительно медленном росте числа детей [12]. Существенное влияние на изменения возрастной структуры населения оказывают направление и интенсивность миграционных процессов. Поскольку наибольшей территориальной мобильностью отличаются лица в активных трудоспособных возрастах, миграционный приток населения способствует омоложению возрастной структуры, а отток – постарению населения. Темпы старения могут зависеть также от особенностей демографической истории страны, увеличиваясь в периоды достижения порога старости поколениями, родившимися в годы высоких уровней рождаемости.

Разные межпереписные периоды имеют в России свои закономерности демографического старения по новому порогу старости. В 1959–1970 гг. происходило как «старение снизу», в условиях перехода населения к малодетности, так и «старение сверху», за счет роста продолжительности жизни россиян в рамках завершения первого этапа эпидемиологической революции.

Межпереписной период 1970–1979 гг. на фоне продолжающегося снижения рождаемости характеризуется «старением снизу», сдерживаемым достижением трудоспособного возраста многочисленными поколениями послевоенного компенсационного подъема рождаемости и начавшимся миграционным приростом.

Для периода 1979–1989 гг. характерно уменьшение доли и численности населения старше нового порога старости, обусловленное повышением рождаемости под действием просемейной демографической политики, снижением смертности в трудоспособных возрастах в результате антиалкогольной кампании, а также достижением старших возрастов малочисленными поколениями 1920-х гг. рождения, понесшими значительные потери во время Великой Отечественной войны.

Межпереписной период 1989–2002 гг. отличается самыми высокими темпами постарения. В основе лежит сокращение рождаемости практически на всем протяжении периода и высокая смертность в трудоспособных возрастах – наблюдаются как бы два взаимоусиливающих «старения снизу». Содействовала постарению населения в эти годы и демографическая история, поскольку среди населения, достигающего старших возрастов, малочисленные поколения, понесшие колоссальные потери во время войны, постепенно сменялись поколениями, не принимавшими в ней участия. В то же время внешняя миграция немного сдерживала темпы постарения.

В 2002–2010 гг. произошло незначительное снижение численности и доли населения старших возрастов, на наш взгляд, обусловленное наследием кризиса смертности 1990-х гг. и активизацией оформления российского гражданства мигрантами со стажем из стран ближнего зарубежья в условиях совершенствования миграционного законодательства.

Последний межпереписной период 2010–2021 гг., по сути, единственный в России, для которого подходит определение «старения сверху». Россия постепенно переходит к модели старения, характерной для экономически развитых стран, которая в условиях восстановления позитивной тенденции ожидаемой продолжительности жизни населения (в 2022 г. показатель увеличился до 72,7 лет [11]) и предстоящего в самое ближайшее время структурного повышения рождаемости имеет шансы приобрести устойчивый характер.

Различия в демографических процессах в регионах России обуславливают значительную региональную дифференциацию уровня и темпов постарения населения. Благодаря высокой рождаемости самой молодой возрастной структурой населения, несмотря на максимальный показатель продолжительности жизни, характеризуется Республика Ингушетия. По данным переписи 2021 г. [11], лишь 6,6 % населения региона были старше нового экономического порога старости в сравнении с 20,3 % в целом по стране. Низкая рождаемость и хорошие показатели продолжительности жизни в Москве и Санкт-Петербурге обуславливают существенный уровень демографического старения столиц даже в условиях стабильного притока населения трудоспособного возраста: старше нового экономического порога старости в Москве 21,0 % населения, в Санкт-Петербурге – 21,5 %. Масштабный миграционный отток молодежи определяет самый значительный по стране уровень постарения населения Кировской области (в 2021 г. – 24,8 %). В северных регионах определяющим фактором постарения также является миграция.

В зоне Российского Севера, благодаря многолетней истории миграционного характера формирования населения, к 1989 г. сложилась заметно более молодая возрастная структура, чем в целом по России. Доли детских и трудоспособных возрастов практически во всех северных субъектах превышали среднероссийский уровень, лишь в Республике Тыва удельный вес населения в трудоспособном возрасте на фоне весьма значительной доли детей был несколько ниже среднего по РСФСР [13].

Соответственно, процент пенсионных возрастов в северных регионах был существенно меньше, чем в среднем по России. Только в Карелии и Архангельской области удельный вес населения старше нового экономического порога старости в 1989 г. был сопоставим с общероссийским уровнем: по 10,7 % в сравнении с 11,3 % в целом по РСФСР. В Чукотском и Ямало-Ненецком автономных округах доля старших возрастов была в 10 раз меньше среднероссийского уровня, в Ханты-Мансийском АО и Магаданской области – ниже в 5,5 раза, в Камчатском крае, республиках Саха (Якутия) и Тыва, Ненецком АО, Мурманской и Сахалинской областях и Республике Коми – ниже от 3,4 до 1,7 раз (табл. 2).

Таблица 2

*Доля населения старше нового экономического порога старости
(мужчины в возрасте 65 лет и старше и женщины в возрасте 60 лет и старше)
в регионах Российского Севера, переписи населения 1989–2021 годов, %*

Регионы	1989 г.*	2002 г.	2010 г.	2021 г.
Российская Федерация	11,3	16,2	16,0	20,3
Республика Карелия	10,7	15,2	15,9	23,3
Республика Коми	6,5	10,6	11,6	19,0
Архангельская область	10,7	14,5	15,1	22,0
Ненецкий АО	5,1	8,5	8,9	14,6
Мурманская область	5,4	9,8	12,0	18,0
Ханты-Мансийский АО	2,1	4,4	5,7	12,3
Ямало-Ненецкий АО	1,2	2,5	3,6	9,0
Республика Тыва	4,9	6,2	6,5	7,7
Республика Саха (Якутия)	4,0	7,0	7,8	12,5
Камчатский край	3,3	7,9	11,0	15,9
Магаданская область	2,1	7,0	9,6	15,6
Сахалинская область	6,4	10,7	12,2	19,6
Чукотский АО	1,0	3,4	4,9	9,8

*Примечание. *РСФСР.*

Начавшийся три с половиной десятилетия назад миграционный отток населения с северных территорий обусловил повышенные темпы демографического старения Севера. За период между переписями 1989 и 2021 гг. доля населения старше нового экономического порога старости в составе всего населения России увеличилась на 80 %. При этом в Чукотском автономном округе произошло почти десятикратное увеличение процента старших возрастов (с 1,0 до 9,8 %), в Ямало-Ненецком АО и Магаданской области их доля возросла в 7,5 раз, в Ханты-Мансийском округе – почти в шесть, в Камчатском крае – почти в пять, в Мурманской области, Республике Саха (Якутия) и Сахалинской области – в три с лишним раза, в Республике Коми и Ненецком АО – почти в три, в Карелии и Архангельской области – более чем в два раза. И только в Тыве, отличающейся высокой рождаемостью и очень низкой продолжительностью жизни населения, за 1989–2021 гг. произошло менее значительное увеличение удельного веса старших возрастов (на 57 %), чем по стране в целом (табл. 3).

Таблица 3

Темпы прироста доли населения старше нового экономического порога старости (мужчины в возрасте 65 лет и старше и женщины в возрасте 60 лет и старше) в регионах Российского Севера, межпереписные периоды 1989–2021 годов, %

Регионы	1989–2002 гг.	2002–2010 гг.	2010–2021 гг.	В целом за 1989–2021 гг.
Российская Федерация	43,4	-1,2	26,9	79,6
Республика Карелия	42,1	4,6	46,5	117,8
Республика Коми	63,1	9,4	63,8	192,3
Архангельская область	35,5	4,1	45,7	105,6
Ненецкий АО	66,7	4,7	64,0	186,3
Мурманская область	81,5	22,4	50,0	233,3
Ханты-Мансийский АО	109,5	29,5	115,8	485,7
Ямало-Ненецкий АО	108,3	44,0	150,0	650,0
Республика Тыва	26,5	4,8	18,5	57,1
Республика Саха (Якутия)	75,0	11,4	60,3	212,5
Камчатский край	139,4	39,2	44,5	381,8
Магаданская область	233,3	37,1	62,5	642,9
Сахалинская область	67,2	14,0	60,7	206,3
Чукотский АО	240,0	44,1	100,0	880,0

Масштабы миграционного оттока с северных территорий, большая часть которого приходится на трудоспособный возраст, увеличивались до второй половины 1990-х гг.: некоторые исследователи называют 1999 год годом второй смены динамики населения Севера, поскольку после дефолта 1998 г. из-за резкого падения обменного курса рубля значительно расширились возможности отраслей-экспортеров, и привлекательность северных регионов вновь стала возрастать [14]. А для России в целом в 1990-е гг., наоборот, были характерны максимальные объемы миграционного притока населения из ближнего зарубежья. Поэтому в межпереписном периоде 1989–2002 гг. в северных регионах наблюдалось весьма значительное превышение среднероссийского темпа прироста доли населения старше нового экономического порога старости. Исключение составили Республика Тыва с высокой рождаемостью и очень низким показателем продолжительности жизни населения, а также Архангельская область и Карелия, где, как и в Тыве, миграция играла менее значительную роль. Причем такое превышение наблюдалось в условиях значительного отставания от общероссийского уровня величины ожидаемой продолжительности жизни населения практически во всех северных территориях (кроме Ханты-Мансийского АО), а также традиционно повышенного уровня рождаемости в ряде регионов Азиатского Севера (в республиках Тыва и Саха

(Якутия), Ямало-Ненецком и Чукотском автономных округах) и Ненецком АО, что способствовало сокращению масштабов «постарения снизу».

В межпереписной период 2002–2010 гг. в целом по России произошло небольшое уменьшение доли населения старше нового экономического порога старости (на 1,2 %). Одной из причин этого, на наш взгляд, является активизация получения российского гражданства мигрантами из бывших союзных республик, на что указывает достаточно заметный рост в стране удельного веса населения рабочих возрастов (с 65,6 до 67,9 %). Для всех без исключения северных субъектов в 2002–2010 гг. характерно увеличение процента населения старше нового экономического порога старости. При этом в Якутии, Ненецком и Ямало-Ненецком автономных округах темп снижения доли детей в этот период оказался значительнее, чем в среднем по стране, что свидетельствует об активизации демографического перехода у коренных народов Севера. Практически на всем Европейском Севере и в целом ряде регионов Азиатского Севера «старение снизу», за счет рождаемости, в 1989–2010 гг. было более интенсивным, чем в среднем по России.

В 2010–2021 гг. постарение населения России наблюдается в условиях увеличения удельного веса населения моложе трудоспособного возраста, что, как отмечено, соответствует модели «старения сверху». Ускорение роста рождаемости в первые годы реализации регионального материнского капитала и повышенные ее уровни уже в период начавшегося снижения привели к тому, что удельный вес детей в целом по России увеличился на 3,7 %: с 16,2 до 16,8 % (табл. 4).

Таблица 4

Изменение доли детских возрастов в регионах Российского Севера, межпереписной период 2010–2021 годов, %

Регионы	Доля населения в возрасте 0–15 лет		Темп прироста (убыли) за 2010–2021 гг.
	2010 г.	2021 г.	
1	2	3	4
Российская Федерация	16,2	16,8	3,7
Республика Карелия	16,0	17,1	6,9
Республика Коми	17,7	18,8	6,2
Архангельская область	16,7	17,9	7,2
Ненецкий АО	22,7	22,5	-0,9
Мурманская область	16,2	18,2	12,3
Ханты-Мансийский АО	20,4	21,6	5,9
Ямало-Ненецкий АО	22,0	22,8	3,6
Республика Тыва	30,5	32,7	7,2
Республика Саха (Якутия)	23,3	24,0	3,0
Камчатский край	17,1	19,4	13,5

1	2	3	4
Магаданская область	16,8	17,0	1,2
Сахалинская область	16,7	16,2	-3,0
Чукотский АО	22,4	22,4	0,0

Для семи из 13 северных регионов характерно более существенное увеличение доли населения моложе трудоспособного возраста, сдерживающее рост уровня постарения. В то же время в ряде северных субъектов, большинство из которых относятся к регионам с традиционно повышенным уровнем рождаемости, наблюдается менее значительное увеличение процента детских возрастов (Магаданская область, Республика Саха (Якутия), Ямало-Ненецкий АО), нулевой рост (Чукотский АО) и даже сокращение (Ненецкий АО, Сахалинская область), свидетельствующие о продолжающейся активизации демографического перехода у коренных народов Севера, способствующей ускорению постарения населения указанных регионов.

В результате всех этих изменений, по данным переписи 2021 г., в двух северных субъектах, в Республике Карелии и Архангельской области, доля населения старше нового экономического порога старости уже заметно превышает среднероссийский уровень. В Сахалинской и Мурманской областях, Республике Коми – приближается к уровню по стране. При этом отраслевая система хозяйствования и дискомфортность условий проживания предъявляют на Севере особые требования к характеристикам здоровья населения, а, соответственно, и к его возрастной структуре.

Кроме того, следует учитывать, что начиная с 1993 г. на всей территории Севера, включая и местности, приравненные к Крайнему Северу, применяют льготный возраст выхода на пенсию. Для граждан, имеющих 15 лет работы в районах Крайнего Севера или 20 лет работы в районах, приравненных к Крайнему Северу, при условии наличия страхового стажа 20 лет для женщин и 25 лет для мужчин, он предусматривает возможность оформления пенсии на 5 лет раньше, чем в целом по стране [15]. При повышении пенсионного возраста северная льгота осталась.

В соответствии с этим в Республике Карелия и Архангельской области даже при окончательном переходе в России к повышенному пенсионному возрасту свыше трети взрослого населения (16 лет и старше) при наличии необходимого трудового стажа будут иметь право прекратить экономическую активность в связи с выходом на пенсию. В Республике Коми, Сахалинской и Мурманской областях право на пенсионное обеспечение по старости в соответствии с новым северным экономическим порогом старости получают около 30 % взрослого населения, в Камчатском крае, Ненецком автономном округе и Магаданской области – до 27 %.

Лишь в пяти северных регионах доля взрослого населения, получающего право на пенсионное обеспечение в соответствии с новым экономическим порогом старости, ниже, чем доля пенсионеров по старости в составе взрослого населения по России в целом (24,4 %). В Республике Саха (Якутия) и Ханты-Мансийском АО – менее 23 %, в Чукотском и Ямало-Ненецком округах и Тыве – до 18–20 населения старше 16 лет (табл. 5).

Таблица 5

Возрастная структура населения в соответствии с новым северным экономическим порогом старости (мужчины в возрасте 60 лет и старше и женщины в возрасте 55 лет и старше) по регионам Российского Севера, перепись населения 2021 года, %

Регионы	Население в возрасте 0–15 лет	Мужчины в возрасте 16–59 лет и женщины в возрасте 16–54 лет	Мужчины в возрасте 60 лет и старше и женщины в возрасте 55 лет и старше	Доля мужчин 60 лет и старше и женщин 55 лет и старше в составе взрослого населения (16 лет и старше)
Республика Карелия	17,1	52,3	30,6	36,9
Республика Коми	18,8	55,2	26,0	32,0
Архангельская область	17,9	53,1	29,0	35,3
Ненецкий АО	22,5	56,7	20,8	26,8
Мурманская область	18,2	57,5	24,3	29,7
Ханты-Мансийский АО	21,6	59,9	18,6	23,7
Ямало-Ненецкий АО	22,8	62,5	14,7	19,0
Республика Тыва	32,7	55,2	12,1	18,0
Республика Саха (Якутия)	24,0	57,8	18,2	23,9
Камчатский край	19,4	58,6	22,0	27,3
Магаданская область	17,0	60,9	22,1	26,6
Сахалинская область	16,2	57,8	26,0	31,0
Чукотский АО	22,4	61,7	15,9	20,5

Таким образом, благодаря многолетней истории миграционного характера формирования населения, к 1989 г. на Севере сложилась заметно более молодая возрастная структура, чем в целом по России. Начавшийся в конце 1980-х гг. миграционный отток обусловил повышенные темпы демографического старения Севера – несмотря на низкие показатели продолжительности жизни населения в большинстве северных территорий и высокий уровень рождаемости в ряде из них. В результате в Карелии и Архангельской области доля населения старше нового экономического порога старости в 2021 г. уже заметно превышает среднероссийский уровень.

При этом отраслевая система хозяйствования, дискомфортность условий проживания и льготный возраст выхода на пенсию предъявляют

на Севере особые требования к возрастной структуре населения. В соответствии с льготным пенсионным возрастом в Карелии и Архангельской области свыше трети взрослого населения при наличии необходимого трудового стажа будут иметь право прекратить экономическую активность, в Республике Коми, Сахалинской и Мурманской областях – около 30 % взрослого населения, в Камчатском крае, Ненецком АО и Магаданской области – до 27 %. Лишь в Якутии, Ханты-Мансийском, Чукотском, Ямало-Ненецком АО и Республике Тыва доля взрослого населения, получающего право на пенсионное обеспечение при новом экономическом пороге старости, ниже, чем доля пенсионеров по старости по России в целом.

Статья подготовлена в рамках НИР «Человеческие ресурсы северных регионов России: потенциал развития или ограничение экономического роста» (№ ГР 122012700169-9, 2022–2024 гг.).

Литература

1. Демографический энциклопедический словарь / редкол.: Д. И. Валентей (гл. ред.) и др. – Москва : Сов. энциклопедия, 1985. – 608 с
2. Report of the Secretary-General on the review and appraisal of the Programme of Action of the International Conference on Population and Development and its contribution to the follow-up and review of the 2030 Agenda for Sustainable Development (E/CN.9/2019/2) // Официальный сайт ООН. – URL: <http://www.un.org/> (дата обращения: 15.11.2023).
3. Доброхлеб, В. Г. Демографическое старение населения и становление новых социальных норм в «стареющем» обществе // Демографические перспективы России / В. Г. Доброхлеб. – Москва, 2008. – С. 185.
4. Попова, Л. А. Особенности демографического старения северных регионов России / Л. А. Попова // Регион: экономика и социология. – 2013. – № 1 (77). – С. 23–40.
5. Попова, Л. А. Экономические и социальные аспекты старения населения в северных регионах России / Л. А. Попова, Е. Н. Зорина. – Сыктывкар, 2014.
6. Попова, Л. А. Проблемы реализации активного долголетия в трудовой сфере (на примере Республики Коми) / Л. А. Попова, Е. Н. Зорина // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2020. – Т. 13, № 2. – С. 143–156. DOI: 10.15838/esc.2020.2.68.9.
7. Доброхлеб, В. Г. Демографические теории и региональный аспект старения населения / В. Г. Доброхлеб, В. Н. Барсуков // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2017. – Т. 10, № 6. – С. 89–103.

8. Сафарова, Г. Л. Демографические аспекты старения населения России / Г. Л. Сафарова // Отечественные записки. – 2005. – № 3 (24). – URL : <http://www.strana-oz.ru/2005/3/demograficheskie-aspekty-stareniya-naseleniya-rossii> (дата обращения: 15.11.2023).
9. Шабунова, А. А. Общественное развитие и демографические вызовы современности А. А. Шабунова // Проблемы развития территории. – 2014. – Вып. 2 (70). – С. 7–17.
10. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской федерации по вопросам назначения и выплаты пенсий: Федеральный закон от 03.10.2018 № 350-ФЗ. – URL : http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_308156/ (дата обращения: 15.11.2023).
11. Федеральная служба государственной статистики. – URL: <https://rosstat.gov.ru/>.
12. Демографический энциклопедический словарь. – Москва, 1985. – С. 117.
13. Попова, Л. А. Экономические и социальные аспекты старения населения в северных регионах России / Л. А. Попова, Е. Н. Зорина. – Сыктывкар, 2014. – 122 с. – С. 12.
14. Север как объект комплексных региональных исследований / отв. ред. В. Н. Лаженцев. – Сыктывкар, 2005. – С. 121.
15. О государственных гарантиях и компенсациях для лиц, работающих и проживающих в районах Крайнего Севера и приравненных к ним местностях, при назначении и перерасчете пенсий: Закон Российской Федерации от 19.02.1993 № 4520-1. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_1786/ (дата обращения: 15.11.2023).

ТРАНСФОРМАЦИЯ ЛЕСНОЙ РЕСУРСНОЙ ПЕРИФЕРИИ: ОТ ИНДУСТРИАЛИЗАЦИИ ДО УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ

*Г. А. Князева, д-р экон. наук, профессор
Сыктывкарский государственный университет им. П. Сорокина,
г. Сыктывкар*

Важным шагом для смягчения экономического давления и санкций, разнообразия экономики, укрепления национальной безопасности и обеспечения устойчивого развития страны является процесс ускорения индустриализации. В отличие от кризиса, имеющего рыночный цикл и классические методы преодоления достаточно давно изученные, санкции – это внешние ограничения, которые искусственно ложатся на экономику, длительные действия их могут стать устойчивыми, если не применять соответствующие изменения в методах управления на государственном

уровне. В этих сложнейших экономических условиях перед страной стоит задача – выработка стратегии национального развития, формирование новой экономической модели с ориентацией на новую индустриализацию, технологический суверенитет.

Курс на новую индустриализацию является важнейшим направлением экономической политики развитых и многих развивающихся стран. Россия, оставаясь в парадигме экспортно-сырьевой модели развития, практически не имеет возможностей конкурировать на равных за освоение новых технологий и новых рынков. Поэтому необходим поиск новой модели развития российской экономики, определения направлений ее структурных преобразований, «способствующих переводу технологического базиса российской промышленности на современную основу, а также наращиванию конкурентных преимуществ страны в разработке и широко-массовом освоении передовых технологий» [1].

Возрождение индустриально дифференцированной местной экономики для северных территорий является своевременным. Для понимания того, каковы будущие возможности и проблемы текущего состояния местной экономики северного региона, в статье представлен исторический контекст индустриализации Республики Коми. Исторически сложилось так, что в послевоенные годы промышленность северных регионов, основанная на природных ресурсах, испытала значительный бум. Экономическую деятельность ресурсных предприятий поддерживали рядом расположенные малые города, сельские поселения, что в свою очередь гарантировало их жителям рабочие места с более высокой оплатой труда, способствовало функционированию местной экономики. Государство инвестировало в здравоохранение, услуги и инфраструктуру для создания приемлемых условий жизни.

Значительное развитие в послевоенный период (1946–1960) получила лесная промышленность Коми АССР. Перед отраслью была поставлена задача по обеспечению лесопродукцией потребности республик и областей Европейской части СССР. По четвертому пятилетнему плану (1946–1950) объемы вывозки древесины должны были увеличиться в 1,5 раза, в следующих пятилетках (1951–1955 и 1956–1960) соответственно в два раза, или на 43 %. Был взят курс на индустриализацию отрасли, осуществлялся переход от ручного труда в развитую механизированную промышленность с постоянными квалифицированными кадрами [2].

В области лесозаготовительной промышленности государственный план четвертой пятилетки предусматривал широкое внедрение электропил и трелевочных тракторов, автомобилей, узкоколейных паровозов и мотовозов. В производство внедряли электропилы ПЭП-3 и ВАКОПП, а так-

же более совершенную ЦНАИМЭ-к5, к6 с передвижной электростанцией ПЭС-12 кВт, 200 Гц. В дальнейшем в 1950-е гг. леспромхозы стали переходить на валку и раскряжевку леса бензомоторными пилами «Дружба». В 1960-х гг. отрасль поучила более мощные тракторы ТДТ-40. В последствии на их базе созданы тракторы ТДТ-55 и ТБ-1. Широкое применение на трелевке приобрели лебедки ТЛ-3, трелевочно-погрузочные агрегаты Л-19, Л-20, ТЛ-4, ТЛ-5. В середине 1950-х гг. была создана валочно-трелевочная машина – ВТМ на базе трактора ТДТ-60.

На вывозе леса стали внедрять узкоколейные паровозы ПТ-4, дизель-электрический мотовоз ЦНИИМЭ МД-Э-4. На замену малопроизводительных газогенераторных автомобилей ГАЗ-21 пришли лесовозные автомобили ЗИЛ-151 и МАЗ-501 (сегодня это ЗИЛ-131 и МАЗ-509). Наладили серийный выпуск тракторных и автомобильных кранов, транспортеров, автопогрузчиков, челюстных лесопогрузчиков типа П-1, множество других машин и механизмов.

История технического прогресса за послевоенные годы свидетельствует о том, что механизация лесозаготовок шла высокими темпами, что, безусловно, сказалось на темпах восстановления страны.

В рассматриваемый период руководство страны уделяло серьезнейшее внимание вопросам формирования кадров для образовательных учреждений и отраслевой науки и отраслевого машиностроения. Эта работа дала положительный результат. В деле развития научно-технического прогресса в лесной отрасли важную роль стала играть отраслевая наука, которая была представлена целой сетью головных и периферийных отраслевых институтов, конструкторских и проектных бюро. В июне 1958 г. в г. Сыктывкар создан научно-исследовательский и проектный институт лесной промышленности КомигипроНИИлеспром, в 1952 г. в г. Сыктывкар открылся филиал Всесоюзной заочной Ленинградской лесотехнической академии. Активно велись исследования в области лесной промышленности и в Отделе экономики Коми филиала АН СССР. Выпускники Поволжского лесотехнического института В. П. Подоплелов и Г. Т. Мамаев по приглашению В. А. Витязевой стояли у истоков лесной науки в регионе. В контексте устойчивого развития уже в конце 1950-х гг. В. П. Подоплелов, Г. Т. Мамаев обращаются к проблеме бережного и экономного отношения к лесу. Вполне справедливы были их замечания, что «при все возрастающем лесопотреблении вопросы развития лесной промышленности не могут решаться только путем увеличения объемов лесозаготовок» [3]. К главным недостаткам развития лесной промышленности республики они в своих научных работах относили некомплексное, малоэффективное использование древесины. Из-за недостаточного развития деревообрабатывающей и полного отсутствия перерабатывающих отраслей республика

ежегодно теряла в виде отходов лесозаготовок 3,0–3,5 млн куб. м, в виде отходов переработки 1,2–1,5 млн куб. м, во время сплава ежегодно тонуло 250–300 тыс. куб. м древесины (всего 4,5–5,3 млн куб. м) [4].

Эпоха трелевочных тракторов и лесовозных автомобилей стала заканчиваться в 1990-е гг., после развала Союза ССР. Одновременно меняется структура всей лесной отрасли. Вывозка хлыстов и деревьев с кроной стала сокращаться и потребность в лесовозах с прицепами-ропусками тоже снижается. В лесу стали применять лесозаготовительные комплексы на базе харвестеров и форвардеров, и многие крупные лесопромышленные предприятия перешли на вывозку сортиментов.

Сортиментный способ чаще используется в тех регионах, где хозяйства имеют возможность приобретать спецтехнику и готовить высококвалифицированных специалистов для работы на ней. В Северо-Западном федеральном округе скандинавским (сортиментным) способом заготавливается до 90 % леса. Кубометр древесины при использовании этой техники обходится на 25 % дешевле, чем при заготовках по традиционной хлыстовой технологии [5].

Резкий спад объемов производства и изменение форм собственности привели к дроблению крупных лесозаготовительных предприятий и возникновению множества мелких, для которых стало экономически нецелесообразно использование капитального нижнего склада, рассчитанного на большие грузообороты.

Трансформация, которая произошла в экономической и политической сферах после 1990-х гг., изменила базовые условия для северных территорий. Несмотря на значительные инвестиции, связанные с обеспечением доступа к ресурсам, построение экономики Севера было в основном направлено на эксплуатацию сырьевых ресурсов и содействие добыче и экспорту товаров.

Последствием рыночных реформ 1990-х гг. стали кардинальные изменения в системе хозяйствования северных территорий России, разрушение институтов, обеспечивающих приемлемые условия проживания населения. Советская местная промышленность практически перестала существовать. Это, в свою очередь, привело к деградации экономической и социальной сфер, и, как следствие, к массовому миграционному оттоку населения.

Переход к рыночным отношениям в Республике Коми обусловил целый ряд негативных тенденций в экономике лесопромышленного комплекса. В первую очередь, это касается снижения объемов производства всех видов лесоматериалов. Так, в республике объем вывозки древесины в 1995 г. по отношению к 1988 г. составил 29,6 % [6].

После перехода к рыночной экономике лесной сектор экономики России долгое время находился в стагнации. Инструменты отраслевого

подхода стимулирования развития лесного сектора достаточно сложно подобрать ввиду многопрофильной структуры отрасли, переход лесного сектора экономики России на инновационный сценарий развития на базе передовых технологий, новейших поколений техники, знаний невозможен без системной государственной поддержки [7]. Механизм приоритетных инвестиционных проектов в области освоения лесов был утвержден в России в 2007 г. За все время в Перечень приоритетных лесных инвестпроектов вошло 164 проекта в 33 регионах России. Из них успешно реализованы 112, оставшиеся 52 – в активной стадии работы. С учетом завершенных проектов общий объем инвестиций в лесную отрасль превысил 700 млрд руб. [8].

В Республике Коми через механизм приоритетных инвестиционных проектов в области освоения лесов в настоящий момент формируются новые «ядра» лесопромышленной деятельности в «лесных» муниципальных районах с развитой лесозаготовкой. Первые крупные лесоперерабатывающие производства построены в Прилузском (ООО «Лузалес»), Троицко-Печорском (ООО «ПечораЭнергоРесурс»), Усть-Вымском (ООО «Лесозавод № 1»), Усть-Куломском (ООО «КомиинвестПром»), Сысольском (ООО «Пром-инвест») районах. Помимо традиционных пиломатериалов они выпускают клееные изделия, элементы деревянного домостроения, продукцию лесохимии, топливные брикеты и пеллеты.

Принятый Правительством РФ механизм инвестиционных проектов в области освоения лесов создал стимул для развития лесоперерабатывающих предприятий. В то же время, как отмечают исследователи, «несовершенство российского лесного законодательства, сложность сформировавшейся за многие годы системы взаимоотношений в лесном хозяйстве, разрозненность интересов бизнеса и власти, отсутствие единого методического подхода к обеспечению на льготной основе доступа инвесторов к лесным ресурсам, учитывающего региональный аспект и достижение целей лесной политики Российской Федерации, и другие системные проблемы снижают эффективность инструмента государственной поддержки лесного бизнеса» [9]. Отмечается, что включение инвестиционного проекта в перечень приоритетных инвестиционных проектов в области освоения лесов носит субъективный характер, такой подход не учитывает стратегических задач территориального размещения производственных мощностей и региональных балансов сырья.

Следует также отметить, что лесопромышленники региона активно используют возможности Регионального Фонда развития промышленности Республики Коми (РФРП РК). В 2023 г. почти 30 проектов лесной промышленности реализуются за счет предоставленных льготных займов. По программам РФРП РК предприятия лесной промышленности закупают

деревообрабатывающие станки и камеры для сушки древесины, оборудование для производства пеллет и брикетов, переработки древесных отходов [10].

Историческая траектория развития и изменений в лесной отрасли Республики Коми, начало которой описывает активную индустриализацию в послевоенный период, затем раскрывает перемены 1990-х перестроечных годов и оценку современных инвестиционных инструментов, показала, что технологические инновации и рыночные институциональные не привели к необходимым социальным переменам в модели освоения территорий. В результате периферийные местные сообщества не адаптировались к новым рыночным условиям. В отличие от экологического и технологического смысла, социальная устойчивость в зависимых от природных ресурсов экономики встречается со сложным процессом адаптации и настройки, который происходит в эмпирически реальных сельских условиях, когда социальные, демографические, культурные и экономические системы находятся под угрозой. Восстановление «социальной устойчивости» в этих условиях возможно при переходе к новому набору функциональных схем, которые стремятся поддержать экономическое и социальное благополучие, таких, как «адаптивная способность», «самоорганизация», социальный капитал» [11].

В северных странах Европы, Америке, Австралии реализуются модели развития сырьевых регионов за счет включения понятия устойчивости и перехода всего сообщества к обновлению, которое подразумевает экономическое развитие, опирающееся на прочную основу развития сообщества. В этом смысле обновление должно включать в себя услуги по поддержке экономики и бизнеса, а также услуги по обучению, поддержке инноваций и расширение доступа к консультациям по капиталовложениям и развитию бизнеса, особенно для малых и новых предприятий [12].

На основе зарубежных публикаций, как теоретического, так и практического описания подходов к стратегическому планированию развития сельских северных территорий, Сыктывкарским государственным университетом им. П. Сорокина при участии Коми республиканской академии государственной службы и управления при Главе Республики Коми проведено научное исследование на тему «Местные сообщества как ресурс устойчивого развития сельских территорий Республики Коми». Исследование основано на системном подходе к проблемам, определяемым целью работы, с использованием методов исторического анализа, сравнения, современных концепций устойчивого управления, зарубежного и отечественного опыта трансформации северной периферии.

Цель проекта заключается в том, чтобы совместно с местными сообществами сельских поселений организовать процесс обсуждения видения

перспектив их развития. В нашем исследовании мы исходили из того, что существует необходимость переориентации стратегии северной периферии на использование местных и региональных активов на основе оценки местного потенциала, инфраструктуры и возможностей. Были определены следующие элементы стратегического подхода к локальному процессу развития. Первый предполагает выявление базовых составляющих сообщества и его целей. Второй включает в себя разработку списка вариантов и возможностей, а также создание бизнес-кейсов для этих вариантов и возможностей, третий содержит стратегию внедрения, которая сосредоточена на развитии партнерств, долгосрочных обязательств, долгосрочного финансирования, гибкости и прозрачности применения. В настоящее время экономическое развитие происходит только с учетом среднего элемента.

В результате обсуждения с местным сообществом проблем и видения перспектив развития сельских поселений участниками исследования разработаны 22 проекта. Основные направления деятельности проектов: лесное и сельское хозяйство, ремесленничество, оказание услуг, производство пищевых продуктов и создание гостевых домов. Новые бизнес-проекты по масштабам ограничены небольшим размером локальных рынков сельских поселений и районов.

Общественные обсуждения в Усть-Куломском и Прилузском районах выявили проблему, которая относится к взаимодействию между частным лесным бизнесом и государством, сохранявшим монополию своей собственности на земли лесного фонда. Проблема – ограниченность малого лесного бизнеса к доступу лесного фонда. К сожалению, в лесном секторе не удалось создать конкурентную рыночную среду в сфере использования лесов из-за монопольного давления крупных лесопромышленных компаний на лесные рынки особенно в многолесных районах, оно усилилось при передаче больших площадей лесного фонда в аренду для выполнения приоритетных инвестиционных проектов. При обсуждении вышеуказанных проблем возникло предложение по разработке ряда стратегических рекомендаций. Основой устойчивого развития этих территорий должна стать кластерная форма организации экономики. Данная рекомендация обосновывается тем, что кластерная форма объединения прежде всего нацелена на координацию деятельности ее участников через добровольное принятие на себя обязательств по устойчивому лесопользованию, применению технологии, используемой для выпуска конкурентоспособной продукции и услуг с высокой добавленной стоимостью.

По опубликованным источникам, в локальной экономике наиболее эффективной и инновационной стратегией является содействие развитию локальных кластеров [13]. Локальные лесные кластеры представляют из себя лесоперерабатывающие центры, ядром которых являются перера-

батывающие, лесозаготовительные и лесохозяйственные организации, объединенные лесоресурсной базой и взаимосвязанными транспортной, вспомогательной, обслуживающей инфраструктурами, включая снабжение и сбыт, сервис и НИОКР. Основное условие и принципы создания локальных лесных кластеров – «это понимание и реализация на практике уже в настоящее время перехода от идеи комплексного использования древесины к многоцелевому использованию лесных ресурсов» [14]. Для чего необходимо углублять переработку недревесных ресурсов леса (пищевых, лекарственных) и привлекать местные сообщества к более активному участию в данном процессе. В советский период такой подход был реализован в деятельности комплексных лесных предприятий, юридически объединявших в себе все три вида деятельности: лесозаготовки, деревообработку и лесное хозяйство. Наиболее широко известна по литературе практика лесокOMBинатов, работавших в западных областях УССР, и ряда комплексных леспроМхозов в Европейской части РСФСР [15].

Предложенный подход к устойчивости лесной периферии заключается в переходе от монополии одного крупного производства ресурсов к диверсифицированной экономической системе, которая основывается на сохранении сильных ресурсных секторов, но добавляет диверсификацию в этих и других секторах. Стратегия развития должна включать развитие снизу-вверх и местное участие в процессах принятия решений, которые влияют на местную жизнь. Экономическая перестройка должна сопровождаться мерами, направленными на смягчение негативных социальных последствий и адаптацию общинной и экономической инфраструктур лесных районов.

Литература

1. Ленчук, Е. Б. Технологическая модернизация как основа антисанкционной политики / Е. Б. Ленчук // Проблемы прогнозирования. – 2023. – № 4 (199). – С. 54. – DOI: 10.47711/0868-6351-199-54-66.
2. Бондаренко, О. Е. Лесной комплекс Республики Коми в XX веке / О. Е. Бондаренко, Г. А. Князева, А. Н. Турубанов. – Сыктывкар, 2004. – 183 с.
3. Подоплелов, В. П. Пути снижения себестоимости лесозаготовительной продукции / В. П. Подоплелов. – Сыктывкар, 1957. – 52 с.
4. Мамаев, Г. Т. Промышленное освоение лесов бассейна Вычегды (на примере Коми АССР) / Г. Т. Мамаев. – Сыктывкар, 1957. – 76 с.
5. Сортиментный способ заготовки леса. – URL : <https://news.myseldon.com/ru/news/index/210694781> (дата обращения: 18.12.2023).

6. Князева, Г. А. Лесной комплекс Республики Коми: проблемы перестройки и формирования новой модели / Г. А. Князева. – Москва : МГУЛ, 1996. – С. 11.
7. Кожемяко, Н. П. Влияние механизма приоритетных инвестиционных проектов в области освоения лесов на развитие лесного сектора Российской Федерации / Н. П. Кожемяко, Н. И. Кожухов, М. А. Батракова // Лесной экономический журнал. – 2013. – № 1. – С. 27–33.
8. Приоритетный инвестпроект освоения лесов: от идеи до реализации. – URL : <https://dzen.ru/a/YrqrWLaOz1LtDu0S> (дата обращения: 18.12.2023).
9. Кузнецов, С. Г. Механизм приоритетных инвестиционных проектов в области освоения лесных ресурсов / С. Г. Кузнецов, С. А. Коньшаклова, И. П. Давыдов // Известия Уральского государственного экономического университета. – 2018. – Т. 19, № 2. – С. 101–110. – DOI: 10.29141/2073-1019-2018-19-2-8.
10. Лесная промышленность стала лидером по количеству полученных от РФРП РК займов. – URL : <https://рфрпрк.рф/news/202> (дата обращения: 18.12.2023).
11. Martin R., Sunley P. Path dependence and regional economic evolution // Journal of Economic Geography. – 2006. – No 6. – P. 395–437.
12. Transformation of Resource Towns and Peripheries Political economy perspectives Edited by Greg Halseth, Book series «Region and Cities», 2017. – 390 p.
13. Портер, Е. Майкл. Конкурентная стратегия: Методика анализа отраслей и конкурентов / Майкл Е. Портер; пер. с англ. – Москва : Альпина Бизнес Букс, 2005. – 454 с
14. Резанов, К. В. Локальная кластерная модель лесного комплекса: центры многоцелевого лесопользования и зонтичная структура как ее доминанты / К. В. Резанов // Российское предпринимательство. – 2016. – Т. 17, № 4. – С. 451–472.
15. Грунянский, И. И. Экономика комплексных лесных предприятий / И. И. Грунянский, Ю. В. Тупыця. – Москва : Лесная промышленность, 1972. – 168 с.

СЕКЦИОННЫЕ ДОКЛАДЫ

ПРОБЛЕМЫ, ОСОБЕННОСТИ И НАПРАВЛЕНИЯ ЦИФРОВИЗАЦИИ СОЦИАЛЬНОЙ СФЕРЫ РЕСПУБЛИКИ УЗБЕКИСТАН

Н. Р. Асадуллина, канд. экон. наук, доцент

Ташкентский государственный аграрный университет, г. Ташкент

К. В. Павлов, д-р экон. наук, профессор

*Полоцкий государственный университет имени Евфросинии Полоцкой,
г. Новополоцк*

Введение. В настоящее время важным условием динамичного развития страны является ускоренное внедрение информационных технологий в отраслях экономики и в социальной сфере с широким применением последних достижений цифровых технологий. Определенную роль в развитии процессов цифровизации общества во многих странах мира сыграла новая коронавирусная инфекция. Карантин буквально заставил страны обратиться к цифровизации, ставшей ключевым фактором ускоренного развития национальных экономик и роста качества жизни населения. Режим самоизоляции послужил определенным катализатором для развития цифровых технологий, так как они являются наиболее эффективным инструментом, способным обеспечить работоспособность всех сфер экономики и общественно-социальной жизни, не требующих больших затрат и, что особенно важно, при существенном увеличении использования дистанционной формы работы.

В Республике Узбекистан режим самоизоляции также, как и в других государствах, заставил пересмотреть подходы к работе государственных органов, бизнес-структур и социальной сферы. Именно пандемия коронавируса наглядно доказала важность мер по дальнейшему широкому внедрению цифровых технологий в сферы государственного управления, государственных услуг, торговли, здравоохранения, образования и др. Благодаря этому были обеспечены непрерывность и бесперебойность работы всех ветвей власти, отраслей экономики и сфер общественной жизни в целом.

Ведущие страны мира и их объединения, такие как G20, Европейский союз и пр. приняли стратегические документы, связанные с цифровизацией общества. Евразийский экономический союз также обсудил и принял цифровую повестку до 2025 г. Наличие общего рынка на постсоветском пространстве требует от стран-участников выработки совместных подходов и мер в вопросах цифровизации, в частности, объединение

усилий способствует появлению синергетического эффекта и скажется на эффективном развитии центрально-азиатского региона в целом и каждой страны, в него входящей, в отдельности. Так, например, среди центрально-азиатских стран Казахстан достаточно резко включился в цифровую гонку и является одним из лидеров цифровой трансформации стран СНГ.

Основная часть. Особенно значимых успехов Республике Казахстан удалось достичь в направлении электронного государственного управления, где, по данным ООН, Казахстан занимает 1-е место среди стран СНГ. Уже несколько лет подряд ежегодный прирост сферы информационных технологий в Республике Армении составляет около 25 %. Здесь определены и успешно реализуются шесть ключевых направлений цифрового развития: цифровое правительство, кибербезопасность, частный сектор, институциональная основа, цифровые навыки и инфраструктура [1].

В Республике Узбекистан в данной сфере также удалось достичь немалых успехов и, прежде всего, здесь формируется законодательная база, которая регулирует сферу цифровой экономики. Важным подспорьем стали Указ Президента страны Ш. Мирзиёева «О дополнительных мерах по внедрению цифровой экономики, электронного правительства, а также информационных систем в государственном управлении Республики Узбекистан» от 13 декабря 2018 г. и Постановление Президента страны «О мерах по широкому внедрению цифровой экономики и электронного правительства» от 28 апреля 2020 г., которые явились одними из главных программных документов, определяющих вектор развития ИКТ- сферы на ближайшую перспективу [2].

Немало было сделано в плане укрепления инфраструктуры и материальной базы ИКТ для более широкого пользования в стране. Для расширения широкополосных сетей в интернете около 340 тыс. абонентов уже получили доступ к телекоммуникационному оборудованию, установлены 281 тыс. портовых устройств.

В настоящее время по всей стране установлено и введено в эксплуатацию 1148 новых базовых станций. Модернизация базовых станций, расположенных в 1483 учреждениях страны, дала дополнительную возможность предоставлять и расширять услуги широкополосного интернета. В рамках проектов развития телекоммуникационной сети в 2020 г. к запланированным объектам было проложено 6,5 тыс. км оптико-волоконных линий связи – в итоге в Узбекистане в ближайшее время планируется создать не менее 800 тыс. интернет-портов широкополосной связи и проложить дополнительно 12 тыс. км оптико-волоконных линий связи [3].

В течение ближайших нескольких лет в регионах планируют установить приблизительно 4,4 тыс. новых базовых станций мобильной свя-

зи, причем основное внимание будет уделяться отдаленным населенным пунктам. Охват населения республики широкополосным мобильным интернетом будет доведен до 85 %. Таким образом, важнейшая задача по ликвидации цифрового неравенства между городом и сельским районом получит свое дальнейшее воплощение [4].

Как известно, понятие «цифровая экономика» включает в себя не только сугубо экономические вопросы, но и создает мультипликативный эффект (например, способствует созданию новых рабочих мест) в разных отраслях и других сферах жизнедеятельности граждан. Скорость принятия решений по тем или иным актуальным вопросам напрямую влияет на социально-экономические отношения в обществе и развитие социума как такового. Так, цифровизация учебных процессов в образовании не только снизит нагрузку на преподавателей, уменьшит расходы и затраты, выделяемые на образование, но, самое главное, повысит прозрачность в этой сфере. В числе первоначальных задач – внедрение электронных журналов и дневников в школах, а также перевод организационно-экономической деятельности дошкольных образовательных организаций в электронный формат.

В числе первоочередных задач в области развития всей сферы инфокоммуникаций в Узбекистане – обеспечение высокоскоростным подключением к интернету объектов социальной сферы, особенно учреждений здравоохранения и образования. Так, к настоящему времени около 60 % всех социальных объектов (11 875 ед.), в том числе 5760 общеобразовательных школ, 3782 дошкольные образовательные организации, а также 2333 объекта здравоохранения обеспечены высокоскоростным интернетом на основе оптоволоконных технологий. В 2023 г. более 90 % всех объектов социальной сферы должны быть обеспечены высокоскоростным интернетом, в том числе даже в самых отдаленных населенных пунктах создадут условия для доступа к современным телекоммуникационным услугам [3].

Не менее важным условием обеспечения достойного уровня жизни населения является развитие жилищно-коммунальной сферы. В этом плане создание информационно-платежной системы «Менинг уйим» направлено на решение наболевших вопросов в этой отрасли: повышение прозрачности финансовых операций этой сферы и платежной дисциплины среди населения, рациональное использование имеющихся ресурсов.

Использование современных цифровых технологий дает немало удобств и экономит время в решении вопросов при обращении граждан в различные государственные структуры. Через созданную виртуальную приемную Президента Узбекистана только за один год прошло более 1,6 млн обращений граждан, из которых 80 % было направлено посредством колл-центров и интернета. Осуществление налоговой отчетности

и таможенное оформление документов полностью переведено в электронную, интерактивную форму, а созданные электронные системы регистрации субъектов предпринимательства через интернет позволили сократить время открытия бизнеса до 30 мин.

Одним из действенных инструментов придания импульса развитию и поддержки ИТ-бизнеса, интернет-предпринимательства во всем мире является создание на определенных территориях, а иногда и экстерриториально, технопарков, хабов или определенных кластеров, где имеются регуляторные, налоговые, социальные и иные стимулы для развития инновационных и в первую очередь цифровых проектов [5]. В Казахстане создан ИТ-хаб на базе ЭКСПО, в России – «Сколково». В Великобритании также накоплен немалый опыт работы властей в этой сфере деятельности, где за последние годы потрачено более 2 млрд фунтов стерлингов на цифровые технологии. В связи с вышеизложенным, важным шагом на пути к цифровизации экономики является создание в Узбекистане технологического парка программных продуктов и информационных технологий (ИТ-Park). ИТ-Park – это технопарк, который успешно перевел все проекты в онлайн-формат и где активные и одарённые люди в сфере ИКТ получают реальный шанс для трансформации своих идей в бизнес-проекты – с учетом предоставляемой в этих технопарках бухгалтерской, юридической, маркетинговой и образовательной поддержки и помощи. Недавно они были открыты в Андижане и Маргилане, а в период с 2020 по 2024 г. во всех регионах Узбекистана планируется открытие такого рода технопарков, в первую очередь в Нукусе, Бухаре, Намангане, Самарканде, Гулистане и Ургенче, а также при школе имени Мухаммада ал-Хоразми в Ташкенте.

В заключение следует отметить, что цифровизация, являющаяся основой цифровой экономики, в последние десятилетия стала одним из определяющих трендов, направлений развития общественной системы во всем мире. Происходит не только углубление этого процесса, но и дальнейшее его расширение – цифровизация проникает и охватывает все большее число отраслей и видов производств: образование, науку, сферу услуг, отрасли материального производства. Несмотря на отраслевые особенности, во всех случаях происходит представление информации в цифровой форме, что способствует созданию специфического продукта (услуги), причем в большинстве случаев такое преобразование информации в цифровой формат приводит к появлению новых возможностей, улучшению и совершенствованию разных сторон человеческой жизни и во многих случаях способствует снижению затрат и издержек [6]. Большие надежды также связаны с реализацией совместных программ в рамках СНГ и, особенно в обозримом будущем, в экономических объединениях, таких, как Евразийский экономический союз и БРИКС. В условиях формирования

новых мировых центров именно данные организации могут стать полюсами, точками роста благосостояния населения, подъема национальной экономики и устойчивости государственных структур.

При этом выделяют понимаемую по-разному цифровизацию – в узком и широком смыслах. В первом случае имеют ввиду преобразование информации в цифровую форму, во втором случае рассматривается тенденция, тренд функционирования и развития экономики и социума в мире в целом, включая большинство стран [4]. Правда, широкий смысл понимания цифровизации предполагает обязательное выполнение ряда требований: охват цифровой трансформацией не только бизнеса и производства, но и повседневной жизни и значительной части населения страны. Результаты данного варианта трансформации широко используются рядовыми гражданами, а не только специалистами – именно в этом случае значительная часть рядовых граждан социума владеет навыками работы с цифровой информацией, и поэтому цифровизацию действительно можно рассматривать как общечеловеческий тренд. В итоге в ряде государств постсоветского пространства на правительственном уровне обычно используют такое определение: цифровая экономика – это разновидность хозяйственной деятельности, в которой важнейшим фактором экономической системы являются статистические данные, которые представлены в цифровом виде, причем использование, анализ и обработка больших объемов представленных данных, по сравнению с обычными (т.е. традиционными) формами и методами хозяйствования, позволяют существенно сократить себестоимость, повысить конкурентоспособность изготавливаемой продукции и тем самым значительно увеличить эффективность производственной деятельности.

Таким образом, цифровая экономика – это не отдельная отрасль, которая может развиваться сама по себе. Она способствует созданию качественно новых инновационных моделей бизнеса, торговли, логистики, производства, изменяет формат всех видов образования, здравоохранения и других социальных сфер, рынка труда, государственного управления, коммуникации между людьми, а также задает новые тренды развития государства, разных сфер и отраслей экономики и всего общества. При этом базой, основой для цифровой экономики, которая в значительной степени является виртуальной, становится индустриальное развитие страны. Теперь стало возможным совершать все необходимые бизнес-операции и вести документооборот дистанционно с высокой долей эффективности. В этой связи, в Стратегии инновационного развития Республики Узбекистан определена главная цель – вхождение страны к 2030 г. в состав пятидесяти передовых стран мира по рейтингу Глобального инновационного индекса [7].

Заключение. Цифровизация экономики страны и ее социальной сферы приведет к росту производительности труда и конкурентоспособности продукции, причем по оценкам величина роста будет не меньшей, чем в случае создания технологических инноваций как таковых. Существенно это скажется и на качестве жизни населения страны. Это значит, что и у развивающихся стран, в том числе и у Узбекистана, появится возможность для рывка в росте производительности труда, если они будут ориентироваться на широкую информатизацию и цифровизацию общества, эффективное внедрение в бизнес-процессы уже существующих в мире ИКТ, а не только стремиться к созданию собственных прорывных технологий на отдельных направлениях развития социума. Важнейшим действенным инструментом поддержки и развития IT-бизнеса является создание на определенных территориях различного рода технопарков, в которых используются разнообразные механизмы и стимулы (налоговые, кредитные, регуляторные и пр.) для развития инновационных и, в первую очередь, цифровых проектов. В Республике Узбекистан в обозримой перспективе в разных регионах страны, в том числе и весьма удаленных, планируется создание такого рода технопарков.

Литература

1. Савина, Т. Н. Цифровая экономика как новая парадигма развития: вызовы, возможности и перспективы / Т. Н. Савина // Финансы и кредит. – 2018. – № 3 (771). – С. 15–21.
2. Ходиев, Б. Ю. Узбекистан: построение «цифровой экономики» / Б. Ю. Ходиев // Российский внешнеэкономический вестник. – 2017. – № 12. – С. 5–12.
3. Боровикова, А. Цифровизация – драйвер национального экономического развития / А. Боровикова // Правда Востока. – 2020. – 16 июня. – С. 2–4.
4. Халин, Г. В. Цифровизация и ее влияние на российскую экономику и общество: преимущества, вызовы, угрозы и риски / Г. В. Халин, В. Г. Чернова // Власть и экономика. – 2018. – № 10. – С. 45–64.
5. Паньшин, Б. Цифровая экономика: особенности и тенденции развития / Б. Паньшин // Наука и инновации. – 2016. – Т. 3, № 157. – С. 8–14.
6. Павлов, К. В. О цифровизации экономики на постсоветском пространстве / К. В. Павлов, О. В. Носкова, Н. Р. Асадуллина // Общество и экономика. – Москва : РАН. – 2020. – № 11. – С. 76–84.
7. Указ Президента РУз «Об утверждении стратегии инновационного развития Республики Узбекистан на 2019–2021 гг.» / Народное слово. – 2018. – 22 сентября. – С. 1, 2.

ВОЗМОЖНОСТИ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ РЕГИОНОВ КАЗАХСТАНА И ИХ САМОДОСТАТОЧНОСТЬ

Н. Ж. Бримбетова, канд. экон. наук, доцент,

З. К. Чуланова, канд. экон. наук, доцент

Институт экономики КН МНВО Республики Казахстан, г. Алматы

Организация национального хозяйства на территории регионов и проведение соответствующей экономической политики является содержательной основой национальных экономических интересов. Самодостаточность регионов – это явление высшего пилотажа, когда достижение устойчивого развития регионов характеризуется технологической оснащенностью предприятий отраслей и достаточным уровнем подготовленности кадров, что приводит к стабильному повышению производительности труда и высокой оплате труда.

Самодостаточность регионов, обеспечивающая саморазвитие территорий разных рангов, укрепляет в целом национальные интересы страны. В этой связи правомерно представить некоторые контуры и подходы к регулированию развития регионов.

Цель исследования – на основе диагностики проявления кризиса по ряду показателей выявить возможности регионов по обеспечению их устойчивости. Достижение такой цели основано на анализе тенденций развития страны за последние 7 лет, что позволило выявить региональную дифференциацию по отраслям, увеличение проблемных территорий и ослабление внутриреспубликанских экономических связей.

Различный стартовый уровень социально-экономического развития регионов Казахстана обусловил неодинаковость поведения их в условиях кризиса. Анализ тенденций развития страны за последние 5–7 лет позволяет выявить и констатировать наличие следующих ситуаций:

- региональная дифференциация по отраслевой структуре экономики;
- существенные различия между регионами-лидерами и регионами-аутсайдерами и, как следствие, увеличение количества проблемных территорий;
- разрыв хозяйственных связей и ослабление экономических связей внутри республики.

Раскрывая вкратце вышеназванные ситуации, можно сказать, что в условиях действия механизма конкуренции регионы стали различаться по их конкурентным преимуществам и недостаткам. Это повлияло на неодинаковость процесса адаптации к рынку регионов с разной структурой экономики и на региональную дифференциацию в уровнях социально-экономического развития.

Негативной тенденцией территориального развития страны в условиях кризиса явилось появление проблемных территорий, характеризующихся устойчивым и глубоким спадом экономической активности и снижением уровня жизни населения. Положение ряда депрессивных регионов может улучшиться за счет расширения внутреннего спроса, осуществления диверсификации, стимулирования развития малого бизнеса, улучшения инвестиционного климата, поиска новых рынков сбыта и т.д.

Далее следует отметить, что в результате ослабления экономических связей между областями, городами межрегиональные отношения вытеснены внешнеэкономическими. Региональная замкнутость не выгодна как территории, так и стране в целом, так как сужается рынок сбыта продукции, что отражается в конечном итоге на эффективности регионального развития (табл. 1).

Таблица 1

Рейтинг регионов Казахстана по основным показателям валового регионального продукта в 2022 году [1, 2]

Регионы	Основные показатели ВРП			Рейтинг регионов по показателю ВРП на душу населения, рейтинговое место
	Объем ВРП, млрд тенге	Удельный вес регионов в ВРП, %	ВРП на душу населения, тыс. тенге	
Республика Казахстан	103465,5	100	5 284,7	–
Абайская	2383,8	2,3	3 901,1	14
Акмолинская	3484,6	3,4	4 428,5	12
Актюбинская	4416,9	4,3	4 788,2	11
Алматинская	4267,7	4,1	2 860,0	16
Атырауская	13725,4	3,2	19 974,1	1
Западно-Казахстанская	4435,1	4,3	6 467,8	5
Жамбылская	2685,5	2,6	2 212,2	18
Жетисуysкая	1426,9	1,4	2 042,1	19
Карагандинская	7278,1	7,0	6 412,9	6
Костанайская	4182,1	4,0	5 014,7	10
Кызылординская	2417,4	2,3	2 917,9	15
Мангистауская	4401,2	4,2	5 817,8	7
Павлодарская	4296,9	4,1	5 685,8	8
Северо-Казахстанская	2198,9	2,0	4 097,7	13
Туркестанская	3517,3	3,4	1 671,8	20
Улытауская	1609,7	1,6	7 278,4	4
Восточно-Казахстанская	3916,8	3,8	5 353,8	9
г. Астана	10672,5	10,3	8 053,9	3
г. Алматы	19154,5	18,5	8 985,6	2
г. Шымкент	3294,4	3,2	2 798,4	17

С 2018 г. административно-территориальная структура Казахстана существенно изменилась. Вместо Южно-Казахстанской области образовалась Туркестанская, г. Шымкент выделился как центр агломерации. В Центральном Казахстане появилась область Улытау с областным центром в г. Жезказган. Алматинская область разделилась на область Жетысу (г. Конаев) и одноименную область с центром в г. Талдыкорган. Вместо бывшей Семипалатинской области на Востоке Казахстана была создана область Абая с центром г. Семей. В результате таких преобразований на территории страны появились 20 регионов, из них три города республиканского значения (Астана, Алматы, Шымкент).

По уровню социально-экономического развития в республике имеется большое разнообразие типов территориальных образований, что требует дифференцированного подхода к осуществлению их модернизации, что в конечном итоге отражается на уровне и качестве жизни населения. В этой связи достижение социального благополучия в регионах предполагает группировку регионов по ВРП на душу населения. Такой метод позволяет наглядно показать взаимосвязь развития экономики и состояния населения (табл. 2).

Таблица 2
Группировка регионов по ВРП на душу населения в 2022 году, тыс. тенге [1]

№ п/п	Значение основного показателя	Распределение регионов
1.	1671,8–2971,8	Туркестанская, Жетысу, Жамбылская, г. Шымкент, Алматинская, Кызылординская
2.	2972,0–4272,0	Абай, Северо-Казахстанская
3.	4273,0–5573,0	Акмолинская, Костанайская, Актюбинская
4.	5574,0–6874,0	Восточно-Казахстанская, Павлодарская, Мангистауская, Карагандинская, Западно-Казахстанская
5.	6875,0 и выше	Улытау, г. Астана, г. Алматы, Атырауская

Основные причины такого положения следующие:

- региональный фактор в формировании условий для устойчивого экономического развития учитывается весьма слабо и лишь с позиции задерживающего экстенсивной его составляющей;

- экономическая и социальная отсталость второй и третьей групп регионов определяется слабым региональным менеджментом. В частности, в Северо-Казахстанской и Акмолинской областях ввиду отсутствия природно-сырьевых ресурсов недостаточно использован фактор наращивания потенциала для создания конкурентоспособных человеческого капитала, знаний, технологий, имиджа инвестиционного привлекательного региона. В Западно-Казахстанской и Кызылординской областях

Таблица 3

*Рейтинговая оценка регионов Казахстана по рентабельности
и налоговой нагрузке в 2021 году [3]*

Регионы	Совокупный доход до нало- гообложения, тыс. тенге	Доход от основной дея- тельности, тыс. тенге	Налоговая нагрузка	Степень нало- говой нагрузки, %	Рентабельность (убыточность) экономики реги- онов, %	Рейтинг	
						по рентабель- ности	по налогово- вой нагрузке
Республика Казахстан	52060,0	39003,0	13057,0	25,1	10,1	-	-
Экспорториентированные регионы							
Актыбинская	5004,1	4168,8	835,3	16,7	17,0	3	4
Атырауская	10764,1	8961,1	1803,0	16,8	19,2	4	3
Восточно-Казахстанская	547,5	339,5	208,0	37,9	1,8	9	11
Западно-Казахстанская	74,1	-116,1	-	-	-2,0	-	-
Карагандинская	9383,6	9127,6	250,0	2,7	33,2	1	1
Кызылординская	3826,2	2690,1	1136,1	29,7	14,9	7	5
Павлодарская	1045,1	846,3	199,1	19,1	5,9	5	7
Мангистауская	10344,0	9448,2	895,8	8,7	31,0	2	2
Регионы сельскохозяйственной специализации							
Акмолинская	721,0	548,9	1721,0	23,8	5,6	6	8
Алматинская	510,2	344,4	165,8	32,5	2,9	8	10
Жамбылская	46,3	-323,6	-	-	-9,8	-	-
Костанайская	1019,7	309,4	710,3	69,6	1,3	12	12
Северо-Казахстанская	937,9	-980,0	-	-	-13,0	-	-
Туркестанская	1406,4	821,8	584,6	41,5	6,5	10	6
Столичные города							
Астана	3971,6	555,7	3415,9	86,0	0,8	13	13
Алматы	4334,0	2260,0	2073,1	47,8	3,9	11	9

при наличии крупных запасов углеводородного сырья также не созданы предпосылки для максимального использования регионального фактора, в частности, речь идет об учете многокомпонентности природных ресурсов и благоприятных условиях для развития многоотраслевого сельскохозяйственного производства.

Вывод из этого: для республики важно достижение прироста ВРП не за счет нескольких регионов, использующих конъюнктурные преимущества своей экономики, а за счет всех или почти всех регионов. В последнем случае в экономический рост окажутся вовлеченными все регионы страны.

Рентабельность экономики регионов и налоговая нагрузка

Социально-экономическое развитие регионов во многом зависит от уровня развития производства на территории, который оценивается рентабельностью и налоговой нагрузкой. Эти синтетические показатели содержат в себе информацию об объемах производства, доходах от реализации продукции, работ и услуг, от основной деятельности до и после налогообложения.

Рейтинговая оценка проведена по трем группам регионов: экспортоориентированные, сельскохозяйственной специализации и столичные города, что позволяет сконцентрировать приоритеты экономики страны по регионам. Данные табл. 3 свидетельствуют о том, что степень налоговой нагрузки по областям Казахстана значительно дифференцирована. Наименее обременены налогами экспортоориентированные регионы: Карагандинская, Мангистауская, Актыубинская, Атырауская, Павлодарская области. Наибольшую нагрузку (выше среднереспубликанской) несут столичные города и такие регионы, как Костанайская, Туркестанская и Алма-тинская области.

Вывод из этого: корреляционная связь между налоговой нагрузкой и уровнем рентабельности довольно высокая. Это свидетельствует о том, что степень государственного регулирования по экспортоориентированным регионам позволила создать для предприятий, функционирующих на их территории, более благоприятный налоговый режим по сравнению с регионами, продукция которых ориентирована на внутренний рынок. Естественно, такая взаимосвязь отражается на показателях социального развития, в частности, на доходах населения и среднемесячной заработной плате работников. Отсюда следует, что происходит неравномерное распределение доходов от реализации ВРП, которое отражается на уровне и качестве жизни населения, проживающего на данной территории.

Производительность труда в регионах

Структурные изменения в экономике взаимоувязаны с процессами технического перевооружения предприятий и переоборудования уч-

реждений социальной сферы. Модернизация производственной сферы и улучшение социального благополучия населения тесно взаимосвязаны, в табл. 4 представлены результаты расчетов на основе роста производительности труда.

Таблица 4
Группировка регионов Казахстана по индексу производительности труда за 2017–2021 годы [3]

№	Средние индексы производительности труда за 2017–2021 гг.	Распределение регионов
1.	0–0,25	Жамбылская, Акмолинская, Кызылординская, Туркестанская, Мангистауская, Алматинская
2.	0,26–0,36	Северо-Казахстанская, Восточно-Казахстанская, Костанайская, Павлодарская, г. Астана
3.	0,37–0,47	Западно-Казахстанская, Актюбинская, г. Шымкент
4.	0,48–0,58	Карагандинская
5.	0,59 и выше	Атырауская, г. Алматы

Анализ таблицы позволяет сделать следующие выводы:

- по индексу производительности труда можно судить о совокупных возможностях (материальных, финансовых, трудовых) по осуществлению социальных преобразований. Это означает, что в каждом регионе решаемость социальных проблем опирается на возможности и правильную организацию управления экономикой территории, т.е. зависит от организационно-экономического потенциала и механизмов его регулирования;

- уровень индексов производительности труда наибольшее значение имеет в Атырауской области, г. Алматы, Актюбинской и Западно-Казахстанской областях. Это означает, что данные регионы обладают реальными экономическими возможностями за счет собственных ресурсов решать социальные проблемы. Тогда как 38 % областей (Жамбылская, Акмолинская, Кызылординская, Туркестанская, Мангистауская и Алматинская) нуждаются в государственной поддержке для достижения социального благополучия;

- индекс производительности труда позволяет разделить регионы республики на группы: кто сам может решать социальные проблемы, кому требуется государственная поддержка и где активно будут развиваться отношения «государство-бизнес». Такая градация позволит выработать общие и частные механизмы регионального менеджмента со всеми его составляющими [4];

- в организации регионального менеджмента надо возобновить старый, но классический механизм планирования и управления, как исполь-

зование программно-целевого метода, который эффективен с момента его формирования до его реализации.

Это означает, что конкретно на уровне регионов необходимы оптимизационные расчеты и обоснование рациональных форм специализации, концентрации и кооперирования производства, целесообразного размещения земельно-имущественной недвижимости в процессе территориального планирования районов, поселений и городских округов, обеспечения их транспортными коммуникациями и т.п. Только системно-территориальный подход к организации на местном уровне хозяйственного процесса способен ускорить его перевод на траекторию выхода из кризиса и придать ему устойчивый и поступательный характер.

Кризис и адаптация регионов к устойчивому развитию

На базе расчетов за ряд лет определен региональный коэффициент относительной адаптации к устойчивому развитию, который позволил выявить регионы-лидеры и регионы-аутсайдеры (табл. 5)

Таблица 5

Дифференциация областей по региональному коэффициенту относительно адаптации к устойчивому развитию [1]

Лидеры					Аутсайдеры				
Области	2009	2012	2016	2021	Области	2009	2012	2016	2021
Атырауская	2,37	3,33	3,70	3,82	Западно-Казахстанская	0,96	1,21	1,39	1,41
г. Алматы	2,33	2,26	2,02	2,16	Северо-Казахстанская	0,75	0,68	0,60	0,67
Мангистауская	2,05	2,26	2,84	2,92	Акмолинская	0,73	0,63	0,64	0,69
г. Астана	1,81	1,72	1,76	1,80	Кызылординская	0,49	0,56	0,79	0,86
Карагандинская	1,25	1,10	1,03	1,05	Алматинская	0,48	0,46	0,47	0,46
Актюбинская	1,02	1,00	1,13	1,24	Туркестанская	0,45	0,50	0,44	0,43
Восточно-Казахстанская	1,02	0,84	0,78	0,85	Жамбылская	0,36	0,30	0,36	0,35
Павлодарская	1,12	1,23	1,10	1,09					
Костанайская	1,02	0,85	0,76	0,81					

Выводы:

- за последние годы количество лидирующих регионов сократилось на две области (Костанайская и Восточно-Казахстанская), значения коэффициентов по регионам-лидерам, за исключением сырьедобывающих Атырауской, Мангистауской и Актюбинской областей, имели тенденцию к снижению. Такая же тенденция складывается в рядах аутсайдеров;

- в настоящее время отраслевая структура экономики регионов Казахстана сложилась таким образом, что технологически смежные производства разбросаны по его территории. Подобная ситуация отразилась

на разрыве хозяйственных связей и способствовала появлению дублирующих производств.

Следовательно, адаптация экономики регионов к условиям устойчивости развития предполагает решение двух взаимоувязанных проблем: выбор стратегии вывода экономики на конкурентный уровень и снижение различий в развитии социальной сферы, т. е. выравнивание уровня жизни населения. Проблема вывода экономики различных типов регионов на конкурентоспособный уровень может иметь различные направления. Объективные различия регионов требуют дифференцированных подходов к разработке стратегий их развития.

Статья подготовлена в рамках программно-целевого финансирования Комитетом науки Министерства науки и высшего образования Республики Казахстан исследования «Модернизация системы распределительных отношений и снижение неравенства доходов населения РК» (ИРН BR 21282165).

Литература

1. Регионы Казахстана. Брошюра. Бюро национальной статистики АСПР. – Астана, 2023. – 26 с.
2. Валовой региональный продукт Республики Казахстан за 2022 год. – URL: <https://stat.gov.kz/ru/vakovoy-regionalnyy-produkt-respubliki-kazakstan-za-2022-god-s-vydeleniem-nenablyudaemoy-ekonomiki/>.
3. Регионы Казахстана в 2021 году. Бюро национальной статистики АСПР. – Астана, 2022. – 22 с.
4. Бримбетова, Н. Ж. Модернизация территориального развития Казахстана / Н. Ж. Бримбетова. – Алматы : Институт экономики КН МОН РК. – 2011. – 269 с.

РОЛЬ ДОБЫВАЮЩЕЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ В СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОМ РАЗВИТИИ РЕГИОНА

И. Г. Бурцева, канд. экон. наук

*Институт социально-экономических и энергетических проблем Севера
ФИЦ Коми НЦ УрО РАН, г. Сыктывкар*

Разработка природных ресурсов может дать значительный импульс экономическому развитию страны и региона. Тщательно спланированная и реализованная стратегия освоения ресурсного потенциала может обеспе-

чить доходы и другие экономические выгоды для государства и его граждан. Горнодобывающий сектор играет важную роль в целом ряде стран, обеспечивая источник доходов от экспорта и налогообложения добычи полезных ископаемых. Цель политики налогообложения разработки полезных ископаемых состоит в том, чтобы позволить государству получать разумную прибыль от добычи сырья, таким образом, чтобы результаты деятельности оставались эффективными, а административные расходы не были чрезмерными.

С точки зрения инвестора, капиталовложения в добывающие отрасли также имеют особенности по сравнению с обычными инвестициями: ресурсы конечны, их добыча и разработка рискованны и требуют значительных вложений, необходимых на начальном этапе освоения, с длительным сроком окупаемости. Кроме того, горный бизнес требует специальных знаний для успешной разработки месторождений.

Цели как правительства, так и бизнеса должны создавать основу для разработки и применения устойчивой политики в отношении совокупных доходов и налогообложения. Правительство должно сформировать представление о своих потенциальных выгодах от освоения месторождений полезных ископаемых, о том, какой доход оно ожидает, как оно хочет получить стоимость своих ресурсов, а также о сроках ожидаемого дохода и условиях управления средствами, генерируемых ресурсами. Компании должны предоставить четкое описание рисков, которые они воспринимают как инвесторы, а также общее описание того, что, по их мнению, необходимо для осуществления инвестиций, требуемых для достижения надежного и успешного освоения природных ресурсов. Ключевыми элементами этой оценки как для правительства, так и для потенциальных инвесторов являются фискальные инструменты, которые правительство в конечном итоге применяет.

В общих чертах механизмы налогообложения добычи и переработки полезных ископаемых можно классифицировать в зависимости от того, основаны ли они на прибыли или на объеме производства:

- роялти на основе прибыли взимаются с чистого денежного потока или некоторой доли прибыли от горнодобывающего проекта.
- адвалорные роялти представляют собой роялти, основанные на объемах производства, которые взимаются в виде процента от стоимости продукции горнодобывающего предприятия.
- конкретные, или основанные на единице добытого сырья, роялти – роялти на основе объема производства, взимаемые в виде установленной платы за физическую единицу продукции горнодобывающего предприятия.

В России по действующему законодательству (Закон Российской Федерации (РФ) «О недрах», Налоговый кодекс РФ, 2 часть) при недро-

пользовании осуществляются выплаты следующих основных видов ресурсных налогов и платежей: разовые платежи за пользование недрами; регулярные платежи за пользование недрами (рендальс); налог на добычу полезных ископаемых (НДПИ) (роялти); акцизы и таможенные пошлины на минеральное сырье. Помимо специфических налогов горные предприятия выплачивают налог на прибыль, на имущество, на доходы занятых и прочие налоги, предусмотренные налоговым законодательством.

В проведенном исследовании была сделана попытка оценить налоговые доходы, сформированные в добывающем секторе экономики региона, которые были сопоставлены с основными макроэкономическими показателями Республики Коми.

Влияние ресурсных налогов на экономику Республики Коми. Для оценки роли горнодобывающего сектора в экономике региона были рассмотрены основные макроэкономические показатели Республики Коми и показана их связь с минерально-сырьевым комплексом (табл. 1).

Таблица 1
Основные экономические показатели, характеризующие степень влияния минерально-сырьевого комплекса на экономику Республики Коми

Показатели	2018	2019	2020
Валовой региональный продукт (в текущих ценах), млрд руб.	696,2	720,7	612,1
В том числе добыча полезных ископаемых	293,7	314,6	200,7
Основные фонды по видам экономической деятельности (на конец года; по полной учетной стоимости), млрд руб.	3359,3	4141,4	4239,8
В том числе добыча полезных ископаемых	795,8	855,6	839,3
Доходы консолидированного бюджета РК, млрд руб.	83,9	86,3	89,9
В том числе налог на добычу полезных ископаемых	0,388	0,514	0,301
Доля налога на добычу полезных ископаемых в доходах консолидированного бюджета РК	0,5	0,6	0,3
Налоги и платежи, сгенерированные в отраслях, связанных с разработкой месторождений полезных ископаемых, всего по РК, млрд руб.	155,7	159,3	110,4
В том числе поступившие в региональный бюджет	13,5	11,7	14,3
Доля налогов, поступивших в региональный бюджет в общем объеме налогов, сформированных в минерально-сырьевом секторе	8,6	7,3	13,0
Рентные платежи, млрд руб.			
Из них:	132,3	134,1	81,5
НДПИ	132,3	133,6	81,5
Экспорт минерального сырья, млн долл. США	330,1	393,5	205,5
Доля экспорта минерального сырья в общем объеме республиканского экспорта, %	32	39	25
Стоимость экономически активных запасов, млрд руб.	6861,3	-	-

Данные таблицы, с одной стороны, убедительно свидетельствуют о значимости сырьевого сектора для экономики региона, который обеспечивает 33 % валового регионального продукта, четвертую часть республиканского экспорта, составляет 20 % основных фондов, формирует 80 % налоговых платежей. С другой стороны, по существующим бюджетным правилам большая часть налогов, в числе которых наиболее весомый налог на добычу полезных ископаемых в части углеводородного сырья, изымается в федеральный бюджет, поэтому доля платежей, обеспечиваемых добычей полезных ископаемых, довольно невелика – она составляет от 10 до 14 % от общей суммы налогов, сгенерированных в минерально-сырьевом секторе. Доходы, поступающие от сырьевых отраслей в консолидированный бюджет Республики Коми, сопоставимы с доходами торговых предприятий, строительства, обработки древесины и производства бумаги. Налог на добычу полезных ископаемых, остающийся в регионе, не превышает 1 % в бюджетных доходах, налог на имущество минерально-сырьевого комплекса составляет пятую часть от республиканских сборов имущественного налога и в три раза меньше аналогичного налога, уплаченного предприятиями торговли (табл. 2).

Таблица 2

*Основные региональные налоги,
поступившие в бюджет Республики Коми, млн руб.*

Виды деятельности	2017	2018	2019
Налог на имущество			
Добыча полезных ископаемых	3 085,7	4 435,7	3 280,9
Оптовая торговля	11 801,1	13 823,4	13 875,3
Обрабатывающие производства	837,2	867,1	582,8
Налог на прибыль			
Добыча полезных ископаемых	1 680,3	2 707,0	1 872,3
Производство бумаги и бумажных изделий	2 497,8	3 943,0	2 825,2
Оптовая торговля	3 443,9	4 372,8	4 661,8
Деятельность по предоставлению финансовых услуг	1 028,2	1 190,7	1 150,6
Деятельность профессиональная, научная и техническая	-	-	12 833,2
Подходный налог			
Добыча полезных ископаемых	3 362,5	3 489,5	3 628,3
Строительство	1 740,1	1 418,5	1 619,6
Оптовая торговля	1 687,4	786,6	787,2
Образование	1 903,5	2 177,2	2 289,3

Сопоставляя основные макроэкономические показатели Республики Коми и данные стоимостной оценки минеральных ресурсов региона, нужно отметить, что валовый региональный продукт составляет 8,9 % от потенциальной стоимости полезных ископаемых в недрах, а активные запасы минерально-сырьевых объектов республики сопоставимы с основ-

ными фондами республики и превосходят их в 1,6 раза. Как отмечалось ранее, в экономически развитых горнодобывающих странах на минеральное сырье приходится незначительная доля национального богатства. Как правило, стоимость недр составляет первые проценты стоимости основного капитала и произведенных активов. Например, экономическая рента в Канаде от добычи сырой нефти и природного газа оценивалась примерно в 20 млрд долл. США, что составило 8 % ВВП [1], в Австралии стоимость недр составляет одну десятую стоимости основного капитала, стоимость запасов полезных ископаемых составляет от 3 до 7 % стоимости произведенных активов в США.

Для оценки степени изъятия ресурсной ренты платежи и налоги минерально-сырьевых отраслей были сопоставлены с потенциальной стоимостью экономически активных запасов (табл. 3).

Таблица 3

Уровень налоговых поступлений горнодобывающих предприятий региона относительно стоимости экономически активных запасов, %

Показатели	2019	2020	2021
Доля общего объема налоговых платежей минерально-сырьевого сектора относительно:			
общей стоимости экономически активных запасов	2,3	1,6	4,8
стоимости экономически активных запасов угля, нефти и газа	2,6	1,8	5,5
Доля рентных платежей минерально-сырьевого сектора относительно:			
общей стоимости экономически активных запасов	2,0	1,2	3,8
стоимости экономически активных запасов угля, нефти и газа	2,2	1,3	4,3

Рентными платежами ежегодно изымается от 1,2 до 4 % стоимости экономически активных запасов, если принять во внимание весь объем налогов и сборов, поступивших от минерально-сырьевых отраслей – эта доля возрастает до 5 %. Стоит отметить почти двухкратный рост доли ресурсных платежей от потенциальной стоимости сырья в недрах за последние 5 лет (за исключением 2020 г.). Результаты похожих исследований были опубликованы в работе [2]. Авторы провели количественную оценку доходов, полученных государственными и местными органами власти США непосредственно от добычи нефти и газа, и сделали попытку оценить их долю в общем объеме нефтегазовых доходов. В работе подчеркивается, что, в отличие от других исследователей, рассматривающих при оценке нефтегазовых доходов собственно рентные налоги и платежи (арендные и концессионные платежи, роялти, налог на прибыль), в данном случае были включены местные налоги на имущество и доходы от аренды нефтегазовых земель на государственных и федеральных землях. В среднем доходы штатов и местных органов власти составили примерно 10 % от общей стоимости добытых углеводородов, варьируя от 1 до 40 %.

Один из методов оценки минерально-сырьевых активов основан на предположении, что в результате тщательно продуманного налогового законодательства вся сверхприбыль горной компании будет изыматься. В этом случае стоимость актива добывающей компании будет равна нулю, а стоимость ресурса передана владельцу роялти. Таким образом, стоимость минерального ресурса будет равна сумме выплаченных роялти и доходу добывающей компании [3]. Однако такой подход маловероятен в силу несовершенной системы платежей. Вместе с тем в Нидерландах стоимость газа в Северном море оценивается именно таким методом. Голландцы оценивают ресурсную ренту непосредственно налоговыми поступлениями. Правительства Великобритании, Норвегии, Нидерландов в этом регионе пытаются изъять большую часть ренты за ресурсы посредством роялти и налогов, забирая при этом более 80 % от стоимости аренды ресурсов [4, 5].

Опыт социальных программ и соглашений между добывающими компаниями и Правительством региона. Доступен целый ряд инструментов, которые позволяют богатым природными ресурсами странам распределять доходы от природных ресурсов, помимо налогообложения добывающих отраслей. Доля, которую правительство получит или сохранит за собой в отношении разработки и производства своих природных ресурсов, может принимать различные формы. Общий доход государства, безусловно, не ограничивается налогами и сборами, полученными от горных предприятий, но может также включать следующее:

- через государственное участие в предприятии, и в этом случае принимающая страна получит определенную часть продукции в соответствии с ее участием;
- требуемые инвестиции в обучение, инфраструктуру (например, производственные или транспортные объекты) и местные социальные или образовательные объекты.

В качестве примера рассмотрим соглашения, заключенные между Правительством Республики Коми и ведущими добывающими компаниями региона.

ЛУКОЙЛ-Коми активно участвует в создании комфортных условий для жизни в районах деятельности [6]. Основным инструментом в этой работе являются соглашения о сотрудничестве между компанией «ЛУКОЙЛ» и субъектами РФ – Республикой Коми и Ненецким автономным округом. Главными направлениями социальной поддержки в регионе выступают благотворительные проекты, взаимодействие с общественными движениями, строительство и ремонт социальных объектов, оказание финансовой помощи по обращениям физических и юридических лиц. ЛУКОЙЛ-Коми заключает договоры о сотрудничестве с оленеводческими

хозяйствами – СПК «Харп», «Ижемский оленевод», «Ерв», а также ООО «Северный», с общественными организациями – МОД «Коми войтыр», «Изьватас». Кроме того, предприятие поддерживает этнокультурные праздники, такие как «Зарни сюр», «Йолога», «Луд», «Усть-Цилемская горка», «Сабантуй», «Сямяхат мерета» и «День оленя».

К благотворительным проектам ЛУКОЙЛ-Коми относятся: «Конкурс социальных и культурных проектов», «Каникулы с ЛУКОЙЛом», «Красный чум», гонки на снегоходах «Бурани-дей», «ЛУКОЙЛ – детям», «Усинская футбольная лига», Межрегиональный турнир по хоккею на призы ЛУКОЙЛ-Коми.

«Красный чум» – благотворительный медицинский проект, который позволяет обеспечить доступную медицинскую помощь кочевому населению в отдаленных регионах Заполярья, проведение диагностических исследований, обучить методам оказания первой медицинской помощи и снабдить оленеводческие бригады необходимыми медикаментами. За время действия проекта квалифицированная врачебная помощь была оказана более 7,5 тыс. жителей отдаленных населенных пунктов округа. Проект «Красный чум» не раз отмечался экспертами как пример успешного взаимодействия нефтяного бизнеса и органов власти в решении вопроса оказания медицинской помощи оленеводам-кочевникам и жителям отдаленных поселков региона.

Соглашение о сотрудничестве заключено между Правительством Коми и компанией РУСАЛ [7]. Стратегию реализации социальных инвестиций координирует корпоративный Комитет по социальной политике, который определяет приоритеты и направления финансирования, формирует бюджет программ, определяет стратегию позиционирования проектов с учетом приоритетов и целей РУСАЛа в каждом из регионов присутствия. Компания ежегодно выделяет финансовые средства на социально-экономическое развитие республики. Первое Соглашение о социально-экономическом сотрудничестве было подписано в сентябре 2016 г., новое заключено в 2021 г. и будет действовать до декабря 2025 г. За это время РУСАЛ инвестировал в проекты доработки Вежаю-Ворыквинского и разработки нового Верхне-Щугорского месторождений порядка 11 млрд руб. Так, за эти годы на Средне-Тиманском руднике были построены очистные сооружения Вежаю-Ворыквинского месторождения, столовая с зоной отдыха, два общежития и другие объекты. По программе модернизации частной железной дороги РУСАЛа и повышения эффективности работы производственных подразделений предприятия на станции Чиньяворык Промышленный, где расположен железнодорожный цех «Бокситы Тимана», построили тепловозное депо. РУСАЛ активно участвует в таких программах, как компенсационное лесовосстановление, выделяет средства

на строительство социально значимых для жителей региона объектов. В 2020 г. в рамках Соглашения было завершено строительство социокультурного центра в пос. Чиньяворык, инвестиции в этот объект составили около 27 млн руб. Компания поддерживает всероссийские и республиканские лыжные соревнования, тренеров, а также мероприятия, направленные на пропаганду здорового образа жизни.

Аналогичные соглашения заключены с ПАО «Газпром», усилиями которого, в частности, газифицирован реабилитационный центр «Дома жить» в 2022 г. [8]. Для этого газовики построили газопровод до границ земельного участка и внутренние сети, установили газовое оборудование и провели пуско-наладочные работы. Подключение к системе газоснабжения позволило организовать в здании жилые помещения, медицинскую зону, а также пункт обогрева.

Выводы. Минерально-сырьевые ресурсы Республики Коми обладают высоким стоимостным потенциалом, в сырьевых отраслях формируется большая часть доходов консолидированных бюджетов. Вместе с тем на территории республики остается только 1/10 налогов и платежей, полученных от разработки, переработки и транспортировки полезных ископаемых, тогда как некоторые ресурсные страны придерживаются иной стратегии, при которой основная часть налогов остается в распоряжении тех штатов и муниципалитетов, где находятся месторождения полезных ископаемых.

В связи со сложившейся в России системой распределения бюджетных доходов в сфере недропользования необходимо уделять большее внимание развитию инфраструктурных и социальных объектов при согласовании лицензионных соглашений, а также созданию благоприятных условий для освоения месторождений общераспространенных полезных ископаемых, так как именно они служат развитию экономики региона. Помимо этого, необходимо более тщательно подходить к администрированию региональных налогов, в частности налога на имущество.

Литература

1. Terry Heaps, John F. Helliwell. The taxation of natural resources // Handbook of public economics, vol. I, edited by A.J. Auerbach and M. Feldstein, 1985, Elsevier Science Publishers b. V. (North-Holland).
2. Newell R.G., Raimi D. US state and local oil and gas revenue sources and uses // Energy Policy. 2018. Vol. 112. P. 12-18. <https://doi.org/10.1016/j.enpol.2017.10.002>.
3. Economic Methods of Valuing Mineral Assets. Graham A. Davis, Division of Economics and Business, Colorado School of Mines, Golden, CO 80401

- gdavis@mines.edu, August 1, 2002. For presentation at the ASA/CICBV 5th Joint Business Valuation Conference, Orlando, Florida, October. P. 24–26, 2002.
4. Андреев, А. Осторожный фискальный оптимизм / А. Андреев // Нефть России. – 2011. – № 2. – С. 14–26.
 5. Deloitte. Oil and gas taxation in Norway. 2014, www.deloitte.com/taxguides
 6. ООО «Лукойл-Коми». – URL : <https://komi.lukoil.ru/ru/Responsibility/Charity>.
 7. Комиинформ. – URL: <https://komiinform.ru/news/254447>.
 8. Газпром: официальный сайт. – URL : <https://www.gazprom.ru> (дата обращения: 11.01.2023).

ЭНЕРГЕТИЧЕСКАЯ БЕДНОСТЬ: ВОЗМОЖНА ЛИ НИЗКОУГЛЕРОДНАЯ ЭКОНОМИКА НА СЕВЕРЕ?

О. В. Бурый, канд. экон. наук, доцент

*Институт социально-экономических и энергетических проблем Севера
ФИЦ Коми НЦ УрО РАН, г. Сыктывкар*

Одной из целей в области устойчивого развития, провозглашенной ООН в 2015 г., стало «обеспечение всеобщего доступа к недорогим, надежным, устойчивым и современным источникам энергии для всех». В то же самое время Парижским соглашением были приняты обязательства по снижению эмиссии парниковых газов, чтобы не допустить глобального и необратимого изменения климата. Взаимное влияние двух целей определяет возникновение проблемной ситуации: риска эскалации издержек конечных потребителей вследствие роста энергетических тарифов.

Снижение эмиссии парниковых газов связано в идеале с полным «зеленым» переходом к возобновляемым источникам энергии (ВИЭ), либо к некоторому оптимальному сочетанию традиционных и экологически нейтральных энергетических ресурсов. Однако активный рост инвестиций в новое оборудование и передовые энергетические технологии увеличивает конечную стоимость энергии, делая ее экономически менее доступной.

В отношении населения Международное энергетическое агентство использует термин «энергетическая бедность» – ситуация, в которой домохозяйства не имеют доступа к современным энергетическим услугам [1]. Это проблема не только бедных регионов Африки, но и вполне благополучных и развитых стран, входящих в Организацию экономического сотрудничества и развития [2]. В 2012 г. 54 млн граждан Европейского союза (10,8 % населения) были не в состоянии поддерживать комфортную

температуру в своих жилищах [3]. К началу 2023 г. это количество снизилось до 40 млн чел., или почти 7 % всего населения [4].

Причины энергетической бедности (ЭБ) могут быть сведены как минимум к трем позициям: низкие доходы отдельных категорий населения, низкая энергетическая эффективность зданий и оборудования, а также высокие тарифы. Для понимания ЭБ важным является сочетание контекстуальных и личностных факторов. Первые включают объективные характеристики, такие как географическое положение, климат, тип жилища, наличие необходимого оборудования, т.е. все то, что влияет на величину энергетических тарифов. Личностные факторы включают социально-экономические характеристики потребителей: возраст, семейное положение и наличие детей, состояние здоровья, источники и уровень доходов и т.д., т.е. все то, что может нивелировать или усугубить проблемную ситуацию. Также важным фактором является масштаб рассматриваемой проблемы. Это, как правило, уровень домохозяйства и местной (муниципальной) экономики [5]. Говоря об ЭБ, следует различать «energy accessibility» и «energy affordability». В первом случае речь идет о физическом наличии того или иного источника энергии (например, централизованного электроснабжения или сетевого газа), во втором случае – об экономической возможности их приобрести (величине тарифов).

Для оценки и мониторинга энергетической бедности используются три подхода [6]:

- 1) основанный на консенсусе, т.е. состоящий из самооценки опыта, например, оценок потребителей относительно теплового комфорта или других жилищных условий в их домах, а также способности позволить себе и гарантировать основные энергетические услуги;

- 2) основанный на расходах, когда затраты домохозяйства на энергию сравниваются с доходами; если расходы превышают определенный порог, домохозяйство считается энергетически бедным;

- 3) прямые измерения, основанные на сравнении потребления энергетических услуг домохозяйствами с некоторым требуемым значением; например, использование температуры и влажности в качестве показателя, позволяющего определить, поддерживают ли домохозяйства комфортную по стандартам Всемирной организации здравоохранения температуру (18–21°C).

Помимо этого, существует масса иных методических подходов, в частности, по построению композиционных индексов (EDI, MEPI, EPI) [7, 8], которые, в свою очередь, позволяют анализировать данное явление в разрезе четырех индикаторов более низкого уровня (доступы к электрической энергии, современным видам топлива для пищеприготовления, к энергии для общественных услуг, также к энергии для производственных целей).

Цель исследования на данном этапе – диагностика ситуации с энергетической бедностью в Республике Коми по показателям государственного статистического наблюдения. Гипотеза состоит в том, что и при нынешней углеродной энергетике домохозяйства и государственный бюджет несут серьезную финансовую нагрузку. Переход к более чистым источникам может повысить физическую доступность энергии, но снизит экономическую доступность, т.е. приведет к росту бедности.

Для оценки ситуации применялись первый и второй подходы. Информация по самооценке получена из открытых источников, размещенных на официальном портале Республики Коми. Это результаты независимого опроса населения с применением информационно-телекоммуникационных сетей и информационных технологий «Оценка эффективности деятельности органов местного самоуправления городских округов и муниципальных районов Республики Коми». Организаторы опроса отмечают, что выборка нерепрезентативна по отношению к генеральной совокупности по основным социально-демографическим показателям: пол, возраст, место жительства. Но высказанное таким образом мнение может быть использовано в исследовании ЭБ в качестве отправной точки.

Респондентам задавали вопросы, касающиеся удовлетворенности жилищно-коммунальными услугами: уровнем организации теплоснабжения, снабжения населения топливом, водоснабжения и водоотведения, электроснабжения, газоснабжения. Временные рамки опроса – с января по декабрь 2022 г. и с января по сентябрь 2023 г.

Больше всего претензий было высказано в отношении услуг газоснабжения. Удовлетворенность варьируется достаточно широких пределах – от 8 до 96 %, при среднем значении в 48 %. Это связано с отсутствием централизованного газоснабжения во многих сельских районах.

Услугами теплоснабжения удовлетворены от 40 до 70 % опрошенных жителей Республики Коми (среднее значение – 62 %). В качестве причин неудовлетворенности указываются высокая и постоянно растущая стоимость, а также несоответствие поставляемых ресурсов установленным требованиям – не поддерживается необходимая для нормальной жизнедеятельности температура в помещениях. На последний момент указывала половина респондентов.

Услуги электроснабжения вызывают наибольшую удовлетворенность потребителей (от 64 до 90 %, среднее значение – 83 %). Негативные оценки связаны с высокой и ежегодно растущей стоимостью, а также частыми перебоями.

В территориальном разрезе больше всего претензий (степень удовлетворенности менее 50 %) в адрес топливо- и теплоснабжающих организаций высказывали жители Сысольского, Усть-Куломского, Корткеросского

и Усть-Цилемского районов. Неудовлетворительное состояние газоснабжения отметили жители 9 из 20 муниципалитетов.

Результаты опроса отражают наличие проблем как с физической, так и экономической доступностью энергии.

В рамках методического подхода, основанного на расходах домохозяйств, были проанализированы данные раздела «Уровень жизни населения» Статистического ежегодника Республики Коми [9]. Интерес представляет информация об обеспеченности энергетическими услугами (т.е. физическая доступность), которую можно оценить через показатели благоустройства жилищного фонда (табл. 1).

Можно сказать, что население Республики Коми имеет 100 % гарантированный доступ только к услугам электроснабжения. Другие современные энергетические услуги в той или иной мере ограничены. Жители сельской местности традиционно являются наиболее дискриминируемой группой. Об актуальности проблемы энергетической бедности также свидетельствуют очень низкие темпы повышения качества жилищ, т.е. недостаточный рост энергоэффективности конечного потребления.

Таблица 1

Благоустройство жилищного фонда Республики Коми, 1990–2021 годы, %

Год	Удельный вес общей площади, оборудованной			
	отоплением	горячим водоснабжением	газом (сетевым, сжиженным)	стационарными электроплитами
Городской жилищный фонд				
1990	94	79	54	23
2000	93	83	56	22
2010	94	86	59	20
2015	96	86	57	22
2020	97	88	57	28
2021	97	87	57	31
Сельский жилищный фонд				
1990	41	14	43	5
2000	26	8	28	4
2010	32	10	25	4
2015	37	9	24	4
2020	43	11	25	9
2021	43	10	24	10

Источник: здесь и в табл. 2: Статистический ежегодник Республики Коми. 2022: стат. сб. / Комистат. – Сыктывкар, 2022. – 325 с.

Официальное статистическое наблюдение дает возможность оценить расходы домохозяйств на энергию, динамику задолженности потребителей перед поставщиками топливно-энергетических ресурсов, а также

объемы субсидий и компенсаций населению со стороны государственного бюджета, т.е. экономическую доступность энергии.

Доля населения с денежными доходами ниже границы бедности в Республике Коми в период с 2010 по 2021 г. варьировалась в пределах 14,9–15,6 %, существенно снизившись по сравнению с 2000 г. (26,3 %). Затраты на приобретение энергетических услуг составляют порядка 11–13 %, не сильно меняясь в течение последних 10 лет. При этом для 20 % населения с наименьшими располагаемыми доходами эта доля составляет 19 %, а для наиболее обеспеченных граждан – 9 %.

В Республике Коми максимально допустимая доля расходов установлена в размере 22 % от совокупного дохода семьи. Для наиболее нуждающихся граждан предусмотрены меры социальной поддержки в виде субсидий и доплат (табл. 2).

Таблица 2
Социальная поддержка по оплате жилья и коммунальных услуг в Республике Коми

Показатели	2017 г.	2018 г.	2019 г.	2020 г.	2021 г.
Получатели субсидий, семей	24 892	23 818	23 098	22 116	22 516
Доля в общем числе семей, %	7	7	6	6	6
Среднемесячный размер субсидии, руб.	2028	2073	2356	2553	2441
Получатели социальной поддержки, тыс. чел.	234,7	233,2	232,5	229,2	225,3
Доля в общей численности, %	28	28	28	28	28
Среднемесячный размер социальной поддержки, руб.	829	832	891	925	943
Объем средств из бюджетов всех уровней, млн руб.	2923,7	2916,5	3135,3	3223,1	3087,5
Доля в общих расходах на социальную помощь, %	18,2	18,3	18,9	11,7	10,0

В разрезе муниципальных образований в наиболее сложной ситуации находятся домохозяйства Удорского, Прилузского, Сысольского, Троицко-Печорского районов (рис. 1).

Компенсация энергетических затрат домохозяйствам за счет средств государственных бюджетов всех уровней – один из трех наиболее затратных видов социальной поддержки в Республике Коми на протяжении пяти последних лет. Но и это не позволяет решить проблему экономической доступности энергии, о чем свидетельствует наличие хронической задолженности потребителей перед ресурсоснабжающими организациями. Только за девять месяцев 2023 г. населению республики выставили счета и направили квитанции за жилищно-коммунальные услуги на сумму в 20 млрд руб. Это на 10 % больше, чем годом ранее. Но население оплатило только 92 % выставленных сумм.

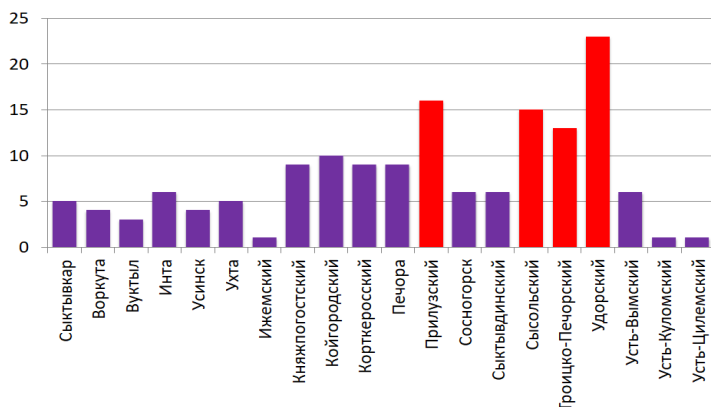

Рисунок 1. Доля семей, получивших субсидию на оплату ЖКХ в 2021 г., %.

Такое положение с доступностью энергетических услуг следует принимать во внимание в процессе перехода к энергетике будущего. Основными ее элементами являются: баланс безусловных требований устойчивости, доступности и безопасности; диверсификация традиционных и низкоуглеродных источников; бурный рост инвестиций в «чистую энергию» в сочетании с изменением потребительских привычек; декарбонизация наиболее энергоемких видов экономической деятельности [10]. Применительно к условиям устойчивого развития на Севере это означает значительное повышение доли электрогенерации из ВИЭ, сокращение потребления угля, снижение доли нефти при сохранении позиций газа, точечное применение плавучих и наземных атомных реакторов небольшой мощности. Как справедливо отмечается, «альтернативность» энергетики в данном случае выступает по отношению к северному завозу [11]. Наибольший рост использования ВИЭ произошел в электроэнергетике, что обусловлено быстрым распространением солнечной и ветровой энергии. Однако их доля в теплоснабжении и на транспорте значительно отстает от своего потенциала [12].

Неоднозначная ситуация сохраняется с биотопливом (без учета его условной углеродной нейтральности). С одной стороны, его роль в энергообеспечении сельских поселений будет расти. Например, в бюджете Республики Коми на 2024 год предусмотрены 1,8 млрд руб. субсидий юридическим лицам на перевод угольных и мазутных котельных на биотопливо. С другой стороны, многое будет зависеть от динамики лесопромышленного комплекса: объемов лесопиления и, как следствие, образования отходов производства, направлений реализации качественного биотоплива на экспорт и внутренний рынок. Сопоставление стоимости различных видов биотоплива и бурого угля (наиболее часто используемое бытовыми потребителями Республики Коми) представлено в табл. 3.

Таблица 3

*Предельные максимальные розничные цены на твердое топливо
для населения Республики Коми в 2023 году**

Вид твердого топлива	Цена, руб. с НДС за тонну
Уголь	3886
Дрова всех видов	1250–3950
Топливные гранулы	4091
Топливные брикеты	3630

*Примечание: * указаны цены для северной природно-климатической зоны с учетом доставки.*

Источник: Постановление Правительства Республики Коми от 30.12.2017 № 685 «Об утверждении предельных максимальных розничных цен на топливо твердое, реализуемое гражданам, управляющим организациям, товариществам собственников жилья, жилищным, жилищно-строительным или иным специализированным потребительским кооперативам, созданным в целях удовлетворения граждан в жилье (с изменениями на 24.10.2023)».

Опыт России, как и Европейского союза, показывает, что для борьбы с ЭБ используются стандартные подходы: определение наиболее уязвимых категорий потребителей энергии и применение к ним защитных мер финансового характера. Как правило, это часть общего плана борьбы с бедностью. Закрепление определения энергетической бедности в национальном законодательстве является первым шагом к признанию проблемы и, вероятно, ее более широкому обсуждению. В Европейском союзе в последние годы меры по снижению ЭБ включаются в региональные энергетические и климатические планы. Кроме того, важно понимать, что финансовые интервенции – это краткосрочные решения. Они учитывают личностные факторы и могут снизить остроту проблемы, например, в период аномальных холодов или критических ситуаций вроде пандемии. Но субсидии домохозяйствам не воздействуют на контекстуальные факторы, которые определяют высокую стоимость производства энергии и низкую эффективность ее потребления. Для этого требуются долгосрочные структурные меры (рис. 2).

Структурные меры – это такие меры управляющего воздействия на участников экономических отношений, которые устраняют коренные причины энергетической бедности посредством масштабных инвестиций в энергоэффективность или возобновляемые источники энергии. Они должны быть направлены на диверсификацию вариантов энергоснабжения, чтобы предотвратить попадание социально уязвимых потребителей в зависимость от неэкологичного ископаемого топлива, а также нивелирования риска того, что таким домохозяйствам придется нести на себе бремя растущих прямых (энергозатрат) и сопутствующих (административных и организационных) издержек энергетического перехода.

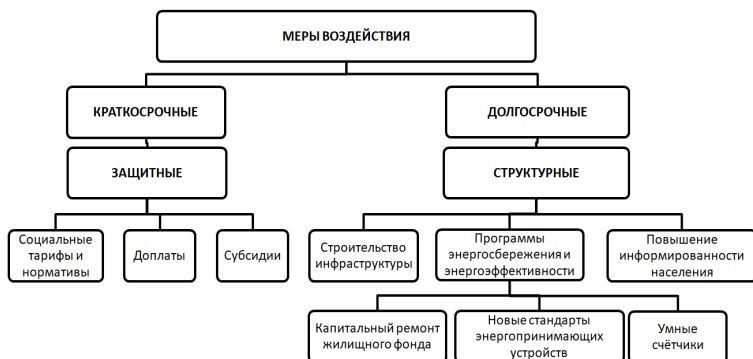

Рисунок 2. Меры борьбы с энергетической бедностью.

Дальнейшие исследования социально-экономических последствий структурных преобразований в энергетическом секторе могут включать разработку научных моделей, учитывающих пространственное распределение энергетической инфраструктуры (город/село, Север/Арктика), демографические и технологические профили конечных потребителей энергии, различные сценарии использования традиционных видов топлива и локальных ВИЭ и другие особенности.

В заключение стоит отметить, что Республика Коми, как северный регион, мало чем отличается, например, от Канадской Арктики, где 170 отдаленных поселений сталкиваются со схожими проблемами организации локальных энергетических систем и возможного перевода их на возобновляемые безуглеродные источники энергии [13, 14]. Население и бизнес также вынуждены мириться с доставкой топлива на очень большие расстояния и работой энергетического оборудования (по большей части дизельных генераторов и котельных) на пределе возможностей. Аналогичная ситуация сохраняется в Гренландии – энергоснабжение северо-западных поселений муниципалитета Каанаак на 70 % зависит от угля и дизеля без существенной трансформации топливного баланса и исключительно за счет перекрестного субсидирования [15]. Высокие энергетические тарифы для населения не покрываются в полной мере дотациями из государственного бюджета ни на российском, ни на зарубежном Севере. Такое положение еще больше подрывает социально-экономическую основу развития местных сообществ. Можно ожидать, что задача борьбы с изменением климата в процессе энергоперехода будет иметь меньший приоритет для жителей Севера пока не обеспечены два других императива – доступность энергии и энергетическая безопасность.

1. Defining energy access : 2020 methodology. International Energy Agency. URL: <https://www.iea.org/articles/defining-energy-access-2020-methodology> (дата обращения: 18.12.2023).
2. Energy Access Outlook : From Poverty to Prosperity, World Energy Outlook-2017 Special Report. Publisher : OECD / IEA, Paris. October 2017. 144 p.
3. Rye, Steve, Audrey Dobbins, Claire Baffert, Jurica Brakovic, Paul Deam, Rocco De Miglio. (2015). Addressing Energy Poverty and Vulnerable Consumers in the Energy Sector Across the EU. L'Europe en formation. No. 378. Winter 2015 – Hiver 2015. P. 64–89. <https://doi.org/10.3917/eu-for.378.0064>.
4. Commission recommendation (EU) 2023/2407 of 20 October 2023 on energy poverty. Official Journal of the European Union, 23.10.2023. URL : https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=OJ:L_202302407 (дата обращения: 18.12.2023 г.).
5. Introduction to the Energy Poverty Advisory Hub Handbooks : A Guide to Understanding and Addressing Energy Poverty. Published by the Energy Poverty Advisory Hub. Brussels. 2022. 20 p.
6. Bringing Energy Poverty Research into Local Practice : Exploring Sub-national Scale Analyses. Published by the Energy Poverty Advisory Hub. Brussels. February 2022. 42 p.
7. Cheikh, Nidhgaeddine Ben, Younes Ben Zaid, Duc Khuong Nguyen. Understanding energy poverty drivers in Europe. Energy Policy. 2023. Volume 183. 113818. <https://doi.org/10.1016/j.enpol.2023.113818>.
8. Gonzalez-Eguino, Mikel. Energy poverty : An overview. Renewable and Sustainable Energy Reviews. 2015. Volume 47. P. 377–385. <http://dx.doi.org/10.1016/j.rser.2015.03.013>.
9. Статистический ежегодник Республики Коми. 2022: стат. сб. / Комистат. – Сыктывкар, 2022. – 325 с.
10. Fostering Energy Transition 2023 Edition. Published by World Economic Forum, June 2023. 72 p.
11. Ампилов, Ю. Энергетическое развитие Российской Арктики в эпоху энергоперехода / Ю. Ампилов // Энергетическая политика. – 2022. – № 1 (167). – С. 30–43. – URL : https://doi.org/10.46920/2409-5516_2022_1167_30 (дата обращения: 18.12.2023).
12. Бежан, А. В. Роль ветроэнергетики в социально-экономическом развитии районов Арктической зоны Российской Федерации (на примере Мурманской области) / А. В. Бежан // Арктика: экология и экономика. – 2021. – Т. 11, № 3. – С. 449–457. – URL : <https://doi.org/10.25283/2223-4594-2021-3-449-457> (дата обращения: 18.12.2023).

13. Leonhardt, Renata, Bram Noble, Greg Poelzer, Ken Belcher, Patricia Fitzpatrick. (2023). Government instruments for community renewable energy in northern and indigenous communities. *Energy Policy*. Volume 177, June 2023, 113560. <https://doi.org/10.1016/j.enpol.2023.113560>.
14. Buss, Jennifer, Nicolas Mansuy, Jerome Laganiere, Daniel Persson. Greenhouse gas mitigation potential of re-placing diesel fuel with wood-based bioenergy in an arctic indigenous community : A pilot study in Fort McPherson, Canada. *Biomass and Bioenergy*. 2022. Volume 159. April 2022. URL: <https://doi.org/10.1016/j.biombioe.2022.106367>.
15. Pantaleo, Alyssa, Mary R. Albert, Hunter T. Snyder, Stephen Doig, Toki Oshima, Niels Erik Hagelqvist. Modeling a sustainable energy transition in northern Greenland : Qaanaaq case study. *Sustainable Energy Technologies and Assessments*. 2022. Volume 54. – URL : <https://doi.org/10.1016/j.seta.2022.102774>.

СЕЛЬСКИЕ ПОСЕЛЕНИЯ КОМИ КРАЯ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА ПО ДАННЫМ «СПИСКОВ НАСЕЛЕННЫХ МЕСТ»

Д. В. Вишнякова, канд. истор. наук

*Институт языка, литературы и истории ФИЦ Коми НЦ УрО РАН,
г. Сыктывкар*

Складывающаяся на протяжении предыдущего времени сеть поселений края уже к середине XIX в. приобрела свои отличительные черты. Региональные особенности демографического развития и расселения населения Коми края рассмотрены в трудах исследователей Республики Коми. Проблема заселения Коми края частично поднималась в работах авторов XIX – начала XX в. В трудах И. И. Лепехина, В. Н. Латкина, А. Шёгренна содержатся некоторые сведения о переселениях в край, основании населенных пунктов, численности [1, 2]. Дальнейшее изучение Коми края было связано с исследовательскими экспедициями начала XX в. Сами экспедиционные работы были направлены на выявление возможностей колонизации территорий Коми края. Как отмечают исследователи, необходимость исследования районов, предполагаемых для организации переселений из густонаселенных местностей на слабозаселенные территории Европейского Севера в целом и Коми края в частности, обусловила новый импульс к изучению не только геологии, гидрографии, сельского хозяйства, животноводства, промыслов, дорог, но и получению сведений по истории заселения, численности и плотности населенных пунктов и др. [3]. Активно вопросы заселения и формирования этнической территории

коми стали рассматриваться в 1920-е гг. [4]. Начальные этапы заселения ряда районов Коми края были изучены в 1970-е гг. Л. Н. Жеребцовым [5] и Л. П. Лашуком [6]. Особенности освоения и заселения территории, возникновения населенных пунктов и развития сети поселений рассмотрены в работах, посвященных истории и демографии Коми края, Республики Коми, таких исследователей, как И. Л. Жеребцов [7, 8] В. В. Фаузер [9] и др.

В данной работе основные характеристики развития сельской поселенческой сети Коми края во второй половине XIX в. представлены на основании материалов «Списков населенных мест Российской империи». Составленные Центральным статистическим комитетом Министерства внутренних дел и губернскими статистическими комитетами Списки стали основным источником при исследовании численности и величины населенных пунктов Коми края, их социальной инфраструктуры. Во второй половине XIX в., начиная с 1861 г., Центральный статистический комитет стал публиковать «Списки населенных мест Российской империи». В период с 1861 по 1885 г. было издано 43 выпуска Списков населенных мест, каждый из которых был посвящен отдельной губернии и включал следующие сведения: название населенного места, топографическое обозначение его положения, расстояние городов от столичного и губернского, селений от уездного города и стана, число дворов и жителей обоего пола, количество молитвенных зданий, благотворительных и учебных заведений, ярмарок, базаров и пристаней, почтовых станций, фабрик и заводов.

Во второй половине XIX–начале XX в. территорию Коми края составляли в основном Усть-Сысольский и Яренский уезды Вологодской губернии, а также восточная часть Мезенского уезда Архангельской губернии, которая в 1891 г. была выделена в самостоятельный Печорский уезд. Несмотря на достаточно обширную территорию, плотность населения края была низкой: в 1859 г. – 0,4 жителя на кв. версту по Усть-Сысольскому, 0,6 – по Яренскому уезду, в 1885 г. – 0,6 жителя на кв. версту по Усть-Сысольскому, 0,9 – по Яренскому уезду, 3,5 души на кв. версту по Вологодской губернии в 1890 г. [10]. В 1897 г., по данным первой Всероссийской переписи, плотность населения по Усть-Сысольскому уезду составляла 0,6 жителя на кв. версту, по Яренскому уезду – 0,9, по Вологодской губернии в среднем – 3,8; по Печорскому уезду – 0,1, по Архангельской губернии – 0,5 жителя на кв. версту [11]. Малоблагоприятные природные условия повлияли на уровень заселенности территории, а также на хозяйственную ориентацию. Большая часть края была покрыта лесами, также имелись крупные массивы болот и развитая водная сеть.

Согласно «Списку населенных мест Вологодской губернии», в 1859 г. в Усть-Сысольском уезде насчитывалось 340 населенных пунктов, из них один город, и одна пристань в Усть-Воче, населенная только

в период весеннего половодья. В 338 сельских населенных пунктах (далее – СНП) проживала 61 021 чел. (29 098 муж. и 31 923 жен.). Соотношение населенных пунктов разного типа в уезде выглядело следующим образом. Сел насчитывалось 35, они составляли 10,3 % от всех СНП, деревень – 280 (82,6 %), пустыней – 1 (0,3 %), выселков – 19 (5,6 %), пристаней – 1 (0,3 %), заводов – 3 (0,9 %). Распределение СНП Усть-Сысольского уезда по числу жителей представлено в табл. 1.

Таблица 1
Распределение сельских населенных пунктов Усть-Сысольского уезда по числу жителей, 1859 год [12]

СНП с численностью человек	Кол-во СНП		Кол-во человек в СНП	% от общей численности сельского населения
	абс.	% СНП		
1–50	88	26,0	2464	4,0
51–200	155	45,9	16 931	27,7
201–500	69	20,4	20 904	34,3
501–1000	22	6,5	15 321	25,1
Свыше 1000	4	1,2	5401	8,9
Итого	338	100,0	61 021	100,0

Самой распространенной была группа СНП с людностью 51–200 чел., эта категория составляла почти 46 %, далее по распространенности шла группа малых СНП с численностью до 50 чел. – 26 %. Одну пятую составляли большие СНП (201–500 чел.). На долю крупных населенных пунктов с численностью 501–1000 чел. приходилось 6,5 %. СНП с людностью свыше тысячи человек было всего четыре, и они составляли чуть более 1 %. По нашим подсчетам средняя людность СНП Усть-Сысольского уезда в конце 1850-х гг. составляла 180,7 чел., минимальная – 5 чел., а максимальная – 1534 чел.

Исходя из данных табл. 1, наибольший процент жителей уезда (34,3 %) приходился на большие населенные пункты с численностью 201–500 чел. 27,7 % сельского населения проживало в поселениях со средней людностью (51–200 чел.). Чуть меньшая доля жителей, 25 %, приходилась на крупные СНП (501–1000 чел.). В малых пунктах (до 50 чел.) проживало 4 % сельских жителей уезда. Самыми крупными СНП в Усть-Сысольском уезде, по данным «Списка населенных мест Вологодской губернии за 1859 г.», были с. Керчемское с численностью 1534 чел., Кажимский железодельный завод (1422), села Вильгорт (1420) и Усть-Кулом (1025). В этих четырех самых крупных селах концентрировалось 8,8 % сельского населения уезда.

В Яренском уезде, по данным Списка за 1859 г., насчитывалось 249 населенных пунктов, из них один город и 248 СНП. Всех сельских жите-

лей в уезде значилось 31 910 чел. (15 011 муж. и 16 899 жен.). В уезде зафиксировано 24 села, они составляли 9,8 % всех СНП, оставшиеся 90,2 % приходились на деревни, их насчитывалось 224. Самыми распространенными по людности были малые (до 50 чел.) и средние (51–200 чел.) поселения, они составляли соответственно 39,1 и 38,3 % от всех СНП. Большие поселения (201–500 чел.) также занимали значительный процент – 19,8. Доля крупных поселений была совсем небольшой – 2,4 %, это еще ниже, чем в Усть-Сысольском уезде. В самом крупном населенном пункте уезда д. Серег-Ыб значилось 1229 жителей. Средняя людность СНП уезда составляла 128,7 чел., минимальная – 3.

Данные табл. 2 показывают, что в малых СНП было сосредоточено 7,4 % сельских жителей, 12,6 % населения уезда проживало в крупных СНП, а 28,4 % – в средних. Большие СНП (201–500 чел.), в уезде их насчитывалось 49, аккумулировали в себе 47,7% сельчан. Можно отметить, что распределение жителей Яренского уезда по СНП происходило иначе, чем в Усть-Сысольском уезде. СНП с людностью 201–500 чел. концентрировали почти половину жителей Яренского уезда, в то время как в Усть-Сысольском уезде население распределялось между группами средних, больших и крупных СНП более равномерно.

Таблица 2

Распределение сельских населенных пунктов Яренского уезда по числу жителей, 1859 год [13]

СНП с численностью человек	Кол-во СНП		Кол-во человек в СНП	% от общей численности сельского населения
	абс.	% СНП		
1–50	97	39,1	2365	7,4
51–200	95	38,3	9063	28,4
201–500	49	19,8	15 223	47,7
501–1000	6	2,4	4030	12,6
Свыше 1000	1	0,4	1229	3,9
Итого	248	100,0	31 910	100,0

Во втором стане Мезенского уезда Архангельской губернии, в дальнейшем составившего Печорский уезд, насчитывалось 97 СНП, в которых проживало 17 713 чел. (8455 муж. и 9258 жен.). Деревень значилось 67, они составляли 65 % сельских поселений, 14,5 % приходилось на долю сел (15), 11,6 % – на долю выселков (12), также были зафиксированы два поселка и один скит (Великопожеский). Наибольшее число выселков значилось в Усть-Сысольском уезде, но в процентном соотношении их доля была выше во втором стане Мезенского уезда, в Яренском выселков не значилось.

Средняя людность поселений составляла 182,6 чел. Минимальная населенность СНП – 2 чел., максимальная – 2154. Подробное распределение СНП второго стана Мезенского уезда по числу жителей представлено в табл. 3.

Таблица 3
Распределение сельских населенных пунктов второго стана Мезенского уезда по числу жителей, 1859 год [14]

СНП с численностью человек	Кол-во СНП		Кол-во человек в СНП	% от общей численности сельского населения
	абс.	% СНП		
1–50	35	36,1	921	5,2
51–200	44	45,4	5108	28,8
201–500	13	13,4	4271	24,1
501–1000	1	1,0	823	4,6
Свыше 1000	4	4,1	6590	37,2
Итого	97	100,0	17 713	100,0

Данные табл. 3 показывают, что в поселенческой сети по второму стану Мезенского уезда преобладали малые и средние населенные пункты, на их долю приходилось 36,1 и 45,4 % соответственно. Малые СНП аккумулировали около 5 % всех жителей, средние – около 29 %. Далее по распространенности шли крупные поселения (201–500 чел.), в них проживало 24 % населения. Наибольший процент жителей (37,2 %) был сконцентрирован в четыре самых крупных СНП: селах Усть-Цыльма (1411 чел.), Ижма (1453), Могченское (Мохча) (1572), Сизябское (2154).

Еще одной важной характеристикой сети сельских поселений является классификация селений по числу дворов. В Усть-Сысольском уезде во всех СНП числилось 8440 дворов. По произведенным подсчетам среднее поселение уезда к 1859 г. насчитывало 25 дворов. Максимальное количество дворов в населенном пункте уезда – 232, минимальное – 1. Всего в уезде было отмечено девять поселений с одним двором. Средняя людность двора, по имеющимся данным, составляла – 7 чел. По Яренскому уезду в 1859 г. зафиксировано 4720 дворов. На одно поселение по уезду в среднем приходилось 19 дворов, максимальное значение дворов в одном населенном пункте – 156, минимальное – 1. В Яренском уезде насчитывалось 12 СНП с одним двором. Средняя людность двора равнялась 6,8 чел. Во втором стане Мезенского уезда во всех СНП имелось 2323 двора. Среднее значение дворности поселений составляло 24 двора. Максимальное число дворов в одном пункте – 211, минимальное – 1. В стане имелось два населенных пункта с одним двором. Средняя людность двора здесь имела наиболее высокие значения – 7,6 чел.

Таблица 4

*Распределение сельских населенных пунктов Коми края
по количеству дворов, 1859 год [15]*

Кол-во дворов	Усть-Сысольский уезд		Яренский уезд		Второй стан Мезенского уезда	
	Число СНП	% СНП	Число СНП	% СНП	Число СНП	% СНП
1–10	133	39,3	131	52,8	39	40,2
11–25	105	31,1	55	22,2	34	35,1
26–50	56	16,6	40	16,1	14	14,4
51–100	30	8,9	18	7,3	6	6,2
101–250	14	4,1	4	1,6	4	4,1
Всего	338	100,0	248	100,0	97	100,0

Как показывают данные табл. 4, в поселенческой сети края с середины XIX в. преобладали населенные пункты с малым числом дворов, от 1 до 10, затем по распространенности шли СНП с числом дворов от 10 до 25. Далее были распространены среднедворные поселения (26–50 и 51–100 дворов), в общей сложности их доля составляла от 20 до 25 %. В наименьшей степени были представлены поселения, имеющие свыше сотни дворов.

Сложившаяся сеть поселений Коми края отличалась тем, что больше половины всех пунктов имели приречное расположение, далее шли пункты при ручьях, ключах, озерах и болотах, и только около 7 % населенных пунктов размещались при колодцах.

Самым распространенным типом поселения была деревня с людностью до 200 чел. Средняя людность населенного пункта в целом по Коми краю к началу 1860-х гг. составляла 164 чел., минимальная – 2 чел., максимальная – 2154 чел. В поселенческой сети края с середины XIX в. преобладали населенные пункты с малым числом дворов, от 1 до 25. В наименьшей степени были представлены поселения, имеющие свыше сотни дворов. Сложившаяся сеть поселений Коми края отличалась тем, что больше половины всех пунктов имели приречное расположение, далее шли пункты при ручьях, ключах, озерах и болотах, и при колодцах.

Для дореволюционного периода можно выделить «центры притяжения» – населенные пункты, совмещающие в себе несколько социальных и административных функций, в них располагались церкви, волостные правления, сельские расправы (судебные учреждения), приходские училища, пристани, организовывались ярмарки. В 1850-х гг. по Коми краю к таковым относились села Зеленец, Вильгорт, Визинга, Небдин, Усть-Кулом, Обьячево, Иртовское, Ертомское, Турьинское, Сереговское, Усть-Вымское, Усть-Цылемское, Ижма и деревни Ыб, Бор.

Во второй половине XIX в. большую часть сети Коми края составляли населенные пункты, имевшие статус деревни. Среди крупных по количеству дворов и числу жителей поселений преобладали те, которые имели статус села. Большая часть многодворных поселений располагалась в Усть-Сысольском уезде. Во второй половине XIX в. происходило расширение сети сельских населенных пунктов края, что было связано с ростом численности населения и освоением новых ранее пустовавших территорий.

Исследование выполнено в рамках реализации государственного задания ФИЦ Коми НЦ УрО РАН по теме «Трансформации общества, власти и экономики на Европейском Северо-Востоке России» (номер государственного учета 122040800166-0).

Литература

1. Латкин, В. Н. Дневник во время путешествия на Печору 1840 и 1843 гг. / В. Н. Латкин // Записки Императорского Русского географического общества. Кн. 7. Ч. I, II. – Санкт-Петербург, 1853. [6], 154, [2], 143 с.
2. Жеребцов, И. Л. Историография историко-демографических исследований в Республике Коми / И. Л. Жеребцов // Историография коми. – Сыктывкар, 1999. – С. 4.
3. Котов, П. П. Вопросы переселения в Коми край в конце XIX–начале XX века и экспедиция П. И. Соколова / П. П. Котов // Ежегодник финно-угорских исследований. – 2020. – Т. 14, № 1. – С. 94–102.
4. Жеребцов, И. Л. Очерки истории становления гуманитарной науки в Коми / И. Л. Жеребцов, Е. Н. Рожкин. – Сыктывкар : Полиграфсервис, 2006. – 136 с.
5. Жеребцов, Л. Н. Формирование этнической территории коми: Доклад на заседании Президиума Коми филиала АН СССР 11 февраля 1977 г. / Л. Н. Жеребцов. – Сыктывкар : АН СССР; Коми филиал, 1977. – 28 с.
6. Лашук, Л. П. Формирование народности коми / Л. П. Лашук. – Москва : Изд-во Моск. ун-та, 1972. – 292 с.
7. Жеребцов, И. Л. Коми край в XVIII–XIX веке: территория и население / И. Л. Жеребцов. – Сыктывкар, 1998. – 176 с.
8. Жеребцов, И. Л. Население Коми края в конце XV–начале XX века: численность, миграции, факторы демографического развития / И. Л. Жеребцов // Историческая демография. – 2008. – № 2. – С. 8–15.
9. Фаузер, В. В. Республика Коми на рубеже веков: демография, миграция, расселение / В. В. Фаузер. – Ижевск : ООО «Принт», 2023. – 308 с.

10. Энциклопедический словарь / под ред. проф. И. Е. Андреевского. – Санкт-Петербург : Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон, 1890–1907. Т. 7: Волапюк – Выговские. Т. 7. – 1892. – 480 с.
11. Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. / Изд-во Центр. стат. ком. М-ва внутр. дел; под ред. Н. А. Тройницкого. I. Архангельская губерния: Тетр. 1. – Санкт-Петербург, 1899. [2], IV, 46 с.; VII. Вологодская губерния: Тетр. 1. – Санкт-Петербург, 1901. II, 54 с.
12. Списки населенных мест Российской империи, составленные и издаваемые Центральным статистическим комитетом Министерства внутренних дел. – Санкт-Петербург: изд. Центр. стат. ком. М-ва внутр. дел, 1861–1885. Вып. 7: Вологодская губерния: по сведениям 1859 года / сост. и изд. Центр. стат. ком. М-ва внутр. дел; обраб. Е. Огородниковым. – 1866. – XXXIV, 520. – С. 346–362.
13. Списки населенных мест Российской империи, составленные и издаваемые Центральным статистическим комитетом Министерства внутренних дел. – Санкт-Петербург : изд. Центр. стат. ком. М-ва внутр. дел, 1861–1885. Вып. 7: Вологодская губерния: по сведениям 1859 года / сост. и изд. Центр. стат. ком. М-ва внутр. дел; обраб. Е. Огородниковым. – 1866. – XXXIV, 520. – С. 431–443.
14. Списки населенных мест Российской империи, составленные и издаваемые Центральным статистическим комитетом Министерства внутренних дел. – Санкт-Петербург : изд. Центр. стат. ком. М-ва внутр. дел, 1861–1885. Вып. 1: Архангельская губерния: по сведениям 1859 года / обраб. ред. Е. Огородниковым. – 1861. – XXIII. – С. 31–35.
15. Списки населенных мест Российской империи, составленные и издаваемые Центральным статистическим комитетом Министерства внутренних дел. – Санкт-Петербург : изд. Центр. стат. ком. М-ва внутр. дел, 1861–1885. Вып. 1: Архангельская губерния: по сведениям 1859 года / обраб. ред. Е. Огородниковым. – 1861. – XXIII. – С. 31–35; Вып. 7: Вологодская губерния: по сведениям 1859 года / сост. и изд. Центр. стат. ком. М-ва внутр. дел; обраб. Е. Огородниковым. – 1866. – XXXIV. – С. 346–362.

О МЕТОДИЧЕСКИХ ПОДХОДАХ К ОЦЕНКЕ ПРОДОВОЛЬСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

Ж. Е. Войтёнок

*Полоцкий государственный университет имени Евфросинии Полоцкой,
г. Новополоцк*

Введение. В Республике Беларусь проблемам обеспечения продовольственной безопасности уделяется огромное внимание, ведь продовольственная безопасность – это основа экономической безопасности, а без обеспечения экономической безопасности невозможна национальная безопасность государства [1]. Поэтому исследование вопросов оценки продовольственной безопасности является актуальным.

Основная часть. Продовольственная безопасность страны – это такое состояние экономики, при котором независимо от влияния конъюнктуры мировых рынков и других внешних факторов жителям страны на всей территории гарантируется доступность к продовольствию в количестве, необходимом для активной, здоровой жизни, а также создаются социально-экономические условия для поддержания потребления основных продуктов питания на рациональном уровне.

В настоящее время Беларусь выходит на новый уровень решения задач продовольственной безопасности. Требуется обеспечить высокое качество питания для населения, востребованность белорусской продукции на внешних рынках, интеграцию в мировой продовольственный рынок. Основой действующей системы обеспечения продовольственной безопасности является утвержденная Постановлением Совета Министров Республики Беларусь № 962 от 15 декабря 2017 г. «Доктрина национальной продовольственной безопасности Республики Беларусь до 2030 года» (далее – Доктрина) [2].

Сейчас в Республике Беларусь Доктрина является основным нормативным актом, в соответствии с которым производится оценка продовольственной безопасности. В главе 6 Доктрины определены критерии национальной продовольственной безопасности, в главе 7 установлено более 40 индикаторов состояния национальной продовольственной безопасности. Анализ индикаторов состояния национальной продовольственной безопасности Республики Беларусь будет проведен впоследствии. В данной статье проанализируем соответствие текущего положения дел критериям и параметрам оценки национальной продовольственной безопасности.

Критерий «Устойчивое развитие и повышение эффективности агропродовольственного комплекса» включает:

1.1. Достижение установленных параметров собственного производства сельскохозяйственной продукции сырья и продовольствия (табл. 1)

Таблица 1

Информация о достижении параметров собственного производства сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия в Республике Беларусь в 2020–2022 годах [3]

Наименование продукции	Уровни продовольственной безопасности		Прогнозные значения Доктрины		Фактические значения		
	Критический	Оптимистический	2020 г.	2030 г.	2020 г.	2021 г.	2022 г.
Зерно, тыс.	6 000	9 000	10 000	11 500	8 661	7 320	8 107
Картофель, тыс.	5 100	6 000	5 628	6 000	3 708	3 405	3 857
Овощи, тыс.	1 100	1 700	1 605	1 900	2 796	2 724	2 861
Фрукты и ягоды, тыс.	700	1 100	550	580	770,3	609,4	820
Масло растительное, тыс.	130	220	300	350	-	400,5*	-
Сахар, тыс.	310	640	631	631	-	529,5*	-
Мясо (убойный вес), тыс.	900	1 500	1 300	1 517	1281	1250	1 121
Молоко, тыс.	4 500	7 500	9 200	10 500	7 753	7 811	7 871
Рыба, тыс.	28	33	28	33	9,4	9,5	8,1**
Яйца, млн. штук	2 000	2 900	3 914	4 200	3 492	3 524	3 462

Примечание: источники данных *[4]; **[5].

Как свидетельствуют данные табл. 1, фактические объёмы собственного производства сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия в Республике Беларусь в 2020–2022 гг. практически по всем видам продовольственной продукции (за исключением картофеля и рыбы) превышают критический уровень безопасности и приближаются к оптимистическому, что является положительным моментом. Тем не менее необходимо развивать рыбоводство и наращивать производство картофеля.

1.2. Обеспечение эффективности и безубыточности сельского хозяйства, а также роста уровня рентабельности продаж до 11–13 % к 2030 г. (анализ приведем в табл. 2)

Таблица 2

Рентабельность продаж сельскохозяйственных предприятий в Республике Беларусь в 2020–2022 годах [3]

Показатель	Прогнозные значения Доктрины	Фактические значения		
		2020 год	2021 год	2022 год
Рентабельность продаж, %	11–13	5,3	6,1	9,3

Как свидетельствуют данные табл. 2, сельскохозяйственные предприятия в целом по республике с 2020 года увеличивают рентабельность продаж и приближаются к прогнозному значению Доктрины. Для достижения прогнозных значений необходимо добиваться большей прибыли от продаж.

1.3. Рост доли сельскохозяйственных земель, используемых для получения органической продукции, в общей площади до 3 % к 2030 г.

В настоящее время доля сельскохозяйственных земель, используемых для получения органической продукции, в общей площади составляет около 1 %. Органическую продукцию в основном производят в частных подсобных хозяйствах. Необходимо расширять посевные площади, обрабатываемые только органическими удобрениями.

Критерий «Насыщение внутреннего рынка качественными продуктами питания отечественного производства (при увеличении доли продуктов здорового питания и органических пищевых продуктов до 20 %)» включает обеспечение достаточного уровня экономической доступности продуктов питания для населения за счет:

2.1. Рост реальных располагаемых денежных доходов в 1,15–1,27 раза к 2020 г., в 1,14–1,24 раза к 2030 г.;

По данным Национального статистического комитета [6], рост реальных располагаемых доходов в 2020 г. к 2015 г. составил 114,8 %, в 2021 – 117,1 %, в 2022 – 112,9 %. Таким образом, необходимо увеличивать реальные располагаемые денежные доходы

2.2. Достижения оптимального уровня расходов на питание в структуре потребительских расходов населения до 35 % к 2020 г. и до 33 % к 2030 г.

По данным выборочного обследования домашних хозяйств по уровню жизни, в 2021 г. в структуре потребительских расходов домашних хозяйств доля расходов на питание составила 39,3 %, а в 2022 г. расходы на питание составляли 38,7 %. Таким образом, по данному критерию параметры достигнуты.

Критерий «Повышение эффективности внешней торговли сельскохозяйственной продукцией и продовольствием» предусматривает:

3.1. Развитие экспортного потенциала и увеличение доли экспорта в стоимости произведенной сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия до 40 % к 2020 г. (по отношению к среднему уровню за 2010–2015 гг.) и до 45 % к 2030 г.

По данным Национального статистического комитета², экспорт сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия в процентах к общему объему экспорта в 2019 г. составлял 16,8 %, в 2020 – 19,8 %, в 2021 – 16,9 %. Таким образом, необходимо практически в два раза наращивать экспорт сельскохозяйственной продукции.

3.2. Снижение импортной составляющей в затратах на производство сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия до 20–22 % к 2020 г. и до 18–20 % к 2030 г.

По данным Института системных исследований в АПК НАН Беларуси [7], в сельскохозяйственных организациях за последние годы совокупный уровень использования импортных материальных ресурсов имеет тенденцию к росту. Особо значителен рост материальных затрат на средства защиты растений и животных. Удельный вес использованного привозного сырья, материалов, покупных изделий, топлива в материальных затратах находится на уровне 23–24 %. Таким образом, необходимо особое внимание уделять созданию отечественных средств защиты растений и животных.

3.3. Снижение доли продовольственных товаров импортного производства в объеме продаж организаций торговли на внутреннем рынке до 15 % к 2020 г. и до 14 % к 2030 г.

По данным Национального статистического комитета [3], доля продовольственных товаров импортного производства в объеме продаж организаций торговли на внутреннем рынке в 2020 г. составляла 20,5 %, в 2021 – 22,5 %, в 2022 – 22,1 %. Министерство антимонопольного регулирования и торговли Республики Беларусь отмечает [8], что высокой остается доля отдельных импортных продуктов в розничном товарообороте организаций торговли: фруктов – 87,9 %, масла растительного – 89,8 %, рыбы – 88,8 %, крупы гречневой – 65,8 %, сахаристых кондитерских изделий – 47,4 %, фруктовых и овощных соков – 28,8 %, макаронных изделий – 34,1 %. Таким образом, по этим товарным позициям необходимо активно развивать отечественное производство.

Заключение. Разработанные в Республике Беларусь методические подходы к оценке продовольственной безопасности экономически обоснованны и целесообразны, позволяют эффективно оценивать складывающуюся экономическую ситуацию. Результаты анализа показывают, что прогнозные значения критериев национальной продовольственной безопасности в основном достигаются. Тем не менее, необходимо развивать отечественные производства экспортоориентированно, а импорт должен способствовать расширению возможностей экспорта. Развивая белорусское сельскохозяйственное производство, достигается продовольственная, экономическая и национальная безопасность.

Литература

1. Устойчивое развитие малых и средних городов Беларуси и российского Севера в условиях агломерационного эффекта / В. Л. Гурский [и др.];

- науч. ред.: В. Л. Гурский, В. В. Фаузер, С. Ю. Солодовников. – Минск : Беларуская навука, 2023. – С. 47–73.
2. О Доктрине национальной продовольственной безопасности Республики Беларусь до 2030 года: Постановление Совета Министров Республики Беларусь от 15.12.2017 № 962. – URL : <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=C21700962> – Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь.
 3. Сельское хозяйство Республики Беларусь 2023 / Статистический буклет. – URL : <https://www.belstat.gov.by/upload/iblock/e44/omhrgtzoda196g3yr9b2r81r71vexa2k.pdf> – Официальный сайт Национального статистического комитета Республики Беларусь.
 4. Производство масла растительного, производство сахара (кроме мелассы) / База данных. – URL : https://www.belstat.gov.by/ofitsialnaya-statistika/realny-sector-konomiki/promyshlennost/godovye_dannwe_prom/ – Официальный сайт Национального статистического комитета Республики Беларусь.
 5. Промысловый улов рыбы / База данных. – URL : <http://dataportal.belstat.gov.by/Indicators/Preview?key=178781> – Официальный сайт Национального статистического комитета Республики Беларусь.
 6. Статистический ежегодник Республика Беларусь 2023 Статистический буклет. – URL : <https://www.belstat.gov.by/upload/iblock/0a7/lk1zigmat2zbcwvo3ljrfm1tow2f5zd2.pdf> – Официальный сайт Национального статистического комитета Республики Беларусь.
 7. Оптимизация импортных потоков в рамках стратегии импортозамещения в АПК Республики Беларусь / Электронный ресурс. – URL : <https://innosfera.belnauka.by/jour/article/download/164/158>.
 8. Деятельность МАРТ / Электронный ресурс. – URL : <https://www.mart.gov.by/activity/torgovlya-i-uslugi/rekomendatsii-po-obespecheniyu-soblyudeniya-polozheniy-doktriny-natsionalnoy-prodovolstvennoy-bezopa/> – Официальный сайт Министерства антимонопольного регулирования и торговли Республики Беларусь.

ВЛИЯНИЕ ТЕХНОЛОГИЧНОСТИ ПРОДУКЦИИ НА УСТОЙЧИВОСТЬ РАЗВИТИЯ ПРЕДПРИЯТИЯ

Д. О. Дроздов, аспирант

Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского, г. Омск

Развитие производственных и социально-экономических систем связано с технологичностью выпускаемой продукции. Производство высокотехнологичной продукции сосредоточено на предприятиях, выпуска-

ющих продукцию гражданского и двойного назначения. Производство высокотехнологичной продукции наиболее часто зависит от отраслевой принадлежности предприятия, а также от его производственных возможностей. Немаловажную роль играет и выбор направления производства для повышения доли продукции гражданского и двойного назначения в общем объеме выпуска.

На основании Приказа Минпромторга России от 03.07.2015 г. № 1828 «Об утверждении перечня организаций, включенных в сводный реестр организаций оборонно-промышленного комплекса» выделены следующие отрасли промышленности: авиационная, средств связи, ракетно-космическая, судостроительная, электронная, радиопромышленность и т.д. К другим отраслям относятся машиностроение, научно-исследовательские центры, фармацевтическая промышленность, швейная промышленность и т.п. Наибольшее количество предприятий, производящих продукцию гражданского и двойного назначения, относятся к сфере авиационной промышленности (14 %), радиопромышленности (12 %) и судостроительной промышленности (10 %) [1]. Таким образом, производство продукции гражданского и двойного назначения в области, схожей с основной отраслевой принадлежностью предприятия, является наиболее эффективной и дает наилучший результат.

Для исследования направлений выпуска продукции гражданского назначения выбрано предприятие ООО «Вектор», которое по основному направлению деятельности относится к радиотехнической отрасли. Деятельность для гражданского рынка сгруппирована по следующим составляющим: производство медоборудования; производство электроники, в том числе производство интегральных электронных схем, электронных печатных плат и др.); аппаратостроение, в том числе производство компьютеров, радиоаппаратуры и телевизионной аппаратуры; производство навигационных приборов и прочих приборов для измерения и контроля; научные исследования и разработки; транспортировка и грузоперевозка; деятельность в области защиты информации и другие направления деятельности.

Предприятие владеет широким диапазоном выбора типа гражданской продукции для производства и последующей реализации. Вместе с тем некоторые перечисленные направления согласно Перечню высокотехнологичной продукции, работ и услуг с учетом приоритетных направлений модернизации российской экономики, утвержденному приказом Минпромторга России от 16.09.2020 г. № 3092 [2], относятся к высокотехнологичной продукции: производство компьютеров, навигационных приборов и периферийного оборудования, медтехники, научные исследования и разработки.

Анализ долевого участия выручки от реализации продукции, работ, услуг гражданского назначения в общем объеме выручки от реализации продукции, работ, услуг ООО "Вектор" за период с 2016 по 2021 г. отразил низкую долю в пределах 0,61–0,97 % (рис. 1).

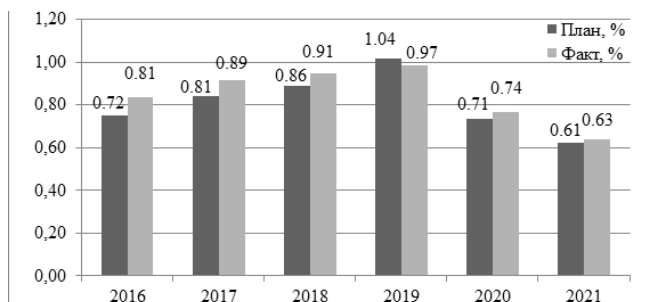

Рисунок 1. Доля выручки от реализации продукции, работ и услуг гражданского назначения в общем объеме выручки от реализации продукции, работ и услуг ООО «Вектор», %.

Источник: здесь и рис. 2–5: составлено автором.

По данным, приведенным на рис. 1, можно предположить наличие низкого спроса на продукцию и услуги гражданского назначения ООО «Вектор». Также отметим значительное отставание от показателя по стране – более чем 24 п.п. за 2020 г., а по Омской области, по данным на 2020 г., – более чем на 9 п.п. [3] Для выявления причин низкого спроса на продукцию и услуги ООО «Вектор» необходимо дать аналитическую оценку выручки в стоимостном выражении (рис. 2).

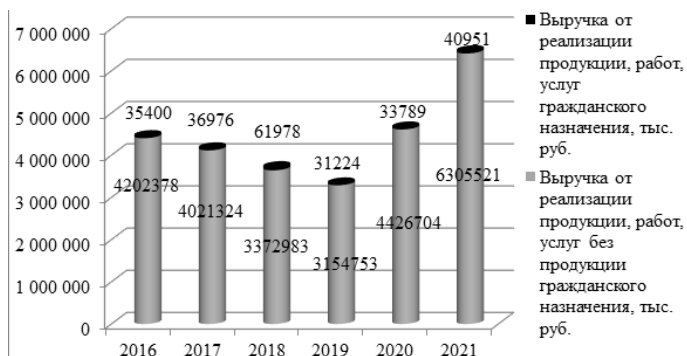

Рисунок 2. Динамика выручки от реализации продукции, работ и услуг ООО «Вектор», тыс. руб.

На рис. 2 показано, что предприятие практически не реализует продукцию, работы, услуги гражданского назначения, имеет сильную

зависимость от заказов продукции двойного назначения. При этом по номенклатуре продукция «гражданского» рынка относится к категории дорогостоящей. Несмотря на многономенклатурность видов осуществляемой деятельности, а следовательно, и возможности выбора «гражданского» рынка для входа, ООО «Вектор» с момента реализации программы диверсификации производства не заняло нишу на рынке. Текущий уровень выручки от реализации продукции, работ и услуг гражданского назначения недостаточен для устойчивой и бесперебойной деятельности.

Для того, чтобы расширить профильность выпуска продукции на «гражданский» рынок и результат деятельности на рынке, рассмотрим структуру выручки от гражданской продукции и услуг (рис. 3).

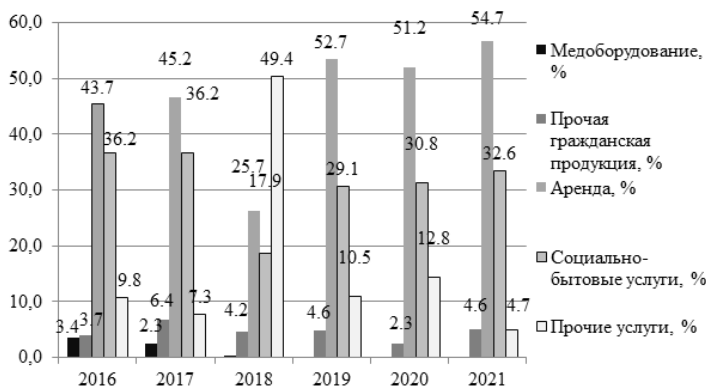

Рисунок 3. Структура выручки от реализации продукции, работ и услуг гражданского назначения ООО «Вектор», %.

Представленную структуру можно разделить на две укрупненные группы: выручка, полученная в результате деятельности, не связанной с основными производственными и научными возможностями; выручка, полученная вследствие реализации деятельности от основных производственных и научных возможностей.

Так, основная доля в выручке от реализации продукции, работ и услуг гражданского назначения в размере от 43,7 до 54,7 % ежегодно приходится на получение суммы за аренду площадей предприятия, за исключением данных за 2018 г. – 25,7 %. К социально-бытовым услугам, осуществляемым ООО «Вектор», относится деятельность внутренних подразделений предприятия.

Во второй укрупненной группе наиболее высокая доля принадлежит выручке от прочих услуг – от 4,9 до 14,3 %. К этой группе относим услуги по защите информации, которые необходимы также при реализации основной деятельности предприятия, и производственно-технические

услуги, осуществляемые при использовании средств основного производства. Наименьшую долю занимает произведенная продукция гражданского назначения. При этом производимая гражданская продукция относится к высокотехнологичной на основании Перечня высокотехнологичной продукции, работ и услуг.

Таким образом, можно констатировать отсутствие заказов и доли на рынке. Текущая структура выручки, при которой лидирующие позиции занимает деятельность, не связанная с производственными возможностями предприятия, некорректна, так как, с одной стороны, свободные площади предприятия ограничены, а реализация собственной продукции ограниченному числу лиц, и тем более внутри предприятия, не способствует развитию производственных возможностей, выходу на новый рынок, а также расширению базы заказчиков. С другой стороны, цель развития заключается в увеличении производства продукции гражданского и двойного назначения и реализации этой продукции потребителям наряду с гражданскими предприятиями.

Для развития гражданской продукции и услуг предприятием проводится работа по исследованию рынка, поиску потребителей, представлению продукции гражданского и двойного назначения и разработке новых видов продукции и услуг как в рамках производственных возможностей ООО «Вектор», так и при расширении таких возможностей. Как показало исследование структуры выручки, выпускаемая продукция не представляет интереса для большинства потребителей. Поэтому предприятие не планирует развивать деятельность в области услуг по защите информации и передаче производственных площадей и участков земли в аренду, поскольку доход от этих видов деятельности является статичным и не приводит к увеличению доли выручки.

Кроме этого, на рис. 4 показано, что с 2022 г. планируется увеличение объема реализации, связанной с оказанием невысокотехнологичных услуг более чем в 5,75 раза. Однако, несмотря на растущую тенденцию, с 2022 по 2025 г. объем оказанных услуг не изменяется, что говорит об

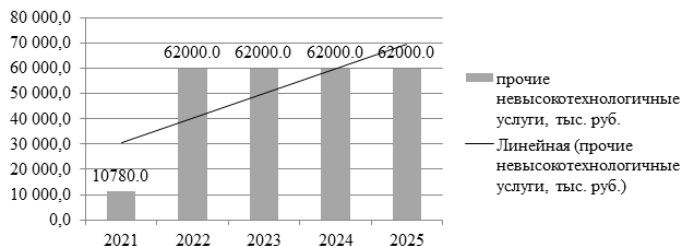

Рисунок 4. План объема реализации прочих невысокотехнологичных услуг на 2021–2025 гг., тыс. руб.

отсутствии дальнейшего развития направления по оказанию невысокотехнологических услуг.

На рис. 5 также отражен растущий тренд по оказанию производственно-технологических услуг с резким ростом более чем в 358 раз на 2022 г., но без дальнейшего развития такой деятельности.

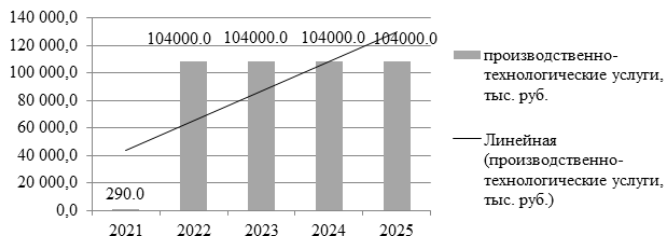

Рисунок 5. План объема реализации производственно-технологических услуг на 2021–2025 гг., тыс. руб.

В ООО «Вектор» в 2021 г. разработан и утвержден перечень видов продукции гражданского и двойного назначения, которые уже сейчас предприятие может реализовать для потребителей (табл. 1).

Таблица 1

Перечень видов продукции, работ и услуг гражданского и двойного назначения ООО «Вектор»

Область компетенций	Вид продукции, работ и услуг
Заготовительно-штамповочное производство	Резка листового материала на ножницах, резка проката цветных и черных металлов, штамповочные операции из ленты или полосы на прессах
Литейное производство	Литье деталей из алюминиевых сплавов, литье под давлением деталей из алюминиевых сплавов
Механообрабатывающее производство	Сверление отверстий, нарезание резьбы
Листообрабатывающее производство	Выполнение гибких разверток, раскрой металлических листов
Производство по переработке пластмасс и изготовление резинотехнических изделий	Прессование реактопластов, литье термопластов под давлением, прессование резиновых смесей
Производство продукции гражданского назначения	Измеритель-сигнализатор температуры (ИСТ), 2G/3G модем, корпуса серверов, фильтр для спутникового телевидения, антенна измерительная рупорная, сверхширокополосная логопериодическая и спиральная антенны, широкополосные плоские спиральные антенны сантиметрового и миллиметрового диапазона, широкополосная рупорная антенна миллиметрового диапазона
Услуги в области защиты государственной тайны	Аттестация объектов информатизации в соответствии с требованиями ФСТЭК России

Источник: составлено автором.

Из табл. 1 видно, что предприятие имеет возможность выпускать продукцию гражданского и двойного назначения в следующей отраслевой принадлежности: радиоэлектроника, микроэлектроника, медицина. Однако исследование планов по объему реализации продукции на «гражданский» рынок показало поштучный выпуск в стоимости значительно ниже объема реализации всех услуг.

Можно отметить, что ООО «Вектор» до 2025 г. запланировало в основном разработку новой продукции и услуг. В качестве перспективного направления обозначено производство медоборудования в соответствии с отраслевой направленностью. Прогнозируемая суммарная выручка по продукции медицинской отрасли за период с 2021 по 2030 г. в размере 143 млн. руб. по-прежнему будет недостаточной, при том, что продукция медицинской отрасли – одна из основных статей в структуре выручки. Увеличение доли продукции гражданского и двойного назначения планируется за счет новых разработок, однако, согласно Стратегии по 2025 г., не предполагает проведение мероприятий по разработке новых видов продукции и услуг. Планируемая общая выручка от реализации продукции, работ и услуг на «гражданский» рынок по выбранным профилям производства минимальна и не сможет обеспечить необходимый объем выручки для увеличения доли продукции гражданского и двойного назначения. При этом разработка новой продукции и услуг планируется с 2026 г., что показывает наличие временного лага по 2025 г., предоставленного на проведение аналитических работ: исследование рынка, выявление потребительского сегмента, технологическую модернизацию предприятия [4] и т.д.

Таким образом, можно заключить, что предприятие при выборе направления выпуска продукции гражданского и двойного назначения руководствуется спецификой отрасли основной продукции, а та часть технологического процесса производства, которая может быть использована для продукции на гражданский рынок, определяет отрасль производства гражданской продукции.

Проведенное исследование показало, что предприятиям для получения эффективного результата от реализации продукции гражданского и двойного назначения предпочтительнее производить продукцию в рамках имеющихся мощностей и со схожим технологическим процессом. Однако помимо этого, необходимо интегрировать процесс производства по выбранной продукции для «гражданского» рынка с потребностями рынка. В табл. 2 приведем отличительные черты видов продукции [5].

Согласно данным табл. 2, предприятия могут свободно действовать на рынке гражданской продукции, где применяются те же законы и правила, в рамках которых действуют другие коммерческие предприятия,

Таблица 2

Параметры видов производимой продукции

Параметр	Гражданская продукция	Продукция специального назначения	Продукция двойного назначения
Сфера потребления товаров	Гражданская сфера	Военная сфера	Военная и гражданская сферы
Потребитель	Обычный потребитель, не зависящий от сферы деятельности	Министерство обороны РФ	Министерство обороны РФ, обычный потребитель, не зависящий от сферы деятельности
Тип рынка	Открытый	Закрытый	Закрытый
Формирование спроса на продукцию	Потребности рынка	Потребности военного потребления	Потребности военного потребления и рынка
Регламентированность ценообразования	Не регламентировано	Жестко регламентировано	Регламентировано

удовлетворяющие спрос обычного потребителя. В результате предприятие, выпускающее продукцию гражданского и двойного назначения, сталкивается с вопросом о том, какие преимущества необходимо использовать при выборе производства высокотехнологической продукции.

В заключении проведенного исследования, следует отметить, что доля выпуска высокотехнологичной продукции в общем объеме произведенной продукции должна иметь тенденцию к увеличению. Данный результат, как правило, складывается за счет деятельности предприятий, действовавших по одному из направлений: производство схожей с продукцией основной специфики продукции для «гражданского» рынка; производство продукции с использованием имеющихся сырья и материалов; производство продукции с передачей части технологического процесса на технологическую кооперацию.

Литература

1. Приказ Минпромторга России от 03.07.2015 г. № 1828 «Об утверждении перечня организаций, включенных в сводный реестр организаций оборонно-промышленного комплекса». – URL : <http://www.intgs.ru/assets/images/docs/lic/pdf/reestr-vpk-minpromtorg-perechen-opk-07.2015-prikaz-1828.pdf> (дата обращения: 07.12.2023).
2. Приказ Минпромторга России от 16.09.2020 г. № 3092 «Об утверждении Перечня высокотехнологичной продукции, работ и услуг с учетом приоритетных направлений модернизации российской экономики». – URL : <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202010210015> (дата обращения: 07.12.2023).

3. РСПП: Стратегии и проблемы ОПК в регионах. – URL : <https://dfnc.ru/c106-technika/rspp-strategii-i-problemy-opk-v-regionah/> (дата обращения: 07.12.2023).
4. Миллер, А. Е. Разработка программы устойчивости технологического развития промышленного предприятия / А. Е. Миллер, Д. О. Дроздов // Омский научный вестник. Сер. Общество. История. Современность. – 2023. – Т. 8, № 2. – С. 121–129.
5. Официальный сайт ПАО «ОАК». – URL : <https://uacrussia.ru/ru/> (дата обращения: 07.12.2023).

ИСТОРИОГРАФИЯ РАБОТ ПО ДЕМОГРАФИИ РЕСПУБЛИКИ КОМИ: 1969–2016 ГОДЫ

***И. Л. Жеребцов**, д-р ист. наук*

*Институт языка, литературы и истории ФИЦ Коми НЦ УрО РАН,
г. Сыктывкар*

***В. В. Фаузер**, канд. экон. наук*

Публичное акционерное общество «Лукойл», г. Москва

Введение. Рано или поздно наступает время дать оценку, или хотя бы краткую опись, научным трудам экономистов, демографов и социологов, посвященным проблемам демографии. Работам, написанным в разные социально-экономические периоды жизни страны: до рыночных отношений и в период становления рынка и возвращения в законодательное русло частной собственности. Необходимо показать, как развивались региональные демография и социология, что они фиксировали. Насколько актуальными были проблемы, рассматриваемые в опубликованных работах. Или хотя бы сделать достоянием научной общественности издания, вышедшие малым тиражом, но имеющие и научную, и практическую ценность.

Анализ публикаций до начала 1990-х гг. показал, что монографических работ по демографии было очень мало. Больше было препринтов и статей. Объясняется это тем, что значительная часть работ по демографии имела гриф «для служебного пользования» и была закрыта для публикации в открытой печати. Не претендуя на полный охват всех работ, вышедших из-под пера коми ученых, приведем перечень основных, которые хранятся в Научной библиотеке Коми научного центра УрО РАН.

Подоплелов В. П. Средняя продолжительность жизни населения Коми АССР [1]. Основой данной работы являются таблицы смертности и средней продолжительности жизни населения Коми АССР. Эти таблицы – один из самых надежных инструментов исследования естественного движения населения. Первая публикация таблиц смертности и средней

продолжительности жизни населения нашей республики особенно значима и актуальна в канун переписи населения страны. Данные имеют как научное, так и большое практическое значение.

Подоплелов В. П. Заселение Коми АССР [2]. В работе в краткой форме изложен исторический путь заселения территории Коми АССР с древнейших времен до наших дней, показано изменение численности населения в результате развития производительных сил республики, его расселения, что способствовало освоению природных богатств северного региона нашей страны.

Подоплелов В. П., Фаузер В. В., Загайнова Г. В. Население Коми АССР [3]. Освещается динамика демографических процессов, раскрываются региональные особенности воспроизводства населения и тенденции брачно-семейных отношений. Рассматриваются основные направления региональной демографической политики.

Фаузер В. В. Влияние миграции на численность и состав населения Республики Коми [4]. Рассматривается влияние миграции на формирование населения Республики Коми в исторической ретроспективе. Исследуются взаимовлияние миграционных и этнических процессов, воздействие миграции на структуру населения. Даются направления по управлению миграцией.

Подоплелов В. П. Воспроизводство населения в Коми АССР [5]. В работе приведены обширные сравнительные данные по Коми АССР, позволяющие раскрыть демографические процессы и явления, такие как рождаемость, смертность, естественный прирост, половозрастная структура населения и продолжительность жизни. Эти данные отражают, прежде всего, изменения в социально-экономической среде, которые, в свою очередь, оказывают влияние на экономическое и социальное развитие республики.

Фаузер В. В. Проблемы формирования населения Республики Коми [6]. В монографии рассматриваются теоретические вопросы формирования населения, анализируется динамика численности населения, освещаются проблемы естественного и миграционного движений населения. Даются динамика и анализ средней продолжительности предстоящей жизни. На основе проведенного анализа и предложенного сценария протекания демографических процессов в монографии представлены варианты прогноза формирования населения на ближайшие 20 лет.

Фаузер В. В., Подоплелов В. П., Загайнова Г. В. Динамика, структура и особенности формирования населения Республики Коми [7]. В монографии рассматриваются региональные проблемы формирования населения; анализируется динамика его численности и структуры в разрезе городов и районов; дается оценка основным тенденциям, направленности и качественным характеристикам миграции; обосновываются меры региональной демографической политики.

Региональные проблемы воспроизводства и занятости населения [8]. Рассматриваются основные тенденции и характерные изменения в рождаемости, смертности и продолжительности жизни за период 1985–1994 гг. Эти изменения исследуются в разрезе городов и районов Республики Коми. Книга содержит обширный материал по расселению населения, занятости, рынку труда и безработице.

Фаузер В. В., Парначев А. А. Сельское население северного региона: проблемы воспроизводства и занятости [9]. В монографии рассматриваются особенности жизнедеятельности сельского населения; анализируется его численность и состав, воспроизводство и миграции; выявляется специфика расселения; исследуются особенности формирования рынка труда и проблемы занятости, вопросы кадровой политики. Приводится богатый статистический и социологический материал.

Сквозников В. Я., Жеребцов И. Л., Фаузер В. В., Безносова Н. П. Население Республики Коми: прошлое, настоящее, будущее (о чем рассказывают переписи) [10]. В книге впервые в научно-популярной форме рассказывается об истории проведения переписей в Коми крае со времен первого писцового описания 1481 г. до современности. Читатель узнает о том, насколько важны переписи населения, как они проводились в разные исторические эпохи, какие цели преследовали, какие данные содержали. В работе говорится и о том, на основании какой информации статистические органы получают различные сведения о численности и составе населения страны в межпереписные периоды. В издании приводятся сведения о том, сколько было жителей на территории современной Коми республики в различное время, где они жили, каков был национальный состав населения, а также другие сведения о демографических процессах, происходивших в регионе на протяжении более чем тысячелетия. Показаны изменения как в численности населения Республики Коми, так и в его основных качественных характеристиках в результате огромных социально-экономических преобразований, в распределении населения по отдельным территориям, в изменении доли городских и сельских жителей. Сведения, содержащиеся в материалах переписей населения, позволяют увидеть большие изменения и в сфере социальных отношений. Авторы дают прогноз демографического развития на будущее.

Фаузер В. В., Рожкин Е. Н., Загайнова Г. В. Республика Коми в XX веке: демография, расселение, миграция [11]. В монографии рассматриваются особенности формирования населения; анализируется его численность и состав, воспроизводство и миграция; отдельный раздел посвящен расселению населения, его взаимосвязи с характером размещения производительных сил. Приводится богатый статистический и социологический материал. Работа выполнена в рамках исследований, осуществляемых при

финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (код проекта 00-02-00001^а).

Попова Л. А. Сущность, причины и последствия современного демографического кризиса [12]. В монографии рассматриваются особенности развития демографических процессов в Республике Коми на протяжении последнего десятилетия. Определяется влияние на уровень демографических показателей изменений возрастной структуры населения, предшествующих трендов демографического развития и неблагоприятного социально-экономического контекста, обусловившего ухудшение условий реализации демографического выбора населения и изменение моделей его демографического поведения. Оцениваются последствия современного демографического кризиса, условия, необходимые для выхода из него, и перспективы демографического развития Республики Коми.

Жеребцов И. Л., Фаузер В. В., Рожкин Е. Н., Вишнякова Д. В. Сельское население Коми в середине XIX-XX веке: расселение, состав, численность [13]. В монографии, написанной на основе обширного комплекса архивных и опубликованных источников, охарактеризована динамика сельского населения региона с середины XIX в. до конца XX в. Анализируются его численность и состав, воспроизводство и миграции, выявляется специфика расселения.

Стукалов И. Е., Фаузер В. В. Управление профессиональной подготовкой кадров с учетом демографической динамики [14]. Рассматриваются теоретические и практические вопросы подготовки и переподготовки кадров для организаций и отраслей народного хозяйства и аппарата государственной службы. Наряду с российским опытом приводится практика профессиональной подготовки персонала экономически развитых стран. Предлагается программа развития человеческих ресурсов Республики Коми на среднесрочную перспективу. Приводится оригинальный статистический и социологический материал.

Демографическое развитие Усинского района: история и современное состояние [15]. Рассматриваются основные этапы социально-экономического развития Усинского района, дается анализ динамики численности населения, его половозрастной и этнической структуры. На большом фактическом материале обсуждаются проблемы воспроизводства и брачно-семейных отношений, оценивается влияние миграции на развитие населения района. Приводятся результаты социологического опроса 1980-х гг., даются рекомендации по дальнейшему изучению демографических процессов на уровне муниципального образования.

Попова Л. А. Внебрачная рождаемость: тенденции, причины, модели развития внебрачной семьи [16]. Рассматриваются современные тенденции уровня и структуры внебрачной рождаемости в России и Республике Коми.

Раскрываются факторы повышенного удельного веса рождений вне официально зарегистрированного брака и выявляются причины его значительного роста за последние два десятилетия. Предлагается авторская типология внебрачных семей и оценивается степень распространения различных моделей их дальнейшей эволюции. Определяются последствия высокого уровня внебрачной рождаемости для количественных и качественных характеристик населения и перспектив демографического развития.

Фаузер В. В., Климочкина Н. И. Нефтегазовый сектор Республики Коми: демография, труд, миграция [17]. В монографии рассматриваются общие вопросы формирования населения северных территорий, обеспеченности отраслей народного хозяйства трудовыми ресурсами, значительное внимание уделяется вопросам рождаемости и смертности населения России и Республики Коми за последние 15–17 лет. Более подробно рассмотрены воспроизводственные процессы городского населения Дальнего и Среднего Севера республики, чья экономика тесно связана с отраслями топливно-энергетического сектора. В научный оборот вводится оригинальная информация социологического опроса работников нефтегазового сектора республики, где основной акцент сделан на проблемы труда и жизненные установки респондентов. Даются рекомендации по формированию и использованию человеческих ресурсов НГС.

Фаузер В. В., Стукалов И. Е., Конакова О. И. Влияние демографических процессов и образовательной системы на экономическое развитие региона [18]. В монографии исследуется взаимосвязь демографических процессов, образования и экономики. Особое внимание уделяется качественным характеристикам человеческих ресурсов. Делаются выводы и приводятся примеры, как качество ресурсов труда и их демографические характеристики влияют на экономическое развитие региона. Приводятся результаты социологического опроса работников нефтегазового сектора Республики Коми.

Фаузер В. В., Черных А. И. Социально-демографическое измерение профессионального развития человеческих ресурсов Республики Коми [19]. В монографии рассмотрены теоретические основы профессионального развития человеческих ресурсов; раскрывается роль демографических факторов формирования трудового потенциала региона; приводится опыт социально-демографического измерения профессиональных кадров управления; исследуются особенности профессионального развития человеческих ресурсов в отраслевом аспекте; приводится уникальный опыт подготовки и переподготовки профессиональных кадров организаций Республики Коми и индустриально развитых стран; в научный оборот вводится оригинальная информация социологического опроса экспертов по проблеме подготовки и переподготовки кадров с учетом демографической динамики.

Фаузер В. В., Макарова В. Н. Кредитное поведение населения северного региона: социально-демографический анализ [20]. Рассматриваются проблемы демографического развития северного региона, влияния миграции на численность и состав населения; освещаются теоретические и практические аспекты кредитного поведения населения; анализируется социально-демографический состав членов КПКГ «КредитЪ»; приводятся оригинальные данные социологического опроса экспертов, на основе которых раскрывается кредитное поведение населения с учетом их социально-демографических характеристик и то, как при помощи кредитной политики можно решить демографические и миграционные проблемы общества.

Фаузер В. В., Стукалов И. Е. Формирование и использование человеческих ресурсов северного региона: социально-демографический анализ [21]. В монографии анализируется демографическое развитие северного региона, приводится пример социально-демографического развития муниципального образования, имеющего положительный естественный прирост; рассматриваются теоретические вопросы непрерывного профессионального развития человеческих ресурсов и их практическая реализация в отраслях народного хозяйства; отдельный раздел работы посвящен формированию и использованию человеческих ресурсов нефтегазового сектора Республики Коми.

Фаузер В. В., Назарова И. Г., Фаузер Вл. В. Социально-трудовые отношения: отраслевая и региональная специфика [22]. В монографии рассмотрены теоретические положения и опыт развития социально-трудовых отношений в трансформируемой экономике; проанализировано демографическое развитие северных регионов России; анализ статистической и социологической информации позволил раскрыть территориально-отраслевые особенности развития социально-трудовых отношений на городских предприятиях Республики Коми. Отличает монографию от аналогичных работ по данной проблематике то, что социально-трудовые отношения рассмотрены с позиций демографического развития общества.

Фаузер В. В., Назарова И. Г., Фаузер Вл. В. Социально-трудовые отношения: содержание, механизм управления, зарубежный опыт [23]. В работе рассмотрены теоретико-методологические подходы к определению сущности и содержания социально-трудовых отношений; раскрыты приоритеты и инструменты государственного регулирования социально-трудовых отношений; показаны особенности регулирования социально-трудовых отношений в муниципальных образованиях; проанализирован зарубежный опыт регулирования трудовых отношений (ряда стран Европы, США и Японии, Украины); приводятся методология и опыт мониторинга социально-трудовых отношений.

Фаузер В. В., Фаузер Вл. В. Социально-трудовые отношения: демографическое измерение [24]. В последние десятилетия социально-трудовые отношения претерпели существенные изменения, что привело к неравенству в доступе к экономическим и социальным ресурсам у разных групп населения. Дифференциация стала особенно заметна при найме/увольнении, оплате труда, карьерном росте работников в зависимости от их социально-демографических характеристик.

Фаузер В. В. Демографическое измерение социально-экономических процессов [25]. В монографии рассматриваются теоретические и практические аспекты потребительского поведения населения северных городов; выявлена демографическая дифференциация потребительских предпочтений населения при покупке продовольственных и промышленных товаров; демографические характеристики респондентов оказались важными при выборе товаров отечественного или импортного производства, наибольшей дифференциации потребительские предпочтения респондентов подвержены в зависимости от их возраста. Освещаются теоретические и практические аспекты кредитного поведения населения; анализируется социально-демографический состав членов КПКГ «КредитЪ»; приводятся оригинальные данные социологического опроса экспертов, на основе которых раскрывается кредитное поведение населения с учетом их социально-демографических характеристик и то, как при помощи кредитной политики можно решить демографические и миграционные проблемы общества.

Попова Л. А., Зорина Е. Н. Экономические и социальные аспекты старения населения в северных регионах [26]. Рассмотрены особенности российской модели демографического старения, факторы, тенденции и последствия постарения населения северных регионов. На основе социологических исследований выявлены основные проблемы населения третьего возраста, уровень жизни, ресурсный потенциал и социальное самочувствие пожилых людей, раскрыты особенности межпоколенческих взаимоотношений и представления о старости у людей трудоспособного возраста.

Население северных регионов: от количественных показателей к качественному измерению [27]. В монографии рассмотрены теоретические и практические аспекты репродуктивного и миграционного поведения молодежных контингентов населения Республики Коми; аргументированы приоритеты и инструменты государственного регулирования рождаемости и миграционных процессов; проанализировано демографическое развитие северных регионов России; в отдельный блок вынесены вопросы расселения населения, особое внимание уделено сельскому населению. В научный оборот вводится оригинальная социологическая информация.

Заключение. В данной статье приведен обзор монографий, выполненных на материалах Республики Коми до середины 2010 г. Не приведены материалы конференций и сборники статей по выбранной и смежной тематике. Не отражены статьи, опубликованные в рецензируемых изданиях. Представляется, что невозможно в одной статье сделать полный обзор всех опубликованных работ. Это предстоит сделать или авторам в других работах, или молодым исследователям, которых не страшит исследовательский труд.

Литература

1. Подоплелов, В. П. Средняя продолжительность жизни населения Коми АССР (по данным переписи 1959 г.) / В. П. Подоплелов // Коми филиал Академии наук СССР. – Сыктывкар, 1969. – 70 с.
2. Подоплелов, В. П. Заселение Коми АССР. Серия препринтов «Научные доклады» / В. П. Подоплелов // Коми филиал АН СССР, 1985. – Вып. 133. – 28 с.
3. Подоплелов, В. П. Население Коми АССР. Серия препринтов «Научные доклады» / В. П. Подоплелов, В. В. Фаузер, Г. В. Загайнова // Коми научный центр УрО АН СССР, 1990. – Вып. 231. – 20 с.
4. Фаузер, В. В. Влияние миграции на численность и состав населения Республики Коми. Серия препринтов «Научные доклады» / В. В. Фаузер // Коми научный центр УрО РАН. – Сыктывкар, 1992. – Вып. 293. – 32 с.
5. Подоплелов, В. П. Воспроизводство населения в Коми АССР / В. П. Подоплелов // Коми филиал Академии наук СССР. – Сыктывкар, 1970. – 126 с.
6. Фаузер, В. В. Проблемы формирования населения Республики Коми / В. В. Фаузер. – Москва : Союз, 1993. – 93 с.
7. Фаузер, В. В. Динамика, структура и особенности формирования населения Республики Коми / В. П. Подоплелов, В. В. Фаузер, Г. В. Загайнова // Коми научный центр УрО РАН. – Сыктывкар, 1994. – 104 с.
8. Региональные проблемы воспроизводства и занятости населения / В. В. Фаузер, Г. В. Загайнова, В. П. Подоплелов и др. – Сыктывкар, 1996. – 112 с. (Коми научный центр УрО РАН).
9. Фаузер, В. В. Сельское население северного региона: проблемы воспроизводства и занятости / В. В. Фаузер, А. А. Парначев. – Сыктывкар : Коми книжное издательство, 1998. – 176 с.
10. Сквозников, В. Я. Население Республики Коми: прошлое, настоящее, будущее (о чем рассказывают переписи) / В. Я. Сквозников, И. Л. Жеребцов, В. В. Фаузер, Н. П. Безносова. – Сыктывкар : Госкомстат Республики Коми, 2001. – 202 с.

11. Фаузер, В. В. Республика Коми в XX веке: демография, расселение, миграция / В. В. Фаузер, Е. Н. Рожкин, Г. В. Загайнова. – Сыктывкар, 2001. – 124 с.
12. Попова, Л. А. Сущность, причины и последствия современного демографического кризиса (на примере Республики Коми) / Л. А. Попова. – Екатеринбург : УрО РАН, 2004. – 203 с.
13. Жеребцов, И. Л. Сельское население Коми в середине XIX–XX веке: расселение, состав, численность / И. Л. Жеребцов, В. В. Фаузер, Е. Н. Рожкин, Д. В. Вишнякова. – Сыктывкар : Коми НЦ УрО РАН, 2005. – 220 с.
14. Стукалов, И. Е. Управление профессиональной подготовкой кадров с учетом демографической динамики (Серия «Библиотека демографа») / И. Е. Стукалов, В. В. Фаузер. – Сыктывкар : СыктГУ, 2005. – 95 с.
15. Демографическое развитие Усинского района: история и современное состояние / В. В. Фаузер, Л. А. Попова, Вит. В. Фаузер, М. В. Худозарова. – Сыктывкар–Усинск, 2007. – 140 с. (Б-ка демографа; вып. 6).
16. Попова, Л. А. Внебрачная рождаемость: тенденции, причины, модели развития внебрачной семьи / Л. А. Попова / отв. ред. В. В. Фаузер. – Сыктывкар, 2007. – 92 с. (Коми научный центр УрО РАН).
17. Фаузер, В. В. Нефтегазовый сектор Республики Коми: демография, труд, миграция / В. В. Фаузер, Н. И. Климочкина. – Ухта : УГТУ, 2007. – 150 с. (Б-ка демографа; вып. 9)
18. Фаузер, В. В. Влияние демографических процессов и образовательной системы на экономическое развитие региона / В. В. Фаузер, И. Е. Стукалов, О. И. Конакова // Коллектив авторов. – Сыктывкар, 2007. – 140 с. (Б-ка демографа; вып. 7).
19. Фаузер, В. В. Социально-демографическое измерение профессионального развития человеческих ресурсов Республики Коми / В. В. Фаузер, А. И. Черных. – Сыктывкар : Изд-во Коми пед. ин-та, 2007. – 262 с.
20. Фаузер, В. В. Кредитное поведение населения северного региона: социально-демографический анализ / В. В. Фаузер, В. Н. Макарова. – Москва–Сыктывкар, 2008. – 169 с. (Б-ка демографа; вып. 11).
21. Фаузер, В. В. Формирование и использование человеческих ресурсов северного региона: социально-демографический анализ / В. В. Фаузер, И. Е. Стукалов. – Москва : Экон-Информ, 2009. – 310 с. (Б-ка демографа; вып. 12).
22. Фаузер, В. В. Социально-трудовые отношения: отраслевая и региональная специфика / В. В. Фаузер, И. Г. Назарова, Вл. В. Фаузер / отв. ред. Н. Д. Цхадая. – Москва : Экон-Информ, 2010. – 174 с. (Б-ка демографа; вып. 13).

23. Фаузер, В. В. Социально-трудовые отношения: содержание, механизм управления, зарубежный опыт / В. В. Фаузер, И. Г. Назарова, Вл. В. Фаузер / отв. ред. В. В. Фаузер. – Сыктывкар–Ухта: ИУИБ, 2010. – 102 с. (Б-ка менеджера; вып. 15).
24. Фаузер, В. В. Социально-трудовые отношения: демографическое измерение / В. В. Фаузер. – Saarbrücken : LAP LAMBERT Academic Publishing, 2011. – 192 с.
25. Фаузер, В. В. Демографическое измерение социально-экономических процессов / В. В. Фаузер / отв. ред. Л. Л. Рыбаковский. – Москва : Экон-Информ, 2012. – 179 с. (Б-ка демографа; вып. 16).
26. Попова, Л. А. Экономические и социальные аспекты старения населения в северных регионах / Л. А. Попова, Е. Н. Зорина / отв. ред. В. В. Фаузер. – Сыктывкар : ООО «Коми республиканская типография», 2014. – 122 с. (Коми научный центр УрО РАН).
27. Население северных регионов: от количественных показателей к качественному измерению / В. В. Фаузер, Т. С. Лыткина, Г. Н. Фаузер, В. А. Залевский; отв. ред. В. В. Фаузер. – Сыктывкар : Изд-во СГУ им. Питирима Сорокина, 2016. – 240 с. (Б-ка демографа; вып. 17).

ТРАНСФОРМАЦИЯ ДЕМОГРАФИЧЕСКИХ ХАРАКТЕРИСТИК СЕВЕРНЫХ РЕГИОНОВ (СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ПОКАЗАТЕЛЕЙ ПЕРЕПИСЕЙ НАСЕЛЕНИЯ 1989–2021 ГОДОВ)

Н. Ю. Журавлев

*Институт социально-экономических и энергетических проблем Севера
ФИЦ Коми НЦ УрО РАН, г. Сыктывкар*

Северные регионы страны являются важной основой социально-экономического развития территорий нашей страны. Помимо традиционной роли поставщиков углеводородного и минерального сырья, также выросло значение биологических ресурсов Севера.

Развитие и само существование регионов невозможно без проживания в нем населения, в свою очередь Север уже долгое время характеризуется стабильным сокращением численности проживающих, как в силу естественной убыли, так и в большей степени благодаря миграционному оттоку.

Изучению демографической специфики северных территорий уделяли свое внимание многие исследователи. Вопросы социально-экономического развития северных территорий поднимали А. Н. Пилясов [1] и В. Г. Логинов [2]. Комплексное изучение демографических и миграционных процессов на Севере представлено в работах коллектива под руковод-

ством В. В. Фаузера [3, 4] и в его авторской монографии [5]. Также представлены статьи исследователей, изучающих миграционные процессы на Севере за длительные временные периоды. Примерами таких статей могут быть работа В. В. Фаузера и Т. С. Лыткиной, посвященная анализу миграционных процессов на российском Севере за период с 1990 по 2016 г. [6]. и исследование Н. В. Мкртчяна, направленное на изучение роли миграции населения в динамике численности и структуры населения районов Крайнего Севера за период 2000–2018 гг. [7].

Тенденция к сокращению численности населения Севера не является особенностью последних лет, данная проблема наблюдается с начала 1990-х гг. Для ее решения необходим доступ к актуальной и полной статистической информации. Одним из главных ее источников является перепись населения. Материалы переписей позволяют дополнить текущую статистику информацией о продолжительности проживания, месте рождения, миграционной истории человека и др. [5]. Примерами использования переписей в качестве источника информации могут быть монография, рассматривающая демографические процессы Республики Коми на основе данных актуальных и прошедших переписей [8], и статья, посвященная демографической динамике на Севере России [9].

Первые переписи отдельных северных регионов проводились еще сотни лет назад [8, с. 13]. В истории современной России зафиксировано три всероссийских переписи населения – в 2002, 2010 и 2021 гг. Последняя всесоюзная перепись была проведена в 1989 г., после чего возник пробел в регулярном и массовом учете населения продолжительностью в 13 лет.

Оценка изменений, наблюдаемых при анализе переписных данных разных эпох, позволяет учитывать и территориальную, и временную компоненты, что дает больше возможностей для выявления демографических трендов, характерных для Севера.

Сокращение численности населения Севера России является одним из наиболее ярко выраженных процессов, выявленных при анализе вышеуказанных переписей. При сравнении с данными 1989 г., 2021 г. население Севера сократилось почти на четверть (23,9 %) (табл. 1).

Таблица 1

Сравнительная численность населения северных регионов относительно 1989 года, % [10, 11]

Территория	2002 г.			2010 г.			2021 г.		
	Всего	Город	Село	Всего	Город	Село	Всего	Город	Село
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
Север России	84,8	85,3	82,8	80,9	81,8	77,5	76,1	78,2	68,6
Европейский Север	83,1	82,1	87,0	74,8	75,2	73,2	62,0	63,2	57,5

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
Республика Карелия	90,5	83,2	122,9	81,3	77,8	97,1	67,4	65,6	75,2
Республика Коми	80,8	80,5	81,6	71,5	72,8	67,3	58,5	60,0	53,9
Архангельская область	85,1	86,7	80,7	78,2	80,6	71,5	65,0	68,4	55,5
Ненецкий АО	75,8	76,4	74,7	76,8	83,1	66,1	75,6	89,3	52,6
Мурманская область	77,8	77,9	76,6	69,4	69,9	63,0	58,2	58,9	51,0
Азиатский Север	86,4	88,4	79,2	86,6	88,1	81,3	89,5	92,7	78,2
Республика Саха (Якутия)	87,8	84,6	94,2	88,6	85,2	95,5	92,1	92,2	91,8
Республика Тыва	98,8	108,0	90,7	99,6	112,2	88,4	108,9	126,3	93,4
Камчатский край	77,0	76,7	78,2	69,1	65,7	83,8	62,6	59,9	74,3
Магаданская область	33,7	38,4	13,6	28,9	34,1	7,0	25,1	29,8	4,8
Сахалинская область	77,0	81,1	58,1	70,2	67,9	80,8	65,8	65,7	65,8
Ханты-Мансийский АО–Югра	113,0	112,9	113,2	120,8	121,6	113,1	134,9	136,7	117,7
Ямало-Ненецкий АО	104,3	111,7	78,3	107,6	117,0	74,2	105,0	114,2	72,7
Чукотский АО	34,2	31,4	41,5	32,1	28,7	41,1	30,1	28,4	34,9

Наиболее ощутимы потери среди сельского населения, на 2021 г. численность сельского населения составила лишь 68,6 % от 1989 г. Город потерял чуть меньше, и в целом процесс уменьшения численности там происходит не столь стремительно.

Самые значительные потери понес Европейский Север. Численность населения составила всего 62 % от 1989 г., особенно ярко это проявляется для сельских территорий (57,5 % от 1989 г.). Наибольшие потери понесли Мурманская область и Республика Коми. Предположительно значительное сокращение населения вызвано изменением в экономической структуре данных регионов, социально-экономической стагнации, что привело к миграционному оттоку, обусловившему уменьшение числа жителей.

В Азиатской части Севера ситуация несколько благоприятнее, сокращение численности не столь значительно, более того, по результатам переписей можно наблюдать некоторый рост. Увеличение численности населения по сравнению с 1989 г. произошло в Республике Тыва (на 8,9 %), Ямало-Ненецком АО (на 5 %) и Ханты-Мансийском АО (34,9 %), причем в последнем рост наблюдается как в сельской, так и городской местности. Несмотря на это, наиболее депрессивный с точки зрения численности населения регион тоже находится на Азиатском Севере – это Магаданская область, и население ее на 2021 г. составило всего 25,1 % от 1989 г.

Структура распределения населения северных территорий также претерпела некоторые изменения. Большая часть населения к завершению советской эпохи проживала в городах, и, несмотря на большее сокращение численности населения в сельской местности, доля урбанизации выросла незначительно. Большинство населения северных территорий, как городского, так и сельского, в рассматриваемом периоде проживала на Азиатском Севере. Наименьшая разница в населении между Европейским и Азиатским Севером наблюдалась в 2002 г., а затем лишь увеличивалась (табл. 2).

Таблица 2
Доля населения северных регионов относительно общей численности населения Севера, % [10, 11]

Территория	1989 г.		2002 г.		2010 г.		2021 г.	
	Город	Село	Город	Село	Город	Село	Город	Село
Север России	100	100	100	100	100	100	100	100
Европейский Север	42,3	37,7	47,5	48,9	45,3	44,0	39,8	39,0
Республика Карелия	6,3	5,4	8,2	10,4	8,0	8,8	7,0	7,7
Республика Коми	9,3	11,5	11,6	14,7	11,0	13,0	9,5	11,7
Архангельская область	11,3	15,6	15,2	19,7	14,7	18,6	13,1	16,3
Ненецкий АО	0,3	0,8	0,4	0,9	0,5	0,8	0,5	0,8
Мурманская область	15,4	5,1	12,5	4,0	11,7	3,6	10,3	3,3
Азиатский Север	57,7	62,3	52,5	51,1	54,7	56,0	60,2	61,0
Республика Саха (Якутия)	10,6	20,2	9,3	19,8	9,7	21,5	11,0	23,3
Республика Тыва	2,1	9,1	2,4	8,7	2,6	9,0	3,0	10,8
Камчатский край	5,6	4,9	4,4	4,0	3,9	4,6	3,8	4,6
Магаданская область	6,5	5,9	2,6	0,8	2,4	0,4	2,2	0,3
Сахалинская область	8,6	7,0	7,2	4,2	6,3	6,3	6,4	5,8
Ханты-Мансийский АО–Югра	17,0	6,6	19,8	7,6	22,2	8,2	26,1	9,6
Ямало-Ненецкий АО	5,6	6,1	6,4	4,9	7,0	5,0	7,2	5,5
Чукотский АО	1,7	2,5	0,5	1,0	0,5	1,1	0,5	1,1

Для Европейского Севера регионами с наибольшей долей населения в общей численности городского населения являются Архангельская и Мурманская области. Однако для последней эта доля стабильно сокращается (с 15,4 до 10,3 %).

Городское население Азиатского Севера сосредоточено в двух регионах – это Республика Саха и Ханты-Мансийский АО–Югра. Югра обладает наибольшей долей в структуре городского населения Севера. Если в 1989 г. эта доля была сопоставима с Мурманской областью (Мурманская обл. – 15,4 %, Югра – 17,0 %), то в 2021 г. в регионе представлено более четверти (26,1 %) всего городского населения. Наибольшая доля сельского населения Севера представлена в Республике Саха – в течение

всего рассматриваемого периода наибольшее число жителей села среди северных регионов проживало именно там. На 2021 г. эта доля составила 23,3 %. Также значительной долей в структуре сельского населения Севера (10,8 %) обладает Республика Тыва.

Миграция оказала ведущую роль в формировании численности и структуры населения северных регионов. Одним из показателей, доступных в рамках переписей, является продолжительность проживания в месте постоянного жительства. Анализ данного показателя позволяет оценить миграционную подвижность населения (табл. 3).

Таблица 3

Распределение населения регионов Севера по продолжительности проживания в месте постоянного жительства не с рождения, перепись населения 2021 года, % [10, 11]

Территории	Всего, чел.	Из общего числа проживающих в месте постоянного жительства не с рождения проживают, лет					
		менее 2	от 2 до 5	от 6 до 9	от 10 до 18	от 19 до 29	более 30
Север России	5 769 536	6,4	11,9	9,7	15,9	17,6	38,7
Европейский Север	2 375 603	5,5	10,6	8,7	14,0	14,4	46,7
Республика Карелия	459 235	5,5	10,5	8,0	13,5	14,4	48,2
Республика Коми	556 825	4,5	9,0	8,1	14,2	16,1	48,2
Архангельская область	810 901	5,4	10,3	8,4	14,1	13,3	48,6
Ненецкий АО	33 520	6,3	12,1	11,5	18,9	15,4	35,8
Мурманская область	548 642	6,7	12,7	10,1	14,2	14,4	42,0
Азиатский Север	3 393 933	6,9	12,7	10,3	17,0	19,5	33,6
Республика Саха (Якутия)	797 599	9,3	15,3	11,4	17,3	17,6	29,1
Республика Тыва	313 458	14,0	19,3	13,4	19,0	17,2	17,2
Камчатский край	237 799	7,2	13,5	9,4	13,8	14,3	41,9
Магаданская область	121 387	7,7	12,6	10,4	14,2	16,0	39,1
Сахалинская область	420 264	8,3	13,9	9,7	13,9	14,7	39,6
Ханты-Мансийский АО–Югра	1 096 626	4,8	10,3	9,3	16,9	21,6	37,2
Ямало-Ненецкий АО	360 322	5,9	12,1	10,9	19,3	22,9	28,9
Чукотский АО	46 478	7,2	19,9	13,9	20,2	13,2	25,7

Доля проживающих на месте постоянного жительства менее 10 лет составила 28 % от числа указавших. Азиатский Север чуть более склонен менять место жительства (29,9 %), чем Европейский (24,8 %). Среди жителей Севера проживающих менее 10 лет, наибольшая доля проживающих на месте постоянного жительства от 2 до 5 лет (11,9 %), в то же время для проживающих больше 10 лет самая значительная доля тех, кто живет без смены места жительства уже более 30 лет (38,7 %).

Наиболее часто меняющими место постоянного жительства можно назвать такие регионы Азиатского Севера, как Республика Тыва (46,7 % населения проживает на месте постоянного жительства менее 10 лет) и Чукотский АО (41 %). К наименее «подвижным» относится в основном Европейский Север – это Республика Коми (21,6 %), Республика Карелия (24 %) и Архангельская область (24,1 %). Сюда также можно отнести азиатский Ханты-Мансийский АО (24,4 %).

В данной работе представлена лишь незначительная часть информации, которую можно получить при анализе рассмотренных переписей. Помимо очевидного вывода о значительном сокращении населения Севера, можно также предположить о смещении фокуса на отдельные регионы Азиатского Севера, где негативные демографические тренды либо отсутствуют, либо проявляются не столь ярко.

Статья подготовлена в рамках НИР «Человеческие ресурсы северных регионов России: потенциал развития или ограничение экономического роста (№ ГР 122012700169-9, 2022–2024 гг.).

Литература

1. Пилясов, А. Н. И последние станут первыми: Северная периферия на пути к экономике знания / А. Н. Пилясов. – Москва : Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. – 544 с.
2. Логинов, В. Г. Социально-экономические аспекты освоения и развития северных районов / В. Г. Логинов. – Екатеринбург : Институт экономики Уральского отделения РАН, 2012. – 450 с.
3. Демографические и миграционные процессы на Российском Севере: 1980–2000 гг. / В. В. Фаузер, Т. С. Лыткина, Г. Н. Фаузер; отв. ред. В. В. Фаузер. – Сыктывкар : Изд-во СГУ им. Питирима Сорокина, 2016. – 168 с.
4. Фаузер, В. В. Население северных регионов: от количественных показателей к качественному измерению / В. В. Фаузер, Т. С. Лыткина, Г. Н. Фаузер, В. А. Залевский / отв. ред. В. В. Фаузер. – Сыктывкар : Изд-во СГУ им. Питирима Сорокина, 2016. – 240 с.
5. Фаузер, В. В. Республика Коми на рубеже веков: демография, миграция, расселение / В. В. Фаузер. – Ижевск: ООО «Принт», 2023 – 308 с. (Б-ка демографа; вып. 22).
6. Фаузер, В. В. Миграционные процессы на российском Севере / В. В. Фаузер, Т. С. Лыткина // Социальная политика и социология. – 2017. – Т. 16, № 1 (120). – С. 141–149. – DOI : 10.17922/2071-3665-2017-16-1-141-149.

7. Мкртчян, Н. В. Роль миграции в динамике численности и структуры населения регионов Крайнего Севера и приравненных к нему местностей / Н. В. Мкртчян // Научные труды: Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН. – 2020. – № 18. – С. 431–448.
8. Сквозников, В. Я. Население Республики Коми: прошлое, настоящее, будущее (о чем рассказывают переписи) / В. Я. Сквозников, И. Л. Жеребцов, В. В. Фаузер, Н. П. Безносова. – Сыктывкар : Госкомстат Республики Коми. – 2001. – 175 с.
9. Фаузер, В. В. Демографическая динамика и трансформация системы расселения на Севере России в координатах переписи населения 2021 года / В. В. Фаузер, А. В. Смирнов, Г. Н. Фаузер // Север и рынок: формирование экономического порядка. – 2023. – № 1. – С. 64–79. – DOI: 10.37614/2220-802X.1.2023.79.004.
10. Переписи населения Российской Империи, СССР, 15 новых независимых государств переписи населения Российской Империи, СССР, 15 новых независимых государств. Приложение Демоскоп Weekl. – URL : <https://www.demoscope.ru/weekly/ssp/census.php?cy=6> (16.11.23).
11. Федеральная служба государственной статистики. – URL : https://rosstat.gov.ru/perepisi_naseleniya (дата обращения: 16.11.2023).

ОСОБЕННОЕ И ТИПИЧНОЕ В АДАПТАЦИИ СПЕЦПЕРЕСЕЛЕНЦЕВ В 1930–40-е ГОДЫ (НА МАТЕРИАЛАХ РЕСПУБЛИКИ КОМИ)

*Н. М. Игнатова, канд. истор. наук,
Институт языка, литературы и истории ФИЦ Коми НЦ УрО РАН,
г. Сыктывкар*

Адаптация в расширенном понимании является процессом приспособления человека, его организма и личности к различным условиям среды. Адаптация изучается в рамках биологии, физиологии, медицины, психологии, социологии и других научных дисциплин. Наиболее активно в советский и постсоветский периоды проводились исследования физиологической и психологической адаптации пришлого на Север населения [1–7]. По мнению исследователей, экстремальные условия Севера, к которым относятся низкие температуры в сочетании с сильными ветрами, короткое холодное лето, наличие особого режима освещенности в периоды полярной ночи и полярного дня, недостаток солнечного излучения, геомагнитная активность, резкие перепады атмосферного давления, особенности питания, длительное нахождение в замкнутых помещениях и т. д. оказывают негативное влияние на состояние человека.

На физиологическом уровне адаптационные реакции пришлого населения характеризуются большей степенью функционального напряжения различных органов и систем, чем у коренного населения. Процесс адаптации к северным условиям сопровождается развитием морфофункциональных изменений в малом круге кровообращения, нередко формированием синдрома первичной северной артериальной гипертензии малого круга кровообращения и «магаданской пневмопатии», которая рассматривается как основа хронических неспецифических заболеваний легких у населения. Большинство заболеваний (особенно хронических) является результатом того, что организм человека не адаптировался к трудным северным условиям, или, другими словами, они являются результатом дезадаптации. Значительное число людей по своей природе (будучи совершенно здоровыми) не способно к столь длительным нагрузкам. Процесс адаптации протекает неравномерно, при этом в начальный период (неделя, месяц, полгода и т. д. после заезда) организм человека находится в критическом состоянии, когда идет кардинальная перестройка работы различных систем [8].

Комплекс геофизических и погодных факторов сурового климата Крайнего Севера, воздействующих на человека в высоких широтах, приводит его в состояние специфического напряжения, которое получило название «синдром полярного напряжения». Этот синдром, возникающий у пришлых на Север лиц, характеризует особенности адаптации организма к экстремальным условиям и уязвимость организма человека [9]. В. П. Казначеев с соавторами совокупность физиологических и психологических сдвигов (включая астенизацию, повышенную утомляемость, нарушения сна при длительном воздействии экстремальных климато-географических условий) описывает как «синдром полярного стресса» [7, 10–12].

Исследователь А. А. Хадарцев относительно хронологии адаптации определил, что общий адаптационный период для приспособления человека к условиям Севера составляет от 2 до 5 лет [13]. На современном этапе наиболее актуализированы исследования по адаптации работников вахтового метода. В частности, Я. К. Корнеева отмечает, что период адаптации равен для вахтовиков трем годам [14, 15].

В настоящее время официальная оценка уровня здоровья населения опирается на показатели заболеваемости и смертности, рождаемости и продолжительности жизни. Эти данные отражают адаптационные возможности организма человека. На историческом материале сведения о рождаемости и смертности показательны для определения адаптации граждан, подвергшихся массовому переселению в северные регионы в 1930–40-х гг.

Для спецпереселенцев (граждан, принудительно выселенных с мест постоянного проживания в административном порядке без судебной процедуры в 1930–50-е гг. в отдаленные районы страны с определением срока спецпоселения или «навечно», как правило, многочисленными группами) выявлены многократное превышение смертности над рождаемостью и усиленная естественная убыль в первые годы после принудительного переселения в каждой массовой категории. Анализ данных позволяет говорить, что преодоление кризиса воспроизводства для спецпереселенцев и адаптация происходят в среднем после пятилетнего пребывания на спецпоселениях, после этого срока наступает улучшение показателей естественного движения.

В начале 1930-х гг. в спецпоселках Северного края регистрируется исключительно высокий уровень смертности спецпереселенцев-«бывших кулаков» на фоне низкой рождаемости. Причинами высокого уровня смертности послужили неготовность регионов к массовым заселениям в короткие сроки, неблагоприятные условия жизни в спецпоселках, отсутствие нормального жилья, крайне скудное снабжение продуктами питания, высокий уровень заболеваемости и эпидемии на фоне недостаточного медицинского обслуживания. В 1932 г. в крае спецпереселенцев умерло больше, чем родилось в 2,9 раза [16]. В 1933 г. ситуация усугубилась, на 79 537 спецпереселенцев было зафиксировано 15 355 случаев смерти в спецпоселках: уровень смертности превосходил уровень рождаемости (1 606 случаев) в 9,5 раз. Это был самый высокий показатель среди спецпереселенческих регионов. В СССР, при общей численности 1 142 084 спецпереселенца, на 151 601 умершего приходилось 17 082 родившихся: уровень смертности превышал уровень рождаемости в 8,8 раз. В целом по СССР количество умерших спецпереселенцев составило 13 % их общего числа, по Северному краю – 19 %. В 1934 г. уровень смертности снижается, по краю на 403 родившихся спецпереселенца приходилось 2192 случая смерти, по СССР в спецпоселках – 40 012 умерших на 14 033 родившихся [17].

В Коми автономной области (с 1936 г. – Коми АССР) по учету органов ЗАГС самый высокий уровень смертности в спецпоселках приходится на 1933 г. (2857 чел.), в 1934 г. уровень смертности снизился более чем в три раза (884 чел.). Основными причинами смерти в спецпоселках, по данным ЗАГС, были заболевания, вызванные истощением организма. В актах о смерти чаще всего упоминались в качестве причин смерти рахит, порок сердца, грипп, туберкулез, понос, «воспаление мозговых оболочек мозга» [18]. Помимо эпидемий тифа и чинги среди спецпереселенцев в начале 1930-х гг. наблюдались массовые случаи заболеваний на почве недоеданий, которые определялись как «голодные отеки», «опухания»

или «белобелковые отеки» [19]. За 1933–40 гг., по данным органов ЗАГС в трудпоселках (с 1933 по 1944 г. спецпереселенцы–«бывшие кулаки» именовались как «трудпоселенцы» и «трудпереселенцы»; спецпоселки, в которых они проживали, – «трудпоселки») Коми АССР родилось 4567 чел. и умерло 6191 чел. Минимальный уровень рождаемости пришелся на 1933 г. – 139 чел. С 1936 г. рождаемость превосходит смертность и сохраняется стабильное число рождений – около 700 чел. С 1936 по 1940 г. всего в трудпоселках Коми АССР было зарегистрировано 3637 рождений [20].

Во второй половине 1930-х гг. рождаемость трудпоселенцев постепенно начала расти, смертность снижалась. Переход от кризиса к простому воспроизводству произошел в течение пяти лет. В частности, по данным НКВД Коми АССР, рождаемость к 1938 г. превосходит смертность почти в два раза. С 1936 по 1940 г. число рождений составляет стабильные более 500 чел., а общая численность – около 18,7 тыс. чел. (без учета тп. Новый Бор, входившего структурно в Воркутлаг) (табл. 1).

Таблица 1

Данные о рождаемости и смертности трудпоселенцев в 1935–1936 годах, чел.

Показатели	1935 г.	1936 г.	1937 г.	1938 г.
Численность*	18 706	18 371	18 797	18 968
Рождаемость	366	547	598	634
Смертность	438	414	373	338

Примечание. *Без данных по тп. Новый Бор (Воркутлаг).

Составлено по: Информационный центр МВД Республики Коми. Архивный отдел (далее – Архив МВД РК). Ф. 31. Оп. 1. Д. 9. Л. 1, 7.

В СССР в 1932–1941 гг. в трудпоселках родилось 235 229 чел., умерло 392 081 чел., всего на 1 апреля 1941 г. насчитывалось 962 470 трудпоселенцев [21]. В целом улучшение показателей естественного движения у трудпоселенцев фиксируется в СССР с 1935 г., в Северном крае – с 1936 г. Кризисный уровень сверхубыли у трудпоселенцев относится к 1933 г., как по Северному краю, так и в СССР в целом.

В 1939–1940 гг. в регионах наблюдается благополучная ситуация естественного прироста у спецпереселенцев–«бывших кулаков» (трудпоселенцев), высланных в 1930–1931 гг. Рождаемость превышает смертность, несмотря на снижение общего числа рождений. Ситуация меняется в 1941 г., когда состав населения трудпоселков в Коми АССР пополнился трудпоселенцами, эвакуированными из Карело-Финской ССР («бывшие кулаки», высланные в Карело-Финскую ССР в начале 1930-х гг. с мест постоянного проживания). Прибытие трудпоселенцев численностью более 8 тыс. чел., для которых начался кризисный адаптационный период, повлияло на увеличение смертности. Во втором полугодии 1941 г. смерт-

ность у трудпоселенцев вновь стала превышать рождаемость, и в 1942 г. это превышение стало трехкратным (табл. 2, 3).

В 1943 г. общая численность «бывших кулаков» в Коми АССР начинает снижаться вследствие освобождения от режима спецпоселения призванных на фронт трудпереселенцев и членов их семей с разрешением выезда из республики, на этом фоне падает рождаемость, но уровень смертности сохраняется достаточно высоким.

Таблица 2

Сведения о трудпоселенцах в 1939–1940 годах

№	Показатели	Всего в СССР	Всего в Коми АССР	Коми АССР, трудпоселки	Коми АССР, тп. Новый Бор, Воркутлаг
1.	Состоит на 1.01.39: Человек	938 552	20 271	18 968	1303
	Родилось	33 716	689	686	3
	Умерло	16 691	314	314	-
2.	Состоит на 1.01.40: Человек	997 513	20 556	18 941	1615*
	Родилось	32 732	543	475	68
	Умерло	16 401	337	302	35
3.	Состоит на 1.01.41: Человек	930 221	19 102	17 492	1610
	Родилось	25 624	546	400	146
	Умерло	15 365	458	389	69
4.	Состоит на 1.01.42: Человек	911 716	26 714	25 077	1637

Примечание. * Сведения за 3 кв.

Составлено и подсчитано по: ГАРФ. Ф. 9479сч. Оп. 1. Д. 89. Л. 61, 216, 217.

Таблица 3

Сведения о трудпоселенцах в Коми АССР в 1941–1943 годах*

Показатели	Первое полугодие 1941 г.	Второе полугодие 1941 г.	Второе полугодие 1942 г.	Первое полугодие 1943 г.	Второе полугодие 1943 г.
Родилось	196	204	205	122	66
Умерло	142	247	452	407	251
Количество человек на конец полугодия	17 854	25 077	20 122	16 657	15 859

Примечание. *Без данных по тп. Новый Бор (Воркутлаг).

Составлено по: ГАРФ. Ф. 9479сч. Оп. 1. Д. 74. Л. 201, 207; Д. 106. Л. 42; Д. 133. Л. 257.

В целом, если рассматривать период с начала 1930-х до середины 1940-х гг., для трудпоселенцев, размещенных в Коми АССР двумя парти-

ями в 1930–1931 гг. и 1941 г., можно проследить резкий рост смертности и падение рождаемости в первые три года нахождения на спецпоселениях, затем наступает период стабилизации, и через пять лет от даты заселения смертность заметно падает. Отличие состоит в том, что «бывшие кулаки», выселенные в 1930-е гг., имели более высокий показатель адаптации, так как во второй половине 1930-х гг., при стабильной численности удерживался устойчивый уровень рождений. «Бывшие кулаки», эвакуированные из Карело-Финской ССР в Коми АССР в начале войны, то есть прошедшие через итеративное (повторное) переселение, имели более низкий уровень адаптации, и через пять лет у них наблюдалось снижение смертности без роста рождаемости. Рождаемость начала превышать смертность в конце 1940-х гг., но ее уровень оставался низким.

Резкое увеличение смертности в первые три года после выселения наблюдалось у спецпереселенцев-«бывших кулаков» (трудпоселенцев), а также во всех массовых партиях спецпереселенцев, высланных в Коми (АО) АССР (польских граждан, репатриированных немцев – граждан СССР, литовцев, граждан, высланных из западных территорий и др.). Превышение смертности над рождаемостью у спецпереселенцев сохранилось до конца 1940-х гг. Всего в СССР в период с 1945 по 1950 г. спецпереселенцев родилось 196 633 чел., умерло – 287 770. С 1949 г. среди спецпереселенцев в целом наблюдалась положительная картина рождаемости. В справке МВД СССР, составленной в декабре 1953 г., отмечается постоянный и стабильный рост рождаемости: «В среднем за последние три года ежедневно имеется 206 человек вновь нарождающихся детей спецпоселенцев» [22].

В целом следует сказать, что кризисная ситуация для каждой высланной партии спецпереселенцев складывалась в первые годы высылки. Вследствие отсутствия налаженной инфраструктуры спецпоселков, спецпереселенцы испытывали недостаток продуктов питания, одежды, обуви и медикаментов. Такая ситуация вела к голоду и эпидемиям в спецпоселках, и в итоге – к высокому уровню смертности. Снижение смертности, рост рождаемости, улучшение естественного движения и выход на показатели простого воспроизводства происходит через пять и более лет. Таким образом, можно сделать вывод, что адаптационный период для спецпереселенцев, независимо от периода высылки на спецпоселения, занимал не менее пяти лет.

По мнению исследователей, многолетними наблюдениями подтверждается тесная связь между снижением адаптационных возможностей организма и развитием заболеваний. Снижение адаптационных возможностей организма сопровождается ростом специфических патологических изменений, которые проявляются в виде разнообразных заболеваний.

В состоянии неудовлетворительной адаптации организм обладает уже настолько сниженными функциональными резервами, что даже небольшие нагрузки (как физические, так и эмоциональные) могут нарушить его неустойчивое равновесие со средой. У большинства людей, находящихся в пограничных состояниях между здоровьем и болезнью, основным фактором риска является снижение адаптационных возможностей организма [23]. Относительно спецпереселенцев можно сделать вывод, что среди них после периода сверхсмертности в первые годы пребывания на спецпоселении сохранились и смогли адаптироваться к северным условиям преимущественно здоровые люди, способные к интенсивному труду и устойчивые к различным нагрузкам.

Если рассматривать ситуацию спецпереселений с точки зрения физиологической адаптации пришлого населения в северных регионах, то можно говорить о типичной хронологии адаптации длительностью в 3–5 лет. При этом в целом принудительные массовые переселения не являются типичной миграционной ситуацией, и адаптация была усугублена многими факторами, связанными со снабжением спецпоселков, эпидемиями, размещением спецпереселенцев и общим эмоциональным фоном, отличным от добровольных переселений.

Исследование выполнено в рамках реализации государственного задания ФИЦ Коми НЦ УрО РАН по теме «Трансформации общества, власти и экономики на Европейском Северо-Востоке России» (номер государственного учета 122040800166-0).

Литература

1. Гурьев, В. Н. О закономерностях и классификации реакций нервной системы человека при акклиматизации на Севере / В. Н. Гурьев // Человек и среда / под ред. З. И. Барбашова. – Москва : Издательство «Наука». – 1975. – С. 113–121.
2. Турчинский, В. И. Классификация основных факторов Крайнего Севера, оказывающих влияние на процесс адаптации и здоровье пришлого человека / В. И. Турчинский, Е. А. Климова // Основные аспекты географической патологии на Крайнем Севере. – Норильск. – 1976. – С. 60–62.
3. Березин, Ф. Б. Психическая и психофизиологическая адаптация человека / Ф. Б. Березин. – Ленинград : Наука, 1988. – 218 с.
4. Баевский, Р. М. Оценка адаптационных возможностей организма и риск развития заболеваний / Р. М. Баевский, А. П. Берсенева. – Москва : Медицина, 1997. – 234 с.

5. Цгоева, А. К. Особенности социально-психологической адаптации работников опасных производственных объектов в условиях Крайнего Севера: монография / А. К. Цгоева, В. В. Торчило. – Санкт-Петербург : Изд. Грошев А. М., 2009. – 103 с.
6. Лозовская, С. А. Территориальные особенности адаптации населения Восточной Арктики России / С. А. Лозовская, А. Б. Косолапов, Е. В. Изергина // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. – 2021. – № 12. – С. 94–99.
7. Киселева, В. Е. Социальная адаптация населения в условиях Крайнего Севера / В. Е. Киселева, А. Б. Михалева // Международный научно-исследовательский журнал. – 2015. – С. 119, 120.
8. Васильева, А. Адаптация человека к условиям Крайнего Севера / А. Васильева, Н. А. Конкиева // VII Международная студенческая научная конференция. Студенческий научный форум – 2015. – URL : <https://scienceforum.ru/2015/article/2015015574>.
9. Цыган В. Н. Особенности адаптации к условиям Крайнего Севера / В. Н. Цыган. – URL : <https://murman-voin.ru/trans-polar/osobennosti-adaptacii/>.
10. Казначеев, В. П. Синдром полярного напряжения и некоторые вопросы экологии человека в высоких широтах / В. П. Казначеев, В. Ю. Куликов. – Вестник, АН СССР, 1980. – № 1. – С. 74–82.
11. Казначеев, В. П. Современные аспекты адаптации / В. П. Казначеев. – Новосибирск : Наука, 1980. – 260 с.
12. Казначеев В. П. Механизмы адаптации человека в условиях высоких широт / В. П. Казначеев. – Москва : Наука, 1985. – С. 21–59.
13. Хадарцев, А. А. Коррекция программ адаптации при хроническом бронхите у лиц, работающих на Крайнем Севере / А. А. Хадарцев // Нижегородский медицинский журнал. – 2002. – № 2. – С. 150–155.
14. Корнеева, Я. А. Адаптация вахтовиков за полярным кругом / Я. А. Корнеева // Геопрактик. Проектный офис развития. – URL : <https://goarctic.ru/news/adaptatsiya-vakhtovikov-za-polyarnym-krugom/>
15. Корнеева, Я. А. Адаптационные стратегии в профессиональной деятельности работающих вахтовым методом на Крайнем Севере: дис. ... канд. психолог. наук / Я. А. Корнеева. – Архангельск, 2012. – 212 с.
16. Земсков, В. Н. Кулацкая ссылка в 30-е годы / В. Н. Земсков // Социологические исследования. – 1991. – № 10. – С. 3–21.
17. Информационный центр МВД Республики Коми. Архивный отдел. Ф. 31. Оп. 1. Д. 6. Л. 6, 99.
18. Управление ЗАГСa Республики Коми. Отдел учета, обработки и хранения документов. Дело № 06-23. Книга учета архивного фонда (о смерти).

19. Национальный архив Республики Коми. Ф. Р-3. Оп. 1. Д. 2428. Л. 29.
20. Управление ЗАГСa Республики Коми. Отдел учета, обработки и хранения документов. Дело № 06-23. Книга учета архивного фонда (о регистрации и расторжении брака); Книга учета архивного фонда (о рождении); Книга учета архивного фонда (о смерти).
21. Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф. 9479сч. Оп. 1. Д. 89. Л. 221.
22. ГАРФ. Ф. 9479сч. Оп. 1. Ф. Д. 642. Л. 233.
23. Баранов, В. М. Оценка адаптивных возможностей организма и задачи повышения эффективности здравоохранения / В. М. Баранов, Р. М. Бавевский, А. П. Берсенева, В. М. Михайлов // Экология человека. – 2004. – № 6. – С. 25–29.

ПОДГОТОВКА КАДРОВ ДЛЯ УПРАВЛЕНЧЕСКОГО УЧЕТА В БЮДЖЕТНОЙ СФЕРЕ

***Н. В. Клепиков**, канд. экон. наук, доцент*

*Сыктывкарский государственный университет им. П. Сорокина,
г. Сыктывкар*

Современный управленческий учет не имеет официального определения, что объясняется его индивидуальностью в отношении каждого хозяйствующего субъекта. Управленческий учет можно определить как систему учета, планирования, контроля, анализа о затратах и результатах хозяйственной деятельности, необходимую для принятия управленческих решений с целью оптимизации финансовых результатов деятельности организации. Единой точки зрения на определение управленческого учета нет. В литературных источниках насчитывается до 10 определений понятия «управленческий учет», которые даны российскими и зарубежными учеными. В основе всех определений, тем не менее, присутствует основное его содержание – учет (как источник информации) для принятия управленческих решений.

Кроме того, не существует и единой точки зрения относительно уровней нормативного регулирования управленческого учета. Попытки отдельных авторов в этом плане не всегда выглядят достаточно убедительно. Федеральный закон от 06.12.2011 г. № 402-ФЗ «О бухгалтерском учете» не содержит ни единого упоминания об управленческом учете (если бы что-либо в Законе было, то это уже являлось предметом учета бухгалтерского). При этом вполне справедливо следует «рассматривать систему нормативного регулирования бухгалтерского учета как основу нормативного регулирования управленческого учета» [1], так как взаимосвязь бух-

галтерского и управленческого учета очевидна. Ведение управленческого учета в организациях не носит нормативно-законодательный характер, а определяется потребностями самой организации, является его «know how». В рамках управленческого учета любая организация расширяет свои внутренние информационные потребности, что требует квалифицированных специалистов в области учета. То есть постановка управленческого учета – это «комплекс по разработке и внедрению в использование процедур и правил ведения управленческого учета» [2].

При этом следует учитывать объективно существующие проблемы:

- понимание сущности, роли и необходимости управленческого учета;

- охват и взаимодействие всех служб (при этом необходима децентрализация организации в части распределения полномочий и обязанностей между различными уровнями управления);

- выбор показателей для оценки эффективности деятельности центров ответственности и их руководителей;

- влияние внешних и внутренних факторов и др.

Одна из важнейших задач – максимальная отдача от использования имеющихся ресурсов, в том числе человеческого потенциала. При постановке управленческого учета руководство сталкивается с проблемой подбора квалифицированных специалистов в данной области и оценки их квалификации. Ведь основная нагрузка и ответственность за результаты от внедрения управленческого учета в организации ложатся именно на этих сотрудников. В практике отечественных кадров должность «специалист по управленческому учету» практически отсутствует. Как правило, эти вопросы решают работники бухгалтерии, иных финансовых служб. Но это не соответствует тому, что сфера учета для управления гораздо шире тех обязанностей, которые законодательно определяются требованиями по отношению к бухгалтерскому учету. Бухгалтерский учет в бюджетных учреждениях ведется по плану счетов, отличному от плана счетов коммерческих организаций. План счетов бюджетного учреждения поддерживается программными продуктами 1С, и все необходимые изменения, согласно законодательству, вносятся автоматически.

В основу финансирования деятельности бюджетных учреждений положено государственное задание, принятое учредителем. Кроме того, бюджетные организации формируют свои финансы путем оказания дополнительных услуг. Полученным доходом и имуществом учреждения распоряжаются самостоятельно, и в этих условиях требуются иные знания и иной подход к управленческому учету. В связи с этим стоит подчеркнуть, что управленческому учету в бюджетных организациях должна отводиться особая роль.

Параллельно бухгалтерскому учету существует необходимость развивать управленческий учет в бюджетных организациях, что связано со спецификой их деятельности. Финансовая отчетность, служащая для целей управления, должна отражать не только поступление, но и эффективность использования всех ресурсов, а также финансовый результат. Руководителям сложно принимать решения на основании только бухгалтерской отчетности, их информационные запросы для принятия управленческих решений обычно гораздо шире. С помощью управленческого учета есть возможность обеспечить оперативной информацией все уровни руководства. При этом возможности и проблемы организации выявляются на более ранних этапах. В современных условиях очевидно, что для максимальной эффективности деятельности учреждения вести внутренний управленческий учет необходимо. В число навыков каждого руководителя должно входить использование управленческих отчетов как механизма управления деятельностью учреждения, направленного на сокращение затрат при повышении качества оказываемых услуг [3].

Одной из важнейших функций управленческого учета в бюджетных учреждениях является планирование бюджетных расходов. Задачи планирования состоят в том, чтобы предвидеть проблемы в деятельности учреждения еще до того, как они возникнут, исключить вероятность поспешных решений. Основная цель планирования – определение необходимых ресурсов и источников финансирования, обеспечивающих реализацию поставленных целей. Бюджетирование является эффективной технологией управленческого учета.

Основные цели системы бюджетирования в бюджетных учреждениях:

- повышение эффективности использования имеющихся в распоряжении учреждения ресурсов и финансовой устойчивости;
- обеспечение оптимальных взаимосвязей между интересами отдельных подразделений и интересами учреждения в целом;
- создание необходимой информационной основы для принятия управленческих решений.

Задачи, решению которых способствует система бюджетирования:

- обеспечение прозрачности доходов и расходов, поступлений и выплат для повышения качества управления финансовыми ресурсами;
- контроль обоснованности выделения и использования финансовых ресурсов по видам деятельности;
- повышение эффективности деятельности структурных подразделений;
- определение наиболее эффективных видов и направлений деятельности;

- повышение финансовой дисциплины руководителей и сотрудников.

Бюджетирование деятельности бюджетного учреждения обеспечивает взаимосвязи целей, видов деятельности, мероприятий, финансовых и операционных показателей. Бюджетные учреждения должны выполнять утвержденные государством социальные программы. Существующие в современных экономических условиях сложности в финансировании бюджетных организаций определяют, в свою очередь, расширение их хозяйственной и финансовой самостоятельности. Продолжающаяся реформа управления государственным сектором экономики требует обоснования и выработки рекомендаций по организации системы управленческого учета в бюджетных организациях, подготовки квалифицированных специалистов по данному направлению учета.

Литература

1. Кизилов, А. Н. «Нормативно-правовое регулирование управленческого учета в Российской Федерации» / А. Н. Кизилов, Д. В. Богатый // Международный бухгалтерский учет. – 2013. – № 18. – С. 12–22.
2. Подсёвалова, Е. Е. Проблемы внедрения управленческого учета на предприятии / Е. Е. Подсёвалова // Финансовый вестник: финансы, налоги, страхование, бухгалтерский учет. – 2009. – № 9. – С. 32–34.
3. Фаузер, В. В. Демографическое измерение социально-экономических процессов / В. В. Фаузер / отв. ред. Л. Л. Рыбаковский. – Москва : Эконинформ, 2012. – 179 с. (Б-ка демографа; вып. 16).

ПРОБЛЕМЫ АДАПТАЦИИ ДЕТЕЙ МИГРАНТОВ В РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ

О. А. Козлова, д-р экон. наук, профессор,

Е. Б. Бедрина, канд. экон. наук, доцент

ФИЦ Институт экономики Уральского отделения РАН, г. Екатеринбург

Социально-экономическая и социально-культурная роль иностранной трудовой миграции в развитии российских регионов и страны в целом постоянно возрастает. По данным ГУ МВД по Свердловской области, в 2022 г. регион занимал шестое место по численности иностранных граждан, поставленных на миграционный учет. В этом же году через пункты пропуска аэропорта «Кольцово» на территорию региона прибыло 195 518 иностранных граждан, что на 46 % больше предыдущего года. Из них 44,8 % – граждане Таджикистана, 30,8 % – Узбекистана, 20,1 % – Кыргы-

зстана. Большинство прибывших – трудовые мигранты и их семьи. В последние годы резко увеличилась семейная миграция, в результате которой в школах таких городов Свердловской области, как Екатеринбург, Нижний Тагил, Каменск-Уральский, стала расти численность детей мигрантов. Динамика миграционных процессов и их значимость для социально-экономического развития региона вызывают обоснованный интерес к изучению.

Основными последствиями роста иностранных миграционных потоков стали формирование «мигрантских» школ в местах компактного расселения мигрантов и вытеснение местного населения. По данным Департамента образования г. Екатеринбурга, в настоящее время идет процесс формирования полиэтнических школ мигрантского типа. Так, в 2017 г. более 44 % детей, обучавшихся в школах Железнодорожного района г. Екатеринбурга, были детьми трудовых мигрантов. В соответствии с результатами исследований Н. Л. Смирновой, в четырех школах г. Екатеринбурга в 2018 г., отличающихся большой численностью детей мигрантов, 34 % опрошенных детей были не готовы к обучению на русском языке, а 43 % нуждались в коррекции отдельных видов речевой деятельности. При этом большинство опрошенных находились в ситуации постепенной утраты родного языка, а относительно сбалансированный билингвизм сформировался лишь у 5 % школьников из семей с более высоким социальным статусом и уровнем образования родителей [1].

Социологический опрос педагогов и административного персонала общеобразовательных учреждений (школ и детских садов) Свердловской области, работающих с детьми мигрантов, проведенный в 2017 г., выявил такие важные проблемы образования этих детей, как «плохое знание русского языка» – 74 %; «низкий уровень подготовки и невысокие результаты в учебе» – 70 %; «плохие знания или их отсутствие по отдельным предметам образовательной программы» – 69 %; «необходимость дополнительных (факультативных) занятий для того, чтобы "подтянуть" приехавших детей» – 61 %; «сложности общения с родителями детей мигрантов, в том числе в связи с незнанием родителями (чаще всего матерями) русского языка» – 51 %; «незнание детьми местных традиций, общепринятых правил поведения» – 39 %, «недостаточные знания о национальных религиозных и культурных нормах приезжих у самих учителей» – 43 % [2]. С тех пор, когда проводились вышеназванные исследования, прошло уже шесть лет. Что же изменилось? Как решаются обозначенные проблемы адаптации детей трудовых мигрантов?

В целях получения информации о современной ситуации в решении проблем адаптации детей мигрантов в принимающее сообщество в феврале 2023 г. сотрудниками Института экономики Уральского отделения РАН проведено фокусированное интервью с директорами и учителями

двух школ г. Екатеринбурга, в которых среди учеников дети мигрантов составляют довольно ощутимую долю (30 и 60 % соответственно). Были собраны данные о включенности детей мигрантов в образовательный процесс, условиях и возможностях их социализации в коллективе сверстников и принимающем сообществе в целом.

Как отмечали учителя в ходе интервью, школы, в которых детей мигрантов еще несколько лет практически не было, начинают ими активно заполняться. Особенно много таких детей в школах, расположенных вблизи мест работы их родителей. Это, как правило, вещевые и продуктовые рынки и овощные базы. Сложностей с обучением детей мигрантов много, но, по мнению учителей, наиболее негативное влияние на адаптацию детей оказывают три проблемы.

Прежде всего, это плохое знание русского языка или полное его отсутствие. Уровень подготовки по русскому языку детей, поступающих в школу на обучение, очень разный. Дети, которые приезжают из столичных городов стран исхода (Душанбе, Ташкент, Бишкек), более или менее владеют русским языком. По крайней мере, они могут правильно строить фразы и их уровень знания языка можно сопоставлять с русскоязычными детьми. У тех же детей, которые приезжают из далеких аулов, кишлаков, как правило, нулевое знание русского языка. С этими детьми складывается катастрофическая ситуация. С таким разным контингентом учеников в классе учителю очень сложно вести уроки и давать детям знания, в том числе и по другим предметам. Например, в младших классах одной из школ, где проводились интервью, из 260 детей мигрантов только 64 могут нормально обучаться, остальным требуется дополнительная помощь из-за плохого знания русского языка.

В течение 2023 г. определенное количество детей посещало подготовительные курсы по русскому языку, организуемые в школах, однако подавляющее их большинство – это уже ассимилированные дети, чьи родители живут в России достаточно давно и ментально ощущают себя ее гражданами.

Вторая проблема – это сами родители и их отношение к образованию своих детей. Во время интервью директора школ отмечали, что часто и родители не знают русского языка, и тогда взаимодействие с ними становится довольно проблематичным и привлечь их в школу для разговора об успеваемости ребенка бывает сложно.

Появляются дети, не охваченные школьным образованием. Учителя в ходе разговора обращали внимание на то, что родители часто забирают детей старших возрастов из школы, особенно девочек, чтобы они помогали по дому, присматривали за маленькими детьми или помогали родителям на работе, а также для того, чтобы увезти на родину и выдать замуж,

как требуют национальные традиции. Это происходит как в начале, так и в середине учебного года.

Как отмечали учителя, самая значительная проблема, когда учебный процесс начинается с 1 сентября, а родители с детьми приезжают зимой, в начале календарного года, и им порой «все равно, будет ли ребенок учиться или нет, где он будет учиться, волеется ли он в языковую среду». Школе приходится прилагать много усилий, чтобы выровнять уровень подготовки таких детей с другими детьми, которые учатся с начала учебного года.

Заинтересованность родителей в том, чтобы дети учились, есть, но в основном у тех, кто живет в России с 90-х гг. Многие еще зависят от страны исхода мигрантов. Кыргызы, как правило, больше обращают внимание на успехи детей в школе, а вот таджики – нет. Есть дети, которые сами стремятся получить образование. Однако большинство родителей-мигрантов относятся к школе как к «камере хранения», куда они могут сдать детей на время рабочего дня. Мама в подавляющем большинстве совсем не говорят по-русски, поскольку не испытывают в этом нужды, сидя с другими детьми дома.

Следующая проблема состоит в том, что на обучение детей мигрантов не выделяется дополнительного финансирования, которое могло бы определяться муниципальным заданием. В настоящее время существуют муниципальные задания, в которых кодами прописаны характеристики детей, например, дети, обучающиеся очно, дети-инвалиды, дети с умственной отсталостью и т.п. Муниципальное задание много раз за год перепроверяется и корректируется. «Ну, а почему бы не ввести такую характеристику как дети-мигранты? И будет дополнительное финансирование», – делятся своими мыслями педагоги.

В ходе интервью учителя с сожалением отмечали, что в федеральном перечне нет учебника для мигрантов «Русский как не родной». Традиционных учебников для подготовки к сдаче ЕГЭ недостаточно. Приходится пользоваться дополнительными изданиями, которые разрабатывает Институт развития образования (ИРО) Свердловской области, как основной центр постпрофессионального образования педагогических кадров.

Необходимо отметить, что педагоги уделяют значительное внимание культурному развитию детей, их социализации и адаптации в коллективе сверстников. Так, на вопрос «Как в ваших школах обстоят дела с внеклассной работой? Много ли мероприятий проводится?» ответы были утвердительными. С участием детей различных национальностей проводят спортивные мероприятия, концерты с народными танцами, отмечают национальные праздники, знакомят ребят с народными традициями нашей многонациональной страны. Эти мероприятия очень сплавляют детей.

Резюмируя вышесказанное, отметим, что наиболее эффективная интеграция в принимающее сообщество иностранных мигрантов проходит именно через детей на основе школьного образования.

По результатам проведенных интервью можно отметить следующее:

- руководство и учителя школ были открыты для контакта, увлечены и с гордостью рассказывали об успехах своих учеников, делились проблемами, которые приходится решать без какой-либо помощи и поддержки со стороны национальных диаспор и муниципальных органов власти;

- языковой барьер является основной проблемой, создающей значительные трудности в процессе адаптации детей не только к школе, но и в принимающем сообществе в целом. Незнание русского языка или плохое им владение создают проблемы в получении образования, социализации ребенка, развитии коммуникационных связей со сверстниками;

- второй не менее острой проблемой являются непонимание многими родителями важности получения образования их детьми, отсутствие заинтересованности в школьных успехах своих детей; частое «вырывание» ребенка из школьной жизни для помощи родителям по дому или каким-либо другим нуждам становится значительным барьером в процессе адаптации детей;

- в обеих школах хорошо развита система дополнительного образования – наличие групповых занятий по изучению русского языка как неродного; регулярно действующих клубов, кружков, выставок, экскурсий. Проводится воспитательная работа по разъяснению норм поведения, этикета общения, а также различные фестивали, конкурсы, деловые игры, дискуссионные площадки, что позволяет адаптироваться детям в коллективе своих сверстников достаточно быстро;

- школа, обладая жесткими финансовыми ограничениями и отсутствием системного методического обеспечения работы с детьми мигрантов, тем не менее достаточно эффективно вовлекает их в образовательный процесс и социально-культурную жизнь учреждения, прежде всего, благодаря слаженному, квалифицированному педагогическому коллективу.

Таким образом, исследование показало, что за шесть лет после проведения опроса в области адаптации детей мигрантов в принимающем сообществе мало что изменилось. В условиях значительного объема трудовой миграции и активного формирования культурного, этнического, религиозного и языкового разнообразия до сих пор отсутствуют официально разработанные принципы организации образовательного пространства, что и ведет к росту дискриминационных практик. Однако есть и определенные сдвиги в формировании институционального пространства в сфере образования детей мигрантов. С февраля 2023 г. органы исполнительной

власти муниципалитетов призваны проводить мероприятия по повышению квалификации педагогов и других специалистов сферы образования, работающих с детьми мигрантов. Это требование содержится в пункте 12 Комплекса мер по социализации и психологической адаптации несовершеннолетних иностранных граждан, подлежащих обучению по образовательным программам всех уровней на период до 2025 г. Можно надеяться, что с реализацией данного Комплекса мер проблемы адаптации детей мигрантов в принимающее сообщество будут решаться более эффективно.

Литература

1. Международная трудовая миграция в современной России: от мониторинга к принятию управленческих решений / РАН, Урал. отд-е, Ин-т экономики; авт. колл.: Бедрина Е. Б., Бекетова А. П., Вандышев М. Н., Мельникова А. С., Куприна Т. В., Неклюдова Н. П., Смирнова Н. Л., Трушкова Е. А., Тухтарова Е. Х., Чернова К. В., Чепель С. В. – Екатеринбург : Институт экономики УрО РАН, 2018. – С. 50–61.
2. Региональные аспекты международной трудовой миграции в современной России: оценка факторов и эффектов / РАН, Урал. отд-е, Ин-т экономики; авт. колл.: Бедрина Е. Б., Вандышев М. Н., Куприна Т. В., Лифшиц М. Л., Мельникова А. С., Неклюдова Н. П., Паньшина Д. А., Смирнова Н. Л., Струин Н. Л., Трушкова Е. А., Тухтарова Е. Х., Чернова К. В. – Екатеринбург : Институт экономики УрО РАН, 2017. – С. 56.

К ВОПРОСУ ОБ ОСУЩЕСТВЛЕНИИ ПЕРЕСЕЛЕНЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ ГОСУДАРСТВА НА ТЕРРИТОРИИ УСТЬ-СЫСОЛЬСКОГО УЕЗДА В НАЧАЛЕ XX ВЕКА

О. А. Куратов

Институт языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН, г. Сыктывкар

Конец XIX в. в Российской империи характеризуется обострением социальных противоречий, вызванных развитием капитализма. Ускорился процесс обезземеливания крестьянства, в связи с чем возросла роль слабо развитых в сельскохозяйственном отношении территорий страны в приеме переселенцев, которые искали свободные, удобные и доступные для разработки земли. В начале XX в. в деятельности правительства по реализации переселенческих мероприятий можно наблюдать общую тенденцию – миграционный процесс был подчинен интересам решения аграрного вопроса как неотъемлемой части экономического развития государства.

Это подтверждает принятие закона от 6 июня 1904 г. – «Временных правил о добровольном переселении сельских обывателей и мещан-землевладельцев», согласно которому прежняя политика препятствий и прямого запрета переселений была заменена политикой их поощрения и активизации [1].

Представляет интерес изучение процесса реализации переселенческой политики на территории Европейского Севера России, к которой в том числе относится Усть-Сысольский уезд Вологодской губернии [2]. Власти видели потенциал в привлечении трудоспособного населения для развития экономики региона в связи с очевидной низкой плотностью населения северных уездов. При этом необходимы были точные сведения о характере местности, качестве и плодородности почв, возможности выделения переселенческих участков казенной земли. В связи с этим в 1907 г. действительный статский советник, потомственный горный инженер, профессор Николай Николаевич Кокшаров совершил поездку по Вологодской губернии. Из последующего доклада Н. Н. Кокшарова был сделан вывод, что земельное устройство трех уездов губернии – Усть-Сысольского, Яренского и Сольвычегодского, находится в весьма плачевном состоянии.

В результате этой поездки перед губернатором Вологодской губернии Алексеем Николаевичем Хвостовым встал вопрос о поземельном устройстве крестьян обозначенных уездов. Приведем некоторые выводы Н. Н. Кокшарова из его доклада относительно Усть-Сысольского уезда.

В первую очередь Н. Н. Кокшаров подчеркивает, что Усть-Сысольский уезд вместе с двумя другими северо-восточными уездами, Яренским и Сольвычегодским, занимает громадную площадь, простирающуюся с юго-запада на северо-восток почти тысячу верст. Кокшаров приводит данные переписи 1897 г., отмечая, что на этой площади, заключающей в себе около 23,5 млн десятин, числится «немного более 255 тыс. душ мужского и женского пола, из которых 90 тыс. приходится на долю Усть-Сысольского уезда» с его площадью 14 млн десятин земли. Однако Кокшаров предостерегает от поспешных выводов относительно территории уезда. Он пишет, что при первом взгляде на Усть-Сысольский уезд можно думать, что районы, занятые коренным населением, крайне незначительны и что в них остается громадная, «способная для правильного ведения земледельческого хозяйства площадь», где, не затрагивая интересов старожилов, можно приступить к образованию переселенческих участков [3].

При этом иной вывод получается при ближайшем знакомстве с этим краем, замечает профессор. Н. Н. Кокшаров пишет о качестве почв уезда, отмечая, что на огромном пространстве можно встретить разные, как по составу, так и по качеству, роды почвы, но все они отличаются одним свойством – они большей частью покрыты, особенно в лесистых, не обработанных местах, более или менее толстым слоем мха, под верхним

меховым покровом редко можно найти значительно толстый слой растительного чернозема. Встречаются иногда и огромные пространства с положительно оголенную бесплодную почвой. Далее Кокшаров рассуждает о необходимости проведения мелиорации: «благодаря малому количеству перегноя, почва здесь сама по себе неплодородна, и чтобы сделать ее плодородною требуется уже с самого начала разработки лесных полей под постоянные пашни удобрять навозом и затем обильным удобрением поддерживать ее дальнейшее плодородие» [4].

Опираясь на выводы Н. Н. Кокшарова, губернатор А. Н. Хвостов составляет телеграмму управляющему земским отделом Министерства внутренних дел. В ней он описывает выявленные статским советником проблемы и высказывает свои соображения по данному вопросу. Хвостов отмечает, что отсутствие первоначального устройства казенных крестьян Сольвычегодского, Яренского и Усть-Сысольского уездов лишает их возможности воспользоваться последними землеустроительными заботами правительства, предоставляющими более выгодные, чем устарелая система расчисток [5].

Вывод губернатора в целом соответствует данным, имеющимся в нашем распоряжении сегодня. Действительно, в начале XX в. большая часть земель Усть-Сысольского уезда, в основном неосвоенных и покрытых лесом, а также некоторая часть сенокосных угодий, все еще находилась во владении государства. Крестьяне страдали от нехватки земли, так как площади для пахоты и сенокосов в их распоряжении были крайне маленькими. При том, что сборы всех зерновых культур в Усть-Сысольском уезде были стабильно выше, чем в среднем по Коми краю [6], крестьяне уезда продолжали испытывать трудности, связанные с «земельным голодом». Они использовали старые расчищенные участки и создавали новые, особенно на казенных землях, так как в пределах многих крестьянских участков все места для расчистки уже были заняты. Кроме того, несмотря на запреты, в крае продолжалась незаконная разработка государственных земель под пашню и сенокосы. Лишь некоторые крестьяне приобретали землю в частную собственность у государства и представителей других сословий, чтобы расширить свои земельные угодья [7].

Далее в телеграмме А. Н. Хвостов высказывает мнение, что работы по поземельному устройству крестьян должны, во всяком случае, предшествовать образованию переселенческих участков на основании изданных 22 июня 1900 г. временных правил, так как только после окончательного определения коренного крестьянского надела и подлежащего обеспечению землею старожильского населения представится возможность определить те свободные казенные места, которые без ущерба для местного населения возможно будет предоставить пришельцам [8].

Таким образом, Усть-Сысольский уезд имел свои особенности в контексте крестьянской миграции. Территория уезда оставалась в стороне от процесса массовой крестьянской миграции [9]. Несмотря на значительную площадь, население губернии было невелико, а на ее территории имелись обширные пустующие пространства, пригодные для сельскохозяйственной обработки. При этом нерешенность аграрного вопроса местного крестьянства и необходимость мелиоративных мероприятий в условиях низкого почвенного плодородия не позволяли оценить реальные перспективы привлечения в уезд мигрантов и начать выделение переселенческих участков казенной земли.

Исследование выполнено в рамках реализации государственного задания ФИЦ Коми НЦ УрО РАН по теме «Трансформации общества, власти и экономики на Европейском Северо-Востоке России» (номер государственного учета 122040800166-0).

Литература

1. Полный свод законов Российской империи в 2-х книгах под ред. А. А. Добровольского. – Санкт-Петербург : издание книжного магазина «Законоведение», 1911. Т. IX. Кн. XVIII. – 3522 с. – С. 723 – URL : <https://www.prilib.ru/item/358704> (дата обращения: 28.11.2023).
2. Жеребцов, И. Л. Кавказская компонента в динамике численности населения Европейского Севера и Республики Коми / И. Л. Жеребцов, В. В. Фаузер // Известия Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук. Серия «Историческая демография». – 2023. – № 8 (66). – С. 98–106. – DOI: 10.19110/1994-5655-2023-8-98-106.
3. ГАВО. Ф. 287. Оп. 1. Д. 433. Л. 2 об.
4. ГАВО. Ф. 287. Оп. 1. Д. 433. Л. 3.
5. ГАВО. Ф. 287. Оп. 1. Д. 433. Л. 12.
6. Котов, П. П. Динамика уровня земледелия в Коми крае в конце XVIII – начале XX века / П. П. Котов. – Сыктывкар, 1996. – 165 с. – С. 80.
7. Шаньгина, В. В. Промышленность и неземледельческие занятия крестьян / В. В. Шаньгина // История Коми с древнейших времен до конца XX века. – Сыктывкар : Коми кн. изд-во, 2004. – Т. 1. – 560 с. – С. 412, 413.
8. ГАВО. Ф. 287. Оп. 1. Д. 433. Л. 2.
9. Фаузер, В. В. Республика Коми на рубеже веков: демография, миграция, расселение / В. В. Фаузер. – Ижевск : ООО «Принт», 2023. – 308 с. (Б-ка демографа; вып. 22).

ВОЗРАСТНОЙ СОСТАВ УМЕРШИХ В РЕСПУБЛИКЕ КОМИ В СОВЕТСКИЙ ПЕРИОД

У. В. Лыткина

*Институт языка, литературы и истории ФИЦ Коми НЦ УрО РАН,
г. Сыктывкар*

В советский период в Коми крае произошел перелом в закономерностях естественного движения населения: от традиционного типа воспроизводства населения к современному. Это проявилось как в росте средней продолжительности жизни, так и в стремительном сокращении рождаемости. Изменения происходили под влиянием урбанизации и создания новых городов, появления массовой и доступной медицины, развития социальной инфраструктуры, реализации демографической политики государства. Огромное количество одновременно влияющих на смертность факторов делают ее изучение сложной задачей. Описывая трансформацию смертности и продолжительности жизни, ученые чаще всего используют концепцию эпидемиологического перехода, выдвинутую А. Р. Омраном [1]. Она включает пять последовательных стадий, через которые проходят все общества.

На первой стадии (эпоха эпидемий и голода) типичными причинами смертей являются эпидемии, голод, неурожай, стихийные бедствия и войны. Продолжительность жизни находится в границах от 20 до 30 с небольшим лет, младенческая смертность составляет свыше 200 смертей на 1 тыс. новорожденных. Три четверти смертей вызваны инфекционными заболеваниями. Применяются традиционные подходы к их лечению. Сохраняется высокая рождаемость – 30 ‰ и более.

В ходе второй стадии (эпоха отступающих пандемий), несмотря на некоторый спад, инфекционные заболевания остаются основными причинами смерти, но увеличивается роль болезней сердца, инсульта и рака, снижается смертность от туберкулеза. Ожидаемая продолжительность жизни возрастает до 40–50 лет, а младенческая смертность становится ниже 200 ‰. Рождаемость остается высокой, что провоцирует быстрый рост населения. После снижения смертности сокращается и рождаемость. Доступ к здравоохранению и санитарии остается ограниченным, но происходят улучшения в питании, личной гигиене и жилищных условиях.

На третьей стадии (эпоха дегенеративных и антропогенных заболеваний и болезней, вызываемых стрессом) растет вклад болезней сердца и сосудов головного мозга, онкологических заболеваний, диабета, хронической обструктивной болезни легких и нарушений обмена веществ. Распространяются заболевания, вызванные радиационным заражением, воздействием химического и биологического оружия, загрязнением окру-

жающей среды, дорожно-транспортными происшествиями, побочными эффектами действия лекарств, врачебными ошибками. Продолжительность жизни увеличивается до 75 и более лет, приводя к постарению населения. Современное здравоохранение получает большое распространение. Происходит переход к малолетности и ориентация женщин на карьеру.

На четвертой стадии (эпоха снижения смертности от болезней системы кровообращения, старения, изменения образа жизни, возникновения новых болезней) продолжительность жизни достигает 80–85 лет и более, быстрее у женщин. Растут хронические заболевания и расходы на здоровье. Снижается смертность от сердечно-сосудистых заболеваний из-за целенаправленного изменения образа жизни (отказ от курения, диета), развития ранней диагностики и лечения заболеваний, лечения факторов риска (гипертонии, диабета, стресса). Сердечно-сосудистые болезни и рак остаются главными причинами смерти. Стадия характеризуется бурным развитием медицины (молекулярная, геновая инженерия, трансплантология и др.). Рождаемость остается на низком уровне, в ряде случаев это приводит к депопуляции. Беспрецедентно высокими становятся статус женщины и уровень жизни населения. В будущем ожидается переход стран-лидеров к футуристической пятой стадии (эпоха стремительного улучшения качества жизни с парадоксальным долголетием и сохраняющимся неравенством).

США в начале XX в. были на второй стадии эпидемиологического перехода, в середине (1940–1970-е гг.) – на третьей, в конце века – на четвертой. В некоторых странах Западной Европы переход происходил быстрее (например, во Франции). А. Г. Вишневский доказывает, что в России произошла только первая эпидемиологическая революция (до 1960 г.), а вторая, которая началась в странах Запада в 1960-х гг. и заключается в снижении смертности от неинфекционных причин, так и не состоялась [2]. Подробно эволюция смертности и продолжительности жизни в России в XX в. изучена в работах Б. Ц. Урланиса [3], Е. М. Андреева, Л. Е. Дарского и Т. Л. Харьковской [4, 5].

Исследованиям демографической истории Коми края посвящено большое число работ. Возрастной состав умерших в конце XIX–начале XX в. (1897, 1905 и 1910 гг.) рассмотрела Д. В. Вишнякова [6]. Общие закономерности естественного движения населения в советский период исследованы в монографиях [7, 8]. Ряд работ посвящен динамике продолжительности жизни [9], младенческой смертности [10, 11] и структуре причин смерти [12, 13]. Рассмотрены возрастные коэффициенты смертности в отдельные периоды [14–16].

Исследования подтверждают, что по показателю ожидаемой продолжительности жизни и структуре смертности Коми край в начале советского периода соответствовал началу второй стадии эпидемиологического перехода, а по уровню младенческой смертности – даже первому (до 1945 г.). Переход к третьему этапу в Коми АССР в основном произошел в 1946–1958 гг. Коэффициент смертности снизился более чем втрое – до 6,3 ‰, а продолжительность жизни выросла с 39 до 66 лет. Переход к четвертой стадии в Коми АССР так и не произошел, поскольку не было радикального улучшения качества и образа жизни населения, недостаточно внимания уделялось профилактике факторов риска сердечно-сосудистых и онкологических заболеваний, сохранялась высокая смертность от связанных с алкоголем причин.

В данном исследовании сосредоточим свое внимание на изучении возрастного состава умерших за те годы, когда проводились всесоюзные переписи населения. Это позволит наиболее точно оценить закономерности смертности. Информационную базу исследования составили итоги переписей населения 1926–1989 гг. из Национального архива Республики Коми (НА РК) и Российского государственного архива экономики (РГАЭ).

Умершие с неизвестным возрастом смерти фиксировались в основном в 1926 и 1939 гг. В послевоенный период качество статистического учета естественного движения населения существенно улучшилось. Обращает на себя внимание, что среди лет, в которые проводились переписи населения, пик общей смертности был в 1979 г., а пик младенческой – в 1939 г. Хотя численность населения региона выросла в четыре раза, число умерших младенцев сократилось в восемь раз за 1939–1989 гг. (табл. 1).

Таблица 1
Число умерших по возрастам и полу в Коми крае, 1926–1989 годы, чел.

Возраст	Мужчины						Женщины					
	1926	1939	1959	1970	1979	1989	1926	1939	1959	1970	1979	1989
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13
Моложе 1 года	989	1560	760	261	282	209	778	1290	590	192	215	146
1–4 года	302	606	161	67	72	47	254	583	147	57	48	36
5–9 лет	63	109	61	67	42	39	48	123	38	22	20	22
10–14	43	64	27	29	25	23	53	79	25	26	18	15
15–19	55	95	64	86	116	83	63	61	26	32	27	25
20–24	55	98	174	138	258	130	38	77	54	43	48	33
25–29	54	133	174	152	320	235	37	80	48	30	60	43
30–34	49	122	194	405	298	264	43	65	63	66	61	53

Окончание табл. 1

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13
35–39	50	136	122	306	349	299	49	77	71	85	98	63
40–44	67	105	97	383	616	288	47	66	58	124	146	73
45–49	66	117	149	263	510	329	34	62	74	142	192	123
50–54	59	135	134	199	605	594	36	69	86	156	296	216
55–59	76	152	145	253	353	590	44	92	121	177	275	279
60–64	94	206	147	219	306	587	76	119	126	185	239	425
65–69	89	179	120	203	372	335	85	180	137	259	385	419
70–74	85	126	117	158	260	267	99	166	196	308	459	446
75–79	74	123	109	127	199	252	71	165	204	312	504	633
80–84	47	63	73	87	93	133	42	89	147	282	410	542
85–89	13	21	32	55	53	60	21	32	87	180	216	342
90–94	4	6	12	19	18	12	4	18	25	75	88	102
95–99	2	1	3	9	3	6	4	9	11	27	24	28
100 и более лет	–	1	–	–	–	1	–	3	–	–	2	5
Неизвестен	61	26	–	8	2	4	59	13	–	1	2	1
Итого	2397	4184	2875	3494	5152	4787	1985	3518	2334	2781	3833	4070

Источники: здесь и табл. 2, 3: НА РК. Ф. Р-140, Оп. 1. Д. 503, Л. 1–8; Оп. 2. Д. 1016. Л. 30–32; Д. 5233. Л. 28; Д. 9918; Оп. 4. Д. 486; Д. 4672. Л. 33–36.

В первые десятилетия советского периода возраст смерти был очень низким и почти не различался между полами. У мужчин он составлял 22,1 года в 1926 г. и 23,3 – в 1939 г., у женщин – 23,4 и 24,4 соответственно. Между 1939 и 1959 гг. произошло существенное увеличение – у мужчин на 9,0 лет, у женщин – на 16,9 лет. Еще более серьезный рост наблюдался в течение следующего межпереписного периода. У мужчин средний возраст смерти в 1970 г. достиг 43,5 лет, а у женщин – 58,5 лет (на 11,1 и 17,3 года больше, чем в 1959 г.). Затем рост замедлился, увеличившись всего на 2,2 года к 1979 г., как у мужчин, так и у женщин. Наконец, в 1989 г. средний возраст смерти у мужчин составил 50,3 года, а у женщин – 65,5. Разница между полами оставалась колоссальной.

Распределение умерших по 5-летним возрастным группам (табл. 2) показывает, что к 1970 г. наибольшее число смертей уже не приходилось на младенцев и детей в возрасте до четырех лет. Среди мужчин лидировала возрастная группа от 30 до 34 лет, а среди женщин – от 75 до 79 лет. В дальнейшем тоже наблюдались позитивные тенденции – сдвиг смертей в более старшие возрастные группы. В 1989 г. у мужчин примерно одинаковое наибольшее число смертей пришлось на три соседние пятилетние группы – с 50 до 64 лет, а у женщин – с 75 до 84 лет.

Таблица 2
Возрастной состав умерших по полу в Коми крае, 1926–1989 годы, %

Возраст	Мужчины						Женщины					
	1926	1939	1959	1970	1979	1989	1926	1939	1959	1970	1979	1989
Моложе 1 года	42,3	37,5	26,4	7,5	5,5	4,4	40,4	36,8	25,3	6,9	5,6	3,6
1–4 года	12,9	14,6	5,6	1,9	1,4	1,0	13,2	16,6	6,3	2,1	1,3	0,9
5–9 лет	2,7	2,6	2,1	1,9	0,8	0,8	2,5	3,5	1,6	0,8	0,5	0,5
10–14	1,8	1,5	0,9	0,8	0,5	0,5	2,8	2,3	1,1	0,9	0,5	0,4
15–19	2,4	2,3	2,2	2,5	2,3	1,7	3,3	1,7	1,1	1,2	0,7	0,6
20–24	2,4	2,4	6,1	4,0	5,0	2,7	2,0	2,2	2,3	1,5	1,3	0,8
25–29	2,3	3,2	6,1	4,4	6,2	4,9	1,9	2,3	2,1	1,1	1,6	1,1
30–34	2,1	2,9	6,7	11,6	5,8	5,5	2,2	1,9	2,7	2,4	1,6	1,3
35–39	2,1	3,3	4,2	8,8	6,8	6,3	2,5	2,2	3,0	3,1	2,6	1,5
40–44	2,9	2,5	3,4	11,0	12,0	6,0	2,4	1,9	2,5	4,5	3,8	1,8
45–49	2,8	2,8	5,2	7,5	9,9	6,9	1,8	1,8	3,2	5,1	5,0	3,0
50–54	2,5	3,2	4,7	5,7	11,7	12,4	1,9	2,0	3,7	5,6	7,7	5,3
55–59	3,3	3,7	5,0	7,3	6,9	12,3	2,3	2,6	5,2	6,4	7,2	6,9
60–64	4,0	5,0	5,1	6,3	5,9	12,3	3,9	3,4	5,4	6,7	6,2	10,4
65–69	3,8	4,3	4,2	5,8	7,2	7,0	4,4	5,1	5,9	9,3	10,0	10,3
70–74	3,6	3,0	4,1	4,5	5,0	5,6	5,1	4,7	8,4	11,1	12,0	11,0
75–79	3,2	3,0	3,8	3,6	3,9	5,3	3,7	4,7	8,7	11,2	13,2	15,6
80–84	2,0	1,5	2,5	2,5	1,8	2,8	2,2	2,5	6,3	10,1	10,7	13,3
85 и более лет	0,9	0,7	1,7	2,4	1,4	1,6	1,5	1,8	5,2	10,0	8,5	11,7
Итого	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100

Возрастные коэффициенты смертности (табл. 3) позволяют выявить различия в изменении уровня смертности населения по возрасту и полу. За 1926–1939 гг. смертность не только не снизилась, но и выросла почти во всех возрастных группах, особенно у детей моложе 5 лет (в 1,5 раза), что говорит о плохом санитарном состоянии, недоедании детей. Затем смертность в этой группе сократилась более чем в 10 раз за 1939–1959 гг. Возрастной коэффициент смертности у младенцев на исходе советской эпохи (1989 г.) был в 17 раз меньше среди девочек, чем в 1939 г. и в 15 раз – среди мальчиков. У детей в возрасте от 1 до 4 лет разница была еще больше (47 и 40 раз соответственно).

Таблица 3

Возрастные коэффициенты смертности по полу в Коми крае, 1926–1989 годы, ‰

Возраст	Мужчины						Женщины					
	1926	1939	1959	1970	1979	1989	1926	1939	1959	1970	1979	1989
Моложе 1 года	226,0	283,7	62,0	31,6	27,2	19,5	179,7	240,4	50,2	23,7	21,2	14,0
1–4 года	23,7	39,6	3,9	2,0	1,8	1,0	19,9	37,6	3,6	1,7	1,2	0,8
5–9 лет	6,3	6,1	1,5	1,2	0,9	0,7	4,7	6,6	0,9	0,4	0,4	0,4
10–14	3,7	3,3	1,2	0,5	0,6	0,4	4,2	4,0	1,2	0,5	0,4	0,3
15–19	5,2	7,1	2,0	1,9	2,0	1,7	5,0	4,4	1,0	0,8	0,6	0,6
20–24	7,5	7,5	2,4	3,3	3,8	2,6	3,8	5,9	1,3	1,2	0,9	0,8
25–29	8,9	8,0	3,0	3,9	4,6	3,2	4,3	5,5	1,2	1,0	1,1	0,7
30–34	10,2	9,8	3,9	6,3	7,0	3,6	6,2	5,6	1,4	1,3	1,7	0,9
35–39	10,5	13,1	4,7	6,8	8,2	4,8	7,5	7,3	2,5	2,3	2,6	1,1
40–44	15,2	15,2	4,9	9,6	12,4	8,2	8,0	8,4	2,9	3,1	3,4	2,2
45–49	15,4	20,0	8,2	12,5	14,4	9,9	6,5	8,8	3,7	5,2	5,5	3,6
50–54	16,1	26,7	11,4	15,8	22,4	16,4	8,2	11,8	5,8	9,3	8,7	5,9
55–59	24,0	36,1	20,5	21,5	30,8	26,0	10,6	13,9	9,7	9,6	14,2	10,1
60–64	37,8	54,7	38,1	34,7	44,1	38,2	24,8	22,7	14,9	13,3	17,5	16,1
65–69	52,7	65,7	46,5	56,2	67,9	55,6	36,9	44,5	19,9	23,0	27,6	27,8
70–74	79,0	89,0	69,9	87,1	95,3	76,9	62,5	70,1	37,4	45,6	45,9	43,3
75–79	111,4	159,7	114,9	110,0	148,8	112,0	74,7	119,2	63,6	72,8	76,7	69,2
80–84	142,0	232,5	170,6	168,3	197,5	165,0	89,6	160,9	108,3	118,5	141,3	112,1
85 и более лет	133,8	239,7	259,7	324,2	283,5	261,6	122,9	197,5	184,7	218,6	207,2	206,7
Итого	25,4	27,0	6,9	7,2	9,2	7,6	17,6	21,4	6,0	5,8	7,0	6,6

Источники: Всесоюзная перепись населения 1926 года. – Москва : Издание ЦСУ Союза ССР, 1928–29. Т. 1–9; Всесоюзная перепись населения 1939 года. Таблица ф.11. Возрастной состав населения. РГАЭ. Ф. 1562, Оп. 336, Д. 607; Всесоюзная перепись населения 1959 года. Таблица 2.5. Распределение всего населения и состоящих в браке по полу и возрасту; Всесоюзная перепись населения 1970 года. Таблица 5с. Распределение всего населения и состоящих в браке по полу и возрасту. РГАЭ. Ф.1562, Оп. 336, Д. 4014–4101; Всесоюзная перепись населения 1979 года. Таблица 7. Распределение населения по полу и возрасту. РГАЭ. Ф.1562, Оп. 336, Д. 6130–6140; Всесоюзная перепись населения 1989 года. Таблица 7с. Распределение всего населения по полу и возрасту. РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 69. Д. 105–113.

Значительно хуже динамика возрастных коэффициентов смертности была в средних и старших возрастах. У мужчин для многих возрастных групп самые низкие возрастные коэффициенты смертности были достигнуты в 1959 г.: 20–29, 35–59, 65–74, 85 и более лет. Во многом это связано с ростом потребления алкоголя в России, начавшимся в середине 1960-х гг. [17]. У женщин в большинстве возрастов самые низкие показатели смертности были зафиксированы в 1989 г. Интересно, что в 1926 г.

наблюдалась крайне низкая смертность среди населения старше 80 лет, что может быть связано с некачественным статистическим учетом. Из-за небольшого числа событий и возможного недоучета смертей сложно делать выводы об изменении смертности в наиболее старшей открытой возрастной группе.

Проведенное исследование позволило более детально рассмотреть трансформации смертности в Республике Коми в советский период. Разбиение смертей на 5-летние группы продемонстрировало как эпидемиологический переход 1939–1959 гг., так и отсутствие прогресса в этой сфере в 1926–1939 гг. Наиболее противоречивая ситуация наблюдается после 1959 г. Ситуация с младенческой и детской смертностью продолжала улучшаться. В то же время среди взрослых мужчин смертность в основном росла, а среди женщин снижалась крайне медленно. Дальнейшие исследования должны быть направлены на осмысление структуры смертности по причинам и оценку продолжительности жизни внутри межпереписных периодов.

Исследование выполнено в рамках реализации государственного задания ФИЦ Коми НЦ УрО РАН по теме «Трансформации общества, власти и экономики на Европейском Северо-Востоке России» (№ ГР 122040800166-0).

Литература

1. Омран, А. Р. Теория эпидемиологического перехода: взгляд 30 лет спустя / А. Р. Омран // Демографическое обозрение. – 2019. – Т. 6 (1). – С. 177–216. – DOI: 10.17323/demreview.v6i1.9117.
2. Вишневский, А. Г. Смертность в России: несостоявшаяся вторая эпидемиологическая революция / А. Г. Вишневский // Демографическое обозрение. – 2014. – № 4 (4). – С. 5–40.
3. Урланис, Б. Ц. Рождаемость и продолжительность жизни в СССР / Б. Ц. Урланис. – Москва : Издательство «Госстатиздат», 1963. – 137 с.
4. Андреев, Е. М. Население Советского Союза: 1922–1991 / Е. М. Андреев, Л. Е. Дарский, Т. Л. Харькова. – Москва : Наука, 1993. – 143 с.
5. Андреев, Е. М. Демографическая история России: 1927–1959 / Е. М. Андреев, Л. Е. Дарский, Т. Л. Харькова. – Москва : «Информатика», 1998. – 187 с.
6. Вишнякова, Д. В. Смертность населения Коми края в конце XIX – начале XX в.: возрастной состав умерших / Д. В. Вишнякова // Историческая демография. – 2017. – № 1 (27). – С. 11–14. – DOI: 10.19110/2304-5922-2021-1-11-14.

7. Фаузер, В. В. Республика Коми на рубеже веков: демография, миграция, расселение / В. В. Фаузер. – Ижевск : ООО «Принт», 2023. – 308 с. (Б-ка демографа; вып. 22).
8. Игнатова, Н. М. Численность и воспроизводство населения Республики Коми во второй половине XIX–XX в.: историко-демографические и историко-географические исследования Российского Севера / Н. М. Игнатова, Д. В. Вишнякова, А. П. Обедков, В. И. Силин. – Сыктывкар : Коми НЦ УрО РАН, 2022. – 276 с. – DOI: 10.19110/89606-035.
9. Фаузер, В. В. Динамика смертности и продолжительности жизни населения Республики Коми / В. В. Фаузер, Т. С. Лыткина, Г. Н. Фаузер, И. А. Панарина // Гуманитарные науки в Сибири. – 2018. – № 1. – С. 64–70. – DOI: 10.15372/HSS20180111.
10. Безносова, Н. П. Динамика и размеры младенческой смертности в Республике Коми в 1921–1990 гг. / Н. П. Безносова // Историческая демография. – 2013. – № 2(12). – С. 37–40.
11. Попова, Л. А. Младенческая смертность в России и Республике Коми в XX – начале XXI в. / Л. А. Попова, Н. Н. Тараненко // Историческая демография. – 2017. – № 1(19). – С. 55–62.
12. Лыткина, У. В. Естественное движение населения Коми АССР в 1946–1959 годах / У. В. Лыткина // Известия Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук. Серия «Историческая демография». – 2023. – № 8 (66). – С. 69–79. – DOI 10.19110/1994-5655-2023-8-69-79.
13. Безносова, Н. П. Причины смертности населения Коми АССР в 1960–1970-е гг. / Н. П. Безносова // Историческая демография. – 2012. – № 1(9). – С. 60–63.
14. Лыткина, У. В. Естественное движение населения Коми автономной области в 1920-е годы / У. В. Лыткина // Демографические факторы адаптации населения к глобальным социально-экономическим вызовам: сб. науч. статей / ред. О. А. Козлова [и др.]. – Екатеринбург : ИЭ УрО РАН, 2023. – С. 77–85. – DOI 10.17059/udf-2023-1-8.
15. Подоплелов, В. П. Население европейского Севера СССР (смертность и средняя продолжительность жизни по данным переписей населения 1959–1970 гг.) / В. П. Подоплелов, А. И. Таскаев, И. К. Косенко. – Сыктывкар: Коми филиал АН СССР, 1974. – 452 с.
16. Фаузер, В. В. Республика Коми в XX веке: демография, расселение, миграция / В. В. Фаузер, Е. Н. Рожкин, Г. В. Загайнова / отв. ред. И. Л. Жеребцов. – Сыктывкар, 2001. – 124 с.
17. Немцов, А. В. Потребление алкоголя в России: 1956–2012 гг. / А. В. Немцов, К. В. Шелыгин // Вопросы наркологии. – 2014. – № 5. – С. 3–12.

ЭКОЛОГИЧЕСКИЕ ПАРАМЕТРЫ ВОЗОБНОВЛЯЕМОЙ ЭНЕРГЕТИКИ ПРИ ПЕРЕХОДЕ К «УГЛЕРОДНОЙ НЕЙТРАЛЬНОСТИ»: НАЗЕМНАЯ ВЕТРОГЕНЕРАЦИЯ

С. Л. Массунов

*Институт социально-экономических и энергетических проблем Севера
ФИЦ Коми НЦ УрО РАН, г. Сыктывкар*

В утвержденной в 2021 г. Правительством России новой стратегии «социально-экономического развития с низким уровнем выброса парниковых газов до 2050 г.» декларируются стремление к «углеродной нейтральности» и двукратное снижение к обозначенному сроку нетто-выброса парниковых газов. Согласно ее положениям, в качестве одного из направлений решения данной задачи провозглашается необходимость реализации четвертого энергоперехода, основанного на более широком использовании возобновляемых ресурсов. Причем для достижения этой цели прежде всего предполагается в десятки раз увеличить долю производства электроэнергии на возобновляемых источниках – от 0,6 % [1] в 2022 г. до 10 % [2] в 2050 г.

Среди возобновляемых источников, за исключением гидроресурсов, наиболее значимыми, обладающими более высоким потенциалом развития, считаются источники на энергии солнца и ветра. Между тем, несмотря на исключительный прогресс за последнее десятилетие в области солнечных и ветровых технологий, позволивший значительно снизить стоимость получаемой энергии, их крупномасштабные проекты требуют оценок не только экономических результатов, но и, в том числе, возможных экологических эффектов. Среди рассматриваемых эффектов самым существенным, как неоднократно отмечалось в научных публикациях, является величина занимаемой площади при размещении на местности. В связи с прогнозируемым ростом внимания к возобновляемому энергетическому тренду и беспрецедентному опережающему росту его масштабов в представленной статье на теоретическом уровне более подробно исследуется вопрос определения землеемкости для одного из видов «декарбонизированной» энергии – наземной ветрогенерации, а также производится оценка возможного диапазона возрастания её величины по сравнению с традиционным трендом использования атомных и органических источников энергии.

Горизонтальные наземные ветроэлектростанции (ВЭС)

Расчет занимаемой ВЭС площади зависит от конфигурации размещаемых на ее территории ветроустановок. Однако универсального правила размещения до сих пор на существует. На практике применяются конфигурации четырех типов [3]:

- кластер (в том числе расположение в шахматном порядке)
- линейная:
 - * однорядная модель – турбины ВЭС расположены в линию и ориентированы в одном направлении;
 - * многорядная модель – несколько рядов турбин, но каждый ряд ориентирован в другом направлении;
 - * параллельная строка – несколько параллельных рядов.

При этом шахматный порядок считается наиболее оптимальным при строительстве электростанций для генерации энергии в промышленных масштабах.

Рассмотрим особенности расчета площади, занимаемой ветроэлектростанцией, для двух наиболее характерных конфигураций – кластерной и линейной, в том числе с параллельной строкой.

ВЭС с ветроустановками, расположенными в шахматном порядке по фронту и в глубину

Поскольку каждый горизонтальный ветроагрегат, располагаясь в ветропарке в шахматном порядке по фронту и в глубину, создает область турбулентности позади и вокруг себя (эффект «слип-стрима»), он должен находиться на некотором расстоянии от других установок. По вопросу размера этого расстояния до сих пор ведутся научные дискуссии. По мнению экспертов, его величина определяется несколькими факторами, в том числе размерами самой установки – высотой и диаметром, ее аэродинамическими характеристиками, влиянием окружающей среды в виде особенностей рельефа местности и наличием различных преград строительного характера – зданий, промышленных конструкций и т.п. Для каждой конкретной ситуации оно может быть различным. Согласно экспертным

оценкам, диапазон его изменения находится в пределах $3 \div 10$ диаметров ротора используемого ветроагрегата.

В большинстве стран мира, в том числе США, согласно общепринятому эмпирическому правилу, это расстояние принимается равным семи диаметрам ротора (7Д) [4]. В случае идеального шахматного порядка оно принимается одинаковым по основному и второстепенному направлениям ветра (рис. 1, 2).

Тогда площадь, занимаемая одной ветроустановкой (S_1), можно теоретически рассчитать как половину площади круга с радиусом 7Д:

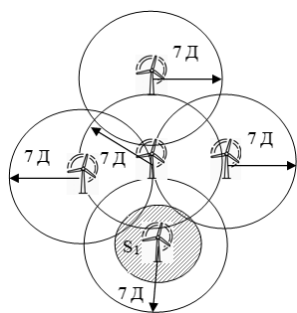

Рисунок 1. Идеальный вариант расположения турбин в ветропарке в шахматном порядке по фронту и в глубину, расстояние между ними 7Д.

Рисунок 2. Каменская ВЭС, Ростовская область, 100 МВт, кластер из 26 установок по 3,85 МВт.

$$S_1 = \pi \cdot \left(\frac{7D}{2}\right)^2 = \frac{49\pi \cdot D^2}{4} = 12,25 \cdot \pi \cdot D^2 = 38,5 \cdot D^2,$$

где D – диаметр ветроколеса (м); S_1 – в m^2 .

Территория, занимаемая всем ветропарком, зависит от количества ветроустановок (n), местных особенностей размещения установок ($k_{тер}$) и определяется по формуле:

$$S_{ВЭС} = k_{тер} \cdot n \cdot S_1 = k_{тер} \cdot n \cdot (38,5 \cdot D^2).$$

Однако оценивать рассматриваемый параметр через диаметр ротора и количество турбин не всегда удобно. Значительно проще это делать через удельный показатель, который представляет собой величину площади занимаемой ВЭС территории, приходящейся на единицу ее установленной мощности β ($m^2/kВт$). При этом величина данного показателя легко определяется для известных типов ветротурбин на одну установку (β_1) согласно выражению (табл. 1):

$$\beta_1 = S_1 / P_1 = 38,5 \cdot D^2 / P_1,$$

где P_1 – номинальная мощность одной ветротурбины (кВт); β_1 – в $m^2/kВт$.

Таблица 1

Расчетные значения показателя общей удельной землеемкости β , наиболее мощных ветроагрегатов современных зарубежных ВЭС, расположенных в ветропарке в идеальном шахматном порядке

№	Производитель	Модель ВЭУ	Страна	Мощность, МВт	Диаметр турбины, м	Параметр β_1 ($m^2/kВт$)	Год ввода
1	2	3	4	5	6	7	8
1.	REpower	5 М	Германия	5	126	122,2	2004

1	2	3	4	5	6	7	8
2.	Enercon	E126-7,5	Германия	7,5	126	81,5	2007
3.	REpower	6M	Германия	6,2	126	98,6	2009
4.	Bard	5MW	Германия	5	122	114,6	2010
5.	Areva	M5000	Франция	5	135	140,3	2011
6.	Sinovel	SL6000	Китай	6	128	105,1	2011
7.	Siemens	SWT-6.0-154	Германия	6	154	152,2	2012
8.	Alstom	Haliade	Франция	6	150	144,4	2013
9.	Gemesa	G5MW	Испания	5	128	126,2	2013
10.	Samsung	S7.0-171	Южная Корея	7	171	160,8	2014
11.	Vestas	V164-8.0	Дания	8	164	129,4	2014
12.	Vestas	V164-10.0*	Дания	10	164	103,6	2021
13.	Vestas	V236-15.0*	Дания	15	236	143	2021

Примечание. * – оффшорное применение.

Из табл. 1 видно, что землеемкость современных ветротурбин для идеальной шахматной конфигурации ВЭС и симметричной «розы ветров» сильно различается в зависимости от мощности и фирмы-производителя, соответственно, диаметра турбины – практически в два раза (изменяется от 80 до 160 м²/кВт (8÷16 га/МВт, или 20÷40 акр/МВт).

При этом следует обратить внимание на то, что занимаемая электростанцией территория делится на две части – зона прямого использования земли и общая площадь ВЭС. Первая составляющая включает в себя пространство, непосредственно занятое ветроустановками, – фундамент, подъездные дороги, подстанция, охранная зона кабельных линий, офис, станция мониторинга, складские помещения. Вторая – состоит из всего пространства в границах ветропарка – учитывает еще и земли между турбинами. Исходя из рис. 1, в табл. 1 приведены удельные значения общей занимаемой площади ВЭС, на которой применяется та или иная указанная в табл. 1 установка.

Таким образом, зная мощность предполагаемой к строительству ВЭС и применяемый при этом тип ветротурбин, можно приблизительно оценить величину занимаемой электростанцией площади, учитывая территориальные особенности ее расположения ($k_{\text{тер}}$):

$$S_{\text{ВЭС}} = k_{\text{тер}} \cdot \beta_1 \cdot P_{\text{ВЭС}} \cdot (1)$$

В отличие от значений β_1 табл. 1, на практике землеемкость ветроэлектростанций определяется не только величиной ветротурбины, но и рядом других условий, в том числе характеристик места размещения. Однако при сравнении расчетных значений удельной землеемкости табл. 1 с показателями реально действующих в мире наиболее мощных электростанций с кластерным расположением установок обнаруживается суще-

ственная разница, которая не может быть объяснена местными условиями (табл. 2).

Таблица 2
Значение показателя общей удельной землеёмкости λ наиболее мощных зарубежных ВЭС с кластерным расположением установок

№	Название ВЭС	Дислокация	Мощность ВЭС, МВт	Занимаемая площадь, га	Землеёмкость λ (м ² /кВт)
1.	Roscoe Wind Farm	США, штат Техас	781,5	40 000	517,9
2.	Hors Hollow Wind Energy Center		735,5	19 000	258,6
3.	Buffalo Gap Wind Farm		523,3	11 331,6	216,5
4.	Fowler Ridge Wind Farm	США, штат Индиана	599,8	16 997,4	283,4

В табл. 2 показано, что на примере ВЭС США удельная землеёмкость составляет диапазон 210÷280 м²/кВт (21÷28 га/МВт, или 50÷70 акр/МВт), что в 1,7÷2,6 раза больше расчетных значений. Значительное отличие от данного диапазона показателя для ВЭС Roscoe Wind Farm объясняется тем фактом, что сама станция строилась в несколько этапов на разных площадках с разными типами установок, после чего, очевидно, в состав ее площади были включены земли, расположенные между ее составляющими частями.

Отличие показателей остальных указанных в табл. 2 ВЭС от данных табл. 1 можно объяснить тем фактом, что выбранное расстояние между агрегатами для повышения эффективности работы выбрано не 7Д, а 10Д.

Тогда расчетный участок земли, занимаемый одной установкой, составит величину 200÷290 м²/кВт (20÷29 га/МВт), что допустимо сочетается с данными табл. 2 (21÷28 га/МВт) и оценками американских исследователей из Национальной лаборатории по изучению возобновляемой энергии (NREL), согласно которым средние значения этой величины для условий США составляют около 83 акров на 1 МВт мощности, или 336 м²/кВт ⁹⁴. Ряд других исследователей приводят несколько меньшие цифры – 62 акр/МВт, или 250 м²/кВт ⁹⁵.

ВЭС с ветроустановками, расположенными линейно

В некоторых случаях на электростанциях небольшой мощности агрегаты выстраиваются линейно однорядно (рис. 3).

Рассчитаем величину площади такой ВЭС для её идеальных условий размещения. Схема определения рассматриваемого параметра показана на рис. 4. Однако в этом варианте по основному направлению ветра агрегаты не создают помех друг другу (эффекта «слип-стрима»), а по второстепенному направлению принято располагать их, как правило, на расстоянии трёх диаметров (3Д) ротора [5].

Рисунок 3. Однорядное расположение ветроустановок на ВЭС небольшой мощности.

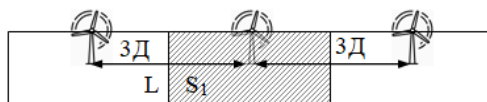

Рисунок 4. Линейное расположение турбин ВЭС, их площадь и расстояние между ними.

Тогда участок земли, занимаемый одной установкой, рассчитывается по простой геометрической формуле:

$$S_1 = 3Д \times L,$$

где L – ширина отчуждаемого участка одной установкой, включающая земли, занятые непосредственно башней ВЭС, а также электрическим кабелем и его охранной зоной, подъездными путями, электрической подстанцией и другими служебными помещениями, приходящимися на одну установку.

Для определения величины L воспользуемся расчетами, которые были проведены Национальной лабораторией возобновляемой энергии США NREL⁹⁴. Согласно последним, для отдельно стоящей ВЭС мощностью в 1 МВт требуется в среднем $\frac{3}{4}$ акров поверхности земли. Тогда ширину L_1 отчуждаемого участка земли одним агрегатом можно определить, разделив эту величину на диаметр турбины ВЭС в 1 МВт:

$$L_1 = \frac{S_{1\text{МВт}}}{D_{1\text{МВт}}} = 3035,25 \text{ м}^2 / 54 \text{ м} \approx 56 \text{ м},$$

где $D_{1\text{МВт}}$ – диаметр турбины в 1 МВт типа Nordex N54.

Поскольку ширина участка земли, занятой непосредственно башней установки, электрическим кабелем и его охранной зоной, подъездными путями, электрической подстанцией, приходящегося на один агрегат

разной мощности, различается незначительно, можно принять этот параметр в первом приближении неизменным и определить характеристику β_1 для всех типов ветроагрегатов табл. 1 при их линейном расположении в ВЭС по формуле:

$$\beta_1 = S_1 / P_1 = 3 \cdot D_1 \cdot L_1 / P_1 = 168 D_1 / P_1$$

Результаты соответствующих расчетов показаны в табл. 3.

Таблица 3

Значение показателя удельной землеемкости β_1 наиболее мощных ветроагрегатов при их линейной конфигурации в современных ВЭС

Ветроагрегат	Repower 5 M	Bard 5MW	Areva M5000	Gemesa G5MW	Sinovel SL6000	Siemens SWT-6.0-154	Alstom Haliade	Repower 6M	Samsung S7.0-171	Enercon E126-7,5	Vestas V164-8.0	Vestas V164-10.0	Vestas V236-15.0
Параметр β_1 (м ² /кВт)	4,23	4,1	4,54	4,3	3,58	4,31	4,2	3,41	4,1	2,82	3,44	2,76	2,64

Сравнивая полученные в табл. 3 результаты с предыдущими значениями в табл. 1 и обращая внимание на особенности определения площади на рис. 4, следует констатировать тот факт, что в этом варианте две зоны – прямого использования земли и общая площадь ВЭС – совпадают. Поэтому представленные в табл. 3 величины в 20÷30 раз меньше предыдущих и отражают ту минимальную территорию, которая требуется только для размещения компонентов самой ВЭС.

Если сравнивать между собой полученные значения удельной землеемкости показанных агрегатов, то они отличаются незначительно – в пределах 3÷5 м²/кВт (0,3÷0,5 га/МВт, или 0,75÷1,25 акр/МВт). Это несколько не совпадает с оценками американских исследователей из NREL, согласно которым средние значения данной величины для условий США составляют около 2,5 акров на 1 МВт мощности, или 10,1 м²/кВт⁹⁴. Однако хорошо согласуется с оценками других исследователей – 0,75 акр/МВт, или 3,04 м²/кВт⁹⁵. Отличие рассчитанных в табл. 3 показателей от значений лаборатории NREL (в 2÷3,3 раза) объясняется учетом последними больших интервалов между установками – вместо трех семи диаметров ротора.

В России наиболее распространенным вариантом размещения установок ВЭС является линейная конфигурация с параллельной строкой. В данном случае линейные ряды установок расположены параллельно друг другу на некотором расстоянии (рис. 5).

Рисунок 5. Линейная конфигурация электростанции с параллельными рядами агрегатов (Кузьминская ВЭС, Ставропольский край, 160 МВт, 64 установки по 2,5 МВт).

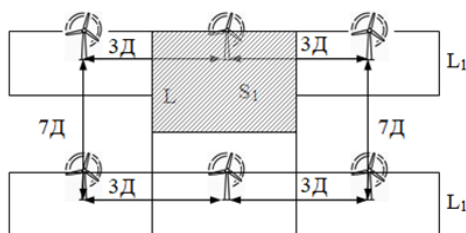

Рисунок 6. Линейное расположение турбин ВЭС с параллельной строкой, их площадь и расстояние между ними.

Стандартно рекомендуемая согласно международному эмпирическому правилу схема расчета землеемкости ВЭС для данного варианта компоновки показана на рис. 6. По основному направлению ветра агрегаты отделяются друг от друга расстоянием в семь диаметров ротора (7Д), а по второстепенному направлению – в три диаметра (3Д).

Тогда участок земли, занимаемый одной установкой, определяется выражением:

$$S_1 = (3Д \times L) = 3Д \times (7Д/2 + L_1/2) = 10,5 \cdot Д^2 + 84 \cdot Д,$$

где L – общая ширина отчуждаемого участка одной установкой;
 L_1 – ширина зоны прямого использования земли одним агрегатом ВЭС.

Соответственно, характеристику β_1 для всех типов ветроагрегатов табл. 1 при их линейном расположении в ВЭС с параллельной строкой можно определить по формуле:

$$\beta_1 = S_1 / P_1 = (10,5 \cdot Д_1^2 + 84 \cdot Д_1) / P_1$$

Результаты соответствующих вычислений приведены в табл. 4.

Таблица 4

Расчетные значения показателя β_1 ветроагрегатов при их линейной конфигурации с параллельным расположением рядов ВЭС со стандартно рекомендуемыми расстояниями между установками

Ветроагрегат	Repower 5 M	Bard 5MW	Areva M5000	Gemesa G5MW	Sinovel SL6000	Siemens SWT-6.0-154	Alstom Halia-de	Repower 6M	Samsung S7.0-171	Enercon E126-7,5	Vestas V164-8.0	Vestas V164-10.0	Vestas V236-15.0
Параметр β_1 (м ² /кВт)	35,5	33,3	40,6	36,6	30,5	43,7	41,5	26,6	45,9	23,7	37	29,6	40,3

Сравнивая полученные в табл. 4 величины с предыдущими значениями табл. 1 и 3, можно обратить внимание на то, что для данной конфигурации уровень землеемкости установок представляет собой нечто среднее между первым и вторым вариантами – $30 \div 45$ м²/кВт ($3 \div 4,5$ га/МВт, или $7,4 \div 11,1$ акр/МВт) против $80 \div 160$ для первого и $3 \div 5$ м²/кВт для второго. По сравнению с первым случаем показатели меньше в $2,7 \div 3,6$ раз, по сравнению со вторым – больше в $9 \div 10$ раз.

Для верификации полученных расчетных значений землеемкости отдельных ветроагрегатов с характерной для условий России конфигурацией сопоставим их с опубликованными данными по эксплуатируемым в нашей стране ВЭС (табл. 5).

Таблица 5

Расчетные значения показателя удельной землеемкости β эксплуатируемых в России современных ВЭС

№	Название ВЭС	Мощность ВЭС, МВт	Мощность ВЭУ, МВт	Занимаемая площадь, га		Землеемкость β (м ² /кВт)	
				общая	агрегатов	общая	агрегатов
1.	Адыгейская ВЭС	150	2.5	-*	60	-	4,0
2.	Кочубеевская ВЭС	210	2.5	200	75	9,52	3,57
3.	Азовская ВЭС	90	3.5	133	-*	14,78	-
4.	Кольская ВЭС	202	3.5	257	-*	12,72	-
5.	Ульяновская ВЭС-1	35	2.5	85	-*	24,29	-
6.	Ульяновская ВЭС-2	50	3.6	97	-*	19,4	-
7.	Зимовниковская ВЭС	120	2.5	-*	78.6	-	6,55

Примечание. * – нет данных.

Согласно табл. 5 для российской ветроэнергетики можно выделить несколько очевидных моментов. Во-первых, при освещении в публикациях территориальных характеристик вводимых в эксплуатацию отечественных ветроэнергоисточников происходит смешение разных параметров – в некоторых случаях указывается общая площадь ВЭС (Кочубеевская, Азовская, Кольская, Ульяновские 1 и 2), в других – только зона прямого использования земли (Адыгейская, Зимовниковская). Второе – уровень отчуждения территорий прямого назначения практически соответствует расчетным значениям табл. 3. ($4 \div 6$ м²/кВт в табл. 5 и $3 \div 5$ м²/кВт в табл. 3). То есть можно считать, что российский территориальный коэффициент при определении территорий прямого назначения ВЭС находится в пределах $k_{\text{тер}} = 1.2 \div 1.33$. И последнее – расчетные значения занимаемой ВЭС общей площади в табл. 4 существенно различаются по сравнению с практическими данными действующих источников табл. 5 (согласно расчетам $30 \div 45$ м²/кВт, на практике $10 \div 25$ м²/кВт). Это несовпадение объясняется тем, что при проектировании отечественных источников не соблюдаются общепринятые за рубежом правила расположения ветроустановок – вместо расстояния в три диаметра ветроколеса между ними по второстепенному направлению ветра (рис. 6) принимается так называемый ремонтный интервал в 10 м от крайнего положения лопасти в обе стороны.

Если учесть эту особенность, то расчет по вышеприведенным формулам для случая российской ветроэнергетики и установок табл. 1 даст результат по показателю β_1 в $9 \div 16$ м²/кВт, что будет достаточно близким к практическим значениям в $10 \div 19$ м²/кВт (табл. 5). Небольшая разница нижней и верхней границ интервала в 1,1 и 1,2 раза объясняется отличием местных условий эксплуатации установок от идеальных расчетных. Кроме того, значительно большее значение показателя Ульяновской ВЭС-1 связано с тем, что ее агрегаты, скорее всего, расположены друг от друга по ветру на расстоянии в 10 диаметров ротора вместо семи.

Такое же несоответствие расчетных данных удельной общей землеемкости табл. 4 практическим показателям наблюдается и для действующих зарубежных ветроэлектростанций с параллельным рядным расположением установок (например, рис. 7 и табл. 6 для случая США ($30 \div 45$ в табл. 4 и $67 \div 92$ м²/кВт в табл. 6)).

Аналогично случаю российских ВЭС, при строительстве американских электростанций не выдержаны рекомендуемые интервалы между агрегатами – расстояния по фронту принято равным семи диаметрам ротора вместо трех (рис. 7).

Таблица 6

Значение показателя общей удельной землеемкости δ наиболее мощных зарубежных ВЭС с линейным с параллельной строкой расположением установок

№	Название ВЭС	Дислокация	Мощность ВЭС, МВт	Занимаемая площадь, га	Землеемкость δ (м ² /кВт)
1.	Alta Wind Energy Center	США, штат Калифорния	1548	13 000	83,9
2.	Shepherds Flat Wind Farm	США, штат Орегон	845	7800	92,3
3.	Capricorn Ridge Wind Farm	США, штат Техас	662,5	4451,7	67,2

Рисунок 7. ВЭС Нюстед (Дания), 373 МВт, 162 установки по 2,3 МВт с параллельным рядным расположением.

При учете этой особенности расчетные значения показателя δ_1 для американских условий в $60 \div 107$ м²/кВт для турбин табл. 1 практически совпадет с практическим интервалом в $67 \div 92$ м²/кВт табл. 6.

Таким образом, на зарубежных ветроэлектростанциях для повышения эффективности их работы между агрегатами принимаются большие расстояния (семь диаметров ротора), чем на российских (10 метров между концами лопастей в обе стороны). Однако повышение эффективности сопровождается в 5÷6 раз большей потерей площади территории.

Оценка размера техногенной экспансии четвертого энергоперехода в России

Насколько существенна земельная экспансия в случае намеченных темпов реализации четвертого энергоперехода можно оценить соглас-

но данным удельной землеемкости, приведенным выше для разных схем расположения наземных ВЭС и, например, при использовании наиболее мощных турбин V164-15.0, в сравнении с возможным замещением их традиционным источником – блоком АЭС ВВЭР-1200, площадь которого оценивается в 2,25 км² (пример Белорусской АЭС).

Тогда для выбранных схем площадь ВЭС можно рассчитать по мощности замещаемого блока АЭС:

- кластер $S_{ВЭС} = 143 \cdot 10^{-6} \text{ км}^2/\text{кВт} \times 1200 \cdot 10^3 \text{ кВт} = 171,6 \text{ км}^2$;
- линейная $S_{ВЭС} = 2,64 \cdot 10^{-6} \text{ км}^2/\text{кВт} \times 1200 \cdot 10^3 \text{ кВт} = 3,168 \text{ км}^2$, причем длина такой ВЭС $L_{ВЭС} = S_{ВЭС} / L_1 = 2,64 \cdot 1200 \cdot 10^3 / 56 = 56,6 \text{ км}$;
- линейная с параллельными рядами зарубежная $S_{ВЭС} = 40,3 \cdot 10^{-6} \text{ км}^2/\text{кВт} \times 1200 \cdot 10^3 \text{ кВт} = 48,4 \text{ км}^2$;
- линейная с параллельными рядами США $S_{ВЭС} = 94,1 \cdot 10^{-6} \text{ км}^2/\text{кВт} \times 1200 \cdot 10^3 \text{ кВт} = 112,9 \text{ км}^2$;
- линейная с параллельными рядами российская $S_{ВЭС} = 14 \cdot 10^{-6} \text{ км}^2/\text{кВт} \times 1200 \cdot 10^3 \text{ кВт} = 16,8 \text{ км}^2$.

Если представить сравниваемые площади в виде квадратов, то их соотношение показано на рис. 8.

Согласно данным, отраженным на рис. 8, можно сделать вывод о том, что при замене традиционных энергоисточников наземной ветрогенерацией занятая удельная земельная площадь (на единицу мощности) увеличится:

- по российской схеме в 7,5 раз,
- по зарубежной схеме в 21,5 раз,

- по схеме США в 50,2 раза,
- по схеме кластера в 76,3 раза.

Учитывая рост доли выработки электроэнергии в России на возобновляемых энергоресурсах к 2050 г. практически в 16,7 раз (от 0,6 до 10 %) и предполагая, для простоты, ее производство только на наземных ВЭС, коэффициент использования установленной мощности которых в три раза ниже традиционных источников, для российских реалий получим взлет техногенно-энергетической экспансии в $7,5 \times 16,7 \times 3 \approx 375$ раз.

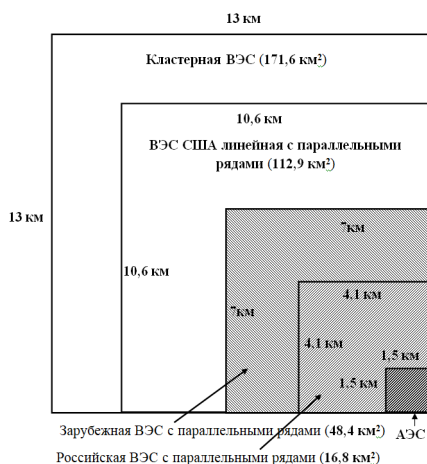

Рисунок. 8. Сравнение землеемкости рассмотренных схем ВЭС с блоком АЭС 1200 МВт.

Резюме

Проведенный теоретический анализ землеемкости наземных ветроэлектростанций, использующих два вида территориальной конфигурации – кластерную и линейную, в том числе с параллельной строкой, позволил получить следующие значения:

- для кластера в общем случае $\beta_1 = 8 \div 16$ га/МВт;
- для линейной схемы $\beta_1 = 0,3 \div 0,5$ га/МВт;
- для схемы с параллельными рядами:
 - *зарубежной ВЭС $\beta_1 = 3 \div 4,5$ га/МВт,
 - *американской ВЭС $\beta_1 = 6 \div 10,7$ га/МВт,
 - *русской ВЭС $\beta_1 = 0,9 \div 1,6$ га/МВт.

Учитывая полученные значения, для условий нашей страны, предпочитающей снижение эффективности ветроустановок в счет снижения землеемкости, реализация четвертого энергоперехода и достижение «углеродной нейтральности» обойдутся в потерю земельной площади в 375 раз больше, нежели в случае традиционного тренда развития энергетики. Для варианта конфигурации с максимальной эффективностью ВЭС – кластера, эта цифра несколько больше – возможный рост экспансии в 3823 раза выше традиционного варианта. В любом случае намеченный энергопереход связан с изъятием под энергоисточники значительных земельных территорий.

Литература

1. Выработка электроэнергии в России в 2022 году выросла на 0,6%. – URL : <https://finance.rambler.ru/business/50135150-vyrabotka-elektroenergii-v-rossii-v-2022-godu-vyroslo-na-0-6/> (дата обращения: 10.11.2023).
2. РЭН-2022: Минэнерго РФ изменит долю ВИЭ в энергобалансе России к 2050 г. – URL : <https://neftegaz.ru/news/Alternative-energy/754124-minenergo-rf-izmenit-dolyu-vie-v-energobalanse-rossii-k-2050-g/> (дата обращения: 10.11.2023).
3. Сколько ветряных турбин может поместиться на одном акре? [электронный ресурс]. – URL : <https://цифра-сервис.пф/otvety-na-voprosy-chitatelej/kak-postroit-vetro-generatornuyu-fermu.html> (дата обращения: 12.10.2023).
4. Сколько земли нужно для ветряных турбин? – URL : <http://digitrode.ru/articles/1834-skolko-zemli-nuzhno-dlya-vetryanyh-turbin.html> (дата обращения: 25.09.2023).
5. Свежий ветер: репортаж с Кузьминской ВЭС. – URL : <https://strana-rosatom.ru/2023/06/16/svezhiy-veter-reportazh-s-kuzminskoj-v/> (дата обращения: 02.10.2023).

ИНФОРМАЦИОННАЯ ОСНОВА ЭКСПЕРТНОЙ ОЦЕНКИ ИНФРАСТРУКТУРНОГО ПОТЕНЦИАЛА ОБЪЕКТОВ АГРОПРОМЫШЛЕННОГО КОМПЛЕКСА СЕВЕРНОГО РЕГИОНА

В. Н. Молодцова

*ФИЦ Комплексного изучения Арктики им. академика Н. П. Лавёрова УрО РАН,
г. Архангельск*

Аспекты развития территорий в российской Арктике определяются многочисленными факторами, включающими политические, экономические, социальные, природные (экологические) и технико-инновационные аспекты. Однако одним из основных критериев социально-экономического развития арктических областей является состояние инфраструктуры, включая энергетическую, производственную, транспортную и социальную инфраструктуру. Этот аспект детально рассмотрен в нескольких научных исследованиях [1, 2]

Концепция инфраструктурного потенциала региона описывает совокупность инфраструктурных объектов, включая как основные объекты производства, так и непроеизводственные ресурсы. Эти элементы способствуют устойчивому развитию и эффективной функциональности всего хозяйственного комплекса региона, а также улучшению уровня жизни его жителей.

Известно, что северные территории представляют собой зону рискованного земледелия, и ведение хозяйственной деятельности в этих регионах сопряжено с воздействием ряда групп рисков [3]. Эти риски включают в себя следующие аспекты:

- суровый климат с низкими среднегодовыми температурами;
- выраженную сезонность;
- ограниченную транспортную доступность территории;
- низкую плотность населения и отрицательную демографическую динамику;
- высокую ресурсоемкость хозяйственной деятельности.

Указанные группы рисков могут носить как общесистемный, так и индивидуальный характер [4], оказывая существенное влияние на состояние производственных объектов и инфраструктурный потенциал АПК северных территорий России.

На рис. 1 представлены основные индикаторы (характеристики) инфраструктурного потенциала объекта АПК северного региона.

Информационная основа введенных индикаторов опирается на обширный арсенал научных источников, включая анализ инфраструктурного потенциала, изучение действующих нормативно-правовых актов и использование специализированных онлайн-ресурсов, посвященных

Рисунок 1. Основные индикаторы (характеристики) инфраструктурного потенциала объекта АПК северного региона.

оценке стоимости компонентов хозяйственных комплексов. В ходе анализа рассматриваются различные аспекты, в том числе прибегая к гедонистическому подходу при оценке стоимости объектов. В рамках данного исследования проведен обширный обзор научных трудов, посвященных особенностям применения экспертных методов и технологий для решения конкретных социально-экономических задач.

Рассмотрим каждый из перечисленных индикаторов более подробно.

Первый показатель позволяет оценить степень готовности объекта производственной инфраструктуры к прямому использованию. Данная характеристика представлена двумя значениями: показателем физического износа оцениваемого объекта и степенью завершенности строительства данного объекта. Доля каждого из указанных выше показателей будет определена при дополнительных исследованиях.

По шкале экспертной оценки значение «пять» присваивается объектам, находящимся в хорошем техническом состоянии, с физическим износом конструктивных элементов от 0 до 20 %, значение «четыре» присваивается объектам, находящимся в удовлетворительном состоянии, с физическим износом от 21 до 40 %, при износе от 41 до 60 % для объектов в неудовлетворительном состоянии присваивается значение «три» и т. д. Характеристика технического состояния представлена на рис. 2.

При определении степени готовности объекта капитального строительства к эксплуатации принимаем следующие значения: «пять» – для

Рисунок. 2. Показатели физического износа.

Источник: Методика определения физического износа гражданских зданий (утверждена приказом по Министерству коммунального хозяйства РСФСР 27 октября 1970 г. № 404). – <https://meganorm.ru/Data2/1/4293833/4293833018.pdf?ysclid=ipi4u3i4pq396322379> (дата обращения: 14.11.2023).

объектов капитального строительства, готовых к эксплуатации на 100 %, «четыре» – для объектов, степень готовности которых составляет от 50 до 99 % и срок приостановления строительства объекта незавершенного строительства менее пяти лет. Балл «удовлетворительно» присваивается объектам со степенью готовности от 0 до 50 % и аналогичным с предыдущей оценкой сроком приостановления строительства – до пяти лет. Для объектов степени готовности от 50 до 99 % и со сроком приостановления строительства свыше пяти лет присваивается балл в размере «двух». И, соответственно, значение индикатора «один» отражает степень готовности объектов капитального строительства к эксплуатации от 0 до 50 % и сроком приостановления строительства свыше пяти лет [5].

Вторым индикатором, оказывающим влияние на инфраструктурный потенциал агропромышленного комплекса северного региона, является степень востребованности объекта как элемента хозяйственного комплекса, который необходимо оценивать с точки зрения элемента технологической цепочки АПК и с позиции востребованности продукции на потребительском рынке. Общий индикатор, состоящий из двух перечисленных выше, представлен на рис. 3.

Оценка обеспеченности объекта трудовыми ресурсами состоит из следующих характеристик:

5 - Высокий уровень востребованности продукции на потребительском рынке

- Высокий уровень востребованности другими предприятиями АПК, объект является неотъемлемой частью технологической цепочки хозяйственного комплекса

4 - Уровень востребованности на потребительском рынке выше среднего

- Уровень востребованности другими предприятиями АПК выше среднего, объект является существенной частью технологической цепочки хозяйственного комплекса

3 - Средний уровень востребованности

- Средний уровень востребованности другими предприятиями АПК, объект является малой частью технологической цепочки хозяйственного комплекса

2 - Низкий уровень востребованности

- Низкий уровень востребованности другими предприятиями АПК, объект является крайне малой частью технологической цепочки хозяйственного комплекса

1 - Крайне низкий уровень востребованности продукции на потребительском рынке

- Не является элементом технологической цепочки, отсутствует востребованность другими предприятиями АПК

Рисунок 3. Информационная основа для экспертной оценки степени востребованности объекта как элемента хозяйственного комплекса.

- высокая оценка степени обеспеченности объекта трудовыми ресурсами принимается в случае соответствия плановых потребностей компании фактическим по обеспечению функционирования объекта капитального строительства;

- выше среднего: при фактической обеспеченности трудовыми ресурсами, которые могут не соответствовать плановым показателям не более чем на 10 %;

- среднее значение индикатора принимается при наличии фактической обеспеченности трудовыми ресурсами, которая не соответствует плановым потребностям, при расхождении от 10 до 20 %;

- низкая степень обеспеченности объекта трудовыми ресурсами принимается для объектов, фактическая обеспеченность трудовыми ресурсами которых не соответствует плановым потребностям, при расхождении от 20 до 50 %;

- минимальное значение шкалы (очень низкое) соответствует фактической обеспеченности трудовыми ресурсами, которые могут не соответствовать плановым потребностям, и расхождение между данными показателями составляет более 50 %.

Индикаторы, связанные с обеспеченностью объекта транспортной инфраструктурой, предлагается производить также по пятибалльной шкале, подробно описанной на рис. 4 и 5.

очень высокая	<ul style="list-style-type: none"> • Удаленность от автомагистрали (трассы М-8) менее 1 км • Обеспеченность подъездной автомобильной дорогой общего пользования с твердым и ровным (асфальтовым) покрытием, в отличном состоянии находящейся в непосредственной близости • Обеспеченность собственными внутренними автодорогами и площадками с твердым покрытием (в зависимости от качества) • Ж/д пути заходят на участок – железнодорожная ветка заходит непосредственно на земельный участок, возможны к использованию
высокая	<ul style="list-style-type: none"> • Удаленность от автомагистрали (трассы М-8) свыше 1 км до 30 км, удаленность от автомагистрали областного назначения менее 1 км • Обеспеченность подъездной автомобильной дорогой общего пользования с твердым и ровным (асфальтовым, грунтовым) покрытием, в отличном состоянии находящейся в непосредственной близости • Обеспеченные собственными внутренними автодорогами и площадками с твердым покрытием (в зависимости от качества) • Ж/д пути рядом, имеется потенциал использования – железнодорожная ветка располагается на близлежащем земельном участке, обязательно имеется возможность использования (например, сервитут)

Рисунок 4. Информационная основа для экспертной оценки обеспеченности объекта транспортной инфраструктурой с использованием сборника корректировок, индикаторы 5, 4.

Источник: *здесь и рис. 5: Сборник корректировок. Сегмент «Земельные участки». Сегмент экспертов рынка недвижимости. 2017 год.* – URL: http://www.areall.ru/custom/analytical_materials/KqSni13EfaOm03yN.pdf?ysclid=lpidljn-hch689096030 (дата обращения: 14.11.2023).

средняя	<ul style="list-style-type: none"> • Удаленность от автомагистрали (трассы М-8) свыше 1 км до 60 км, удаленность от автомагистрали областного назначения менее 1 км, • Обеспеченность подъездной автомобильной дорогой общего пользования с твердым и ровным (асфальтовым или грунтовым) покрытием, в хорошем состоянии находящейся в непосредственной близости • Обеспеченность собственными внутренними автодорогами и площадками с твердым покрытием (в зависимости от качества) • Обеспеченные подъездной железнодорожной веткой, смежной с участком, либо собственной внутриплощадочной ж/дорогой (в зависимости от качества), соединенной с внешней магистралью
низкая	<ul style="list-style-type: none"> • Удаленность от автомагистрали (трассы М-8) свыше 60 км, удаленность от автомагистрали областного назначения свыше 1 км до 20 км, • Обеспеченность подъездной автомобильной дорогой общего пользования с твердым и ровным (асфальтовым или грунтовым) покрытием, в удовлетворительном состоянии находящейся в непосредственной близости • Необеспеченность собственными внутренними автодорогами и площадками с твердым покрытием. Обеспеченные подъездной железнодорожной веткой, смежной с участком, либо собственной внутриплощадочной ж/дорогой (в зависимости от качества), соединенной с внешней магистралью
очень низкая	<ul style="list-style-type: none"> • Удаленность от автомагистрали (трассы М-8) свыше 60 км, удаленность от автомагистрали областного назначения свыше 20 км, • Обеспеченность подъездной автомобильной дорогой общего пользования с твердым и ровным (асфальтовым или грунтовым) покрытием, в неудовлетворительном состоянии находящейся в непосредственной близости • Необеспеченность собственными внутренними автодорогами и площадками с твердым покрытием (в зависимости от качества) • Ж/д пути отсутствуют в непосредственной близости от земельного участка или отсутствуют возможность их использования

Рисунок 5. Информационная основа для экспертной оценки обеспеченности объекта транспортной инфраструктурой с использованием сборника корректировок, индикаторы 3–1.

Обеспеченность объекта коммунальной инфраструктурой (водоснабжение, водоотведение) предлагается определять по шкале (рис. 6), сформированной с учетом статистики рынка [6].

Очень высокая

- Наличие подведенных центральных линий и систем, устроенных на объекте капитального строительства, локальных систем водоподачи, подготовки и стоков воды (собственная скважина, насосные станции, фильтрация, очистные сточные системы), соответствующие современным технологиям

Высокая

- Наличие подведенных центральных линий и систем, устроенных на объекте капитального строительства, локальных систем водоподачи, подготовки и стоков воды (собственная скважина, насосные станции, фильтрация, очистные сточные системы), частично соответствующие современным технологиям

Средняя

- Наличие подведенных центральных линий и систем, устроенных на объекте капитального строительства, локальных систем водоподачи, подготовки и стоков воды (собственная скважина, насосные станции, фильтрация, очистные сточные системы), не соответствующие современным технологиям, построенные в советское время

Низкая

- Имеется один вид (водоснабжение, водоотведение, канализация) коммунальной инфраструктуры, построенный в советское время

Очень низкая

- Отсутствует коммунальная инфраструктура

Рисунок 6. Информационная основа для экспертной оценки обеспеченности объекта коммунальной инфраструктурой.

Обеспеченность объекта энергетической инфраструктурой предлагается оценивать с учетом того, что объекты должны получать более высокую экспертную оценку, при соответствии лучшим мировым образцам, они характеризуются:

- 1) более высоким уровнем коэффициента полезного действия энергоустановки;
- 2) меньшим уровнем потерь энергии и энергоресурсов;
- 3) наличием эффективной приборной системы измерения, контроля, учета и регулирования энергоресурсов;
- 4) меньшим уровнем энергоемкости продукции, меньшим уровнем удельных расходов энергоресурсов;
- 5) наличием и эффективным исполнением программы энергосбережения, планов организационно-технических мероприятий по энергосбережению, контролируемым балансом энергии и топлива;
- 6) наличием энергетического паспорта энергохозяйства и регулярно проводимого энергетического обследования;
- 7) более высоким уровнем подготовки персонала;
- 8) наличием системы стимулирования энергосбережения;

9) наличием системы использования вторичных энергоресурсов и эффективной утилизации отходов;

10) наличием системы стандартизации, сертификации и метрологии в области энергосбережения и использования энергоресурсов.

В представленной статье предложено использовать информационную базу в виде индикаторов (характеристик) инфраструктурного потенциала для проведения экспертной оценки объектов, включенных в агропромышленный комплекс северного региона. Этот подход позволит провести моделирование, которое не является заменой существующим методикам оценки стоимости промышленных объектов, применяемым в профессиональной оценочной деятельности, а служит инструментом для расчета инфраструктурного потенциала, а также для дополнения базы данных, необходимой при разработке и принятии инвестиционных и других решений в условиях неполной информации и высокой степени неопределенности. Эти задачи остаются актуальными, требуя дальнейших исследований и практической реализации с целью усовершенствования управления и развития сельскохозяйственной инфраструктуры в арктических регионах России.

Литература

1. Ильченко, А. Н. Оценка инфраструктурного потенциала региона / А. Н. Ильченко, Е. А. Абрамова // Современные наукоемкие технологии. Региональное приложение. – 2010. – № 2 (22). – С. 28–35.
2. Небогатикова, Н. Г., Гапоненко Ю. В. Актуальные вопросы формирования и управления инфраструктурным потенциалом регионального продовольственного комплекса / Н. Г. Небогатикова, Ю. В. Гапоненко // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 10: Инновационная деятельность. – 2013. – № 2 (9). – С. 43–48.
3. Социально-экономическое развитие арктического макрорегиона: комплексный подход: монография / Л. А. Чинова, А. Г. Тutyгин, А. О. Подплёкин и др.; отв. ред. Л. А. Чинова. – Архангельск : КИРА, 2022. – с. 41.
4. Тutyгин, А. Г. Индивидуальные и общесистемные проблемы регионов Арктической зоны РФ: возможности совместного решения / А. Г. Тutyгин, Л. А. Чинова // Научное обозрение. – 2016. – № 24. – С. 193–197.
5. О последствиях включения объекта незавершенного строительства, строительство, реконструкция которого осуществлялись полностью или частично за счет средств бюджетов бюджетной системы Российской Федерации и не завершены, в федеральный реестр незавершенных объектов капитального строительства, в региональный реестр

незавершенных объектов капитального строительства: Постановление Правительства РФ от 26.07.2022 № 1333. – URL : <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202207280030> (дата обращения: 14.11.2023).

6. Ассоциации развития рынка недвижимости СтатРиэлт. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://statrielt.ru/statistika-rynka/statistika-na-01-10-2023g/> (дата обращения: 15.11.2023).

МЕЖБЮДЖЕТНЫЕ ОТНОШЕНИЯ КАК ФАКТОР ФИНАНСОВОЙ УСТОЙЧИВОСТИ СУБЪЕКТА РФ

Т. А. Найденова, канд. экон. наук, доцент,

И. Н. Швецова, канд. экон. наук, доцент

*Сыктывкарский государственный университет им. П. Сорокина,
г. Сыктывкар*

Указом Президента РФ от 21 июля 2020 г. № 474 «О национальных целях развития РФ на период до 2030 года» конкретизированы приоритеты государственного развития: сохранение населения, здоровье и благополучие людей; возможности для самореализации и развития талантов; комфортная и безопасная среда для жизни; достойный, эффективный труд и успешное предпринимательство; цифровая трансформация, материализация которых вероятна только при обеспечении финансовой устойчивости территории, что возможно благодаря формированию оптимальной системы распределения и перераспределения финансовых средств, т. е. может быть исполнено посредством корректно выстроенной системы межбюджетных отношений.

Межбюджетные отношения выступают ключевым инструментом, способным смягчить территориальные диспропорции в федеративных государствах. Они включают в себя «распределение налоговых доходов по уровням бюджетной системы страны, что прямым образом формирует доходный потенциал российских территорий и обеспечивает их финансовую устойчивость, а также подразумевают вторичное перераспределение бюджетных ресурсов в виде безвозмездных поступлений и бюджетных кредитов» [1].

Межбюджетные отношения Республики Коми с федеральным центром оценены на основе открытых данных ФНС России, Министерства финансов Республики Коми и Федерального казначейства. По сути, бюджетным взаимоотношениям присущи:

- 1) высокий уровень концентрации налоговых доходов в федеральном бюджете.

Устоявшаяся модель распределения налоговых доходов между уровнями бюджетов, закрепляющая принцип фискального приоритета Федерации, привела к тому, что в результате централизации наиболее собираемых налогов республика теряет значительную часть доходных источников. О чрезмерном финансовом давлении со стороны федерального центра на процесс регионального развития можно судить по доле налоговых платежей, собранных в регионе и перечисленных в государственную казну (табл. 1).

Таблица 1

*Распределение налогов, собранных
на территории Республики Коми, %*

Бюджет	Исследуемый период, год							
	2006	2010	2015	2018	2019	2020	2021	2022
Федеральный бюджет	66,9	52,5	60,5	63,6	63,6	57,2	73,3	76,9
Консолидированный бюджет Республики Коми	33,1	47,5	39,5	36,4	36,4	42,8	26,7	23,1

Примечание. Рассчитано авторами на основе данных Федеральной налоговой службы России. – URL : https://www.nalog.ru/rn11/related_activities/statistics_and_analytics/forms/ (дата обращения: 11.12.2023).

Вклад Республики Коми в федеральный бюджет – две третьих собранных на ее территории налогов. Парадокс в том, что эта часть растет.

Сосредоточение финансовых ресурсов в федеральном бюджете ухудшает состояние территориальных бюджетов, снижает стимулы региональных органов власти к расширению реального сектора экономики, наращиванию налогооблагаемой базы и в конечном итоге ведет к снижению финансовой устойчивости региона.

Следует признать, что в какой-то мере аккумулятивное средство в федеральном бюджете обоснованно, поскольку является инструментом выравнивания экономического развития территорий и сопровождается повышением эффективности их вложения. Но в тоже время грубое нарушение принципа самостоятельности бюджетов, закреплённого Бюджетным кодексом РФ, отрицательно сказывается на финансовом положении субъектов РФ и зачастую идет в ущерб территориальным бюджетам, вследствие постепенного исчезновения импульсов к развитию местной инициативы, процветания финансового иждивенчества.

Главным критерием разграничения налоговых доходов между бюджетами разных уровней бюджетной системы должна быть «достаточность финансирования территориальных образований для максимального покрытия спроса в общественных товарах и услугах. Субъект РФ не может решить эту задачу, так как не является финансово устойчивым» [2].

2) несоразмерность суммы налогов, собранных на территории и перечисленных в федеральный бюджет, с объемом доходов консолидированного бюджета субъекта РФ.

В Республике Коми налоги, аккумулированные на ее территории, перечисляемые в федеральный бюджет, превышают объем доходов консолидированного бюджета (табл. 2). Это обстоятельство целиком исключает возможности наращивания уровня бюджетной обеспеченности региона, ограничивает стремление к саморазвитию и снижает финансовую устойчивость.

Таблица 2

Соотношение доходов консолидированного бюджета Республики Коми и налоговых доходов, собранных на ее территории и перечисленных в федеральный бюджет, тыс. руб.

Исследуемый период, год	Доходы консолидированного бюджета субъекта РФ	Налоговые доходы, перечисленные в федеральный бюджет
2006	38 179 296	51 138 230
2010	49 551 048	42 259 148
2015	67 419 676	92 010 491
2018	95 970 152	151 453 903
2019	99 128 441	155 468 135
2020	102 417 109	100 899 711
2021	118 579 158	272 350 392
2022	144 856 046	404 777 481

Примечание. Составлено авторами на основе данных Федеральной налоговой службы Российской Федерации. – URL : https://www.nalog.ru/rn11/related_activities/statistics_and_analytics/forms/; данных Федерального казначейства РФ. – URI : <http://www.roskazna.ru/ispolnenie-byudzhetrov/konsolidirovannye-byudzhety-subektov/> (дата обращения: 11.12.2023).

Система межбюджетных отношений – это система управления финансовыми отношениями между бюджетами различного уровня с целью обеспечения эффективной реализации расходных полномочий РФ субъектов РФ. Во главе угла данной системы стоит обеспечение финансовой устойчивости региона на базе эффективного перераспределения и использования бюджетных средств органами государственной власти с применением механизма межбюджетных трансфертов. Информация о межбюджетных трансфертах, выделяемых из федерального бюджета Республике Коми, отражена в табл. 3.

Таблица 3

*Доля межбюджетных трансфертов в доходах консолидированного бюджета
Республики Коми, %*

Наименование	Исследуемый период, год							
	2006	2010	2015	2018	2019	2020	2021	2022
Республика Коми	4,9	16,6	8,2	8,5	8,79	25,4	15,6	13,1

Примечание. Рассчитано авторами на основе данных Федерального казначейства РФ. – URI: <http://www.roskazna.ru/ispolnenie-byudzhetrov/konsolidirovannyye-byudzhety-subektov/>, Данные Министерства Финансов РФ. – URI: http://minfin.rkomi.ru/minfin_rkomi/minfin_rbudj/budj_otch/ (дата обращения: 13.12.2023).

Проведенный анализ показывает, что роль межбюджетных трансфертов не является доминирующей в поддержании финансовой устойчивости Республики Коми, получаемая финансовая помощь незначительна. Исключением является 2020 год, когда ее объем был увеличен для сглаживания последствий COVID-19 и санкционного давления со стороны недружественных стран. Начиная с 2021 г. наметился тренд снижения доли трансфертов в доходах бюджета Республики Коми.

Изменившаяся тактика, предусматривающая уменьшение объемов межбюджетных трансфертов, выделяемых региональному уровню бюджетной системы РФ из федерального бюджета, вызывает тревогу, поскольку республика поставлена «в условия жестких финансовых ограничений на фоне большого объема социальных обязательств» [3].

Для оценки эффективности межбюджетных отношений между федеральным центром и Республикой Коми используем в качестве индикатора достаточность финансовых ресурсов для реализации расходных полномочий по обеспечению устойчивого социально-экономического развития (табл. 4).

Таблица 4

*Достаточность финансовых ресурсов для реализации расходных полномочий
Республики Коми, %*

Показатель	Исследуемый период, год							
	2006	2010	2015	2018	2019	2020	2021	2022
Степень покрытия расходных обязательств общей суммой доходов	99,2	102,0	89,3	112,2	103,8	89,3	102,3	111,3
Степень обеспечения расходных обязательств собственными доходами	94,4	91,7	84,2	102,6	94,7	77,4	86,3	96,7

Примечание. Составлено авторами на основе данных Федерального казначейства РФ. – URI : <http://www.roskazna.ru/ispolnenie-byudzhetrov/konsolidirovannyye-byudzhety-subektov/>, Данные Министерства Финансов РФ. – URI: http://minfin.rkomi.ru/minfin_rkomi/minfin_rbudj/budj_otch/ (дата обращения: 13.12.2023).

Республика Коми не способна полностью обеспечить выполнение расходных обязательств за счет собственных источников. Оценка достаточности собственных бюджетных ресурсов для реализации расходных полномочий свидетельствует о том, что сложившаяся система межбюджетных отношений не позволяет Республике Коми в полной мере покрыть расходные обязательства за счет собственных источников и сделать республику финансово устойчивой. Следует обозначить положительную направленность вектора на стабильный рост данного показателя начиная с 2021 г.

Устранение отрицательных моментов в межбюджетных отношениях федерального центра и Республики Коми, сжатие разрыва в соотношении налоговых доходов, перечисляемых в центр и оставляемых на территории, возможно на основе законодательного закрепления паритета (50:50) в распределении доходов бюджетов между федеральным центром и субъектами РФ, что позволит обеспечить регионы достаточными финансовыми ресурсами, снизить зависимость от федерального центра и повысит мотивацию региональных властей к наращиванию налогового потенциала. Также в правовом поле должна быть санкционирована недопустимость перечисления в федеральный бюджет налогов, взимаемых на территории, в суммах, превышающих размеры их консолидированных бюджетов, поскольку это лишает регионы ресурсов, а следовательно снижает их финансовую устойчивость.

Литература

1. Печенская, М. А. Межбюджетные отношения: сущность, оценка, эффективность: учеб. пособие / М. А. Печенская, Т. В. Ускова. – Вологда : ФГБУН ВолНЦ РАН, 2018. – С. 3.
2. Швецова, И. Н., Актуальные проблемы государственных и муниципальных финансов: Монография / И. Н. Швецова, Т. А. Найденова. – Сыктывкар : Изд-во СГУ им. Питирима Сорокина, 2016. – С. 66.
3. Швецова, И. Н. Межбюджетные отношения федерального центра и северного макрорегиона / И. Н. Швецова, Т. А. Найденова // Вектор науки ТГУ. Серия: Экономика и управление. – 2019. – № 2 (37). – С. 62.

«ДНЕВНЫЕ ЗАПИСКИ» АКАДЕМИКА И. И. ЛЕПЁХИНА О ЮЖНЫХ КОМИ В СВЕТЕ ЭТНОГРАФИЧЕСКИХ ДАННЫХ

М. В. Ненашев, студент 3 курса

Сыктывкарский государственный университет им. П. Сорокина,

г. Сыктывкар

В историю научных исследований XVIII век вошел как век экспедиционных обследований регионов России, предпринятых Императорской академией наук. В этот период были накоплены первоначальные сведения по географии, этнографии, истории и естественным наукам о провинциях России. Одним из участников экспедиций по Уралу, Поволжью, Западной Сибири и Русскому Северу был Иван Иванович Лепёхин, ученик М. В. Ломоносова. Он получил образование в одном из старейших европейских университетов – Страсбургском, где изучал медицину.

Летом 1771 г. Иван Иванович Лепёхин возглавлял экспедицию, посетившую Коми край. Его помощником был начинающий учёный-естествоиспытатель, будущий академик Николай Яковлевич Озерецковский. В ходе экспедиции были обследованы бассейны рек Летка, Луза (от Ношуля до Зануля), Сысола (от Кибры до Усть-Сысолы), Вычегда (от впадения в нее Сысолы до самого устья), нижняя Вымь, а также современная территория Республики Коми. И. И. Лепёхин точно и достоверно повествует о том, что он видел собственными глазами, его сведения всегда сопровождаются описанием источника и комментариями. Экспедиция И. И. Лепёхина успешно завершила работу в 1772 г., когда исследователи возвратились в Санкт-Петербург через Архангельск. Кропотливая работа по обработке и систематизации собранного полевого материала нашла отражение в «Дневных записках путешествия по разным провинциям российского государства», опубликованных в четырех частях в Санкт-Петербурге в 1771–1805 гг. [1, с. 230–281].

Для рассмотрения выбранной темы представляет интерес пятая глава четвертой части «От городища до города Сольвычегодска», в контексте которой дано описание современной территории Республики Коми в рамках территориально-административного деления «Прилузский район», где проживает прилузская этнографическая группа коми (зырян).

Как отмечалось в «Дневных записках», 16 июля 1771 г. экспедиция въехала в селение Починок, «от которой начался волок, Нестеришной прозываемый, предел полагала речка Нестериха, впадающая в Летку» [1, с. 230]. После посещения Слободского (ныне г. Слободской Кировской области), экспедиция продолжила свой путь по р. Летка (правый приток Вятки) до с. Прокофьево (ныне с. Прокопьевка Прилузского района Республики

Коми), где, по записям И. И. Лепехина, жили пермяки. Однако в современной этнографической литературе население этой территории определяется как коми (зыряне). До 1929 г. селения от Прокопьевки до Черемуховки по р. Летка входили в состав Слудской волости Хлыновского, позднее Орловского, уезда Вятской губернии [2]. Летские коми до второй половины XX в. сохраняли в качестве самоназвания термин «пермяки», а термин «зыряне» использовался ими по отношению к представителям других этнографических групп коми. Русские, отмечая языковое и культурное сходство летских коми с коми-пермяками, также называли их пермяками.

В современной этнографической литературе выделяют восемь этнографических групп коми (зырян), отличающихся отдельными элементами традиционной культуры и языка. Причиной формирования специфики территориальных общин была известная замкнутость, обусловленная различными факторами, в частности бездорожьем [3]. Населенные пункты, расположенные в бассейнах рек Летка и Луза, входят в состав Прилузского района Республики Коми, а летские и лузские коми объединены в одну этнографическую группу прилузских коми (луздорса). Этот термин весьма условен, здесь выделяются два этнографических микрорайона, привязанные к бассейнам этих рек. Еще в 1986 г. Л. Н. Жеребцов впервые обозначил специфику летского микрорайона: «при всей близости к прилузскому <он> обладает определенными отличиями и заслуживает специального рассмотрения» [4]. Это объясняется как географической удаленностью этнографических микрорайонов друг от друга, так и длительной принадлежностью к разным административным центрам.

Иван Иванович Лепёхин составил довольно подробное и красочное описание женской традиционной одежды: «Пермячки платье имеют тут несколько отменное. Они носят сарафаны без рукавов, в которых нет никаких выемов, но ворот облепляется кругом около шеи; голову свою покрывают сороками, которые спереди с навесом и вышиты разноцветным гарусом, которым и рукава у рубах вышивают» [1, с. 230]. По мнению Ю. И. Бойко, для летских коми характерен сарафанный комплекс севернорусского типа, включающий рубаху с прямыми поликами и косоклиный сарафан. Женская рубаха относится к типу рубах с трапецевидными поликами, выкроенными из кумача, она имеет сходства с другими вариантами коми одежды, такими как у верхневьчегодских и сысольских коми, лоемских русских, коми-пермяков. Рубаха по крою, расположению узоров на прямых и широких рукавах, композиционным особенностям диагонально-геометрических узоров и их цветовому решению близка также к рубахам, известным у русских Рязанской и Тульской губерний. А вот вышивка, аналогичная летской, не встречалась больше нигде у коми-зы-

рян, однако близка к вышивкам на старинных удмуртских и марийских рубашках. Интерес представляет сарафан, по крою он относится к туникообразным, наиболее древним типам, не имеющим плечевых швов [5, с. 90].

В состав женского костюма входил головной убор – «сорока», убор мягкого типа, имеющий налобник, два «крыла»-завязки и «хвост», прикрывающий затылок. Налобник сороки состоял из двух частей: нижней, представляющей собой широкую красно-черную горизонтальную полосу, и верхней – «серё-дёма» (середина), в которой выделялся центральный белый прямоугольник, вышитый счетной гладью белым шелком по белому холсту и обрамленный красно-черными полосами вышивки. Повседневные сороки имели более короткие завязки с простой вышивкой. К теменной части убора пришивалась широкая полоса холста «сорока бёж (хвост сороки)», полностью покрывавшая затылок [5, с. 93]. Как отмечала Г. Н. Климова, вышивка являлась главным видом украшения ткани летских коми, основными вышитыми изделиями были женская рубаша и головной убор – сорока [6]. Этнографы Л. П. Лашук и Л. Н. Жеребцов в конце 1950-х гг. подчеркивали, что «сорока уже не находится в повседневном употреблении, а хранится в сундуках старух, которые лишь в большие праздники надевают ее» [7].

И. И. Лепёхин дает описание флоры, в состав которой входит растение, называемое им «борщ», в настоящее время его определяют, как борщевик сибирский. В данном контексте интерес представляет современная практика включения его в состав продуктового сырья. Молодые побеги борщевика сибирского (гум пёк, азь гум) до настоящего времени используют в пищу в сыром виде, заправляют ими первые блюда в случае отсутствия картофеля, а также готовят рагу, при этом по цвету, форме и размеру стебли борщевика сибирского напоминают стручки зеленой фасоли. Стебли борщевика заготавливали впрок и употребляли в пищу в качестве закуски, а рассол использовали как заправку для крупяной похлебки, что придавало приятную кислинку блюду и обеспечивало человека витаминным комплексом [8].

Путешествие по Коми краю продолжилось по р. Луза, которая впадает в р. Юг и принимает около 40 различных по величине притоков. Некоторые из них описаны в путевых заметках: Ношуля (современное название Ношулька, возле с. Ношуль), Пиловка, Ожин (приток впадает возле Объячево), Иол (скорее всего, Ёль – по-коми ручей), Бартом [1, с. 236]. Упомянуты деревни – Шернова, Беляева (ныне дер. Беляевская), Ожин (ныне п. Ожындор), Керас (ныне дер. Керес, в переводе с коми означает «бор над болотом»), Лонья (ныне с. Лойма), Березники (ныне дер. Березники), Вильгоры, Векшоры (ныне дер. Векшор) [1, с. 236–238].

В «Дневных записках» И. И. Лепехин отметил, что в с. Объяченском (ныне с. Объячево) во время празднования дня Ильи пророка «мы имели случай приметить их некоторые суеверные обряды, которые без сомнения от времен древнего их богослужения происходят» [1, с. 236]. В этот день местные жители близлежащих деревень собирались в с. Объяченском, складывались и приводили с собой быка или теленка, «которых они в сей день закалывают и обществом употребляют в пищу». После священного жертвоприношения быка пророк Илья, по мнению местных жителей, помогал им. И. И. Лепёхин отмечал, что «хотя христианское богослужение истребило в них следы бывших при таких приношениях обрядов, однако, наверно, сказать можно, что их древнее богослужение не разнится от языческого» [1, с. 237].

Примечательно, что ильинский «быкобой» в середине позапрошлого столетия был отмечен в с. Ношуль, красочное описание которого дано М. Косаревым: «20 июля (2 августа) 1858 года жители, пермяне и пермячки, с раннего утра уже все на ногах: суетятся и хлопочут. Раздается благовест к обедне, и крестьяне идут чинно в церковь, разодетые в лучшие наряды свои». После службы все торопятся «колоть скот да мясо варить надо», приносят в жертву первого бычка на праздник Ильи пророка [9]. В данном контексте необходимо подчеркнуть, что с Ильинскими жертвоприношениями связана широко известная на европейском Севере России легенда [10], согласно которой раньше после обедни в Ильин день в церковную ограду приходил ежегодно из лесу олень, его убивали, а мясо варили и раздавали нищим. Однажды олень не пришел вовремя к церкви, и тогда старики вместо него закололи корову. Запоздавший олень, увидев это, убежал в лес. И с тех пор ни разу не приходил. На праздник стали закалывать домашнюю скотину. Образ оленя (лося) являлся некогда символом осенне-зимнего периода календаря, а в хозяйственном отношении означал начало промыслового сезона. Сюжет легенды был призван объяснить законность замены оленя (лося) домашним животным [11]. В народной культуре коми (зырян), несмотря на то, что они приняли христианство еще в конце XIV в., сохранились пережитки языческих верований, отсюда и сохранение жертвоприношений. Так, слудские крестьяне приносили в жертву бычка в Ильин день, но не у церкви, а в дер. Зимнинской, где в реку бросали молодых барашков и деньги в качестве жертвы. Изменение пространственной организации жертвоприношения выглядит неслучайным, так как выбор реки как места жертвы вполне уместен. Река, как пограничье между мирами, принимает дар с тем, чтобы в будущем был приплод скота. Жертвенными животными на Ильин день выступали бараны или быки, а на Покров – нетель и овца, что соответствовало полу

«святого» [12]. Обряд «быкобой» у пермяков был приурочен к престольному празднику святых Флора и Лавра «Проллавер» [13]. У вепсов баран и ягненок, наряду с быком и нетелью, выступали жертвой на праздниках в честь святых Ильи, Петра и Павла, Пресвятой Богородицы [14]. Этот обычай сохранялся во многих коми селениях вплоть до начала XX в. [15].

Таким образом, дневниковые записи дают представление о традиционном женском костюме летских коми, праздновании Ильина дня в с. Объячево, а сопоставление материалов, зафиксированных И. И. Лепёхиным, и данных современной науки позволяет проследить динамику изменений интерпретаций культурных явлений.

Литература

1. Лепёхин, И. И. Дневные записки путешествия по разным провинциям российского государства: в 4 т. – Репринтное издание 1771–1805 гг. / И. И. Лепёхин. – Санкт-Петербург : Альфарет, 2010. – Т. III: 1771 г. – 416 с.
2. История Коми с древнейших времен до современности. Т. 2. – Сыктывкар, 2011. – 687 с. – С. 269.
3. Конаков Н. Д. Этнографические группы народа Зырянский мир. Очерки о традиционной культуре народа / под ред. Н. Д. Конакова. – Сыктывкар, 2004. – С. 57–64. – С. 57.
4. Жеребцов, Л. Н. Этнокультурная специфика прилузских коми // Крестьянство Коми края (досоветский период) / Л. Н. Жеребцов. – Сыктывкар, 1986 (Труды Института языка, литературы и истории Коми филиала АН СССР; вып. 38). – С. 97–107. – С. 107.
5. Бойко, Ю. И. Традиционные женские головные уборы лузско-летских коми / Ю. И. Бойко // Известия Коми научного центра УрО РАН. – № 1 (29). – Сыктывкар, 2017. – С. 89–95.
6. Климова, Г. Н. Вышивка летских коми / Г. Н. Климова // Этнографические исследования Северо-Запада СССР. – Ленинград : Наука, 1977. – С. 49–62. – С. 52.
7. Лашук, Л. П. Отчет Прилузской этнографической экспедиции в 1959 г. / Л. П. Лашук, Л. Н. Жеребцов // Архив Коми научного центра УрО РАН. Ф. 1. Оп. 13. Д. 48.
8. Бойко, Ю. И. Локальная традиция питания летских коми / Ю. И. Бойко, Т. И. Чудова // Научный альманах Традиционная культура. – № 2. – 2012. – С. 95–104. – С. 102.
9. Конаков, Н. Д. От Святков до Сочельника: Коми традиционные календарные обряды / Н. Д. Конаков. – Сыктывкар : Коми книжное издательство, 1993. – 128 с. – С. 87.

10. Белицер, В. Н. Очерки по этнографии народов коми XIX – начало XX в. / В. Н. Белицер. – Москва : Академия Наук СССР, 1958. – С. 422. – С. 326.
11. Конаков, Н. Д. Календарная символика уральского язычества (бинарный зооморфный код) (Сер. препринтов «Науч. докл.»; вып. 243) / Н. Д. Конаков. – Сыктывкар: Коми НЦ УрО РАН, 1990. – 44 с. – С. 16.
12. Сидоров, А. С. Идеология древнего населения Коми края / А. С. Сидоров // Труды Ин-та яз., лит. и истории Коми филиала АН СССР. – 1972. – № 13. – С. 10–23. – С. 21.
13. Пантюхин, Д. А. Коми-пермяцкий праздник Проллавер с обрядом быкобой / Д. А. Патнюхин // Этнографическое обозрение. 2012. – № 1. – С. 85–101. – С. 85.
14. Винокурова, И. Ю. Животные в традиционном мировоззрении вепсов: (опыт реконструкции) / И. Ю. Винокурова; Карельский науч. центр Российской акад. наук, Ин-т яз., лит. и истории. – Петрозаводск : Изд-во ПетрГУ, 2006. – 447 с. – С. 323.
15. Конаков, Н. Д. От Святков до Сочельника: Коми традиционные календарные обряды / Н. Д. Конаков. – Сыктывкар: Коми книжное издательство, 1993. – 128 с. – С. 89.

ОЦЕНКА ИНВЕСТИЦИОННОЙ ПРИВЛЕКАТЕЛЬНОСТИ РЕСПУБЛИКИ КОМИ В УСЛОВИЯХ САНКЦИОННОГО ДАВЛЕНИЯ

***Е. Н. Новокионова**, канд. экон. наук, доцент
Сыктывкарский государственный университет им. П. Сорокина,
г. Сыктывкар*

Одной из задач правительства Республики Коми являются обеспечение разработки и осуществление мер, направленных на ее социально-экономическое развитие. Решение этой задачи достигается, в том числе, за счет проведения региональными органами власти инвестиционной политики. По словам министра экономического развития, промышленности и транспорта Республики Коми, «продуманная и взвешенная инвестиционная политика в республике напрямую влияет на устойчивость экономики в целом» [1]. Инвестиционная политика способствует созданию положительного имиджа республики, ориентирована на информирование потенциальных инвесторов о ее возможностях и привлечение дополнительных ресурсов. Возможности привлечения инвестиций в регион отражают его инвестиционную привлекательность.

Для оценки инвестиционной привлекательности воспользуемся результатами исследований Аналитического кредитного рейтингового

агентства (АКРА), рейтингового агентства «Эксперт РА», научной лаборатории «Управление устойчивым развитием и ESG-трансформация» (совместная лаборатория экономического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова и Национального рейтингового агентства (НРА)), Агентства стратегических инициатив (АСИ). К оценочному материалу Аналитического кредитного рейтингового агентства прибегает правительство региона, отождествляющее инвестиционную привлекательность региона с ее кредитным рейтингом. Данные по Республике Коми представлены в табл. 1.

Таблица 1

*Кредитный рейтинг Республики Коми по данным агентства АКРА
за 2014–2023 годы*

Год	Показатель	Расшифровка
2023	A (RU), прогноз «стабильный»	Умеренно высокий уровень кредитоспособности по сравнению с другими рейтингуемыми лицами, выпусками ценных бумаг или финансовыми обязательствами в Российской Федерации, однако присутствует некоторая чувствительность к воздействию неблагоприятных перемен в коммерческих, финансовых и экономических условиях в Российской Федерации.
2022	A (RU), прогноз «стабильный»	
2021	A – (RU), прогноз «стабильный»	Умеренно высокий уровень кредитоспособности по сравнению с другими рейтингуемыми лицами, выпусками ценных бумаг или финансовыми обязательствами в Российской Федерации, однако присутствует некоторая чувствительность к воздействию неблагоприятных перемен в коммерческих, финансовых и экономических условиях в Российской Федерации.
2020	A – (RU), прогноз «стабильный»	
2019	A – (RU), прогноз «стабильный»	
2018	BBB (RU), прогноз «стабильный»	Умеренный уровень кредитоспособности по сравнению с другими рейтингуемыми лицами, выпусками ценных бумаг или финансовыми обязательствами в Российской Федерации, при этом присутствует более высокая чувствительность к воздействию неблагоприятных перемен в коммерческих, финансовых и экономических условиях в Российской Федерации.
2017	BBB (RU), прогноз «стабильный»	

Примечание. Составлено автором по данным Аналитического кредитного рейтингового агентства ACRA-RATINGS.RU: Аналитическое кредитное рейтинговое агентство (АКРА): сайт. – Москва, 2023. – URL : <https://www.acra-ratings.ru> (дата обращения: 10.12.2023).

Республика Коми на сегодняшний день имеет кредитный рейтинг A (RU), который подтверждает способность региона исполнять принятые на себя финансовые обязательства. Отмечается положительная динамика кредитоспособности республики начиная с 2019 г. Повышение кредитного рейтинга региона в 2019 г. обусловлено ростом показателей ликвидности бюджета; в 2022 году – улучшением показателей бюджетного профиля на фоне высоких темпов роста налоговых и неналоговых доходов и увеличением собственной ликвидности бюджета.

Факторами, которые положительно сказываются на кредитном рейтинге региона являются: налоговые поступления, способствующие снижению долговой нагрузки региона (2017, 2018, 2022 гг.), высокая доля собственных доходов, сбалансированная по срокам погашения структура долга, умеренно низкая долговая нагрузка (2019–2021 гг.) и высокий или средний уровень ликвидности бюджета (2019–2022 гг.). Сдерживает рейтинг высокая доля добывающей отрасли в валовом региональном продукте (2017, 2018 гг.), высокая зависимость бюджета от сектора добычи полезных ископаемых (2019–2021 гг.), возрастающая потребность бюджета в привлечении заемного финансирования на капитальные цели (2023 г.) [2].

По мнению автора, оценка инвестиционной привлекательности по методике АКРА не является приемлемой, поскольку она опирается на оценку бюджета региона, на его платежеспособность и не учитывает созданные правительством региона условия для привлечения инвестиций.

Рейтинговое агентство «Эксперт РА» осуществляет исследование инвестиционного климата субъектов и муниципалитетов страны.

Рейтинговое агентство предоставляет возможность оценить инвестиционную привлекательность и инвестиционный риск региона, объединенные в показатель – «инвестиционный климат региона». По каждому из трех показателей имеются результаты.

Методика оценки уровня инвестиционной привлекательности «Эксперт РА» включает 67 параметров, сгруппированных в пять блоков: инфраструктурный, социальный, финансовый, экологический и экономический. Наибольший вес имеет блок инфраструктурной обеспеченности (40 %), на втором месте – социальное развитие (30 %). Это объясняется тем, что у инвесторов существенное значение имеет сочетание развитой инфраструктуры и наличия производительной и квалифицированной рабочей силы. Вес остальных блоков составляет по 10 % [3]. По мнению автора, положительной стороной методики является точная оценка уровня инвестиционной привлекательности региона, уровня его инвестиционного риска, что позволяет быстро принять решение о целесообразности инвестирования в регион. Однако информация рейтингового агентства является труднодоступной. Результаты исследований относительно Республики Коми представлены в табл. 2.

По данным табл. 2 отмечается положительная динамика в оценке инвестиционной привлекательности региона. Изменение инвестиционной привлекательности было зафиксировано в 2021 г. С тех пор результаты рейтинга не изменялись.

Таблица 2

*Рейтинг инвестиционной привлекательности Республики Коми
по данным агентства «Эксперт РА» за 2017–2023 годы*

Год	Показатель	Расшифровка
2017	B2	Умеренный уровень инвестиционной привлекательности
2018	B2	
2019	B2	
2020	B2	
2021	B1	Средний уровень инвестиционной привлекательности
2022	B1	

Примечание. Составлено автором по данным сайта RAEXPERT.RU: Рейтинговое агентство Эксперт РА: сайт. – Москва, 2003. – URL : <https://raexpert.ru/> (дата обращения: 10.12.2023).

Оценкой инвестиционной привлекательности занимается и Национальное рейтинговое агентство совместно с экономическим факультетом МГУ им. М. В. Ломоносова. Авторы методики осуществляют оценку инвестиционной привлекательности регионов России и используют 55 показателей, объединенных в семь групп: географическое положение и природные ресурсы, трудовые ресурсы региона, региональная инфраструктура, внутренний рынок региона (потенциал регионального спроса), производственный потенциал региональной экономики, институциональная среда и социально-политическая стабильность, финансовая устойчивость регионального бюджета и предприятий региона. Методика основывается на данных Росстата, министерств страны, Банка России, опросах предпринимательских сообществ, экспертных оценках.

Методика не позволяет эффективно оценить инвестиционные риски, но всесторонне характеризует инвестиционную привлекательность региона. Показатели инвестиционной привлекательности Республики Коми представлены в табл. 3.

Таблица 3

*Рейтинг инвестиционной привлекательности Республики Коми
по данным Национального рейтингового агентства
совместно с экономическим факультетом МГУ им. М. В. Ломоносова
за 2017–2023 годы*

Год	Показатель	Расшифровка
1	2	3
2023	Н.д.	-
2022	IC6 повышен	регион со средним уровнем инвестиционной привлекательности – третий уровень
2021	IC7 подтвержден	регионы с умеренным уровнем инвестиционной привлекательности – первый уровень
2020	IC7 подтвержден	
2019	IC7 понижен	

1	2	3
2018	IC6 понижен	средняя инвестиционная привлекательность – третий уровень
2017	IC5 подтвержден	средняя инвестиционная привлекательность – второй уровень

Примечание. Составлено автором по данным сайта RA-NATIONAL.RU: Национальное рейтинговое агентство: сайт. – Москва, 2003. – URL : <https://www.ra-national.ru> (дата обращения: 18.12.2023); Научная лаборатория «Управление устойчивым развитием и ESG-трансформация» (совместная лаборатория Экономического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова и Национального Рейтингового Агентства). Оценка инвестиционной привлекательности регионов России в контексте перехода к устойчивому развитию. XI ежегодный аналитический отчет. – Москва, 202. – URL : <https://www.econ.msu.ru/sys/raw.php?o=102269&p=attachment> (дата обращения: 18.12.2023).

По данным, отраженным в табл. 3, видно, что инвестиционная привлекательность региона ежегодно меняется в лучшую сторону. По итогам 2022 г. регион вошел в группу со средним уровнем инвестиционной привлекательности, находясь в ней на третьей позиции.

Агентство стратегических инициатив оценивает инвестиционный климат регионов страны по 67 показателям, объединенным в четыре группы: регуляторная среда, институты для бизнеса, инфраструктура и ресурсы, поддержка малого и среднего предпринимательства. Результаты исследования по ряду регионов, формулы, используемые для подсчета итоговых показателей, являются открытыми и легкодоступными. Данные по Республике Коми в исследованиях, представленных АСИ [4], отсутствуют.

Таким образом, оценить уровень инвестиционной привлекательности региона возможно обратившись к результатам исследований рейтинговых агентств, анализ которых показал, что, несмотря на санкции со стороны иностранных государств, регион остается инвестиционно привлекательным и обладает умеренно высоким уровнем кредитоспособности.

Литература

1. Министерство экономического развития, промышленности и транспорта Республики Коми: сайт. – Сыктывкар, 2023. – URL : <https://econom.rkomi.ru> (дата обращения: 10.12.2023).
2. Аналитическое кредитное рейтинговое агентство (АКРА): сайт. – Москва, 2023. – URL : <https://www.acra-ratings.ru/press-releases/4372/> (дата обращения: 10.12.2023).
3. Деготькова И. Эксперты оценили влияние санкций на инвестиционный потенциал регионов. [Электронный ресурс]. – URL : <https://www.>

rbcs.ru/economics/16/10/2023/6528f7379a7947f0e09aa40d (дата обращения: 10.12.2023).

4. ASI.RU: Агентство стратегических инициатив (АСИ): сайт. – Москва, 2003. – URL : <https://asi.ru/> (дата обращения: 18.12.2023).

МОДЕЛИ ESG-ОТЧЕТНОСТИ В ПОВЕСТКЕ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ

***Т. М. Одинцова**, канд. экон. наук, доцент
Академия IDEA, г. Моста, Мальта*

В последние десятилетия все больше внимания ученых, практиков, общественных институтов и регуляторов уделяется вопросам развития корпоративной отчетности как фактора обеспечения устойчивого развития как отдельных экономических субъектов, так и мирового сообщества в целом. Это нашло отклик в актуализации ESG-повестки (от англ. Economic, Social, Governance), охватывающей вопросы не только информационно-отчетных практик, но и управления процессами ответственного развития экономики и социума в целом. Вошедшие в тренд исследования и практика составления «ответственной» отчетности существенно расширили горизонты охвата информации для стейкхолдеров по сравнению с традиционной финансовой. Маркерами популярности нефинансовой отчетности могут послужить несколько фактов: в крупнейшей международной базе отчетов о социальной ответственности www.corporateregister.com числится 200 298 отчетов от 27 896 организаций [1]; в России в Национальном регистре корпоративных нефинансовых отчетов РФ с 2001 г. зарегистрировано 1456 отчетов, в том числе 111 экологических, 388 социальных, 568 отчетов в области устойчивого развития и 389 интегрированных отчетов [2]. По оценкам Bloomberg, к 2025 г. ESG-активы могут достичь \$53 трлн, что составляет треть мировых управляемых активов [3]. Исследования IFRS Foundation показывают, что более 2 500 предприятий в 70+ странах внедрили интегрированную отчетность [4], а Governance & Accountability Institute, 96 % компаний S&P 500 и 81 % компаний Russell 1000 опубликовали ESG-отчеты (2022) [5]. Опрос руководителей крупных компаний, проведенный компанией Ernst & Young (2022 г.), показал, что более 78 % считают, что компании должны инвестировать в вопросы ESG, даже если это приведет к снижению прибыли в краткосрочной перспективе [6].

Активизация движения в направлении развития нормативно-правовой базы нефинансовой отчетности в РФ отмечается с принятием

в 2017 г. Концепции развития публичной нефинансовой отчетности и плана мероприятий по ее реализации, принятых Банком России в 2021 г. Рекомендаций по раскрытию публичными акционерными обществами нефинансовой информации, связанной с деятельностью таких обществ, и Рекомендаций по учету советом директоров (наблюдательным советом) публичного акционерного общества факторов, связанных с окружающей средой, социальных факторов и факторов корпоративного управления (ESG-факторов), а также вопросов устойчивого развития и разработкой Минэкономразвития России проекта Федерального закона «О публичной нефинансовой отчетности».

В опубликованной в 2023 г. Позиции РСПП «Рекомендации РСПП по поддержанию и продвижению повестки устойчивого развития в современной российской практике» отмечается приверженность повестке и проектам устойчивого развития, его социальным, экологическим факторам и аспектам управления (ESG-факторам), несмотря на текущие вызовы и задачи компаний в условиях существенных изменений геополитической, экономической и социальной среды, целесообразность соблюдения баланса между локализацией ESG инструментов и использованием сформированных глобальных стандартов, принципов и практик, развитие соответствующих систем оценки и верификации показателей устойчивости и ответственности бизнеса [6].

Корпоративная отчетность является все более часто употребляемым в отечественной литературе термином, предполагающим не просто содержательную и формальную характеристики набора отчетов, но и определенную концепцию представления информации под эволюционирующие информационные запросы потребителей, для выполнения в экономической системе целого ряда функций.

В работе В. П. Суйца, А. Н. Хорина, А. Д. Шеремета [7] выделяется две группы отчетности – бизнес-отчетность, характеризующая финансово-экономическую результативность деятельности организации (бухгалтерская, финансовая, фондовая), и нефинансовая отчетность, отражающая влияние организации на социум и внешнюю среду (отчетность о корпоративной ответственности, экологическая, социальная, об устойчивом развитии и интегрированная). Потребность в разных видах отчетов связывается авторами с развитием информационных ожиданий стейкхолдеров, трансформацией информационной функции отчетности в информационно-коммуникативную, с расширенным пониманием ресурсов, вовлеченных в процесс функционирования организации (природных, социальных, общественных), генерируемых ей ценностей и результатов деловой активности. М. А. Бахрушина и Н. В. Малиновская в работе [8] выделяют фи-

нансовую, социальную (по сути, включая сюда «устойчивую» отчетность триединого итога) и интегрированную.

Системы показателей, раскрытий и стандартов нефинансовой отчетности регулируются значительным количеством международных организаций, в числе которых можно выделить Конференцию ООН по торговле и развитию (UNCTAD, United Nations Conference on Trade and Development), разработавшую Руководство по основным показателям отчетности предприятий о вкладе компаний в реализацию целей устойчивого развития SDG (Sustainable Development Goals) Reporting, международные некоммерческие организации Проект углеродной отчетности (CDP, Carbon Disclosure Project) и созданную Советом по финансовой стабильности Рабочую группу по связанным с темой климата финансовым раскрытиям (TCFD, Task Force on Climate-related Financial Disclosures), Совет по глобальным стандартам устойчивого развития международной организации «Глобальная инициатива по отчетности» (GRI, Global Reporting Initiative), Международный совет по стандартам устойчивого развития (ISSB, International Sustainability Standards Board), объединивший усилия нескольких организаций – Фонда отчетности о стоимости (VRF, Value Reporting Foundation, в который вошли Совет по стандартам бухгалтерского учета в области устойчивого развития (SASB, Sustainability Accounting Standards Board), Международный совет по интегрированной отчетности (IIRC, International Integrated Reporting Committee) и Совета по стандартам раскрытия информации о климате (CDSB, Climate Disclosure Standards Board), Европейская консультативная группа по финансовой отчетности (EFRAG, European Financial Reporting Advisory Group), назначенная консультантом Европейской комиссии по разработке проекта стандартов Евросоюза по устойчивой отчетности (ESRS). Наиболее значимыми регуляторами в сфере ESG-стандартов на сегодня являются Глобальная инициатива по отчетности, Международный совет по интегрированной отчетности и Европейская консультативная группа по финансовой отчетности. Многочисленность регуляторов, с одной стороны, демонстрирует степень интереса к проблеме, но, с другой стороны, затрудняет создание единого информационного поля и согласованных требований в области нефинансовой отчетности, что требует ее гармонизации в мировом масштабе.

Организации, практикующие составление нефинансовой отчетности, в силу многочисленности систем ESG-отчетности должны определиться с выбором стандартов (например, в 2023 г. это могут быть стандарты GRI или ISSB), формой публикации (отдельные или комбинированные отчеты) и верификацией (подтверждением достоверности) отчетности через профессиональное или общественное заверение. В опубликованном в феврале 2023 г. аналитическом исследовании Международной федерации

бухгалтеров и Ассоциации международных сертифицированных профессиональных бухгалтеров приводятся данные об использовании стандартов ESG-отчетности в 2021 г. – 49 % исследованных компаний использует стандарты SASB, 63 % – стандарты TCFD, 74 % – стандарты GRI и 79 % – стандарты SDG (UN Sustainable Development Goals); при этом 86 % компаний используют или ссылаются более чем на одну систему стандартов. Относительно формы подачи ESG-раскрытий в этой же публикации отмечается, что 50 % отчитывающихся организаций включают их в отдельный отчет об устойчивом развитии, 24 % – в обычный годовой отчет, 21 % – в интегрированный отчет компании и 5 % не представляют соответствующего отчета. Источниками информации о деятельности компании в области устойчивости могут быть также веб-сайты компании, TCFD-сайт и другие виды климатических отчетов.

В настоящее время отмечается тенденция движения к единой базе стандартов нефинансовой отчетности. В 2021 г. по итогам международной Конференции по изменению климата был создан Совет по международным стандартам отчетности устойчивого развития (ISSB) с целью разработки глобальной основы стандартов по раскрытию устойчивого развития. В его состав в 2022 г. были включены Совет по стандартам раскрытия информации об экологическом воздействии (CDSB) и Фонд отчетности по стоимости организаций (VRF, в который уже входили Международный комитет по интегрированной отчетности (IIRC) и Совет по стандартам отчетности устойчивого развития (SASB). ISSB были разработаны и представлены два стандарта: IFRS S1 и S2 – раскрытие общей информации, связанной с устойчивым развитием и климатом, которые должны быть интегрированы в годовые отчеты компании. Что касается отчетности устойчивого развития, в октябре 2021 г. были представлены обновленные стандарты GRI Standards 2021, представляющие уже седьмую версию, на которые компании по всему миру должны были перейти до 2023 г.

Деятельность регуляторов ценных бумаг и ESG-отчетности по разработке правил и процедур все более активизируется, из последних регулятивов можно отметить:

- рекомендацию для поставщиков ESG-рейтингов Правления Международной организации комиссий по ценным бумагам (IOSCO),
- правила для публичных компаний по раскрытию информации о климате и рисках Комиссии по ценным бумагам и биржам США (SEC),
- директиву и стандарты корпоративной отчетности в области устойчивого развития (CSRD и ESRS), разработанные Европейской консультативной группой по финансовой отчетности и принятые Европейской комиссией,

- требования Совета по финансовой отчетности Великобритании (FRC) в отношении показателей, связанных с климатом, и раскрытия информации о рисках в отчетах компаний.

Все многообразие существующих систем нефинансовой отчетности может быть систематизировано в соответствии с признаками: пользователи информации (только инвесторы / все заинтересованные стороны), значение существенности (финансовая существенность / существенность влияний / двойная существенность), требованиями к детализации (стандарты с метриками / рамочные документы), учет отраслевой специфики (универсальные / отраслевые стандарты), охват тем (широкий спектр тем / выбранные темы). Этот список считаем целесообразным дополнить, чтобы выявить специфику существующих видов ESG-отчетности. Во-первых, это комплексный, или блоковый, характер информации. Например, интегрированный отчет является комплексной моделью, характеризующей способность компании создавать ценность, в то время как большая часть отчетов об устойчивом развитии / корпоративной ответственности содержит информацию отдельных тематических блоков. Это существенно влияет на дизайн и семантику отчетов. Во-вторых, ESG-отчеты могут отличаться возможностью обобщения результатов в одном интегрируемом результате. Такая возможность присуща интегрированной отчетности, в отличие от отчетов других систем стандартов, где результаты не могут быть сведены в общий результат или общий вывод.

Таким образом, основные отличительные черты позволяют разделить ESG-отчетность на несколько базовых моделей. Модель отчетности можно определить как логику построения взаимосвязанной системы финансовых и нефинансовых показателей и пояснений, позволяющих пользователям оценить вклад компании в устойчивое развитие и его влияние на все виды капитала, участвующие в создании стоимости. Разница в перечисленных характеристиках позволяет выделить две базовые модели отчетности – отчеты об устойчивом развитии и интегрированную отчетность, соответственно, с набором либо нескольких «итоговых» ESG-показателей, либо комплексную модель дальнейшего создания стоимости.

Отчеты об устойчивом развитии предполагают всестороннее освещение всех аспектов деятельности компании и оценку их взаимного влияния. Данная отчетность адресована широкому кругу заинтересованных сторон и основывается главным образом на принципе существенности воздействия – раскрытии воздействия организации на природу и общество. Этот подход с таким же или меньшим охватом тем и показателей применяется в отчетах об устойчивом развитии и корпоративной ответственности

многих других систем стандартов, поскольку они в основном используют блочную логику с не интегрированными результатами. Следует отметить движение к двойной существенности для многих отчетов, а также объединение нескольких требований и идей ESG-фреймворков в одном отчете. Интегрированная отчетность в большей степени ориентирована на поставщиков финансового капитала, хотя и дает комплексное представление о параметрах и перспективах бизнеса, соответствует по охвату и целостности запросам широкого круга пользователей. Тем не менее, опираясь на принцип финансовой существенности, эта система отчетности указывает на соответствующие факторы создания стоимости. Интегрированная отчетность базируется на трех ключевых концепциях: капитал (финансовый, промышленный, интеллектуальный, человеческий, социальный, природный), как вовлеченный, так и находящийся под влиянием организаций, бизнес-модель, трансформирующая ресурсы в продукты и результаты, и способность создавать ценность под их влиянием. С точки зрения Международной системы интегрированной отчетности, интегрированный отчет представляет собой краткое сообщение о том, как стратегия, управление, результаты деятельности и перспективы организации в контексте ее внешней среды приводят к созданию, сохранению или снижению стоимости в краткосрочной, среднесрочной и долгосрочной перспективе [9].

Обе модели ESG-отчетности имеют определенные преимущества, которые не пересекаются, и обе должны использоваться в про-активном управлении в области устойчивого развития. Общей чертой моделей является акцент на создании ESG-стоимости и стремление к капитализации репутации и привлечению инвесторов. Есть несколько фокусов, которые можно учитывать при оценке значимости отчетности. Во-первых, являясь информационно-коммуникативной практикой, отчетность несет в себе двойную функциональность, как во внутренних процессах построения сбора данных, так и в реализации «клиент-ориентированного» внешнего подхода к управлению реакцией стейкхолдеров и, главным образом, рынка на предоставляемую информацию. Его можно отнести к конструктивистской методологии бухгалтерского учета в интерпретативной парадигме, рассматривающей, в частности, возможность конструирования реальности через информацию, языковую концепцию и различные роли бухгалтерского учета и отчетности. Сбор и обработка ESG-данных позволяют формировать систему управления, сориентированную на создание устойчивой стоимости и контроль соответствующих рисков. Эта практика выделяет нефинансовые области управленческого внимания и платформы для создания стоимости. Он обновляет управленческую семантику, транс-

формируя традиционные критерии эффективности бизнеса в показатели влияния на капитал и соответствующие драйверы. Такой подход позволит не только прогнозировать реакцию и поведение рынка, общества, институтов и органов власти, но и выделять важные для ESG-управления и риск-менеджмента области.

Литература

1. Corporate Register [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.corporateregister.com/> (дата обращения: 21.11.2023).
2. Национальный Регистр корпоративных нефинансовых отчетов [Электронный ресурс] // Режим доступа: https://rspp.ru/sustainable_development/registr/ (дата обращения: 29.11.2023)
3. Bloomberg, 2021, February 23. ESG assets may hit \$53 trillion by 2025, a third of global AUM. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.bloomberg.com/professional/blog/esg-assets-may-hit-53-trillion-by-2025-a-third-of-global-aum/> (дата обращения: 20.11.2023).
4. IFRS Foundation, 2022, September 28. The growing momentum for integrated reporting : Part 1. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.integratedreporting.org/news/the-growing-momentum-for-integrated-reporting-part-1/> (дата обращения: 20.11.2023).
5. Governance and Accountability Institute, 2022, November 16. New G&A Institute Research Shows Sustainability Reporting by Largest U.S. Public Companies Reached All-Time Highs in 2021. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.globenewswire.com/en/news-release/2022/11/16/2557344/0/en/New-G-A-Institute-Research-Shows-Sustainability-Reporting-by-Largest-U-S-Public-Companies-Reached-All-Time-Highs-in-2021.html> (дата обращения: 20.11.2023).
6. Ernst & Young, 2022, November. How can corporate reporting bridge the ESG trust gap? [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://assets.ey.com/content/dam/ey-sites/ey-com/en_gl/topics/assurance/assurance-pdfs/ey-global-reporting-survey-report-2022.pdf (дата обращения: 20.11.2023).
7. Суйц, В. П. Комплексный анализ и аудит интегрированной отчетности по устойчивому развитию компаний: монография / В. П. Суйц, А. Н. Хорин, А. Д. Шеремет; под общ. ред. А. Д. Шеремета. – Москва : ИНФРА-М, 2020. –184 с.
8. Бахрушина, М. А. Корпоративная отчетность: новые требования и направления развития / М. А. Бахрушина, Н. В. Малиновская // Международный бухгалтерский учет. – 2014. – № 16. – С. 2–9.
9. International federation of accountants, 2023, February 27. The State of Play: Sustainability Disclosure & Assurance 2019-2021, Trends & Analy-

sis. – URL : <https://www.ifac.org/knowledge-gateway/contributing-global-economy/publications/state-play-sustainability-disclosure-assurance-2019-2021-trends-analysis> (дата обращения: 20.11.2023).

САМОЗАНЯТОСТЬ КАК ФОРМА ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В РЕСПУБЛИКЕ УЗБЕКИСТАН

К. В. Павлов, д-р экон. наук, профессор

Российский университет кооперации (Ижевский филиал), г. Ижевск

Н. Р. Асадуллина, канд. экон. наук, доцент

Ташкентский государственный аграрный университет, г. Ташкент

Введение. Реализация эффективной социальной политики для любого государства всегда актуальна прежде всего своим влиянием на качество и уровень жизни населения. Для Республики Узбекистан степень значимости социальной политики сегодня является самой приоритетной задачей, так как она направлена на обеспечение благополучия и всестороннего развития граждан страны и общества в целом. Этому могут способствовать различные методы и формы повышения эффективности общественного воспроизводства, в том числе формирование и развитие самозанятости в республике как особой формы деятельности.

Такая политика, базируясь на государственных законах, обеспечивает защиту прав и интересов всех слоев населения, особенно социально незащищенных. В своем Послании Олий Мажлису Президент Республики Ш. Мирзиёев отметил: «Повышение благосостояния людей и усиление их социальной защиты останутся в числе наших самых главных задач. Не секрет, что большая часть жителей регионов, особенно сел, не имеют достаточных источников дохода. Как и во всех странах, в Узбекистане тоже есть малообеспеченные слои населения. По разным подсчетам этот показатель составляет 12–15 %. Речь идет о 4–5 млн жителей нашей страны» [1].

В условиях социально-экономической нестабильности, в период недавно закончившейся пандемии коронавируса, органы власти изыскивали возможности реализации дополнительных мер поддержки многодетных семей и малообеспеченных слоев населения. В этой связи продолжают разрабатываться конкретные программы, в частности, была создана так называемая «Железная тетрадь» («Темир дафтар») – прозрачный список малообеспеченных и нуждающихся семей, сформированный во время карантина и пандемии коронавируса.

Основная часть. Помимо материальной помощи, нуждающимся семьям оказывается содействие в трудоустройстве и занятии предпринимательством в Республике Узбекистан. Претворяя в жизнь указы Президен-

та, ведется работа с населением по созданию условий для самозанятости (например, путем возведения теплиц для выращивания сельхозпродукции, а также выделения кредитов на приобретение посадочных материалов), что позволяет в короткие сроки обеспечить население дополнительными доходами. Важную роль в этом сыграло Постановление главы государства «О мерах по упрощению государственного регулирования предпринимательской деятельности и самозанятости». Оно значимо тем, что направлено на широкое вовлечение населения в предпринимательскую деятельность и создание дополнительных условий для осуществления легальной трудовой деятельности [2].

Следовательно, реформы, проводимые практически во всех секторах народного хозяйства, предусматривают решение многих социально-экономических проблем общества, среди которых важное место занимает развитие малого бизнеса и предпринимательской деятельности, причем участие в этих процессах населения не только в рамках семьи, но и в формате самозанятости становится объективной реальностью.

На рынке труда страны число самозанятых граждан растет быстрыми темпами. Самозанятость сегодня рассматривается как значительный «сегмент» рынка и как важный «инструмент» выхода из экономического кризиса. Официальная добровольная регистрация самозанятых лиц стартовала в Узбекистане с 1 июля 2020 г. и начиная с этого момента наблюдается резкий рост количества самозанятых в различных сферах бизнеса и предпринимательства. Самозанятые граждане – это физические лица трудоспособного возраста, которые с целью получения трудового дохода самостоятельно и при личном трудовом участии выполняют работы и оказывают услуги преимущественно физическим лицам» [3].

В Узбекистане по состоянию на 01.05.2021 в статусе самозанятых зарегистрировано уже 800 тыс. жителей страны. Значительное количество занятых приходится на сферу услуг и бытового обслуживания населения, оказания помощи в сфере сельского хозяйства и социальном секторе экономики. Государством определен перечень видов деятельности – в настоящее время насчитывается 67 разрешенных видов предпринимательской деятельности в формате самозанятости [4]. Самозанятые граждане могут получить кредиты по программе «Каждая семья – предприниматель», которые предоставляют Агробанк, Микрокредитбанк и Халкбанк Узбекистана.

Вышеизложенное позволяет сделать вывод о том, что самозанятыми гражданами являются граждане, получающие доход при оказании определенных видов услуг, например, для личных, домашних и (или) иных подобных нужд, не имеющие наемных работников и не зарегистрированные в качестве индивидуальных предпринимателей (табл. 1).

Таблица 1

*Различия между индивидуальным предпринимателем (ИП)
и самозанятым гражданином [5]*

ИП	Самозанятый гражданин
1. Человек, осуществляющий инициативную деятельность на свой страх и риск под свою ответственность. Занимать постоянную должность ему не обязательно.	1. Фактически это человек, который работает сам на себя, у него нет работодателя, он получает доход от своей личной трудовой деятельности при оказании определенных видов услуг, например, для личных, домашних и (или) иных нужд.
2. Прохождение регистрации обязательно согласно законодательным актам РУз.	2. Регистрация самозанятого возможна без личного посещения налоговой службы, с помощью мобильного приложения. Для того, чтобы прекратить деятельность в качестве самозанятого, также достаточно отправить уведомление через приложение смартфона.
3. Выполняет предпринимательские функции (разработка новых идей, организация нового дела и т. п.).	3. Характерна формальная ответственность за результаты своей деятельности.
4. Свободен в действиях, самостоятелен в целях. Инновационный момент – основа деятельности предпринимателя.	4. Выполняет частично индивидуальные предпринимательские функции. Инновационный момент присутствует в деятельности самозанятого.
5. Преобладающие цели: стратегические и тактические.	5. Обеспечивает достижение целей (услуг), диктуемых физическими лицами при выполнении их работ.
6. Требуется знания смежных сфер, навыки, опыт и стаж работ.	6. Стать самозанятым гражданином могут обычные граждане и индивидуальные предприниматели, которые решили поменять статус.
7. Может нанимать работников и заключать трудовые договора	7. Самозанятый не имеет права нанимать сотрудников и заключать с кем-либо трудовой договор.
8. Ограничения по видам деятельности минимальные, согласно законодательству РУз.	8. Есть ограничения по видам деятельности (разрешены 67 видов).
9. Уплачивает налоги в зависимости от размера своего дохода.	9. Уплачивает только социальный налог в размере не менее 50 % от базовой расчетной величины – 111 500 сумов.
10. При годовом доходе более 100 млн сумов ИП переходит на уплату налогов, предусмотренных для юридических лиц.	10. Доходы не включаются в совокупный доход, поэтому лимит отсутствует.
11. Обязан сдавать отчеты и применять кассовый аппарат.	11. Не сдает отчетность по доходам, не подает налоговую декларацию. Для расчета с заказчиками не надо приобретать кассовый аппарат.

Основными мотивационными признаками для развития семейного бизнеса и самозанятости в Узбекистане, помимо вышеперечисленных, являются: обеспечение достойных условий и повышение качества жизни населения, стремление обрести независимость и работать на себя, отсутствие возможности заработать деньги иным способом, а также снижение общего уровня безработицы. В кишлаках и сельских поселках Узбекиста-

на именно самозанятые граждане, наряду с дехканскими и фермерскими хозяйствами и ширкатами, наполняют местные рынки продукцией, гибко реагируя на изменения спроса и потребностей населения.

На наш взгляд, рост и развитие самозанятости в Республике Узбекистан может улучшить состояние региональных и местных рынков труда, способствуя созданию индивидуальных рабочих мест и тем самым содействуя сокращению и предупреждению безработицы. Важно также, что «самозанятость» как особый вид деятельности вовлекает в сферу занятости широкие круги и категории населения, где могут найти применение: труд женщин, взрослеющих детей и подростков, молодежного контингента, представителей старшего поколения и трудоспособных инвалидов и т.д. Для всех вышеперечисленных работа в статусе «самозанятого» является сферой трудовой деятельности и, как правило, основным, а для большинства единственным, источником дохода в настоящее время.

Важную роль в этом сыграло и Постановление главы государства «О мерах по упрощению государственного регулирования предпринимательской деятельности и самозанятости». Оно значимо тем, что направлено на широкое вовлечение населения в предпринимательскую деятельность и создание дополнительных условий для осуществления легальной трудовой деятельности [1].

Кроме вышеуказанного, мобилизация внутренних резервов семейного предпринимательства и самозанятости граждан являются индикаторами достижения экономической и социальной безопасности, так как уровень жизни значительной части населения поддерживается за счет собственного производства и домашнего хозяйства, особенно в сельской местности. Опыт ведущих стран мира по вопросам оформления и налогообложения самозанятых граждан представлен в табл. 2.

Таблица 2

Зарубежный опыт оформления и налогообложения самозанятых

Страна	Оформление	Налоги
1	2	3
Германия	Чтобы стать самозанятым, нужно получить идентификационный номер – IdNr. Это аналог ИНН. IdNr дают через три недели после подачи заявления в налоговую службу. В нем нужно указать предполагаемый доход, вид деятельности, данные диплома, семейное положение и посещает ли заявитель церковь.	Самозанятые платят подоходный налог по прогрессивной шкале: чем больше заработал, тем больше надо заплатить.
Южная Корея	Нет деления на ИП и самозанятых – есть только ИП. Чтобы стать предпринимателем, корейцам необходимо обратиться в налоговую службу. Для подачи заявления нужны паспорт, справка о доходах, чек об аренде или покупке офиса. Ответ приходит в среднем через месяц.	Платят подоходный налог по прогрессивной системе, к нему добавляют еще НДС в размере 10 %.

1	2	3
США	Чтобы стать самозанятым, нужно получить идентификационный номер, подобный ИНН. Это можно сделать по почте, факсу или через сайт налоговой службы. На сайте необходимо указать информацию о себе, банковские реквизиты и место работы: дом или офис. На все уходит две недели. Писать заявление в налоговую службу не нужно. По вышеуказанным действиям налоговая понимает, что вы самозанятый, когда подаете декларацию по специальной форме 1040.	Здесь самая простая система – все самозанятые платят 15,3 % от дохода. В них входят 12,4 % – подоходный налог и 2,9 % – медстраховка. Если зарабатываете не больше 137 700 тысяч долл. в год, то платите только за медстраховку.
Россия	Самозанятыми могут стать физлица и предприниматели без наемных работников с доходом не больше 2,4 млн руб. в год. Можно иметь основную работу и быть самозанятым.	Чтобы стать самозанятым, нужно скачать бесплатное приложение «Мой налог» или зайти на специальный сайт от налоговой службы по месту прописки. В приложении необходимо зарегистрироваться через учетную запись в Госуслугах или по паспорту.

Источник: составлено авторами.

Изучение опыта ведущих зарубежных стран показало, что самозанятость граждан играет заметную роль в экономическом росте страны и постоянно увеличивается. Масштабы самозанятости значительны как в странах дальнего зарубежья, так и в России. По данным социологического опроса, доля самозанятых в общей численности занятого российского населения составляет 22 %, при этом 64 % самозанятых работают без регистрации своей деятельности, не уплачивая ни налоги, ни страховые взносы. Исследования показывают, что доля самозанятого населения в США постоянно растет, и это оказывает положительный эффект как на средний уровень дохода граждан, так и на снижение уровня безработицы. Так, около 6 % национального валового дохода (около 1,2 трлн долл. в год в последнее время) приходится на самозанятых.

Заключение. Для ускорения процесса привлечения и увеличения количества самозанятых граждан в Узбекистане и повышения эффективности этого процесса наиболее целесообразными, кроме вышеперечисленных, на наш взгляд, являются следующие меры:

- разработка и принятие «Закона о самозанятости граждан РУз», что должно способствовать росту юридической грамотности у самозанятых (знание своих юридических прав и обязанностей, освоение новых видов и сфер предпринимательской деятельности);

- повышение эффективности деятельности бизнес-центров, бизнес-инкубаторов, информационных и консалтинговых центров, улучшение их взаимодействия в целях более полного и доступного информационного обеспечения семейного предпринимательства и самозанятых, особенно в отдаленных регионах;

- привлечение образовательных учреждений технологического, экономического и сельскохозяйственного профилей к проведению курсов по организации семейного бизнеса и самозанятости, тренингов с участием наиболее успешных семейных предпринимателей, организация стажировок на межрегиональном и межстрановом уровнях в целях обмена опытом представителей семейного бизнеса и самозанятых граждан.

Предполагается, что развитие самозанятого гражданина будет осуществляться целенаправленно, и сейчас в стране активно разрабатываются меры финансовой, имущественной, информационной, консультационной и образовательной поддержки таких граждан. Вполне логично, что большинство самозанятых в перспективе будет вовлекать и членов семей в осуществление своей деятельности, соответственно, будет меняться их статус и формат, со временем превратившись в семейный бизнес.

Сила и перспективность семейных вариантов малых предприятий и самозанятости населения, других форм бизнеса заключается также в том, что в этом случае совместно работают люди, хорошо знающие друг друга, люди, доверяющие друг другу, ответственные в отношении принятых обязательств. При этом работников связывают не только экономические интересы и условия труда, но и общие семейные цели, забота об общем благе, здоровье и будущем детей.

В заключение следует указать и на наличие объективных предпосылок для обеспечения ускоренного роста семейного предпринимательства и самозанятости граждан в стране: это дальнейшее развитие процессов демократизации сферы занятости, высокая обеспеченность трудовыми ресурсами и национальными кадрами, мощная сельскохозяйственная сырьевая база, а также национальные традиции, менталитет народа. Всё это способствует развитию предпринимательской деятельности, основанной на семейном труде, и созданию условий для роста самозанятости населения страны.

Литература

1. Послание Президента Республики Узбекистан Шавката Мирзиёева Олий Мажлису. – URL : <https://uza.uz/ru/posts/poslanie-prezidenta-respubliki-uzbekistan-shavkata-mirziyeev-25-01-2020> (дата обращения: 11.11.2023).
2. Постановление Президента Республики Узбекистан «О мерах по упрощению государственного регулирования предпринимательской дея-

- тельности и самозанятости» от 08.06.2020 г. г. Ташкент., № ПП-4742 / «Народное слово» от 09.06.2020.
3. Сабилов, А. Семейное предпринимательство – как источник доходов и индикатор повышения уровня жизни семьи и населения. / А. Сабиров // Сборник научных трудов «2018-год – Год поддержки активного предпринимательства, инновационных идей и технологий». – Ташкент : Филиал ФГБОУ ВО «РЭУ им. Г. В. Плеханова. – 2018. – С. 8–14.
 4. На что могут рассчитывать самозанятые? // Журнал «Контур». – URL: <https://kontur.ru/articles/4818>. (дата обращения: 25.04.2021).
 5. Юсупова, Б. У. Чем отличается ИП от самозанятого в 2022 году / Б. У. Юсупова // Бухгалтерия и налогообложение. – URL : <https://www.bss.uz/article/326-chem-otlichaetsya-ip-ot-samozanyatogo> (дата обращения: 11.11.2023).

УПОТРЕБЛЕНИЕ АЛКОГОЛЬНЫХ НАПИТКОВ В РЕСПУБЛИКЕ КОМИ: ИЗ ПРОШЛОГО В НАСТОЯЩЕЕ

И. А. Панарина, аспирант

*Институт социально-экономических и энергетических проблем Севера
ФИЦ Коми НЦ УрО РАН, г. Сыктывкар*

Сегодня Республика Коми – это многонациональный регион Российской Федерации. Согласно Всероссийской переписи населения 2021 г. в ней проживают представители 120 национальностей, а доля коренного этноса – коми – составляет 22,2 % от числа ее жителей, указавших национальную принадлежность. Однако менее, чем век тому назад, согласно переписи населения 1939 г., коми значительно преобладали в национальном составе Коми АССР (72,5 % от всего населения) [1].

Народ коми раньше называли «зыряне», что не является его самоназванием. До сегодняшнего дня выдвинуто множество объяснений истории возникновения этого загадочного этнонима [2]. В вышедшем в 1878 г. в Санкт-Петербурге сборнике «Народы России» указывается, что слово «зыряне» русское. «До сих пор еще между чисто русскими обитателями Вологодской губернии употребляется слово "зыря". Зырей там называют человека много чего-нибудь выпивающего; "все вызырил" говорят вологжане...», – отмечается в тексте и делается предположение: «очень может быть даже, что название "зыряне" дано им вследствие особенного пристрастия их к своему любимому напитку "сур" (зырянское пиво)» [3, с. 153]. Данная версия происхождения слова позднее признана специалистами мало убедительной, однако все-таки пристрастие к «любимому напитку», который зыряне могли «выпивать огромное количество» [3, с. 157] было отмечено и зафиксировано.

Не претендуя на исчерпывающее и всестороннее освещение вопроса, рассмотрим некоторые свидетельства употребления алкогольных напитков на территории современной Республики Коми в разные исторические периоды.

Действительно, у коми издавна существовал свой национальный напиток – сур (домашнее пиво), который приготавливался из ржаного или ячменного солода, но не отличался крепостью. Для повседневного потребления использовался не забродивший солодовый настой, который считался полезным и для детей [4]. Некрепкое домашнее пиво пили в особых случаях: окончание сенокоса, завершение жатвы, возвращение промысловиков с зимней охоты и т.д. На протяжении веков алкогольные напитки являлись ритуально-символическим атрибутом свадебной и поминальной обрядностей коми (зырян) [5, 6]. Исследователи отмечают, что именно такое отношение к алкоголю следует считать традиционным для коми народа [7].

Историк И. Л. Жеребцов приводит сведения, что в XVI в., начиная с Москвы, по всей стране стали открываться государственные кабаки, сменяя частные корчмы, коих у нас не было. Так в Коми крае появились первые «предприятия общественного питания», спиртное продавалось и на вынос, и для распития на месте. «Сколько их было, неведомо, но, по всему видеть, немного». Позднее они были закрыты и на территории Коми края открыты вновь в первой четверти XVII в., но уже не только казенные, но и частные. К примеру, в 1620 г. появился первый кабак в Ижемской слободке (нынешнем с. Ижма). В связи с тем, что деньги уходили в карман частных лиц, а не государству, по всей стране были оставлены только царские кабаки и водку в долг продавать запретили [8]. Однако жители многих коми волостей долго и упорно сопротивлялись их открытию вплоть до прямого неповиновения [7, с. 8], «коми крестьяне, оставшиеся без "кабацкого кредита", да еще и с "монопольными" государственными ценами на алкоголь, новшество встретили в штыки» [8].

В то время как по территории России распространялось открытие винных погребов и пивных лавок, трактиров и харчевен, в Коми крае до середины XVIII в. кабаки («питейные дома» / «питейные заведения») оставались единственными «предприятиями общепития». К 1839 г. в первом городе Коми края – Усть-Сысольске (образованном в 1780 г.) – уже имелось два питейных дома, а также две питейные лавки и два винных погреба. «Желающие прикупить водку на вынос усть-сысольцы обычно брали ее в розлив, приходя в питейный дом с ведром или иной большой емкостью, в коей потом и содержали этот животворящий продукт дома, отливая или черпая из нее по мере надобности» [8].

В вышеупомянутом сборнике «Народы России» «наклонность зырян к употреблению вина объясняется столько же стремлением их к весе-

лю, сколько и суровостью и неприютностью той природы, среди которой они проводят всю свою жизнь... При таких условиях жизни легко, конечно, поддаться влиянию какого-нибудь возбуждающего или согревающего напитка...» [3, с. 158]. Здесь делается оговорка: «но тут-то и высказывается снова ум и сметливость этих северян, не столько полагающихся в упомянутых случаях на силу вина, всегда разрушительного, сколько на такие простые средства, как баня и веник» [3, с. 158]. Историк И. И. Лейман отмечает, что снять стресс и напряжение, «накопленные в течение года, полного тяжелого и часто неблагодарного труда», в XIX в. населению Европейского Севера России несколько раз в год можно было и на ярмарках, непременно имеющих «алкогольную составляющую», но при этом алкоголь не олицетворял собой пагубную страсть, он выполнял в народной среде социальную функцию – укреплял солидарность, снимал и ослаблял межличностные противоречия; поэтому среди взрослых мужчин практически не было непьющих [9].

В конце XIX – начале XX в., судя по свидетельствам того времени, для Коми края все еще не было характерно повсеместное распространение народного пьянства на его территории. Путешествовавший в рамках экспедиции по сбору этнографического материала о финно-угорских народах известный финский ученый У. Т. Сирелиус, посетив дер. Мордино (ныне – Корткеросский район), в 1907 г. сделал следующее наблюдение: «Зырянские праздники производят неприятное впечатление тем, что основной формой времяпрепровождения там является необузданное пьянство...». По-своему этому способствовало повышение благосостояния. На лесоповалах у сплавных путей «платили порядочно», немалые доходы приносили извоз, рыбалка, охота, богатый урожай. При этом заработанное по большей части тратилось на водку, для обеспечения потребления которой по крайней мере в каждом приходском центре была государственная винная лавка [10]. Но это, если можно так выразиться, о «форме отдыха» после того, как хорошо потрудились. «Разгар пьянства наблюдался в начале лета, когда работ было меньше всего, игралось большинство свадеб и отмечались великие церковные праздники» [10]. По наблюдениям Архангельского губернатора А. П. Энгельгардта, посетившего Печорский край чуть ранее, в 1894 г., пьянство было сильно распространено между зырянами, самым главным угощением у них считались чай и водка, которую они пили в большом количестве. Побывав в с. Усть-Цильма, он отмечал, что зажиточные зыряне в большей степени предпочитали коньяк и херес [11]. Врач и общественный деятель С. В. Мартынов, принимавший участие в экспедиции для исследования санитарно-бытового состояния Печорского края в 1903 г. и в 1904 г. сопровождавший фольклориста и этнографа А. П. Ляцкого, отмечал, что в некоторых местностях Печоры «пьянство

существует такое же, как и всюду по Российской империи: умеренное потребление вина бывает как редкий случай, а обычно крестьянин – или пьяница, или ничего не пьющий. Для винопития нередко собираются целыми компаниями в несколько человек, и пьют иногда по несколько суток подряд, а в небольших поселках в общих попойках иной раз участвуют и все жители его, не только мужчины, но женщины и даже девицы» [12]. Однако было сделано и следующее наблюдение: «Водки в деревнях по верховью Ижмы пьют вообще немного, и той тайной продажи вина, которая в других местах Печорского края развита так же сильно, как и всюду в России, здесь, по-видимому, нет. Даже на свадьбах, как обычное угощение, гостям подносится не водка, а просто пресное молоко. В более зажиточных домах на свадьбе выпивают не более $\frac{1}{4}$ или $\frac{1}{2}$ ведра водки, а обычного во всей России пьянства в течение 2–3 дней при храмовых праздниках здесь не бывает» [12]. Жители с. Чухлом (ныне – Сысольский район) в это же время, в 1899 г., массово боролись против «самокурного вина» [7, с. 9].

С началом Первой мировой войны продажа крепких напитков по всей стране была полностью запрещена, кроме ресторанов I разряда, клубов, собраний и аптек, а вблизи от призывных участков и железных дорог – всяких, в том числе пива и виноградного вина [13]. В Усть-Сысольске в это время можно было отведать крепкие напитки в открывшемся в 1908 г. первом ресторане, но и он вскоре закрылся [8].

О. В. Золотарев отмечает, что в годы Гражданской войны была фактически введена государственная монополия на продажу спиртосодержащих средств, велась борьба с самогонованием. Глубокий экономический кризис, как следствие двух войн, активировал многие социальные проблемы общества, в том числе пьянство. Нэповский период был временем неумеренного потребления спиртных напитков, что ощущалось остро и на окраинах страны. С 1922 г. в Зырянской автономии стремительно развивается самогонование. Здесь пьянство было широко распространено даже среди чиновников и милиционеров, особенно значительные масштабы оно принимало среди молодежи. В 1925 г. была официально разрешена продажа водки, производство алкоголя быстро росло, а вместе с ним – и смертность от отравлений им, и заболеваемость алкогольными психозами [14, с. 84–90]. Очень интересные сведения о жизни населения города, в том числе ее «алкогольной части», представлены М. В. Таскаевым в работе «В последний раз Усть-Сысольск, или столица Коми области в 1929 году» [15]. «Постепенно профилактические и воспитательные мероприятия заменялись жесткими административными мерами, производство спирта стало уменьшаться. Вскоре официальная статистика стала свидетельствовать о постепенном сокращении употребления спиртного», однако и в 1937 г. областная партконференция все же констатировала: «... среди рабочих

и служащих развито пьянство... Пьют так, что умирают от водки»; пили и женщины и даже дети [14, с. 87, 88]. Однако, видимо, и в этот «смутный период» не все уголки земли зырянской были подвержены пагубному пристрастию. В монографии Р. И. Зубовой сообщается следующее: «Известный этнограф Д. А. Золотарев, посетивший в 1927 г. одну из групп северных коми, отмечал, что на вечеринке даже в зажиточных домах молодежь занята не застольем, а танцами, водит хоровод под песни и т.д. Он же, обратив внимание на богатое угощение ижемских свадеб, подчеркнул, что веселье продолжалось несколько дней с пивом и почти без водки» [7, с. 9].

В годы войны в тылу был дефицит водки, пищевого спирта тогда не хватало, обходились техническим – его пили, им лечились, из него гнали водку [16]. Однако, например, спустя всего пять лет после победного окончания войны, описывая население Печоры, получившей статус города годом ранее, краевед В. Г. Чиванов отмечал: «В быт печорцев постепенно входило пьянство, пропаганды против которого тогда совсем не велось. Никаких ограничений в продаже спиртного не было. В столовых и буфетах можно было купить на разлив от спирта и водки до ликера «дюпель-кюмель». Ни одна вечеринка или праздник не обходились без обильных возлияний. С пьянством на производстве, особенно на железнодорожном транспорте, велась борьба, но она сводилась только к наказанию за неумную дозу выпитого» [17].

Период с 1965 по 1985 г. в стране врач, писатель и общественный деятель Ф. Г. Углов назвал «сплошной алкоголизацией» [18]. Согласно вышедшему в 1972 г. Постановлению Совета Министров РСФСР, в стране предусматривалось сокращение производства водки и крепких водочных изделий и значительное увеличение выпуска безалкогольных напитков, виноградного вина и пива [19]. Как отмечает Н. П. Безносова, «между тем производство водки и ликероводочных изделий увеличивалось. В 1979 г. только на предприятиях Министерства пищевой промышленности Коми АССР по сравнению с 1975 г. оно возросло на 68 %. Из года в год увеличивалась продажа алкогольных напитков на душу населения... Государство, декларировавшее на словах борьбу с пьянством, фактически способствовало алкоголизации населения» [20]. Уже в 1978 г. вышло Постановление, указывающее на ослабление работы по устранению причин и условий, способствующих распространению пьянства в отдельных автономных республиках, краях и областях, на ряде предприятий и строек, а также на нередкое допущение снисходительного отношения к пьяницам. В Коми АССР было отмечено «особенно неблагоприятное положение дел» [21].

В 1985 г. в стране было принято новое антиалкогольное законодательство [22]. В 1987 г. Р. И. Зубова в работе «Общественное мнение о борьбе за трезвый образ жизни» отмечает: «Статистические данные

свидетельствуют о тенденции снижения потребления спиртных напитков в республике и в то же время показывают, что пока еще потребляется населением большое количество алкоголя... Позитивные результаты не дают оснований для успокоения... хотя и резко уменьшились, но все-таки продолжаются выпивки на рабочих местах, отмечаются также случаи нарушений трудовой дисциплины вследствие пьянства». Практически треть руководителей, принимавших участие в социологическом обследовании населения, отмечали, что значительная доля рабочих и служащих предприятий нарушают трудовую дисциплину по причине пьянства. Среди опрошенных жителей только 14 % респондентов заявили о решении не употреблять спиртное, 17 % желали прекратить выпивки постепенно, остальные же – или не определили своей позиции или не захотели дать однозначный ответ [23].

В последнем десятилетии XX в. в России и в Республике Коми, в частности, произошли значительные всплески «алкогольных» проблем. Они были обусловлены как психологической реакцией населения на значительно ухудшившиеся социально-экономические условия жизни ввиду произошедших глубоких структурных кризисов, наступивших после распада Советского Союза и дефолта 1998 г., так и связаны с либерализацией алкогольной отрасли в 1992 г.

На сегодняшний день, согласно «Национальному рейтингу трезвости субъектов Российской Федерации – 2023», Республика Коми является одним из самых «пьющих» регионов страны, среди 85 субъектов РФ* она заняла 77-е место при ранжировании от самого благополучного (1-е место) к самому проблемному. Конечно, положение нашей республики по «алкогольному вопросу» относительно других субъектов страны весьма спорно, учитывая используемые для сравнения показатели**. Так, например, сопоставляются объемы продажи алкогольных напитков на душу населения в пересчете на чистый спирт, но не учитываются и никак не могут в полной мере быть учтены объемы выпитых напитков домашнего изготовле-

* Рейтингование Донецкой Народной Республики, Запорожской области, Луганской Народной Республики, Херсонской области не осуществлялось в силу отсутствия статистических данных.

** При составлении рейтинга используются шесть критериев: 1) Число умерших по основным классам и отдельным причинам смерти (отравления алкоголем); 2) Численность больных, состоящих на учете в лечебно-профилактических учреждениях с диагнозом алкоголизм и алкогольные психозы; 3) Число преступлений, совершенных лицами, находящимися в состоянии алкогольного опьянения; 4) Региональный объем всей проданной алкогольной продукции в литрах чистого спирта; 5) Число правонарушений, связанных с незаконным производством и оборотом этилового спирта и алкогольной продукции; 6) Сила регионального антиалкогольного законодательства: а) количество часов запрета продажи алкоголя в сутки, б) количество дней в году, когда полностью запрещена продажа алкогольной продукции.

ния или спиртосодержащих жидкостей, не предназначенных для пищевого потребления. Что касается алкоголь-ассоциированной заболеваемости населения психическими расстройствами и расстройствами поведения, то следует отметить, что значения ее показателей с начала 1990-х гг. существенно снизились, однако в настоящее время мало отражают реальную ситуацию, поскольку число выявленных и учтенных больных в большой степени зависит как от активности наркологической службы в условиях, когда перестала действовать жесткая система обязательного диспансерного учета, активного выявления и привлечения к лечению больных алкоголизмом, так и от обращаемости самих граждан.

Определение реальных масштабов употребления алкоголя, пьянства и алкоголизма является практически невозможным. О распространенности данных явлений можно судить лишь косвенно, рассматривая ряд показателей, учитываемых официальной статистикой, а также данные, полученные в ходе опросов населения, результаты которых имеют специфику быть заниженными.

Однако, стоит признать, что в Республике Коми, население которой издавна не имело развитых традиций потребления алкоголя и на чьей территории значительно позже, чем в иных уголках страны начали открываться общественные питейные заведения, на сегодняшний день «алкогольная» проблема действительно стоит очень остро. Красноречивее всего об этом говорит тот факт, что в 2022 г. как минимум 4,2 % [24] от общего числа всех смертей в республике произошли от причин, связанных с употреблением алкоголя, и это только те случаи, где алкогольная обусловленность абсолютно явная. Каков же реальный «ущерб», выявить очень трудно. По крайней мере, огромный след горячительных напитков следует искать в происходящих транспортных происшествиях, убийствах, самоубийствах, несчастных случаях (падения, удушения, утопления и др.). Государство, которое с далеких царских времен умело использовало пагубное пристрастие его жителей в целях пополнения казны, сыграло немалую роль в алкоголизации населения. При этом исторический опыт свидетельствует о том, что для решения проблем, связанных с употреблением алкогольных напитков, метод строгих запретов не является эффективным.

Статья подготовлена в рамках НИР «Человеческие ресурсы северных регионов России: потенциал развития или ограничение экономического роста (№ ГР 122012700169-9, 2022–2024 гг.).

Литература

1. Фаузер, В. В. Республика Коми на рубеже веков: демография, миграция, расселение / В. В. Фаузер. – Ижевск : ООО «Принт», 2023. – С. 70–87.
2. Цыпанов, Е. А. «Зыряне» – загадочный этноним / Е. А. Цыпанов // Родники пармы. – Сыктывкар : Коми книжное изд-во, 1990. – С. 19–22.
3. Зыряне // Народы России. Живописный альбом. – Санкт-Петербург : Типография Товарищества «Общественная польза», 1878. – Вып. II. – С. 153.
4. Ильина, И. В. Народная медицина коми / И. В. Ильина. – Сыктывкар : Коми книжное издательство, 1997. – 120 с.
5. Чудова, Т. И. Пища в контексте похоронно-поминальной обрядности коми (зырян) / Т. И. Чудова // Рябининские чтения-2007: Материалы научной конференции по изучению народной культуры Русского Севера. – Петрозаводск, 2007. – URL : <http://kizhi.karelia.ru/library/ryabinin-2007/377.html> (дата обращения: 17.10.2023).
6. Чудова, Т. И. Символика пищи в контексте свадебной обрядности коми (зырян) / Т. И. Чудова // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2011. – № 3(47). – С. 128–134.
7. Зубова, Р. И. Алкоголепотребление в Республике Коми: распространенность, последствия, профилактика: монография / Р. И. Зубова. – Сыктывкар : Изд-во Сыктывкарского гос. ун-та, 2012. – С. 8.
8. Жеребцов, И. Л. Комиретро: история общепита и общепития в республике / И. Л. Жеребцов // Комиинформ. – 2016, – 15 авг. – URL : <https://komiinform.ru/news/138089/> (дата обращения: 14. 10.2023).
9. Лейман, И. И. Такая многогранная ярмарка... / И. И. Лейман // Повседневная жизнь российской провинции. – Сыктывкар, 2013. – Вып. 5. – С. 25.
10. Сирелиус, У. Т. Из путешествия по северо-востоку России / У. Т. Сирелиус // Полевые финно-угорские исследования. – URL : <https://www.ethnokomi.ru/pole/archive/pole/2.asp.html> (дата обращения: 18.10.2023).
11. Энгельгардт, А. П. Русский Север: Путевые записки / А. П. Энгельгардт. – Москва : ОГИ, 2009. – С. 220, 248.
12. Мартынов С. В. Печорский край: очерки природы и быта, население, культура, промышленность / С. В. Мартынов. – Санкт-Петербург : Типография М. М. Стасюлевича, 1905. – С. 49, 50.
13. Пашков, Е. В. Антиалкогольная кампания в годы Первой мировой войны / Е. В. Пашков // Демоскоп Weekly. – №443-444 (15–28 ноября 2010 г.). – URL : <http://demoscope.ru/weekly/2010/0443/analit01.php> (дата обращения: 19.10.2023).

14. Золотарев, О. В. Теневые стороны жизни Коми автономии в период НЭПа / О. В. Золотарев // Повседневная жизнь Коми края. – Сыктывкар, 2009. – Вып. 3. – С. 84–90.
15. Таскаев, М. В. В последний раз в Усть-Сысольск, или столица Коми области в 1929 году / М. В. Таскаев // Повседневная жизнь Коми края. – Сыктывкар, 2006. – Вып. 1. – С. 76.
16. Веселие Руси. XX век. – Москва : Пробел-2000, 2004. – 525 с.
17. Чиванов, В. Г. Печора – 1950 год. Глазами приезжего: Машинописная копия: Коллекция документов Печорского городского историко-краеведческого музея.
18. Углов, Ф. Г. Правда и ложь о «сухом законе» (1914–1925 гг.) / Ф. Г. Углов // Трезвая Русь. – URL : http://alkogolunet.ru/blog/pravda_i_lozh_o_sukhom_zakone_19141925_gg/2009-12-02-12 (дата обращения: 20.10.2023).
19. О мерах по усилению борьбы против пьянства и алкоголизма: Постановление Совета Министров РСФСР от 12.05.1972 г. № 361 // Кодекс: справочн.-правовая система. – URL : <https://docs.cntd.ru/document/765710237?ysclid=lrrkd7tohv462063685§ion=text> (дата обращения: 21.10.2023).
20. Безносова, Н. П. Воспроизводство населения Коми АССР в 1960–1970-е годы / Н. П. Безносова // Историческая демография. – 2014. – № 2. – С. 34.
21. О дополнительных мерах по усилению борьбы с пьянством и алкоголизмом: Постановление Совета Министров РСФСР от 07.06.1978 г. № 278 // Кодекс: справочн.-правовая система. – URL : <https://docs.cntd.ru/document/765730792?marker=22B30EV> (дата обращения: 21.10.2023)
22. О мерах по усилению борьбы против пьянства и алкоголизма, искоренению самогоноварения: Указ Президиума Верховного Совета РСФСР от 16.05.1985 г. № 398-XI // Кодекс: справочн.-правовая система. – URL : <https://docs.cntd.ru/document/901808395?ysclid=lrrks3mp65384827684§ion=text> (дата обращения: 21.10.2023)
23. Зубова, Р. И. Общественное мнение о борьбе за трезвый образ жизни. Сер. препринтов «Науч. докл.» / Р. И. Зубова. – Коми филиал АН СССР, 1987. – С. 13–20.
24. Демографический ежегодник Республики Коми. 2023: стат. сб. / Комистат. – Сыктывкар, 2023. – С. 68.

АКТУАЛЬНОЕ РЕАГИРОВАНИЕ ДЛЯ ЗАЩИТЫ НАСЕЛЕНИЯ ОТ КЛЕЩЕВЫХ ИНФЕКЦИЙ В Г. СЫКТЫВКАРЕ

Е. В. Панюкова, канд. биол. наук,

Е. В. Данилова

Институт биологии Коми НЦ УрО РАН, г. Сыктывкар

Синантропизация иксодовых клещей становится большой проблемой для населенных пунктов Севера России. Смещение в северном направлении границ распространения иксодовых клещей связано с циклическими изменениями климата, или «глобальным потеплением». Иксодовые клещи имеют важное медико-ветеринарное значение как переносчики целого ряда опаснейших трансмиссивных инфекций человека и сельскохозяйственных животных, наиболее распространены из них клещевой энцефалит и лайм-боррелиоз [1]. Существует проблема применения эффективных способов борьбы с инвазивными видами эктопаразитов на территории населенных пунктов. Своевременность и цикличность проведения защитных мероприятий от иксодовых клещей – переносчиков инфекций, важна для улучшения качества жизни населения. Известно, что наиболее эффективными мерами борьбы с иксодовыми клещами служат акарицидные обработки территорий населенных пунктов [2].

Ежегодная информация о количестве пострадавших от нападения иксодовых клещей и распространении болезней на территории Республики Коми (РК) отображена в государственных докладах о состоянии санитарно-эпидемиологического благополучия населения. В 2020 г. на территории РК регистрировали: клещевой вирусный энцефалит (КВЭ) – 7 случаев (в 2019 – 16, 2018 – 16, 2017 – 15, 2016 – 10); клещевой боррелиоз (болезнь Лайма) – 2 случая (в 2019 – 15, 2018 – 8, 2017 – 8, 2016 – 10); геморрагическая лихорадка с почечным синдромом (ГЛПС) – 32 случая (в 2019 – 26, 2018 – 18, 2017 – 49, 2016 – 12). В эпидемический сезон 2020 г. в медицинские организации республики обратилось 1998 чел., пострадавших от укусов клещами, что на 18,9 % меньше, чем в 2019 г. (2464 чел.). Активность природных очагов клещевого вирусного энцефалита и клещевого боррелиоза, несмотря на некоторое снижение своего прежнего уровня, продолжает оставаться высокой. В 2020 г. на территории РК показатель заболеваемости КВЭ составил 0,85 на 100 тыс. населения, что выше федерального показателя (0,67) на 26,9 % [3].

Цель данной работы – разработка плана применения мер актуального реагирования для защиты населения от клещевых инфекций. К понятию «актуального реагирования» относится система защитных мероприятий, которая включает: 1) наблюдение; 2) сбор данных; 3) информирование населения; 4) своевременное проведение акарицидных обработок; 5) про-

верку эффективности; 6) разработку практических рекомендаций и 7) ежегодное планирование.

Проведение комплексных мер обеспечения безопасного проживания населения должно строиться на научном подходе к решению проблемы защиты от эктопаразитов. Важно выяснить видовой состав иксодовых клещей, их фенологические и экологические особенности. Нами установлено обитание двух видов клещей, нападающих на человека в г. Сыктывкаре: *Ixodes persulcatus* (Schulze, 1930) и *Ixodes ricinus* (Linnaeus, 1758). В процессе фаунистических исследований было выявлено обитание таежного клеща *Ix. persulcatus* также в Сосногорском и Ухтинском районах РК. Таким образом, *Ix. persulcatus* распространен в РК до 63° с.ш., а *Ix. ricinus* отмечается пока только до 61° с.ш. и севернее г. Сыктывкара до настоящего времени не найден. Преобладает *Ix. persulcatus*, а *Ix. ricinus* встречается редко.

Рассмотрим подробнее список предлагаемых мер актуального реагирования с примерами.

1. К наблюдению относится система мероприятий по поиску факторов, влияющих на размножение и развитие переносчиков инфекций на заселенных территориях. Изучение опыта соседних регионов. Метод круглогодичного мониторинга.

2. Сбор фактических данных – наиболее значимая часть актуального реагирования, от которой зависит принятие решений о мерах защиты от иксодовых клещей. В подзоне средней тайги отлов эктопаразитов на флаги или пропашник необходимо осуществлять в весенне-летний период с 15 апреля по 15 сентября. Действия должны быть направлены на выявление мест локализации иксодовых клещей на территории населенных пунктов для определения необходимости проведения акарицидных обработок. При сборе данных учитываются тип местности, биотоп, характер зарастаемости и затененности. По данной мере имеется необходимость объединять усилия и унифицировать методики сбора первичных данных по иксодовым клещам с «Центром эпидемиологии и гигиены в Республике Коми».

3. Информирование как процесс своевременного оповещения населения о соблюдении мер безопасности в местах возможной встречи с иксодовыми клещами – потенциальными переносчиками инфекций. Основная цель – просвещение населения о мерах борьбы с иксодовыми клещами, профилактики и мерах индивидуальной защиты (спецодежда, само- и взаимоосмотры после пребывания в местах потенциального обитания иксодовых клещей, профилактические прививки). Оповещение населения может быть осуществлено через СМИ, интернет, социальные сети, информационные стенды, баннеры, листовки с материалами о начале активного нападения клещей и принятии индивидуальных защитных мер от укусов

иксодовых клещей. К данным мерам относится осведомление рыболовов, охотников, туристов, владельцев домашних животных о необходимости проведения антиклещевых мероприятий.

4. Проведение акарицидных обработок территорий до начала периода активного нападения клещей на человека, что относится к своевременности осуществления мероприятий как превентивной меры профилактики клещевых инфекций.

5. Проверка эффективности – проверка обработанных акарицидами территорий на наличие или отсутствие на них клещей в течение 5–20 дней. При обнаружении – повторная обработка через 30 дней. Проверка осуществляется стандартными методами сбора клещей на флаг или пропашник.

6. Разработка практических рекомендаций включает: составление и распространение памяток и листовок для населения о защите от укусов клещей и профилактики клещевых инфекций; тест-опросы о мерах борьбы с иксодовыми клещами и причинах запрета выгула домашних животных в общественных местах; чтение публичных лекций, проведение семинаров, учебных тренингов для населения о мерах борьбы, защиты, профилактики, а также болезнях, которые передаются иксодовыми клещами; проведение консультаций, подготовка совместных рекомендаций со специалистами «Центра эпидемиологии и гигиены Республики Коми» по борьбе с клещевыми инфекциями.

7. Ежегодное планирование акарицидных обработок на основе наблюдений, анализа предыдущих лет и текущего состояния погодных условий, или прогнозное планирование. Составление планов проведения комплекса защитных мероприятий с учетом климатических условий конкретного года.

Метод актуального реагирования способствует прогнозному планированию, так как устанавливает точные сроки нападения иксодовых клещей в конкретных условиях. Основные его задачи – определение сроков начала опасного периода, расчет его продолжительности, своевременности и цикличности защитных мер против клещей-переносчиков инфекций. Задача заключалась в проведении эффективных противоклещевых действий и выяснении точной даты и мест проведения профилактических мероприятий.

При разработке данного метода нами учитывался опыт борьбы с иксодовыми клещами в разных регионах России: Волго-Вятском (г. Киров) и Северо-Западном (Новгородская область, с. Бронница). В г. Кирове проводят двойную акарицидную обработку ежегодно, с интервалом в один месяц перед праздничными днями 1 мая и 1 июня. Обоснованием для таких мер являются начало «дачного сезона», майские праздники и лет-

ние каникулы. Общеизвестно, что в весенне-летний период повсеместно отмечается активное посещение населением дачных участков, парков и лесных зон, где могут обитать иксодовые клещи. В Северо-Западном экономическом регионе России даты и количество проведения обработок устанавливают органы местного самоуправления, решения принимаются «на местах». Так, в 2023 г. обработку акарицидами парковой зоны в сельском населенном пункте Новгородской области (с. Бронница, Новгородского района) проводили 6 мая, что было связано с погодными условиями и затяжной весной. Положительный опыт данных регионов заключается в проведении дополнительных мер профилактики распространения клещевых инфекций, таких как повторные акарицидные обработки, очистки территории от кустарников, вырезание прикорневой поросли у деревьев, покос травы перед обработкой территории. Благоустройство городских и сельских поселений помогает в борьбе с переносчиками клещевых инфекций, так как препятствует размножению и развитию эктопаразитов на территории населенных пунктов.

В 2022–2023 гг. в г. Сыктывкаре апробирован метод актуального прогнозного реагирования. С учетом северных условий нами разработана оригинальная методика определения сроков начала нападения имаго клеща *Ixodes persulcatus* на теплокровных животных для подзоны средней тайги. Ведущая роль в методике отводится определению суммы активных температур для северных популяций иксодовых клещей в соотношении с такими факторами, как температура и влажность. На территории городских парков г. Сыктывкара в 2022 г. была апробирована двойная обработка акарицидами: весенняя и летняя (по примеру г. Кирова). Осенняя акарицидная обработка нигде не используется, на наш взгляд – это наиболее эффективный метод борьбы с преимагинальными стадиями клещей (яйцами, личинками, нимфами). Осенняя обработка акарицидами может быть наиболее эффективным способом борьбы на северных территориях с устойчивым снежным покровом. Для нее необходим точный расчет ежегодных сроков проведения, основанный на прогножном планировании. Для выяснения экологической безопасности осенних обработок в 2022–2023 гг. нами проводился зимний эксперимент по устойчивости снежного покрова в подзоне средней тайги РК с ноября по апрель. Изучали зависимость температуры почвенной подстилки и почвы на разных глубинах от толщины снежного покрова, фиксировали оттепели и степень промерзания почвы. Результаты данного исследования будут обсуждаться в последующих публикациях. В настоящее время нами продолжается поиск экологически безопасных способов борьбы с иксодовыми клещами, к которым можно отнести зимнее промораживание территорий (пустыррей, дворовых территорий), ежегодное благоустройство территорий (покос травы, осен-

ною уборку опавших листьев и веток), борьбу с зарослями ольшаника и ивняка на территории населенных пунктов.

Таким образом, предлагаемый метод актуального реагирования включает информирование населения и администрации города о начале жизнедеятельности перезимовавших клещей. Это необходимо для принятия своевременных решений о профилактических мерах и проведении акарицидных обработок. Календарь обработок требует ежегодных корректировок в зависимости от погодных условий на разных территориях. Предлагаемый метод устанавливает сроки активного нападения перезимовавших клещей на человека и предупреждает опасность укусов населения иксодовыми клещами. В связи с тем, что сроки появления клещей после зимнего периода ежегодно варьируют и зависят от погодных условий, то и периоды проведения профилактических мероприятий по борьбе с иксодовыми клещами требуют ежегодной оперативной корректировки. Актуальное прогнозное реагирование направлено на профилактическое оздоровление нации, уменьшение финансовых затрат на медицинские и фармакологические компенсации для пострадавших от укусов иксодовыми клещами.

Литература

1. Балашов, Ю. С. Паразитизм клещей и насекомых на наземных позвоночных / Ю. С. Балашов. – Санкт-Петербург : Наука, 2009. – 357 с.
2. Тохов, Ю. М. Перспективные направления борьбы с членистоногими / Ю. М. Тохов. – Ставрополь, 2008. – 111 с.
3. Государственный доклад «О состоянии санитарно-эпидемиологического благополучия населения Республики Коми в 2020 году» / Управление Федеральной службы по надзору в сфере защиты прав потребителей и благополучия человека по Республике Коми. – Сыктывкар, 2021. – 132 с.

КУЛЬТУРНЫЙ КОД БЕЛОРУССКОЙ ПРОМЫШЛЕННОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ: НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ И ПРОБЛЕМЫ

*А. А. Посвенчук, студент 4 курса
Белорусский национальный технический университет,
г. Минск, Республика Беларусь*

Белорусское промышленное предприятие представляет собой производственный, имущественный комплекс, неразрывно связанный с со-

циокультурным национальным контекстом и реализующий потребности граждан экономической системы Беларуси. Дальнейшая возможность находиться и прогрессировать в международной торгово-производственной сети требует следования современным тенденциям модернизации.

Проведение модернизации на белорусских промышленных предприятиях представляет собой внедрение технологически новых решений (или переход на следующий технологический уклад), целью которых является повышение рентабельности и эффективности производства. Если рассматривать модернизацию как задачу, необходимо учитывать, что у каждого типа задач есть несколько подходов к решению, и для белорусской промышленной модернизации требуется собственный. Белорусская промышленность имеет свои особенности, сильные и слабые стороны, что и обуславливает поиск подхода модернизации. Кроме того, переход отраслей промышленности к новому технологическому укладу предполагает глубинные трансформации социально-экономической системы общества.

Главным субъектом модернизации промышленности является государство, все инструменты и рычаги которого объединяет промышленная политика. В научной литературе выделяют эндогенные и экзогенные факторы, обуславливающие развитие, эволюцию и существование промышленной политики Республики Беларусь. Однако существует определенная специфика развития каждого государственно-общественного устройства: «Еще 200 лет назад известные немецкие мыслители Адам Мюллер и Фридрих Лист утверждали, что не существует каких-то всеобщих и неизменных абстрактных законов развития общества, поскольку каждое общество специфично по своему происхождению, становлению, эволюции. Поэтому необходимо изучать экономику не как абстракцию, а как экономику конкретной страны в различные исторические периоды. Согласно их воззрениям, экономика каждой страны развивается по своим собственным законам, которые связаны с ее историей, географическими условиями, национально-культурными традициями и даже чертами национального характера» [1].

Рассмотрим современный историко-политический контекст становления Республики Беларусь. Начало белорусской государственности в XX в. положил развал Союза ССР. Дальнейший социально-культурный, производственно-технологический, а также цивилизационно-идеологический процесс становления основывался на зависимости от Российской Федерации. Дешевые российские энергоносители и минерально-сырьевые ресурсы обусловили дальнейшее существование Республики Беларусь на мировой арене промышленности. Точка белорусской бифуркации на мировой арене на тот момент (1990-е) выглядела следующим образом: в качестве передатчика богатства минерально-сырьевых ресурсов, который так-

же занимался их преобразованием, фасовкой («неслучайно БССР называли "сборочным цехом СССР"» [2]) в западные страны, которые преобразуют в товары с высокой добавленной стоимостью, занимается субъект данного исследования. С начала 2020-х гг. глобальный порядок кардинально изменился, что объективно повлияло на производственно-экономические отношения между странами. Следовательно, в настоящем нестабильном состоянии геополитического устройства торгово-производственных отношений белорусскому промышленному предприятию следует опираться на особенности идеологической системы в поисках национальной формулы эффективного производства.

Под особенностями идеологической системы понимаем социокультурные и идеологические факторы гражданского общества Беларуси, оформленные в поведенческую матрицу. Актуализация вопроса влияния социокультурных факторов на механизмы социально-экономического развития связана с новоприбывшей волной глобальных кризисов, причём каждая новая волна захлестывает с ещё большей силой, чем предыдущие. Для определения закономерностей экономического поведения гражданского общества Республики Беларусь выделим некоторые понятия, касающиеся культурной идентичности, национального характера и архетипа белорусов. Для объединения последних определений будем использовать «культурную матрицу» как конструкт «национальных, религиозных, культурно-бытовых, воспитательных и семейных традиций, установившегося правового обычая и общепризнанных духовно-нравственных ценностей», обособленный рамками определенного региона и функционирующий во взаимосвязи с государственным законодательством, где последнее часто формируется под влиянием данного конструкта.

Для объяснения мотивации экономических поступков граждан, входящих в белорусскую культурную матрицу, будем использовать термин «поведенческая экономика», именно как «область экономической науки, которая изучает влияние социальных, когнитивных и эмоциональных факторов на принятие экономических решений и поведение людей» [3].

Исследование поведенческой экономики посредством культурной матрицы проводилось ещё в трудах классиков: А. Смита, К. Маркса, М. Вебера, в настоящее время она изучается и современными учеными, представляющими европейские и американские научные школы. Например, Р. Талер – представитель американской школы, в своей книге затрагивает данный аспект «теорией подталкивания». Указанную патерналистскую модель можно свести к практическому набору действий, согласно которому «человека можно "мягко подтолкнуть" к нужному решению, основываясь на ограничении информации/манипуляции его эмоциональным состоянием» [4].

Прежде всего, определим характеристики культурной матрицы Беларуси. К. В. Рудый, выделяя основные характеристики поведенческой экономики Беларуси, акцентирует внимание на политическом базисе и под данными характеристиками имеет ввиду «двоемыслие, ориентацию на советское прошлое и патернализм» [5]. Перечисленные понятия экс-начальник Главного экономического управления Администрации Президента Республики Беларусь (вышеупомянутый К. В. Рудый) раскрывает с проекцией на экономику и экономическое поведение белорусского общества. Данные характеристики безусловно соотносятся с современным белорусским обществом, однако, по нашему мнению, такой аспект, как межличностное доверие, играет наибольшую роль. «Экономика будет производить больше, если агенты разделяют общие ценности, знания и доверяют друг другу. Обратное также верно: при неизменных институциональных возможностях вложения в физический и человеческий капитал увеличивают выпуск» [6].

Специфика проблем, возникающих при модернизации промышленности на территории Республики Беларусь, требует использования межотраслевого и общегосударственного подходов для их нейтрализации. Культурная матрица генерирует социально-культурные паттерны поведения, многие из которых стигматизируют экономические поступки индивидов и их стимулы к любому модернизационному развитию. Расширение позитивных культурологических паттернов и ограничение или ликвидация негативных, эффективно скажется на трансформировании научно-социального сообщества, что важно для общенациональной трансформации модернизационного мышления. «Переход экономики к сверхиндустриальному развитию не может не сопровождаться становлением новой формы социальной организации общества – посткапиталистического социально-научного общества» [7].

Промышленную политику, объектами которой являются промышленность и промышленные предприятия, в частности, также интерпретируют как структурную. Определение последнего понятия зависит от экономических циклов, смен технологических укладов, а также объема влияния различных сфер экономики, преобладающие в экономическом объеме из которых являются объектом рассматриваемой политики. Таким образом, структурная политика представляет собой комплекс мер государственного вмешательства, осуществляемых на наиболее уязвимых или нуждающихся во влиянии сфер (с точки зрения государства) экономической деятельности. Последние представляют собой набор экономических субъектов, задействованных в отдельной социально-экономической среде, и воспроизводящих товары и услуги посредством характерных (соответствующих данной среде) инструментов и ресурсов труда [8].

Гражданское белорусское общество нацелено на технологический промышленный скачок, который способен обеспечить благоприятные социально-экономические условия и долгосрочное экономическое развитие, для поддержания достойного уровня жизненности собственного будущего и будущего молодых поколений. В этой связи требуется активация инструментов структурной политики государства, где приоритетом будет выступать глубинная трансформация поведенческих экономических поступков, которые, в свою очередь, формируются идеологией модернизационного мышления. Гибкость определения структурной политики позволяет причислять к инструментарию оной банковскую систему. Обеспечение дешевых кредитных обязательств на долгосрочную перспективу (так называемые «длинные деньги») реализуется с помощью целевой кредитной эмиссии денежных средств. Как подчеркивает С. Ю. Солодовников, в Республике Беларусь «наблюдается фактическая нехватка денег в экономике, подтверждаемая низким уровнем ее монетизации. Нехватка денежных средств для белорусских предприятий может быть преодолена за счет целевой кредитной эмиссии» [9]. Однако банковская система является лишь «трансмиссионной» системой, которая способна обеспечивать средствами для развития, а не формировать его глубинные корни. Регуляцию директив (направлений) технологического развития способна осуществлять государственная структурная политика, но лишь посредством банковской. Из чего следует, что Республика Беларусь (как общество, так и государство) требует фундаментальной трансформации и переосмысления идеологии модернизационного мышления, для чего необходим дополнительный инструментарий к структурной политике.

Таким образом, рассмотрев белорусское предприятие в качестве объекта исследования, его историко-социальное становление, а также определив культурную матрицу как ключевое звено поведенческого развития экономики, пришли к выводу, что характер проблем модернизационных процессов генерирует культурная матрица. Ключевыми социально-культурными особенностями, формирующими инертность и застойность трансформационных стимулов в Республике Беларусь, являются: дуализм политической идеологии, патернализм, идеализация промышленности советского прошлого, низкий уровень межличностного доверия. Ограничение или ликвидация негативных паттернов поведения белорусского гражданского общества эффективно скажется на трансформировании научно-социального сообщества, что важно для общенациональной трансформации модернизационного мышления.

Литература

1. Шебеко, К. К. Институциональные ловушки и модернизация белорусской экономики / К. К. Шебеко // Экономика и банки. – 2013. – № 2. – С. 77–87.
2. Гронский, А. Д. Развитие и модернизация Белоруссии / А. Д. Гронский // Современные проблемы развития. – 2022. – С. 311–317.
3. Воденко, К. В. Ценностно-культурная матрица: теоретический конструкт и социальная реальность / К. В. Воденко, Д. Л. Овчаренко, Е. В. Стукалова // Гуманитарий Юга России. – 2017. – № 6. – С. 82–88.
4. Талер, Р. Новая поведенческая экономика: почему люди нарушают правила традиционной экономики и как на этом заработать / Р. Талер; [пер. с. англ. А. Прохоровой]. – Москва : Издательство «Э», 2017. – 368 с.
5. Рудый, К. В. Поведенческая экономика: основные характеристики в Беларуси / К. В. Рудый // Мировая экономика и международные отношения. – 2018. – Т. 62, № 6. – С. 36–44.
6. Солодовников, С. Ю. Перспективы и механизмы развития и капитализации социального потенциала Республики Беларусь / С. Ю. Солодовников // Экономическая наука сегодня. – 2013. – С. 5–34.
7. Солодовников, С. Ю. Тенденции и перспективы развития занятости и создания социально-научного сообщества в условиях модернизации транзитивной экономики: на примере Республики Беларусь / С. Ю. Солодовников // Вестн. Полоц. гос. ун-та. Сер. Д. Экон. и юрид. науки. – 2015. – № 6. – С. 2–9.
8. Устойчивое развитие малых и средних городов Беларуси и российского Севера в условиях агломерационного эффекта / В. Л. Гурский [и др.]; науч. ред.: В. Л. Гурский, В. В. Фаузер, С. Ю. Солодовников. – Минск : Белорусская наука, 2023. – 373 с.
9. Солодовников, С. Ю. «Длинные деньги» как инструмент современной экономической политики в условиях новой индустриализации / С. Ю. Солодовников // Современное общество: проблемы, противоречия, решения: сб. н. р., 30 апреля 2021 года. – Санкт-Петербург : Санкт-Петербургский горный университет, 2021. – С. 26–30.

ОСНОВНЫЕ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ ИНСТРУМЕНТЫ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ В КАЗАХСТАНЕ*

З. Т. Сатпаева, PhD

*Институт экономики Комитета науки Министерства науки
и высшего образования Республики Казахстан, г. Алматы*

В 1992 г. в рамках Повестки дня на XXI в. была предложена концепция Национальной стратегии устойчивого развития (УР), представляющая собой единый стратегически ориентированный план действий по объединению экономических, социальных и экологических задач на национальном уровне [1]. Следует отметить, что это требует от государств разработки соответствующей институциональной базы, а также «повышения согласованности политики устойчивого развития» для систематической интеграции социальных, экономических и экологических аспектов устойчивого развития на всех этапах разработки внутренней и международной политики, чтобы гарантировать, что достижение одних целей не подрывает других. При этом под институтами понимаются процедуры и соглашения, встроенные в организационную структуру государственного устройства или экономики, определяющие поведение акторов и структурирующие политику. Институты бывают формальные (например, законы, стандарты, правила) и неформальные (например, обычаи, нормы, привычки). Они могут либо ограничивать, либо способствовать политическим действиям государственных и негосударственных субъектов, определяя, какие органы власти имеют право решать конкретную проблему и каким образом [2, 3].

Согласованность политики не достигается автоматически, это политический выбор правительств по созданию поддерживающих институциональных структур и принятию конкретных инициатив. Организация экономического сотрудничества и развития выделяет восемь строительных блоков институциональных механизмов и практик, необходимых для последовательной реализации Целей устойчивого развития (БИИУР ЦУР), которые представляют собой структуры, процессы и методы работы, способствующие повышению согласованности политики и применению к странам независимо от их административных и политических традиций [4]:

* Исследование финансируется Комитетом по науке Министерства науки и высшего образования Республики Казахстан (BR21882122 «Устойчивое развитие природно-хозяйственных и социально-экономических систем Западно-Казахстанского региона в контексте зеленого роста: комплексный анализ, концепция, прогнозные оценки и сценарии»).

1) политическая приверженность и лидерство (национальная стратегия устойчивого развития, национальные план устойчивого развития, дорожная карта по реализации ЦУР и другие законодательные и нормативные акты);

2) политики интеграции (вертикальная – горизонтальная, общие приоритеты, межсекторальное и межрегиональное сотрудничество (бюджеты и другие экономические (налоговые льготы, субсидии, торговые преференции и др.) и финансовые (зеленые облигации, фонды УР, страхование рисков для поддержки проектов УР и др.) инструменты, национальные и региональные программы развития, руководства, рабочие группы), согласованность экономических, социальных и экологических задач между собой и с ЦУР и т.д.);

3) долгосрочные горизонты планирования (до 2030 г. согласно Повестке дня в области устойчивого развития);

4) анализ и оценка потенциальных последствий политики (национальная комиссия по устойчивому развитию, комитет по политике развития, системы измерения трансграничного воздействия в рамках ЦУР на основе имеющихся показателей, анализ регуляторного воздействия и т.д.);

5) политическая и институциональная координация (специальный координирующий орган на национальном, региональном и локальном уровнях, межсекторальные структуры, институциональные платформы и т.д.);

6) субнациональное и местное участие (инфраструктура, механизмы координации, общественные инициативы и партнерства для совместной реализации проектов и программ УР и т.д.);

7) взаимодействие с заинтересованными сторонами (консультации, рабочие группы, общественные слушания и т.д.);

8) мониторинг и отчетность (системы мониторинга и отчетности для измерения и оценки прогресса в достижении ЦУР, в том числе цифровые, добровольные национальные обзоры, отчетности и т.д.).

Использование институциональных инструментов направлено на улучшение общей институциональной среды, создание эффективных стандартов контрактных отношений между участниками интеграционного взаимодействия, а также утверждение эффективных форм экономического поведения и статусов участников. Институциональные инструменты устойчивого развития должны быть адаптированы к характеру социального, экономического и экологического развития, соответствовать конкретному механизму их реализации, а также поддерживать выбранную стратегию устойчивого развития и образовывать целостный инструментальный комплекс с системными характеристиками [5]. Институциональные инструменты представляют собой один из сложных инструментов политики,

наряду с инструментами мониторинга, анализа и оценки полученных результатов, контроля и др. Например, на уровне регионов можно выделить три группы институциональных инструментов в сфере социального, экономического и экологического развития [6]:

1) инструменты, ориентированные на индивидуалистическое поведение локализованных субъектов (домохозяйства, малый и средний бизнес, инвесторы и др.);

2) инструменты, стимулирующие добровольное согласованное или корпоративное поведение на основе общих интересов (некоммерческие партнерства, ограниченные или акционерные общества, ассоциации профессиональных интересов и др.);

3) инструменты, направленные на участников государственно-организованных действий (бюджетные организации, государственные служащие, налогоплательщики, страховые компании и др.).

Глобальной институциональной платформой для координации усилий и обмена опытом в сфере устойчивого развития является платформа ЦУР ООН (<https://www.un.org/sustainabledevelopment/ru/sustainable-development-goals/>). Также функционируют Межведомственная группа экспертов по ЦУР и Группа высокого уровня по вопросам партнерства, сотрудничества и развития потенциала. В Докладах ООН о целях в области устойчивого развития отмечены различные инструменты устойчивого развития. Так, Генеральная Ассамблея ООН 6 июля 2017 года утвердила систему глобальных показателей (232) для оценки хода осуществления Повестки дня в области УР на период до 2030 года, которая служит в качестве инструмента мониторинга, анализа и отчетности. В свою очередь данная система способствует проведению инициатив по разработке новых институциональных инструментов и механизмов объединения новых источников данных. Например, национальные платформы отчетности и распространения данных, развитие которых направлено на обеспечение качества данных и укрепление координации в рамках всей системы национальной статистики [7]. Центральным инструментом для обзора хода достижения ЦУР на глобальном, национальном и локальном уровнях являются добровольные национальные обзоры (188 стран). В свою очередь это требует развития инструментов по систематической работе и интеграции усилий по достижению ЦУР, развития национальных систем надзора и независимых оценок, привлечения ученых к мониторингу и обзору и т.д. [8].

Казахстаном в 2019 и 2022 гг. были подготовлены Добровольные национальные обзоры о реализации Повестки дня до 2030 г. в области устойчивого развития [9, 10]. Важным институциональным инструментом устойчивого развития в Казахстане выступает Координационный совет

по Целям устойчивого развития в Казахстане, который был создан 15 августа 2018 г. (БИИУР 1, 2, 5). Совет занимается вопросами формирования единой политики в области достижения ЦУР и координации деятельности межведомственных рабочих групп (Министерство труда и социальной защиты населения, Министерство экологии и природных ресурсов, Министерство национальной экономики, Министерство информации и общественного развития, Министерство иностранных дел) по направлениям «Люди» (ликвидация нищеты, гендерное равенство, качественное образование, здоровый образ жизни), «Планета» (изменение климата, рациональное использование экосистем суши и водных ресурсов), «Процветание» (инклюзивный рост, экономические преобразования), «Мир» (безопасное миролюбивое общество, сильные институты и правосудие), «Партнерство» (глобальное партнерство, мобилизация ресурсов, наращивание потенциала, торговля), в состав которых входят представители международных организаций, государственных органов, частного сектора, гражданского общества и независимые эксперты (БИИУР 6, 7) [9, 11].

Повестка дня до 2030 г. в области УР во многом совпадает с приоритетами Стратегии развития «Казахстан-2050» и Стратегического плана до 2025 г. (БИИУР 1, 3). Следует отметить, что в 2006 году была утверждена Концепция перехода Республики Казахстан к устойчивому развитию на 2007–2024 гг., которая утратила силу в 2011 г. В рамках данного документа были обозначены следующие направления и механизмы перехода к устойчивому развитию: интеграция механизмов развития, политический базис устойчивого развития (внутренняя и внешняя политика), устойчивое развитие общества (оздоровление нации, здравоохранение, образование и наука, культура и информация, промышленная безопасность и охрана труда, борьба с бедностью и предотвращение социального расслоения, развитие гражданского общества), устойчивый экономический прогресс (повышение эффективности использования ресурсов, внедрение устойчивых технологий, эффективное и рациональное использование возобновляемых ресурсов и альтернативных источников энергии), экологическая устойчивость (сохранение и восстановление природной среды, снижение неблагоприятного воздействия окружающей среды на здоровье населения, предотвращение чрезвычайных экологических ситуаций и экологического терроризма, контроль за использованием и распространением генетически измененных организмов, предотвращение занесения или самостоятельного проникновения карантинных и чужеродных вредных организмов, экономические инструменты охраны окружающей среды, научное обеспечение охраны окружающей среды) и устойчивое развитие регионов [11].

На сегодняшний день ЦУР органично вплетены в государственные программы экономического, социального и экологического развития ре-

спублики. Так, в 2021 г. были утверждены национальные проекты: «Качественное и доступное здравоохранение для каждого гражданина "Здоровая нация"», «Качественное образование "Образованная нация"», «Ұлттық рухани жаңғыру», «Технологический рывок за счет цифровизации, науки и инноваций», национальный проект по развитию предпринимательства, «Сильные регионы – драйвер развития страны», «Устойчивый экономический рост, направленный на повышение благосостояния казахстанцев», «Зеленый Казахстан», национальный проект по развитию агропромышленного комплекса, «Безопасная страна». В 2022 г. утвержден Комплексный план «Программа повышения доходов населения до 2029 года» [12–14]. В стране с 2015 г. действует институт анализа регулятивного воздействия, в том числе в сфере устойчивого развития [15, 16]. Для оценки интегрированности целей и задач устойчивого развития в трех измерениях (экономическое, социальное, экологическое) в документы системы государственного планирования проводится с использованием инструмента быстрой комплексной оценки (БИИУР 3, 4). В 2019 г. степень интеграции составила 79,9 %, в 2022 г. – 46 %, т.е. ЦУР высоко отражены в документах системы государственного планирования [9], в особенности в Национальном плане развития РК до 2025 г., Стратегии национальной безопасности РК, Плана территориального развития, национальных проектах и планах развития регионов, в также в планах развития региональных крупных компаний, в частности транснациональных [10].

В Казахстане развит институциональный инструмент мониторинга и отчетности (БИИУР 8). Бюро национальной статистики Агентства по стратегическому планированию и реформам Республики Казахстан (БНС АСПР РК) является ответственным государственным органом за сбор, обработку и распространение данных по ЦУР. В Казахстане создана система национальных показателей для мониторинга ЦУР (<https://stat.gov.kz/ru/sustainable-development-goals/>), включающая в себя 262 показателя, из которых 146 глобальных показателей приняты без изменений, 44 – с небольшими изменениями, 42 национальных показателя и 30 альтернативных/прокси показателей. БНС АСПР РК разработана национальная платформа отчетности по ЦУР (<https://kazstat.github.io/sdg-site-kazstat/>). В 2019 г. в Казахстане также разработали Дорожную карту Казахстана по мониторингу достижения Целей устойчивого развития на 2020–2022 гг. [17].

Таким образом, институциональные инструменты представляют собой разнообразные механизмы, созданные на уровне государственных и международных институтов, организаций и сообществ с целью обеспечения устойчивости экономического, социального и экологического развития. В Казахстане применяются и развиваются механизмы, методы и процедуры каждого из восьми блоков институциональных инструментов устойчивого развития.

Литература

1. Национальные стратегии устойчивого развития (НСУР). – URL : <https://sdgs.un.org/ru/topics/national-sustainable-development-strategies> (дата обращения: 05.11.2023).
2. Yunita A., Biermann F., Kim R.E., Vijge M.J. The (anti-)politics of policy coherence for sustainable development in the Netherlands: Logic, method, effects // *Geoforum*. – 2022. – № 128. – P. 92
3. Shawoo Z., Maltais A., Dzebo A., Pickering J. Political drivers of policy coherence for sustainable development: An analytical framework // *Environmental Policy and Governance*. – 2022. – № 4 (33). – P. 339, 334.
4. Policy coherence for sustainable development 2018: towards sustainable and resilient societies. – Paris: OECD Publishing, 2018. – P. 83–101
5. Сапиев, В. Д. Институциональные инструменты развития региональной системы / В. Д. Сапиев // *Пространство экономики*. – 2008. – № 3–2. – С. 316.
6. Дохолян, С. В. Инструменты реализации региональной социально-экономической политики в современных условиях / С. В. Дохолян, В. З. Петросянц, А. М. Садыкова // *РППЭ*. – 2014. – № 7 (45). – С. 40–44.
7. Доклад о целях в области устойчивого развития: 2018 год. – Нью-Йорк: ООН. – С. 16.
8. Доклад о целях в области устойчивого развития: 2023 год. – Нью-Йорк: ООН. – С. 49.
9. Казахстан. Добровольный национальный обзор о реализации Повестки дня до 2030 года в области устойчивого развития: 2019 год. – URL : https://economy.kz/documents/OECD/obzor_nat_rus.pdf (дата обращения: 05.11.2023 г.).
10. Казахстан. Добровольный национальный обзор о реализации Повестки дня до 2030 года в области устойчивого развития: 2022 год. – URL : https://economy.kz/documents/OECD/END_Report_DNO_06-2022_small.pdf (дата обращения: 05.11.2023).
11. О Целях устойчивого развития. – URL : https://economy.kz/ru/Celi_ustojchivogo_razvitiya/About_TSUR/ (дата обращения: 05.11.2023 г.).
12. Стратегии и программы. – URL : https://www.akorda.kz/ru/official_documents/strategies_and_programs (дата обращения: 05.11.2023 г.).
13. Mukayev A., Satpayeva Z., Kangalakova D., Doskeyeva G., Pedro E. Assessment of the population's quality of life in Kazakhstan during COVID-19 : The effectiveness of public policy // *Problems and Perspectives in Management*. – 2023. – № 3(21). – P. 74.

14. Постановление Правительства Республики Казахстан. Об утверждении Комплексного плана «Программа повышения доходов населения до 2029 года»: утв. 14 апреля 2022 года, № 218.
15. Приказ Министра национальной экономики Республики Казахстан. Об утверждении Правил проведения и использования анализа регуляторного воздействия регуляторных инструментов и (или) требований: утв. 30 ноября 2015 г., № 748.
16. Turgel I., Panzabekova A., Satpayeva Z. T. Comparative analysis of approaches to designing of regulatory impact assessment institute in Russia, Kazakhstan, and Kyrgyzstan // Bulletin of National Academy of Sciences of the Republic of Kazakhstan. – 2018. – № 4. – P. 153–160.
17. Дорожная карта Казахстана по мониторингу достижения Целей устойчивого развития на 2020–2022 годы. – URL : <https://stat.gov.kz/upload/medialibrary/956/txfu7raxtxo5fla40zud413a09t2x94b/Medium-term%20Roadmap%20for%20SDG%20monitoring%20in%20Kazakhstan-rus.docx> (дата обращения: 05.11.2023).

ОСОБЕННОСТИ УСЛОВИЙ РАБОТЫ И ПИТАНИЯ РЫБАКОВ КАМЧАТКИ В ПЕРИОД ПУТИНЫ

*М. А. Степчук, канд. мед. наук
г. Белгород*

Введение

Промышленное освоение природных ресурсов Европейского Севера России и Дальнего Востока требует дальнейшего развития рыбопромыслового флота и создания на судах комфортных условий для работы и питания моряков с целью снижения воздействия экстремальных климатогеографических и производственных условий Крайнего Севера и приполярья, сохранения профессионального долголетия, работоспособности моряков в плавании. Всемирная организация здравоохранения (ВОЗ), определив перечень описываемых вредных для здоровья профессий, на первое место поставила моряков.

Демографическая ситуация в северных регионах России остается неблагоприятной [1, 2]. Ряд авторов отмечают, что среди всех медицинских и социальных показателей уровень смертности мужчин в трудоспособном возрасте является наиболее тревожным. Особо это отмечено среди рыбаков в Европейской части Севера, на Дальнем Востоке, в Архангельской области: высокая заболеваемость плавсостава (в 1,7 раза превышает заболеваемость береговых работников), большой процент хронических заболеваний (24,3 %), смещение «возрастной» патологии у моряков

в среднем на 5 лет в сторону омоложения, сокращение продолжительности жизни – все эти прогрессивные тенденции ведут к снижению профессионального долголетия моряков [3–5].

Автор, проанализировав доступные источники, установил, что на жизнедеятельность моряков влияли две основные группы факторов судовой среды – внешние и внутренние. К внешним относятся воздействия климатических факторов, пищи, воды, воздуха, штормы, тайфуны, смена временных поясов и ряд др. Питание является одним из важнейших факторов, определяющих здоровье моряков в условиях длительных рейсов. От адекватного поступления с пищей незаменимых питательных веществ (белков, витаминов, макро- и микроэлементов), участвующих в синтезе и активации ферментов, зависит формирование процессов приспособления организма моряков к изменяющимся условиям плавания. В связи с низкой двигательной активностью у моряков снижаются секреторная и двигательная функции желудка и кишечника. Вследствие этого развивается хроническая эндогенная интоксикация, снижаются пищеварительная, детоксикационная и синтетическая функции печени, страдает общее состояние организма. Многие заболевания связаны также с плохим качеством воды, воздуха, шумовым загрязнением, вибрацией, воздействием электромагнитного излучения от работающих силовых установок и другими факторами, которые длительно и комплексно воздействуют на организм моряков, вызывая в нем значительные изменения, и служат причиной для развития многих заболеваний [4, 6–8]. Частые изменения рабочего графика на время швартовых операций, выгрузки рыбной продукции, при переходах из одной зоны в другую не обходятся без сдвигов в режиме сна, что также влияет на состояние организма моряка и его работоспособность [9].

Внутренние факторы судовой среды включают в себя личностные особенности, способность к общению и взаимодействию. Они определяют психологический климат внутри экипажа, который ухудшается прямо пропорционально продолжительности рейса [8, 10], количество конфликтных ситуаций возрастает [11].

В итоге на плавсостав воздействует целый комплекс негативных факторов, которые меняются в зависимости от профессии, типа судна, изменяющихся условий плавания и резких смен зон плавания, а с увеличением продолжительности рейса – и адаптивной реакции моряков [9, 12, 13].

Таким образом, экстремальность факторов морского труда, их сочетание, непрерывное, длительное и одномоментное воздействие в целом усиливает общебиологический эффект влияния на организм, снижая уровень функциональных резервов и адаптационных возможностей моряка в длительных рейсах, ведет к развитию ряда заболеваний, особенно в северных широтах и при резкой смене климатических зон плавания.

Методология и методы исследования

В данном исследовании изучена совокупность отрицательных факторов, влияющих на состояние здоровья моряков тралового флота Камчатки, с увеличением длительности работы в море возрастает отрицательный эффект их воздействия. Это требует проведения организационных, медико-санитарных мероприятий по их нивелированию, а в межрейсовый период – профилактических и реабилитационных мероприятий.

Автором использован комплекс методов: статистический, сравнительный, количественного и качественного анализа и др. С их помощью обработаны и проанализированы данные фактического питания моряков судна на протяжении 4-месячного рейса (февраль–май) в период путины, рассчитаны химический состав и пищевая ценность рациона питания моряков, проведен сравнительный анализ с рекомендованными нормативами, разработаны предложения по оптимизации характера питания. Изучены показатели состояния здоровья моряков по данным обращаемости к судовому врачу, проанализирована информация, представленная в других исследованиях.

На современном этапе развития рыболовного флота особую актуальность приобретают изменение вектора направленности на использование современных судов с оптимальными условиями для работы плавсостава и оптимизация рациона его питания с целью повышения трудоспособности и сохранения здоровья.

Результаты и их обсуждение

Дефицит рабочей силы в краях с тяжелыми климатическими условиями общеизвестен. В Сахалинской области и Камчатском крае без временных рабочих рук добыча красной рыбы не обходится. На Сахалине и Курилах обычно принимают на путину около 2 тыс. чел. из других регионов, на Камчатке – 12–14 тыс. Работа на рыболовных судах в штормовом море тяжелая и отупляющая однообразием, в течение нескольких месяцев она приводит к нарастанию физической и психологической усталости. К тому же условия на судах далеко не комфортные: постоянная качка, вибрация судна, низкое качество пищи, воды и воздуха, штормы, тайфуны, смена временных поясов, нарушения сна и ряд др. В совокупности это требует физических сил, здоровья и мобилизации духа [14].

Ведущим рыбопромышленным предприятием на Камчатке является фирма «Океанрыбфлот». Все 13 больших морозильных рыболовных траулера (БМРТ) после короткой передышки у причала вновь возвращаются в ореол рыбной путины Берингова и Охотского морей. Меняя дислокацию в течение года, рыбаки круглые сутки заняты поиском, тралением и переработкой прямо на борту десятков тысяч тонн минтая, сельди, кальмара, трески, а с 2020 г. и скумбрии. В горячий для Камчатки сезон «красной» путины этот список пополняет лосось. Траулеры компании производят

в сутки до 200 т филе минтая, 250 т филе сельди, 50 т очищенного кальмара. Регулярной доставкой рыбопродукции из районов промысла на берег, а также снабжением экспедиции и перевозкой всевозможных генеральных грузов между портами заняты еще пять транспортных судов. Вместе с рыбаками заступают экипажи и транспортных рефрижераторов, которые с началом путины и до ее завершения без перерыва курсируют в дальневосточные порты России, а также Южной Кореи, Китая, Японии. Недавно компания завершила масштабную модернизацию своих судов, вложив в эту программу миллиарды рублей. В том числе были установлены на судах современные заводы по производству продукции глубокой переработки – филе. Сегодня штат компании насчитывает 3 тыс. чел. Единновременно в море во время путины в составе экипажей промысловых и транспортных судов находится около 1500 работников [14].

На одном из транспортных рефрижераторов вышел на путину судовым врачом автор. Исследование он проводил в особо трудный зимне-весенний период (февраль–май), когда преобладали частые шторма, сильные ветры и низкие температуры. Рыбную продукцию забирали из ореола путины Камчатки и доставляли в Японию, с предварительной разморозкой в Южной Корее, где пополняли трюмы один раз в три-четыре недели пресной водой (использовали только для приготовления пищи) и соляной, которыми потом делились с БМРТ. Там же пополняли запасы продуктов для своего экипажа. Экипаж состоял из 22 чел., средний возраст членов экипажа – 34 года. Судно было старой постройки, нуждалось в капитальном ремонте и модернизации (или подлежало списанию). Весь вышеперечисленный комплекс отрицательных производственных факторов имел место быть и на этом судне: вибрация, постоянный шум дизельных моторов, воздействие радио и навигационных приборов, периодические выбросы паров аммиака и выхлопных газов, неудовлетворительный микроклимат в каютах, монотонность пейзажа, низкие температуры и высокая влажность. Прimitивные бытовые и санитарные условия: ручная стирка белья в общем душе забортной водой, нагретой при охлаждении моторов, которую также использовали для отопления кают, ей же мылись в душе и пользовались в общем туалете.

В маленьких каютах размещалось по три-четыре моряка, отдельные каюты были у капитана, его помощников, боцмана и доктора. В каюте доктора стояла двухъярусная металлическая кровать и маленький столик. На верхнем ярусе автор разложил лекарства. Воздух в каюте был «тяжелый»: то ветер загонит дым из трубы, то просочится аммиак из холодильных камер, постоянный запах лекарств...

С удлинением времени рейса накапливались внутренние факторы: психоэмоциональная несовместимость некоторых членов экипажа, приводящая к конфликтам, нарушение часового биоритма, резкая смена зон

плавания. Механики (дизелисты и рефрижераторщики), рулевые, помощники капитана несли вахту посменно, затем отсыпались. Во время прибытия в район путины, подойдя к очередной плавбазе, экипаж пополнял ее пресной водой, соляжкой и забирал ящики с икрой минтая, по 17 кг каждый. Ящики спускали с плавбазы краном, в поддонах, прямо в морозильную камеру, где при температуре $-18...20^{\circ}\text{C}$ члены экипажа вручную их разгружали и складировали. Затем шли к следующей плавбазе и т. д. В Японии в обратном порядке вручную загружали ящики в морозильной камере на поддоны. Бывали суточные авралы в помощь экипажу сухогруза при переброске мешков с туком (рыбной мукой) с плавбазы через наше судно на сухогруз (напрямую не позволяла длина стрел кранов). Работали все члены экипажа, включая доктора, вручную со склада плавбазы грузили мешки на поддоны и т.д. Часто во время переходов устраивались авралы по спасению плавучести судна от обледенения (шторм, сильный ветер, дождь со снегом и обледенение борта с подветренной стороны). Не обходилось и без аварий. Однажды в Японском море ночью в рефрижераторной «лопнула труба», экипаж спал, коридоры и каюты заполнили пары фреона, которые затем поднялись и на второй этаж, в рубку. Дежурный рулевой и помощник капитана подняли тревогу, экипаж разбудили, и боцман раздал всем противогазы. За пару часов авария была ликвидирована. Головная боль и тошнота держались долго. И это не единичный случай выхода из строя старого оборудования или травм.

При посещении плавбазы (был случай тяжелой травмы у рыбообработчика, а автор по специальности – хирург) представилась возможность познакомиться с условиями жизни и работы рыбообработчиков. В цехах рыбообработчики работают круглые сутки посменно, при низкой температуре и с холодной водой. Работа монотонная и интенсивная, с большой долей ручного труда. Работают они на плавбазе по шесть месяцев, по словам главврача, часто болеют. Внешние факторы здесь те же. Хотя бытовые условия на базе лучше. Судно почти новое, полы были с подогревом, кругом тепло и уютно, на кухне три повара, разнообразие блюд и вкусная выпечка. Кроме главврача на плавбазе работают хирург, анестезиолог, гинеколог, терапевт. Хорошо оборудована операционная. Возможности оказать квалифицированную помощь имеется. Больному с открытым оскольчатый переломом бедра оказана квалифицированная помощь, наложены отсроченные швы и скелетное вытяжение. Врачи во вторую смену подрабатывают на обработке рыбы.

Учитывая, что питание является одним из важнейших факторов, определяющих здоровье моряков, особенно в условиях длительных рейсов, автор решил изучить его на примере своего экипажа. На судне повар (кок) готовил простые первые и вторые блюда, чай. В столовой (кают-ком-

паний) кушали все вместе, одно и то же, включая капитана. Тарелки и ложки были алюминиевые.

В результате исследования установлено, что основными критериями у старшего помощника капитана и кока при закупке продуктов питания были уложиться в выделенную сумму, а также длительное хранение купленной провизии. В этой связи молоко, колбасные изделия, свежие фрукты и большинство свежих овощей не закупались. Данные фактического потребления членами экипажа продуктов питания, их химический состав и энергетическая ценность рациона изучены автором с использованием анализа накладных поставленных продуктов опросно-весовым методом и расчетным путем с использованием справочника химического состава пищевых продуктов [15].

Анализ данных показал, что в рационе имел место дефицит потребления пищевых волокон и большинства минеральных веществ, в том числе (здесь и далее в %): пищевых волокон – на 64,5; натрия – 55,5; кальция – 50,0; магния – 7,3. На этом фоне отмечено избыточное потребление: железа – на 86,4; фосфора – 72,4; калия – 13,5. Установлен дефицит практически всех основных витаминов: А – на 78,6; бета-каротина – 50,8; С – 45,7; НЭ – 42,5; В₂ – 36,6; В₁ – 28,0, что подтверждает отсутствие в продуктовом наборе свежих фруктов, большинства свежих овощей, молока и ценных сортов мяса. Кроме того, содержание витаминов в продуктах за зимний период хранения значительно снизилось и еще больше уменьшилось при термической обработке. Результаты показали, что в рационе питания преобладали углеводы, что коррелируется с выводами исследователей региона Крайнего Севера РФ. Кроме дисбаланса микроэлементов в рационе и выраженного дефицита витаминов, установлен дефицит основных ингредиентов: белков – на 3,2 %; жиров – 5,2 %; углеводов – 25,1 %. Сравнительные данные состава и пищевой ценности рациона питания с рекомендуемыми нормативами показаны в таблице.

Сравнительные данные химического состава и пищевой ценности рациона питания моряков Камчатки с рекомендуемыми нормативами

Пищевые вещества	Рекомендуемые нормы (III гр. по тяжести труда и среднем возрасте 34 года)	Всего с учетом (+15 %) в условиях Крайнего Севера	Фактическое (расчетное) потребление	Отклонения от рекомендуемых норм, в абс. числах и %
1	2	3	4	5
Белки, г	89,0	102,35	99,1	-3,25 (3,2 %)
Жиры, г	105,0	120,75	114,5	-6,25 (5,2)
Усвояемые углеводы, г	462,0	531,3	397,85	-133,45 (25,1)
Энергетическая ценность, ккал	3150	3 471	3018,3	-452,7 (13)
Пищевые волокна, г	20,0	20,0	7,1	-12,9 (64,5)

Окончание табл.

1	2	3	4	5
Минеральные вещества, мг:				
Натрий	2400*	2400	1188	-1212 (50,5)
Калий	3 500	3 500	3 974	474 (13,5)
Кальций	1000	1000	470	-530 (53)
Фосфор	800	800	1379	579 (72,4)
Магний	400	400	370,9	-29,1 (7,3)
Железо	14	14	26,1	12,1 (86,4)
Витамины:				
А, мкг	1000	1000	357 / 214	-786 (78,6)
Бета-каротин, мг	5	5	4,1 / 2,46	-2,54 (50,8)
В ₁ (тиамин), мг	1,5	1,5	1,489 / 1,08	-0,42 (28)
В ₂ (рибофлавин), мг	1,8	1,8	1,424 / 1,139	-0,66 (36,6)
НЭ (неоценовый эквивалент), мг	20	20	35,67**/ 28,5	8,5 (42,5)
С, мг	70–90	70–90	108,5 / 43,4	-36,6 (45,7)

Примечания: * – допустимое потребление натрия по рекомендации ВОЗ;

** – $35,67 = 19,22$ ниацина в продуктах + $16,45$ – образуется в организме.

Витамины даны через дробь (/) с учетом потерь при тепловой обработке.

Как видим из данных таблицы, энергетическая ценность рациона снижена на 13,0 %, что не способствовало восполнению энергозатрат и сохранению нормальной трудоспособности, тем более экипаж неоднократно привлекался к тяжелым погрузо-разгрузочным работам, без изменения суточного рациона питания. Все это отрицательно сказывалось на состоянии здоровья, протекании обменных процессов, уровне заболеваемости и трудоспособности членов экипажа.

Так, по данным обращаемости к судовому врачу, 96 % членов экипажа отмечали быструю утомляемость, слабость, недомогание, сонливость, раздражительность, бледность и периодическую кровоточивость десен. Эти симптомы нарастали по мере увеличения длительности рейса. Анализ записей в журнале обращений к врачу за время рейса показал, что большинство обращений были по поводу ОРВИ и острых простудных заболеваний верхних дыхательных путей. Кроме того, обращались и получали лечение у врача в случаях заболевания органов пищеварения – 48 % членов экипажа; сердечно-сосудистой системы – 36 %; периферической нервной системы и ганглиев – 32 %; патологии зубов и десен – около 70 %; неспецифических заболеваний мочеполовой системы – 26 %. Из анамнеза установлено, что 30 % моряков злоупотребляли алкогольными напитками.

Таким образом, в результате исследования установлено, что, несмотря на дефицит квалифицированных специалистов, на рыбопромысловых судах в районах Крайнего Севера не созданы условия для ниве-

лирования комплекса внешних и внутренних отрицательных факторов, влияющих на здоровье моряков и рыбообработчиков, что снижает их трудоспособность и адаптацию.

Литература

1. Демографические и миграционные процессы на Российском Севере: 1980–2000 гг. / В. В. Фаузер, Т. С. Лыткина, Г. Н. Фаузер; отв. ред. д-р экон. наук, профессор В. В. Фаузер. – Сыктывкар: Изд-во СГУ им. Питирима Сорокина, 2016. – 168 с.
2. Фаузер, В. В. Демографическое измерение социально-экономических процессов / отв. ред. д.э.н., профессор Л. Л. Рыбаковский. – Москва : Экон-информ, 2012. – 179 с. (Б-ка демографа; вып. 16)
3. Шельгин, К. В. Демографические процессы на Европейском Севере России на рубеже XX–XXI веков / К. В. Шельгин. – Северный государственный медицинский университет, г. Архангельск. Социальная экология. Экология человека. – 2010. – № 2. – С. 54–61.
4. Бородулина, Е. В. Сравнительный анализ частоты и распространенности заболеваний пищеварительной системы у корабельные специалистов и моряков берегового состава / Е. В. Бородулина, Л. Н. Елисеева // Современные проблемы науки и образования. – 2012. – № 3. – URL : <https://science-education.ru/ru/article/view?id=6244> (дата обращения: 17.12.2023).
5. Лупачев, В. В. Структура заболеваемости рыбаков при работе в различных географических регионах / В. В. Лупачев, Р. В. Кубасов, В. В. Попов, Д. Б. Демин, Е. Д. Кубасова // Морская медицина. – 2022. – Т. 8, № 4. – С. 44–51. – DOI: 10.22328/2413-5747-2022-8-4-44-51.
6. Измеров, Н. Ф. Физические факторы производственной и природной среды: гигиеническая оценка и контроль / Н. Ф. Измеров, Г. А. Суворов // Электронная библиотека. – 2003. – 560 с. – URL : <https://dracobook.xyz/books/fizicheskie-factoryi-proizvods> (дата обращения: 16.12.2023).
7. Ломов, О. П. Физические факторы обитаемости кораблей и судов: монография / О. П. Ломов, И. М. Ахметзянов, М. О. Соколов; под общ. ред. О. П. Ломова // Санкт-Петербург : Судостроение, 2014. – 558 с.
8. Сапов, И. А. Состояние функций организма и работоспособность моряков / И. А. Сапов, А. С. Солодков. – Ленинград : Медицина. Ленингр. Отд-ние, 1980. – 192 с.
9. Щербина, Ю. Ф. Адаптивные реакции организма моряков рыбопромыслового флота в динамике 75-суточного рейса / Ю. Ф. Щербина // Вестн. Сев. (Арктич.) федер. ун-та. Сер.: Мед.-биол. науки, 2014. – № 3. – С. 91–99.

10. Мосягин, И. Г. Психофизиологические стратегии адаптивного профессиогенеза моряков тралового флота в условиях Арктического Севера: монография / И. Г. Мосягин, С. Г. Хугаева, И. М. Бойко. – Архангельск, 2013. – 196 с.
11. Марцевич, Л. М. Гигиенические и психофизиологические аспекты стрессовых ситуаций на морском флоте /Л. М. Марцевич // Морская медицина. – 2016. – Т. 2, № 1. – С. 64–74.
12. Гудков, А. Б. Адаптивные реакции организма моряков рыболовского флота: монография / А. Б. Гудков, Ф. А. Щербина, И. Л. Мызников // Архангельск : Северный гос. мед. ун-т, 2011. – 239.
13. Адаптация человека в различных климато-географических и производственных условиях: Тез. докл. III всесоюз. конф., г. Ашхабад, 8–10 дек. 1981 г. / [редкол.: В. П. Казначеев (отв. ред.) и др.]. Т. 2. – Новосибирск : СО АМН СССР, 1981. – 179 с. – С. 92–93.
14. Сычёва, Н. «Океанрыбфлот»: Покорители океана под звездой рыбака // Рыбные новости – новости рыбной индустрии на Fish25.Ru, 06 августа 2019 г. <https://fb.ru/article/295006/rabota-v-more-na-ryibopromyislovyih-sudah-kak-stat-moryakom-trudoustroystvo-usloviya-raboty> (дата обращения: 16.12.2023).
15. Химический состав пищевых продуктов: Книга 1: Справочные таблицы содержания основных пищевых веществ и энергетической ценности пищевых продуктов / под ред. проф., д-ра техн. наук И. М. Скурихина, проф., д-ра мед. наук М. Н. Волгарева; 2-е изд., перераб. и доп. – Москва : ВО «Агропромиздат», 1987. – 224 с.

СОЦИОГУМАНИТАРНОЕ РАЗВИТИЕ РЕСПУБЛИКИ КОМИ В ПЕРИОД РОССИЙСКОЙ СОЦИЕТАЛЬНОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ 1991–1995 ГОДОВ

*В. М. Терехин, канд. филос. наук
Центр «Наследие» имени П. Сорокина, г. Сыктывкар*

Системный анализ процессов социогуманитарного развития региона за последнее 100-летие позволяет сделать вывод, что в период спонтанной реформы, «социотрясения» (Б. Грушин) 1991–1995 гг. в республике, как и в России в целом, сформировался антропологический (социогуманитарный) кризис.

Антропологический (социогуманитарный) кризис, как антропосоциетальный процесс, многоаспектный, поликомпонентный, интегральный антропофеномен, антропогенная реальность, форма отражения антропоситуации, интегративная оценка состояния региона и характеристика кризиса

человеческого развития, концептуализируется автором как «систекоменкомплекс» деструктивных, синхронизированных по времени возникновения и протекания, относительно самостоятельных, но при этом когерентных, всесторонне взаимозависимых флуктуаций, функционирующих в регионе антропокризисов: «демографического кризиса» (кризиса воспроизводства населения, «популяционной катастрофы» (Л. А. Попова)), кризиса смертности, кризиса популяционного здоровья, духовно-нравственного кризиса, социопсихологического кризиса, комплекса кризисов идентичности, телеологического кризиса (кризиса цели), аксиологического, «экзистенциального кризиса» (В. В. Пастухов), «нравственной и интеллектуальной деградации общества» (В. Е. Лепский), кризиса межпоколенческой солидарности, кризиса семейных отношений, системы воспитания граждан, морального контроля, снижения «качества качеств» населения, доминирования негативных антропотенденций над позитивными.

Антропокризис – это своеобразный «разрыв постепенности», относительной устойчивости демосоциального развития, стабильного состояния демосоциальной сферы, резкое кризисное изменение жизнестратегий большинства населения, изменение процесса эволюционного, относительно стабильного человеческого развития в регионе в 1960–1980-х гг.

Одним из значимых антропокризисов в системе антропологического кризиса являлся так называемый «демографический кризис» – кризис воспроизводства населения, депопуляция, которая измеряется посредством соотношения общих коэффициентов рождаемости и смертности и выражается величиной естественного отрицательного прироста.

Депопуляция 1991–1995 гг. рассматривается в качестве формы проявления резко нисходящей демографической динамики, снижение демографического потенциала. Это был более глубокий, многофакторный антропопроцесс, характеризующийся кризисными антропопроявлениями, которые по скорости и негативным масштабам можно номинировать как эпидемию.

В 1992 г. депопуляция отмечалась в четырех районах республики. С 1993 г. на смену естественного прироста населения впервые с 1960–1980-х гг. пришла естественная убыль, начался депопуляционный режим воспроизводства населения. «Демографический слом» – депопуляционный режим воспроизводства населения, наступивший в 1993 г. (по Российской Федерации в целом – в 1992 г.) был характерен для всех городов и районов кроме Воркуты и Вуктыла. С 1994 г. «депопуляционная зона» расширилась и охватила все муниципальные образования.

Важнейшими специфическими особенностями депопуляции 1990-х гг., по сравнению с другими периодами, в республике, как и в целом в России, явились:

- высокая скорость и синхронность распространения демокризиса по обширной территории региона (от южных до арктических районов);
- синхронизация процессов снижения рождаемости и увеличения смертности, «сверхсмертности», населения (в отличие от многих стран, где отрицательная естественная убыль связана исключительно с низкой рождаемостью);
- качественная деформация структуры населения;
- нарушение всех пороговых, предельно-критических индикаторов демосоциальной безопасности.

Автор в полной мере согласен с оценками основных тенденций демосоциального развития региона в рассматриваемый период, изложенными в основательном монографическом исследовании известного российского демографа Л. А. Поповой, и прежде всего в том, что «демографический кризис проявился в Республике Коми острее и глубже, чем в целом по стране. За первые же годы кризиса практически сошли на нет существовавшие ранее позитивные особенности демографического развития республики, обусловленные относительно более молодой возрастной структурой населения, негативные же особенности – еще сильнее углубились» [1, с. 4, 5].

За 1991–1995 гг. в Республике Коми родилось 64 567 чел., при коэффициенте рождаемости за 1990 г. (13,6 ‰) число родившихся составило бы 81 101 чел., т. е. республика недосчиталась 16 534 чел.

Уровень рождаемости в середине 1990-х гг. (как и в настоящее время) не соответствовал величине, необходимой для простого замещения поколений родителей их детьми. Низкая рождаемость является фактором, нарушающим стабильность воспроизводственных процессов в регионе [2].

Вторым, когерентным с кризисом воспроизводства населения, был кризис популяционного здоровья, «кризис смертности». Одной из основных его тенденций и форм проявления являлся антропопроцесс опережения темпов роста смертности над темпами роста заболеваемости, рождаемости и существенного снижения ожидаемой продолжительности жизни населения.

С 1991 по 1995 г. смертность населения возросла на 55,7 %, заболеваемость – на 25 %. При этом среднегодовой темп прироста смертности составил 9,2 % (за 1981–1985 гг. – 0,5 %, 1986–1990 гг. – 2 %), а заболеваемости – 4,6 %.

В демографии пороговым индикатором «кризиса смертности» служит рост коэффициента смертности на 10 % в год, по сравнению с этим показателем в любом из 25 предшествующих лет. В республике данный показатель увеличился с 1991 по 1992 г. на 15 %, с 1992 по 1993 г. – на 30 %, с 1993 по 1994 г. – на 12 %. Коэффициент смертности 1995 г. соответствовал такому же показателю 1954 г. Драйвером смертности явилась эпидемия

психических заболеваний и расстройств поведения трудоспособной части населения (в основном мужчин), пик которой пришелся на 1994–1995 гг.

Наиболее значительный разрыв в темпах прироста смертности и заболеваемости наблюдался по таким классам причин смерти и заболеваемости, как несчастные случаи, травмы и отравления, инфекционные и паразитарные заболевания. В 1990-е гг. смертность увеличилась преимущественно за счет экзогенных, так называемых «внешних, неестественных причин смерти» (травм, отравлений, убийств, самоубийств, ДТП). Если в целом за 1991–1995 гг. общий коэффициент смертности от всех классов причин возрос на 58 % (по России в целом с 1991 по 1994 г. – на 37,6 %), то по «внешним» причинам, связанным с образом жизни – в два раза. В структуре данных причин смерти число умерших от убийств возросло с 261 случая в 1991 г. до 528 в 1995 г. (в два раза), от самоубийств – соответственно с 451 до 660 (в 1,5 раза), от случайных отравлений алкоголем – со 145 до 882 (в шесть раз).

Уровень смертности по данному классу причин смерти превышал соответствующий показатель по России в 1994 г. на 35 % и был самым высоким среди северных регионов и финно-угорских республик страны и финно-угорских стран. По сравнению с западноевропейскими странами смертность от убийств в республике была больше у мужчин в 20 раз, а у женщин – в 13 раз. По уровню смертности от болезней, связанных с образом жизни, республика занимала седьмое место в Российской Федерации. Индикаторы смертности от неестественных и насильственных классов причин смерти превысили пороговые, предельно-критические значения.

В пространственном аспекте значимой тенденцией смертности был (и остается на рубеже 1920-х гг.) более высоким уровень смертности по всем основным классам причин сельского населения, по сравнению с городским. В 1995 г. этот разрыв составил 21 % (по России – 17 %).

Динамика и тенденции смертности свидетельствовали о значительном ухудшении здоровья населения. В республике с 1991 по 1995 г. общая первичная зарегистрированная заболеваемость населения увеличилась на 25 %, в том числе взрослого населения – на 29,5 %, подростков – на 66 %, детей – на 17 %. При этом уровень заболеваемости возрос на 31 %.

В регионе произошла «беспрецедентная реставрация традиционной патологии заболеваемости и смертности». Угрожающей медико-социальной проблемой в республике был рост с 1991 по 1995 г. социально обусловленных заболеваний сифилиса (в 23 раза), чесотки (в 7,2 раза), впервые выявленного туберкулеза (в 1,8 раза), в том числе детей до 14 лет (в 3,2 раза). В республику возвратилось такое особо опасное инфекционное заболевание, как дифтерия. Заболеваемость дифтерией в 1990-е гг. возросла в 64 раза (с 16 до 1026 случаев).

За 1990–1995 гг. уровень смертности от алкогольных отравлений возрос более чем в 6 раз. Особенно значительно в период 1991–1995 гг. возросла заболеваемость алкогольными психозами, являющимися наиболее тяжелым проявлением алкоголизма. С 1991 по 1995 г. число больных алкогольными психозами, взятых под диспансерное наблюдение с впервые установленным диагнозом, увеличилось в три раза, а число больных, состоящих под наблюдением с данным диагнозом, в 4,2 раза. По численности больных алкоголизмом и алкогольными психозами с впервые установленным диагнозом республика в 1994 г. занимала в рейтинге российских регионов девятое место. Смерть 30 % мужчин и 15 % женщин была прямо или косвенно связана со злоупотреблением алкоголем.

Состояние здоровья и уровень смертности населения адекватно проявляются в показателе ожидаемой продолжительности жизни. Этот интегральный индикатор уровня и качества жизни населения сократился с 1990 по 1994 г. на семь лет и составил у мужчин – 55,2, женщин – 68,4 года.

За эти годы увеличился разрыв в ожидаемой продолжительности жизни мужчин и женщин. Если в 1990 г. этот разрыв составлял у городского населения 10 лет, то в 1994 г. – 13 лет, у сельского населения соответственно – 11 и 14 лет. Подобной дифференциации в продолжительности жизни «сильной» и «слабой» половины не отмечается в странах Западной и Восточной Европы.

Тревожной тенденцией является значительное снижение (на восемь лет) ожидаемой продолжительности жизни мужского сельского населения. Продолжительность жизни среднего сельского мужчины составляла в 1994 г. 54 года. По этому обобщающему интегральному показателю уровня и качества жизни, «качества качеств» населения республика в 1994 г. занимала 79 место и находилась в числе 10 регионов России с наиболее низкой продолжительностью жизни. Одной из форм антропологического кризиса периода 1990-х гг. был духовно-нравственный кризис.

Анализ статистических индикаторов девиантного поведения, представленных в статистическом сборнике «Республика Коми в человеческом измерении» [3], позволяет сделать вывод, что основной статистически измеряемой тенденцией, характеризующей процессы духовного неблагополучия, «духовной аномалии» был интенсивный, превышающий предельно-критические параметры духовной безопасности рост абсолютных и относительных показателей девиантного поведения населения, социальных аномалий: превышение темпов роста числа лиц, совершивших преступления, над темпами роста численности населения; усиление криминализации регионального социума, повышение уровня и темпов роста преступности, особенно насильственной; резкое повышение суицидальной активности населения и целый ряд других негативных антропофеноменов.

Как известно, важным индикатором, характеризующим духовно-нравственное состояние общества, является уровень преступности. В 1990-е гг. произошло значительное усиление криминальной активности населения. Так, с 1990 по 1995 г. коэффициент криминализации повысился на 58,5 %, при снижении численности населения республики на 6,3 %. С 1990 по 1995 г. число лиц, нарушивших уголовный кодекс, возросло в 1,5 раза. Преступления совершили более 57 тыс. чел. (свыше 90 % из них – жители республики). Среди возрастных групп наивысшая криминальная активность зафиксирована у подростков в возрасте 16–17 лет (коэффициент – 3,1) и молодежи в возрасте 18–24 лет (коэффициент – 2,1). О повышенной криминальной агрессивной активности подростков и молодежи свидетельствует и тот факт, что их доля в составе лиц, преступивших закон, соответственно в 2–2,5 раза превышает удельный вес этих категорий в структуре народонаселения. Это позволяет сделать вывод о чрезвычайно опасной тенденции омоложения криминального сообщества, что потенциально способствует расширенному воспроизводству преступности.

Среди социальных групп населения самые высокие показатели криминальной девиации были зарегистрированы у таких маргинальных групп, как безработные, у лиц, не имеющих постоянного источника дохода и места жительства. Данные категории населения составляли 76 % членов преступного сообщества, совершивших тяжкие преступления (хотя удельный вес этого контингента в составе преступников составлял 46 %). Тревожной тенденцией исследуемого периода в сфере криминализации являлось увеличение числа женщин, совершивших преступления, и повышение их удельного веса в составе лиц, преступивших закон, с 9 % в 1992 г. до 12 % в 1995 г.

Одной из самых опасных тенденций в криминальном поведении населения 1990-х гг. являлось повышение уровня и увеличение числа насильственных преступлений, что свидетельствовало об усилении жестокости и агрессивности в обществе. Коэффициент убийств (число убийств на 100 тыс. населения), являющийся, по мнению криминологов, наименее латентным, а потому и наиболее объективным индикатором криминогенной ситуации и криминогенных процессов, превышал аналогичные показатели Российской Федерации в 1,5 раза; США – в 3,3 раза, Финляндии – в 10 раз, Швеции – в 22 раза, Норвегии – в 33 раза. По сравнению с западноевропейскими странами смертность от убийств в России была выше у мужчин в 20 раз, а у женщин – в 13 раз.

Показателем духовного и душевного неблагополучия служит уровень самоубийств, являющийся высокочувствительным и точным индикатором социопсихологической дезадаптации населения, сложнейшим,

многофакторным антропосоциопсихоэкзистенциальным явлением, «неизъяснимым феноменом в нравственном мире» (Н. Карамзин), «великой печалью русской жизни» (И. Павлов).

Основной социодинамической характеристикой самоубийств в республике (как и в целом в России) в исследуемый период являлось значительное увеличение темпов их прироста, количества и повышение уровня. С 1990 по 1995 г. коэффициент самоубийств (число умерших от самоубийств на 100 тыс. населения) возрос с 30,8 до 55,8 (в 1,8 раза). За этот период «добровольно ушли от действительности» 3380 чел. (целый населенный пункт). В 1995 г. от суицидов погибло в семь раз больше, чем умерло от болезней эндокринной системы, нарушения обмена веществ, в три раза больше, чем от хронического алкоголизма, на 4,3 раза больше, чем от психических расстройств, и 1,5 раза больше, чем от инфарктов.

О повышении уровня суицидальности населения, усилении депрессивных настроений свидетельствовала тенденция превышения темпов роста самоубийств по сравнению с темпами прироста населения. С 1990 по 1995 г. число самоубийств возросло на 71 %, а среднегодовая численность населения сократилась на 5,6 %. Анализ самоубийств по месту жительства суицидентов выявил характерную как для Республики Коми, так и для России в целом, тенденцию более высокого уровня суицидов сельского населения по сравнению с городским. Разрыв в уровнях самоубийств горожан и «селян» увеличился с 37 % в 1990 г. до 64 % в 1995 г., что свидетельствовало о нарастании депрессивных настроений сельского населения, повышении уровня социопсихологической дезадаптации жителей сельских районов.

Распределение городов и районов по уровню самоубийств показывает, что в 1995 г. наиболее высокий коэффициент суицидальной активности среди городского населения отмечался в Ухте, Сосногорске, Усинске, среди районов – в Ижемском, Сысольском и Прилузском.

Самое высокое значение индекса суицидальной активности населения в 1990-е гг. (и в настоящее время) отмечалось в Ижемском районе. Уровень самоубийств в этом муниципальном образовании в 2–2,5 раза выше среднереспубликанских показателей. Эта же суицидальная ситуация сохраняется и по данным за 2019 г. Причинный комплекс высокого уровня суицидов в этом районе (как и в республике в целом) требует специального системного суицидологического исследования с участием суицидологов, психологов, социологов, демографов, этнографов, физиологов и других экспертов.

Устойчивой общемировой тенденцией суицидального поведения населения является более высокий уровень самоубийств мужчин по сравнению с женщинами. В 1995 г. это превышение составило 5,4 раза

(в 1990 г. – 3,9). В республике (как и в России) этот разрыв в 2–2,5 раза выше, чем во многих западных странах. «Сверхсуицидальность мужчин» объясняется в суицидологии природным, более низким, по сравнению с женщинами, порогом биосоциальной адаптации и более высоким уровнем алкоголизации «сильной половины». Наиболее суицидоопасный возраст мужчин отмечается в возрастной когорте от 35 до 49 лет, в сельской местности – от 25 до 39 лет, у женщин – от 70 лет и старше.

Несмотря на некоторое снижение суицидальной активности населения в 1995 г., ее уровень оставался высоким – в 2–2,5 раза превышающим пороговое значение, определенное Всемирной организацией здравоохранения. Более подробно проблемы и флуктуации суицидального поведения населения республики рассмотрены в ряде наших публикаций [4, 5].

Причинный комплекс антропологического кризиса начального периода социетальной трансформации имеет многофакторные основания (от общефедеральных до специфически региональных, от социоэкономических до духовно-экзистенциальных, социопсихологических). Учитывая формат статьи, отметим некоторые из них.

Безусловно, общей сущностной причиной общефедерального уровня является радикальная, ревореформенная, «социетальная трансформация» (Т. И. Заславская), крупномасштабный трансформационный исторический процесс, захвативший основы бытия человека и всего общества, затронувший все сферы жизнедеятельности российского социума – социальную, экономическую, политическую, социокультурную, духовную, и все уровни общественной вертикали – общенациональный, региональный, локальный, групповой и индивидуальный, все базовые общественные институты.

Каузальные основания флуктуации резкого негативного изменения антропотенденции с относительно стабильных после 1992 г. могут быть объяснены концепцией Дюркгейма – Сорокина, согласно которой во время экономических кризисов, бедствий, психологического «голода» происходят разрывы социальных связей, что стимулирует ментальную дезинтеграцию и дезорганизацию.

Это «социотрясение» (Б. Грушин), депрессия общероссийского масштаба, способствовало усилению маргинализации населения. Высокий уровень социальной дезадаптации, аномии, в сложных условиях начального этапа трансформации оказал негативное влияние на психическое состояние и здоровье людей. Для большинства населения это был период тяжелейших экзистенциальных, психоэмоциональных испытаний. Населению была нанесена тяжелейшая биопсихологическая и «социокультурная травма» (П. Штомпка), что способствовало усилению антропологического кризиса.

Негативное социальное самочувствие сформировало психологическую напряженность значительной части регионального социума, что, согласно закону «духовно-демографической детерминации» (И. Гундаров), в свою очередь оказало влияние на повышение уровня заболеваемости, смертности, рост преступности, снижение рождаемости, увеличение разводов и т. д. Сбой в психической сфере потянул за собой возникновение психосоматических расстройств, существенно повысив восприимчивость (как мы уже отмечали выше) к социально значимым заболеваниям, росту смертности от самоубийств и другим внешним причинам смертности.

Наиболее существенными формами проявления кризисных процессов в социально-экономической сфере Республики Коми в начальный период социетальной трансформации являлись: сокращение почти в два раза промышленного производства; рост инфляции в 35 раз; снижение в два-три раза реальных денежных доходов.

Кроме того, в республике в те годы впервые появилась безработица, и ее уровень возрос с 1,3 % в 1991 г. до 6 % в 1995 г. В регионе почти в два раза снизился розничный товарооборот, но при этом одновременно в два раза увеличилось потребление спиртного (в том числе суррогатного «спирта роаяль» – аналога «тройи»).

В республике резко усилились социальная дифференциация, глубина и острота бедности населения. Важнейший показатель, характеризующий уровень бедности, – рост численности населения с денежными доходами ниже прожиточного минимума до 30 % в 1995 г. Изменился социальный состав низкодоходных групп. Если в дореформенный период малообеспеченными были в основном семьи неработающих пенсионеров, инвалидов, неполные и многодетные семьи, то в период «шоковой терапии» к ним присоединились новые категории экономически активного населения.

Согласно расчетам Л. А. Поповой, «социальными последствиями экономических преобразований в Республике Коми обусловлена значительнейшая часть – более 60 % – снижения уровня рождаемости в 1990-е гг. и более 90 % роста уровня смертности в первой половине 1990-х гг.» [1, с. 109].

За сравнительно короткий период (4–5 лет) кардинально изменилась экономическая, политическая, идеологическая, духовная подсистемы общественной жизни регионального социума, что также стимулировало усиление маргинализации населения, фрустрацию, ментальную дезинтеграцию и дезорганизацию.

Как нам представляется, на основе изучения и анализа исторического опыта деятельности по смягчению последствий антропокризиса, анализа современных антропотенденций органам государственной власти совместно с научным сообществом необходимо обеспечить проектирова-

ние, принятие и реализацию концепции и стратегии социогуманитарного преобразования Республики Коми, практическую реализацию гуманитарных национальных проектов и основоположений обновленной Конституции РФ и Конституции РК о человеке, как высшей ценности, и о создании условий для развития человеческого потенциала в регионе.

Литература

1. Попова, Л. А. Сущность, причины и последствия современного демографического кризиса (на примере Республики Коми) /Л. А. Попова. – Екатеринбург : УрО РАН, 2004.
2. Фаузер, В. В. Республика Коми на рубеже веков: демография, миграция, расселение / В. В. Фаузер. – Ижевск : ООО «Принт», 2023. – 308 с. (Б-ка демографа; вып. 22).
3. Республика Коми в человеческом измерении. Статистический сборник, Госкомстат Республики Коми. – Сыктывкар, 1996. – С. 23.
4. Теребихин, В. М. К вопросу о валидности и актуальности использования идей Питирима Сорокина о самоубийстве для анализа суицидального поведения населения Республики Коми в конце XX – первом десятилетии XXI века / В. М. Теребихин // Историческая демография. Научный журнал. – 2019. – № 1. – С. 47–51.
5. Теребихин, В. М. Флуктуации суицидального поведения населения Республики Коми / В. М. Теребихин // Социологические исследования. – 2012. – № 10. – С. 48–55.

ОЦЕНКА БЮДЖЕТНОЙ УСТОЙЧИВОСТИ АРКТИЧЕСКИХ РЕГИОНОВ РОССИИ

Е. Н. Тимушев, канд. экон. наук

*Институт социально-экономических и энергетических проблем Севера
ФИЦ Коми НЦ УрО РАН, г. Сыктывкар*

Территории Арктической зоны Российской Федерации занимают особое место в составе регионов России. Они характеризуются суровым климатом, низкой плотностью населения, разреженностью транспортной инфраструктуры, отраслевой специализацией на добывающей промышленности и связанных с ней отраслях [1]. Для данных регионов характерны пространственный и отраслевой аспекты неравномерности развития [2]. Отмеченные особенности влияют на формирование доходов и исполнение расходов бюджетов, реализацию долговой политики и осуществление межбюджетных отношений органами государственной власти арктических субъектов Российской Федерации. Под арктическими

регионами понимаются субъекты Российской Федерации, территории которых полностью или частично относятся к сухопутным территориям Арктической зоны в соответствии с Федеральным законом № 193-ФЗ [3]: Республика Карелия, Республика Коми, Ненецкий автономный округ, Архангельская область, Мурманская область, Ямало-Ненецкий автономный округ, Красноярский край, Республика Саха (Якутия), Чукотский автономный округ.

Население арктических регионов составляет около 5 % населения России. За 2011–2022 гг. численность населения данных регионов существенно сократилась вследствие негативной динамики почти во всех субъектах, за исключением Красноярского края и Республики Саха (Якутия). На Севере России и в Арктике в течение последних лет накопились серьезные демографические проблемы [4]. Красноярский край остается наиболее населенным субъектом, за ним с большим отрывом следуют Архангельская область, Республика Саха (Якутия), Республика Коми и Мурманская область [5].

Несмотря на возрастающий интерес к северной тематике, в академических исследованиях уделяется недостаточно внимания состоянию бюджетной системы и межбюджетных отношений в арктических регионах. В литературе крайне скудно освещены основные тенденции, складывающиеся в бюджетных системах регионов Арктической зоны.

Цель работы – выявить основные тенденции развития бюджетных систем регионов, входящих в Арктическую зону России, и дать оценки перспективам их бюджетной устойчивости. Для достижения цели рассмотрены основные параметры консолидированных бюджетов в контексте средних показателей по всем регионам России и индикаторы долговой устойчивости.

Начнем с налогового потенциала и состояния экономики арктических регионов. Указанные регионы заметно отстают от остальных субъектов Российской Федерации по уровню общих доходов консолидированных бюджетов на душу населения, за исключением крупных нефтегазовых регионов – Ненецкого и Ямало-Ненецкого АО. Относительно высокие величины общих доходов формируются также в бюджетах Мурманской области и Красноярского края (таблица).

*Ранг арктических регионов среди регионов России
по бюджетным показателям в 2022 году*

Регион	Доходы консолидированного бюджета		Налоговые и неналоговые доходы		Безвозмездные поступления	
	Тыс. руб. / чел.	Ранг	Тыс. руб. / чел.	Ранг	Тыс. руб. / чел.	Ранг
1	2	3	4	5	6	7
По регионам в среднем	134,8	-	105,7	-	29,1	-
Республика Карелия	102,2	51	58,3	58	43,9	24

Окончание табл.

1	2	3	4	5	6	7
Республика Коми	112,5	35	94,7	19	17,8	77
Ненецкий АО	191,9	5	150,1	6	41,8	26
Архангельская область	93,7	66	61,3	50	32,4	39
Мурманская область	111,7	36	94,2	23	17,5	78
Ямало-Ненецкий АО	266,4	3	237,6	4	28,8	46
Красноярский край	114,9	32	99,4	14	15,5	82
Республика Саха (Якутия)	78,6	84	42,8	75	35,9	34
Чукотский АО	88,1	76	34,7	78	53,4	17

Источник: рассчитано по данным Казначейства России (URL: <https://roskazna.gov.ru>).

Примечание: при расчетах на душу населения и с учетом индекса бюджетных расходов.

Ключевую роль в формировании доходов бюджетов играет динамика экономического развития. Темпы роста валового регионального продукта (ВРП) экономик арктических регионов намного более изменчивы, чем средние показатели по России в целом (рис. 1). При этом первые в большей степени зависят от внешней ценовой конъюнктуры по сравнению со средним темпом роста экономик всех регионов, что и объясняет их динамику. Начиная с 2013 г. динамика ВРП арктических регионов была лучше, чем в среднем по всем регионам России, но с 2020 г. показатели стали ухудшаться.

Высокие темпы роста ВРП отразились и на более высокой динамике промышленного производства в арктических регионах. Напротив, динамика инвестиций в арктических регионах значительно уступает

Рисунок 1. Темп роста валового регионального продукта (ВРП), %.

Источник: рассчитано по данным Росстата России (URL : <https://rosstat.gov.ru/accounts> (дата обращения: 03.12.2023)).

Примечание: агрегирование региональных данных – на основе средней взвешенной на абсолютную величину ВРП регионов.

среднероссийскому показателю. Кроме этого, абсолютное значение ВРП в расчете на душу населения по-прежнему отстает от среднероссийского показателя.

Динамика налоговых и неналоговых доходов консолидированных бюджетов арктических регионов и по России в целом была сопоставима (рис. 2) – 50–100 тыс. руб. в среднем на одного жителя в 2011–2022 гг. При этом совокупные налоговые доходы бюджетной системы с территорий арктических регионов были выше среднероссийских. Это означает, что рост налоговых доходов, формируемых на территории арктических регионов, был полностью вызван видами поступлений, формирующих доходы федерального бюджета.

Доходы консолидированных бюджетов арктических регионов за-

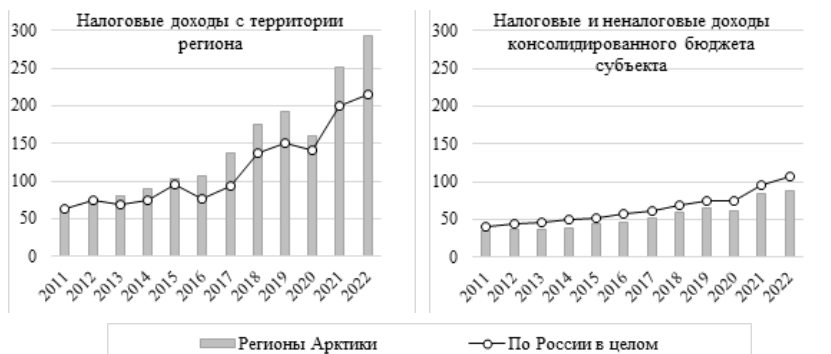

Рисунок 2. Динамика доходов консолидированных бюджетов субъектов Российской Федерации, тыс. руб. / чел.

Источник: *здесь и рис. 3-6: рассчитано по данным Казначейства России (URL : <https://roskazna.gov.ru> (дата обращения: 03.12.2023)).*

Примечание: *здесь и рис. 3-6: с учетом индекса бюджетных расходов. В текущих ценах.*

метно отстают от среднего показателя по всем регионам России (рис. 3). В основном это отставание обусловлено низким уровнем доходов от налога на доходы физлиц (НДФЛ), а также акцизов и налогов на совокупный доход. Данное отставание не перекрывает временами более высокий уровень доходов бюджетов арктических регионов от налога на прибыль организаций и налога на имущество организаций.

Отставание среднего уровня доходов консолидированных бюджетов арктических регионов от среднероссийского показателя обусловлено относительно малой величиной поступлений в бюджеты всех наиболее заселенных регионов Арктики – Республики Коми, Архангельской области, Мурманской области, Красноярского края и Республики Саха (Якутия).

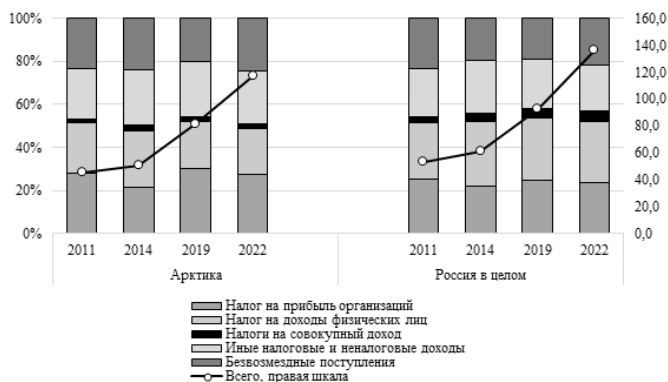

Рисунок 3. Динамика доходов консолидированных бюджетов субъектов Российской Федерации, тыс. руб. / чел.

В составе собственных доходов бюджетов арктических регионов тенденции были разнонаправленными. Так, увеличилась доля налога на прибыль организаций. Но при этом доля налога на имущество организаций осталась почти неизменной. А удельный вес доходов от НДФЛ вовсе сократился.

В среднем по регионам России поступления федеральных межбюджетных трансфертов выше, чем по арктическим регионам (рис. 4). В 2011–2018 гг. разрыв между величинами федеральных межбюджетных трансфертов в составе доходов консолидированных бюджетов ар-

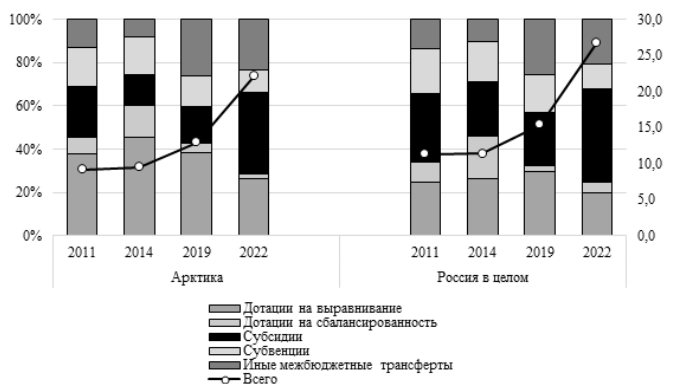

Рисунок 4. Динамика межбюджетных трансфертов в составе доходов консолидированных бюджетов субъектов Российской Федерации, тыс. руб. / чел.

Источник: здесь и рис. 5: рассчитано по данным Казначейства России (URL : <https://roskazna.gov.ru/ispolnenie-byudzheto/konsolidirovannye-byudzhety-subjektov> (дата обращения: 03.12.2023)).

ктических регионов и в среднем по стране был примерно одинаковым. Но с 2019 г. разрыв стал увеличиваться и значительно вырос в 2020–2022 гг. Следует отметить, что в 2020–2022 гг. в адрес всех регионов были существенно увеличены федеральные межбюджетные трансферты, что отразилось как на величине, так и на структуре региональных доходов. Основными драйверами роста трансфертов в 2019 г. стали иные межбюджетные трансферты, а в 2020–2022 гг. к ним добавились и субсидии.

Арктические регионы более дотационны, чем остальные регионы России в среднем – они получают больший объем дотаций на выравнивание бюджетной обеспеченности и примерно сопоставимый объем дотаций на сбалансированность. А в остальных регионах России выше объемы получаемых федеральных целевых межбюджетных трансфертов.

Общий размер межбюджетных трансфертов в 2022 г., по сравнению с 2011 г., был увеличен наиболее заметно в Республике Карелия (за счет субсидий), Ненецком АО, Ямало-Ненецком АО (в обоих регионах – за счет иных межбюджетных трансфертов) и Чукотском АО (за счет дотаций на выравнивание бюджетной обеспеченности и субсидий). Наиболее дотационным арктическим регионом, если брать удельный размер дотаций на выравнивание бюджетной обеспеченности на душу населения в качестве критерия, является Республика Саха (Якутия), а в 2022 г. такими регионами были Республика Карелия и Чукотский АО.

Величина расходов консолидированных бюджетов арктических регионов так же, как и доходов, ниже, чем в среднем по России в целом (рис. 5). Более высокие расходы в среднем по России в целом наблюдаются по таким направлениям, как расходы на экономику (раздел расходов «0400 Национальная экономика») и социальную политику («1000

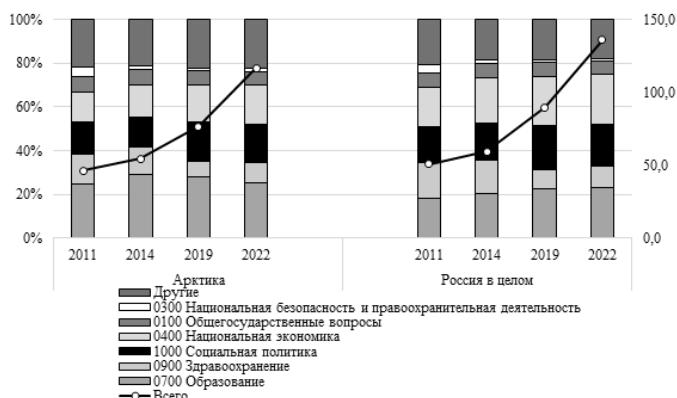

Рисунок 5. Структура расходов консолидированных бюджетов субъектов Российской Федерации, тыс. руб. / чел.

Социальная политика»). Арктические регионы характеризуются схожим уровнем финансирования сферы образования в расчете на душу населения и большим – сферы жилищно-коммунального хозяйства (ЖКХ).

Для борьбы с распространением COVID-19 субъекты Российской Федерации стали осуществлять значительно больше расходов на здравоохранение и социальную политику в 2021–2022 гг. Расходы по статье «Национальная экономика» также были увеличены, во многом в целях смягчения наступившего экономического кризиса. При этом в арктических регионах был сохранен высокий удельный вес расходов на сферу ЖКХ (за счет сокращения административных расходов), что показывает ее значимость для данных территорий.

Как и по доходам, общий размер бюджетных расходов выше среднего по России в целом наблюдаются в Ненецком АО, Ямало-Ненецком АО и Чукотском АО, даже при корректировке на индекс бюджетных расходов. Это объясняется более высокими объемами финансирования образования («0700 Образование»), экономики («0400 Национальная экономика») и иных расходов, прежде всего сферы ЖКХ («0500 Жилищно-коммунальное хозяйство»).

Долговая устойчивость арктических регионов в целом сопоставима с устойчивостью остальных регионов России, и однозначные выводы здесь делать сложно. С одной стороны, у арктических регионов существенно выше величина расходов на обслуживание долга (выраженных в процентах от расходов минус полученные субвенции), а долг в расчете на единицу налоговых и неналоговых доходов сократился лишь к концу 2021 г. (рис. 6). С другой стороны, на долговую устойчивость арктических регионов положительно влияет относительно низкая доля краткосрочных долговых обязательств в общем объеме, что объясняет и сравнительно низкую годовую сумму платежей по погашению и обслуживанию долга.

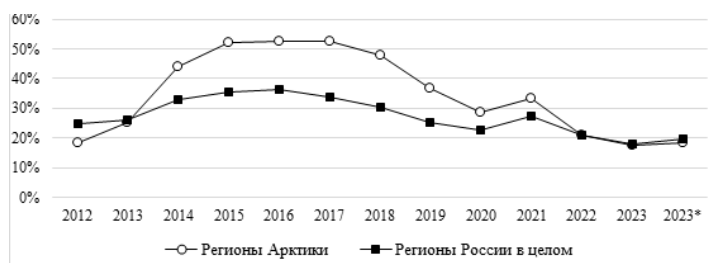

Рисунок 6. Динамика государственного долга субъектов Российской Федерации на начало года, % от налоговых и неналоговых доходов.

Источник: рассчитано по данным Минфина России (URL : <https://minfin.gov.ru/ru> (дата обращения: 03.12.2023)).

Примечание: * – на 1 июля 2023 г.

Доходы бюджетов арктических регионов несколько более зависящие от безвозмездных поступлений, чем в среднем по России в целом, т. е. доля налоговых и неналоговых доходов в них меньше. Кроме этого, размер долга арктических регионов в расчете на единицу налоговых и неналоговых доходов с 2022 г. стал меньше среднероссийского. Эти два наблюдения объясняют то, почему величина долга арктических регионов в расчете на единицу численности населения с 2022 г. была заметно меньше среднероссийского. Размер долга арктических регионов был особенно высок в 2014–2017 гг., но снизился к началу 2022 г., что объясняется умеренным ростом долга в 2020 г. (в расчете на душу населения).

Структура долга показывает, что регионы Арктики менее зависят от федеральных бюджетных кредитов и охотнее используют государственные гарантии. Как и в остальных регионах, долг арктических регионов перед кредитными организациями постепенно замещается бюджетными кредитами. Однако их величина и удельный вес, как и бюджетных кредитов, ниже, чем в среднем по России. Таким образом, в настоящее время можно говорить о чуть лучшей долговой позиции арктических регионов в сравнении с остальными субъектами Российской Федерации.

У регионов Арктики остается весьма высокой величина долговых обязательств в форме ценных бумаг, что обусловлено большими значениями данного показателя у Красноярского края и Республики Саха (Якутия) (рис. 7). В структуре долга Республики Коми ценные бумаги по-прежнему также занимают весьма большой удельный вес. Это обуславливает высокий уровень расходов на обслуживание долга, но одновременно позволяет проводить более гибкую долговую политику и политику в сфере расходов.

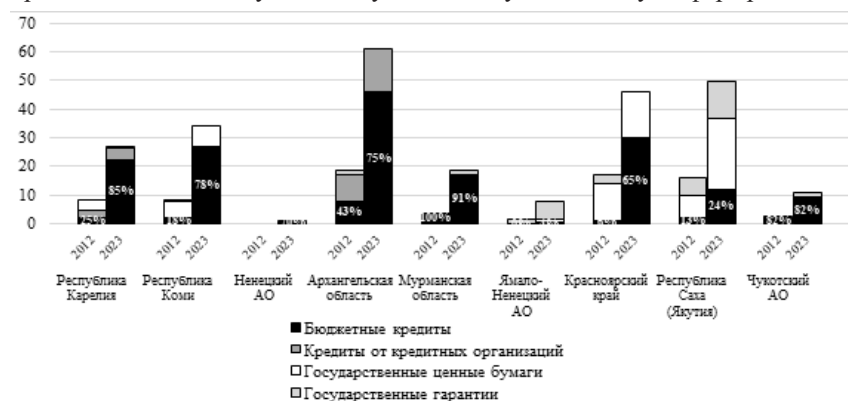

Рисунок 7. Величина и структура долга арктических субъектов Российской Федерации, млрд руб.

Источник: рассчитано по данным Минфина России
(URL : https://minfin.gov.ru/ru/performance/public_debt/ (дата обращения: 03.12.2023)).
Примечание: В текущих ценах. На 1 января 2012 г. и на 1 ноября 2023 г.

Таким образом, лишь непосредственно долговые показатели и их динамика в регионах Арктики свидетельствуют об укреплении долговой и в целом бюджетной устойчивости. При этом существующие риски – формирования доходов, в том числе безвозмездных поступлений, и сложности оптимизации расходов – остаются высокими. Это означает, что бюджетные системы арктических регионов, несмотря на высокие доходы в частном секторе, являются менее устойчивыми в сравнении с регионами с более мягким климатом.

Литература

1. Гаджиев, Ю. А. Экономика северных регионов России: инвестиции в основной капитал / Ю. А. Гаджиев, В. И. Акопов, Т. С. Крестовских // Проблемы прогнозирования. – 2012. – № 5 (134). – С. 86–100.
2. Дмитриева, Т. Е. Организация прогнозирования территориального развития / Т. Е. Дмитриева, В. Н. Лаженцев // Экономика региона. – 2010. – № 4 (24). – С. 156–164.
3. О государственной поддержке предпринимательской деятельности в Арктической зоне Российской Федерации (ред. от 02.07.2021): Федеральный закон от 13.07.2020 № 193-ФЗ.
4. Фаузер, В. В. Население Мировой Арктики: российский и зарубежный подходы к изучению демографических проблем и заселению территорий / В. В. Фаузер, Т. С. Лыткина, А. А. Смирнов // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2020. – Т. 13, № 3. – С. 158–174. – DOI: 10.15838/esc.2020.3.69.11.
5. Российская и Мировая Арктика: население, экономика, расселение / В. В. Фаузер, А. В. Смирнов, Т. С. Лыткина, Г. Н. Фаузер; отв. ред. проф. В. В. Фаузер. – Москва : Политическая энциклопедия, 2022. – 215 с.

ОТНОШЕНИЕ ГОСУДАРСТВА К АБОРТАМ И ИХ ДИНАМИКА В РЕСПУБЛИКЕ КОМИ

В. В. Фаузер, д-р экон. наук, профессор

*Институт социально-экономических и энергетических проблем Севера
ФИЦ Коми НЦ УрО РАН, г. Сыктывкар*

На уровень рождаемости и здоровье женщин существенное влияние оказывает контрацептивная культура или ее отсутствие, приводящая к нежелательным беременностям, а затем к абортам. Согласно базовому докладу ЮНФПА «Население мира в 2022 году», более 60 % незаплани-

рованных беременностей в мире заканчиваются абортom. При этом около 45 % всех абортов проводятся в небезопасных условиях [1, с. 141].

В медицине и в статистике под прерыванием беременности (абортom) понимается прекращение течения беременности, вызванное причинным вредом здоровью, с развитием выкидыша, внутриутробной гибелью плода, преждевременными родами либо обусловившее необходимость медицинского вмешательства. В России до 2012 г. абортom считалось прерывание беременности в сроки до 28 недель, с 2012 г. – в сроки до 22 недель при массе плода до 500 г. С 2010 г. сведения о беременности с абортивным исходом представлены без учета данных по абортам, произведенным в микропредприятиях, что определяет несопоставимость показателей за разные годы из-за возможного изменения круга отчитывающихся организаций, которые могут менять свой статус и переходить из категории микропредприятий в малые (средние) и наоборот.

В культуре даже самых древних народов существовали нормы, направленные на некоторое ограничение числа беременностей, достаточно велика была и роль их прерывания. Этнографы обнаружили практику искусственного аборта у многих народов, находящихся на ранних стадиях развития: у эскимосов, туземцев Новой Зеландии, Новой Каледонии, Самоа, Таити, Фиджи, Соломоновых и Канарских островов, у аборигенов Южной Африки и т.д. [2]. Аборты встречались почти повсеместно, чаще всего женщины прыгали с высокого дерева, стягивали туго живот, клали на него горячие камни и т.д. [3]. Аборты обычно производятся весьма жестокими и несовершенными средствами: пьют настои из ядовитых растений, вставляют острые палочки в матку, туго перетягивают живот или бьют по нему для умерщвления плода и т.п. [4].

Отношение к проведению искусственных операций по прерыванию беременности в России начиная от царства Романовых до современных руководителей государством было, скорее всего, негативным. Сделаем небольшой экскурс в историю легализации и запретов на проведение абортов. Во второй половине XVII в. специальным законом, принятым царем Алексеем Михайловичем Романовым, за искусственное прерывание беременности как мера наказания была установлена смертная казнь. В 1715 г. Петр I своим указом смягчил это наказание, отменив смертную казнь. По положению о наказаниях 1845 г. аборт приравнивался к умышленному детоубийству. Вина за данное преступление возлагалась как на людей, осуществлявших изгнание плода, так и на самих женщин. Аборт карался каторжными работами от 4 до 10 лет для врача и ссылкой в Сибирь или пребыванием в исправительном учреждении от 4 до 6 лет для самой женщины.

После революции ситуация изменилась. Свободная любовь начала восприниматься как условие раскрепощения женщины. В сочетании с отсутствием противозачаточных средств это вело к стремительному росту числа внебрачных детей. Советское Правительство решает в корне изменить ситуацию. 18 ноября 1920 г. выходит Постановление Народного комиссариата здравоохранения и Народного комиссариата юстиции РСФСР «Об охране здоровья женщин» за № 471 [5]. В нем отмечается, что законодательства всех стран борются с этой проблемой путем наказания как для женщины, решившейся на выкидыш, так и для врача, его производившего. Не приводя к положительным результатам, данный метод борьбы загнал эту операцию в подполье и сделал женщину жертвой корыстных и часто невежественных абортистов, которые из тайной операции создали себе промысел. В результате до 50 % женщин заболевали от заражения и до 4 % из них умирали.

Охраняя здоровье женщины, считая метод репрессий в этой области абсолютно не достигающим цели, Комиссариаты постановляют: I. Допускается бесплатное производство операции по искусственному прерыванию беременности в обстановке советских больниц, где обеспечивается ее максимальная безвредность; II. Абсолютно запрещается производство этой операции кому бы то ни было, кроме врача; III. Виновные в производстве этой операции акушерка или бабка лишаются права практики и предаются Народному Суду; IV. Врач, производивший операцию плодоизгнания в порядке частной практики с корыстной целью, также предается суду.

Однако эра легальных абортс оказалась недолгой. Государство постепенно брало под контроль едва ли не все сферы жизни своих граждан, и в 1930-е гг. очередь дошла до деторождения. В 1924 г. на абортс были наложены ограничения. Они могли совершаться только в случае угрозы жизни или здоровью женщины, либо в случае наступления беременности в результате изнасилования. Каждый случай отдельно рассматривался специальной комиссией, без утвердительного решения которой прерывание беременности было запрещено. В 1926 г. эти ограничения были сняты, однако тогда же были полностью запрещены абортс при первой беременности, а также для женщин, сделавших аборт менее полугода назад.

С 1930 г. операция по искусственному прерыванию беременности стала платной. В 1931 г. она стоила примерно 18–20 руб., в 1933 г. – от 2 до 60, а в 1935 г. – от 25 до 300 руб. В 1970–1980-х гг., получая в среднем 80–100 руб., женщина за аборт платила – 50. Бесплатно прерывали беременность больным туберкулезом, эпилепсией, шизофренией и страдающим врожденным пороком сердца.

В 1936 г. выходит Постановление ЦИК СССР № 65 и СНК СССР № 1134 от 27.06.1936 «О запрещении абортс, увеличении материальной

помощи роженицам, установлении государственной помощи многосемейным, расширении сети родильных домов, детских яслей и детских садов, усилении уголовного наказания за неплатеж алиментов и о некоторых изменениях в законодательстве о разводах» [6]. В разделе I «О запрещении аборт» отмечается:

1. В связи с установленной вредностью аборт, запретить производство таковых как в больницах и специальных лечебных заведениях, так и на дому у врачей и на частных квартирах беременных. Производство аборт допустить исключительно в тех случаях, когда продолжение беременности представляет угрозу жизни или грозит тяжелым ущербом здоровью беременной женщины, а равно при наличии передающихся по наследству тяжелых заболеваний родителей и только в обстановке больниц и родильных домов.

2. За производство аборт вне больниц или в больнице, но с нарушением указанных условий, установить уголовное наказание врачу, производящему аборт, от 1 года до 2 лет тюремного заключения, а за производство аборт в антисанитарной обстановке или лицами, не имеющими специального медицинского образования, установить уголовное наказание не ниже 3 лет тюремного заключения.

3. За понуждение женщины к производству аборт установить уголовное наказание – тюремное заключение до 2 лет.

4. В отношении беременных женщин, производящих аборт в нарушение указанного запрещения, установить как уголовное наказание общественное порицание, а при повторном нарушении закона о запрещении аборт – штраф до 300 руб.

Запрет на проведение аборт просуществовал 19 лет. 23 ноября 1955 г. выходит Указ Президиума Верховного Совета СССР «Об отмене запрещения аборт» [7]. В нем отмечается, что проводимые Советским государством мероприятия по поощрению материнства и охране детства и непрерывный рост сознательности и культурности женщин, активно участвующих во всех областях народнохозяйственной жизни страны, позволяют в настоящее время отказаться от запрещения аборт в законодательном порядке. При этом производство операции искусственного прерывания беременности допускается только в больницах или других лечебных учреждениях; сохраняется уголовная ответственность как врачей, так и лиц, не имеющих специального медицинского образования, производящих аборт вне больниц или других лечебных учреждений.

Сегодня аборт официально разрешен в 58 странах из 193 государств – членов ООН. Всего шесть государств – членов ООН – Мальта, Доминиканская Республика, Сальвадор, Чили, Никарагуа и Южный Судан – объявили аборт незаконными. Одной из стран с самым высоким

уровнем абортот является Россия. По данным ООН, показатель в России составляет – 53,7 на 1 тыс. женщин. Второе место занимает Вьетнам – 35,2, за ней следует Казахстан – 35,0. Самый низкий уровень абортот отмечен в Мексике – 0,1, за ним следует Португалия – 0,2.

В СССР учет числа абортот начинается с 1959 г. В нашем распоряжении данные с 1970 г. Их анализ показывает, что с 1970 по 2020 г. в Республике Коми количество абортот сократилось в 9,5 раз, за первые 25 лет (1970–1995) – в 2,1 раза, за последующие 25 лет (1995–2020) – в 4,4 раза, что можно объяснить ростом контрацептивной культуры у населения республики и широкой доступностью контрацептивных средств. Произошедшее улучшение отражает и относительный показатель – число абортот на 1 тыс. женщин в возрасте 15–49 лет (коэффициент прерывания беременности, КПБ). В 1970–1985 гг. КПБ имел значение от 132,7 до 163,8 ‰, с 2008 г. его значение ниже – 50,0 ‰, а в 2020 г. – 24,0 ‰.

Если обратиться к шкале оценки уровня частоты абортот на 1 тыс. женщин репродуктивного возраста, предложенной ООН: очень низкий – менее 10, низкий – 10–19, средний – 20–49, высокий – 50 и более, то можно заключить, что в целом по республике с 1970 г. он был высоким, а с 2008 г. стал средним.

Второй показатель – число абортот на 100 родов (коэффициент «абортивности») – с 1970 по 2020 г. снизился в 4,3 раза, однако до 2007 г. включительно число абортот превышало число родов. Коэффициент «абортивности» был минимальным в 2015–2016 гг. – 56. В целом можно отметить, что несмотря на значительное снижение показателя, фиксирующего количество абортот на 100 родов, его величина остается достаточно высокой (табл. 1).

Таблица 1
Показатели прерывания беременности (абортот) в Республике Коми,
1970–2020 годы [8, с. 407]

Год	Число абортот, всего	На 1 тыс. женщин в возрасте 15–49 лет	На 100 родов	Год	Число абортот, всего	На 1 тыс. женщин в возрасте 15–49 лет	На 100 родов
1	2	3	4	5	6	7	8
1970	42 563	163,8	257	2004	15 437	52,7	135
1975	43 919	141,1	256	2005	14 948	52,4	136
1980	40 948	131,6	209	2006	14 029	50,7	129
1985	45 098	132,7	195	2007	14 128	52,7	123
1990	29 851	93,3	209	2008	11 014	42,3	95
1991	25 534	80,7	167	2009	10 211	40,6	86
1992	23 334	74,3	171	2010	9250	38,1	80
1993	19 724	62,4	164	2011	8944	38,2	77
1994	20 758	65,2	177	2012	8581	37,9	69

Окончание табл. 1

1	2	3	4	5	6	7	8
1995	19 977	62,9	182	2013	7836	35,8	63
1996	20 762	65,4	193	2014	7037	33,1	58
1997	19 818	62,8	194	2015	6507	31,4	56
1998	18 688	59,6	175	2016	6217	30,7	56
1999	20 872	67,4	216	2017	6468	32,6	67
2000	19 143	62,7	195	2018	5209	26,8	61
2001	17 406	57,4	170	2019	4929	25,9	63
2002	16 325	54,2	147	2020	4501	24,0	60
2003	16 042	53,7	140				

Неоднозначную динамику демонстрируют числа и доля абортс у первобеременных, пик которых пришелся на 1999 и 2001 гг. соответственно. С 1997 по 2012 г. доля абортс у первобеременных превышала 10 %, в последующие годы она стала ниже 10 %, а минимум пришелся на 2017 г. – 5,2 %, к 2020 г. она вновь увеличилась до 7,8 % (табл. 2).

Таблица 2

Число абортс и прерывание беременности (абортс) у первобеременных в Республике Коми, 1991–2020 годы [8, с. 408]

Год	Число абортс, всего	В том числе у первобеременных		Год	Число абортс, всего	В том числе у первобеременных	
		число	%			число	%
1991	25 534	1524	6,0	2008	11 014	1372	12,5
1995	19 977	1539	7,7	2009	10 211	1108	10,9
1996	20 762	1863	9,0	2010	9250	941	10,2
1997	19 818	2307	11,6	2011	8944	912	10,2
1998	18 688	2186	11,7	2012	8581	970	11,3
1999	20 872	2474	11,9	2013	7836	656	8,4
2000	19 143	2327	12,2	2014	7037	504	7,2
2001	17 406	2372	13,6	2015	6507	443	6,8
2002	16 325	2175	13,3	2016	6217	345	5,5
2003	16 042	1992	12,4	2017	6468	335	5,2
2004	15 437	1814	11,8	2018	5209	335	6,4
2005	14 948	1860	12,4	2019	4929	270	5,5
2006	14 029	1804	12,9	2020	4501	352	7,8
2007	14 128	1634	11,6				

С 2008 по 2020 г. произошли позитивные изменения и в возрастной структуре прерывания беременности: в группе 10–14 лет сокращение составило 2,0 раза, а в группе 15–17 лет – 6,5 раза. На фоне снижения частоты абортс у молодых контингентов она имела разнонаправленную динамику у женщин 45–49 лет: с 1,3 случая в 2008 г. в расчете на 1 тыс. женщин до 5,4 случаев в 2018 г., затем вновь снижение до 1,3 случаев (табл. 3).

Таблица 3

*Прерывание беременности (аборты) по возрастным группам
в Республике Коми, 2008–2020 годы [8, с. 408]*

Показатель	Год								
	2008	2009	2010	2015	2016	2017	2018	2019	2020
Число аборт у женщин в возрасте, лет:	11 014	10 211	9250	6507	6217	6468	5209	4929	4501
14 и моложе	9	10	18	3	4	6	5	7	4
15–17	376	320	253	124	107	62	65	44	48
18–44	10 572	9830	8933	6351	6074	6336	4978	4838	4408
45 и старше	57	51	46	29	32	64	161	40	41
На 1 тыс. женщин в возрасте, лет ¹⁾ :	42,3	40,6	38,1	31,4	30,7	32,6	26,8	25,9	24,0
14 и моложе ²⁾	0,4	0,4	0,8	0,1	0,2	0,2	0,2	0,3	0,2
15–17	22,1	20,4	17,1	9,7	8,5	4,8	4,9	3,2	3,4
18–44	53,4	50,9	47,5	38,6	37,9	40,7	33,0	33,1	31,0
45 и старше ³⁾	1,3	1,2	1,1	1,0	1,1	2,1	5,4	1,3	1,3

Примечания: ¹⁾ – 15–49 лет; ²⁾ – 10–14 лет; ³⁾ – 45–49 лет.

Разная динамика прерывания беременности наблюдается по муниципальным образованиям (МО) Республики Коми. По имеющейся статистике за 2005–2020 гг. можно проанализировать распространенность абортов. В 2005 г. в 12 из 20 МО число аборт на 100 родов превышало цифру 100. Максимальным оно было в МО Инта – 214, Троицко-Печорский – 177 и Воркута – 175; минимальное соотношение зафиксировано в Ижемском районе – 38, Удорском – 70 и Сысольском – 75 районах. В 2020 г. во всех городских округах (ГО) число аборт на 100 родов было выше республиканского уровня, в муниципальных районах (МР) значительно ниже.

Все муниципальные образования можно объединить в четыре группы по соотношению числа аборт на 100 родов: незначительный уровень, низкий, средний и высокий уровни. Разницу между крайними значениями делим на четыре, определяем шаг интервала и сами уровни. В 2005 г. число аборт на 100 родов варьировало от 38 до 214 (незначительный уровень – 38–82, низкий – 83–126, средний – 127–170, высокий уровень – 171–214), в 2020 г. от 19 до 78 (незначительный уровень – 19–34, низкий – 35–49, средний – 50–64, высокий уровень – 65–78).

В 2005 г. незначительный уровень частоты аборт зафиксирован в МР Ижемский – 38, Удорский – 70, Сысольский – 75, Усть-Куломский и Усть-Цилемский – по 78; низкий уровень – в МР Койгородский – 89, Сыктывдинский – 92, Княжпогостский – 98, Корткеросский – 100 и Прилузский – 101, а также в ГО Вуктыл – 104 и Усинск – 106; средний уровень отмечен в МО Сосногорск – 131, Ухта – 132, Печора – 155, Сыктывкар –

157 и Усть-Вымский – 159; высокий уровень частоты абортс зафиксирован в ГО Воркута – 175, МР Троицко-Печорский – 177 и ГО Инта – 214.

К 2020 г. картина изменилась в лучшую сторону, в целом по республике частота абортс на 100 родов сократилась в 2,27 раз, наибольшее сокращение отмечено в МР Сосногорск – 5,95 раза, более чем в четыре раза оно сократилось в МР Сыктывдинский, Корткеросский, Княжпогостский и Усть-Вымский. Если в 2005 г. в группу с высоким уровнем «абортивности» входили два городских округа – Воркута и Инта, то в 2020 г. – все шесть городских округов. Улучшил свою позицию Троицко-Печорский район, перейдя из высокой группы в среднюю, а ухудшил – Прилузский район, переместившись из низкой группы в среднюю (табл. 4).

Таблица 4

Число абортс на 100 родов по муниципальным образованиям Республики Коми, 2005–2020 годы [1, с. 146,147]

Муниципальные образования	Год											Сокращение, 2005–2020 гг., раз
	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2014	2015	2016	2019	2020	
Республика Коми	136	129	123	95	86	80	58	56	56	63	60	2,27
Незначительный уровень (19–34)												
Сыктывдинский	92	112	77	50	54	27	11	8	6	22	19	4,84
Корткеросский	100	90	74	63	47	46	33	21	32	26	22	4,55
Сосногорск	131	114	137	107	101	93	20	10	6	24	22	5,95
Княжпогостский	98	93	74	79	75	62	39	47	33	25	23	4,26
Койгородский	89	59	55	64	47	48	42	46	30	23	23	3,87
Ижемский	38	37	38	25	26	30	37	36	45	29	28	1,36
Усть-Куломский	78	56	48	52	50	51	28	35	26	24	29	2,69
Низкий уровень (35–49)												
Усть-Вымский	159	119	110	88	83	88	50	47	38	24	38	4,18
Сысольский	75	68	57	46	34	40	18	37	21	36	39	1,92
Удорский	70	63	48	45	54	52	41	50	46	55	43	1,63
Усть-Цилемский	78	39	67	47	50	50	43	37	45	48	46	1,70
Печора	155	139	109	90	87	82	70	65	65	62	49	3,16
Средний уровень (50–64)												
Прилузский	101	87	87	62	47	47	38	45	44	50	51	1,98
Троицко-Печорский	177	168	97	73	84	78	47	43	51	85	58	3,05
Высокий уровень (65–79)												
Вуктыл	104	113	86	72	68	68	64	58	59	53	67	1,55
Воркута	175	174	186	64	46	37	44	40	50	70	68	2,57
Усинск	106	107	99	80	81	80	69	65	56	62	74	1,43
Ухта	132	137	136	131	126	110	94	91	90	74	76	1,74
Инта	214	178	147	127	116	106	80	84	81	82	77	2,78
Сыктывкар	157	162	159	134	119	106	72	65	68	88	78	2,01

Примечание: ранжировано в порядке возрастания по 2020 г.

В последние месяцы в России на государственном уровне разворачивается дискуссия о запрете «склонения к абортam» в медицинских организациях, а также усилении контроля за средствами для медикаментозных абортов. Кроме того, в декабре 2023 г. в Государственную думу России был внесен законопроект о запрете абортов в частных клиниках по всей стране. В контексте происходящего по заказу Агентства политических и экономических коммуникаций был проведен опрос, из которого следует, как россияне относятся к запрету абортов. 67 % опрошенных россиян не поддерживали бы запрет на аборты в России, 25 % поддерживали бы такое ограничение. Еще 8 % затруднились с ответом или отказались отвечать на вопрос. Мужчины чаще женщин поддерживают запрет на аборты в России: 28 против 22 % соответственно. Женщины, напротив, чаще не поддерживают подобный запрет. С возрастом растет доля респондентов, положительно относящихся к запрету абортов: от 15 % среди россиян 18–29 лет до 29 % среди респондентов старше 60 лет. В целом молодежь 18–29 лет – самая скептическая возрастная группа. Среди них 78 % не поддерживают запрет на аборты в России. Респонденты с высшим и неполным высшим образованием реже остальных поддерживают запрет на аборты (19–20 %). Участники исследования с образованием ниже высшего чаще склонны выступать в поддержку запрета на аборты.

С увеличением семейного дохода растет и скептицизм к инициативе запрета абортов и наоборот: чем ниже доход в семье респондента, тем чаще он склонен выступать в поддержку запрета абортов. Против запрета на аборты чаще выступают респонденты, состоящие в неофициальных отношениях. Доли сторонников и противников запрета абортов примерно равны как среди состоящих, так и не состоящих в брачных отношениях. Чем больше детей есть у респондента, тем чаще он готов поддержать запрет на аборты в России. При этом опрошенные, имеющие одного ребенка, несколько негативнее относятся к запрету абортов, чем респонденты без детей вовсе [9].

Статья подготовлена в рамках НИР «Человеческие ресурсы северных регионов России: потенциал развития или ограничение экономического роста (№ГР 122012700169-9, 2022–2024 гг.).

Литература

1. Фаузер, В. В. Республика Коми на рубеже веков: демография, миграция, расселение / В. В. Фаузер. – Ижевск : ООО «Принт», 2023.

2. Вишневский, А. Г. Демографическая история и демографическая теория: курс лекций / А. Г. Вишневский. – Москва : Изд. дом Высшей школы экономики, 2019. – С. 143.
3. Шнирельман, В. А. Демографические и этнокультурные процессы эпохи первобытной родовой общины / В. А. Шнирельман // История первобытного общества. Эпоха первобытной родовой общины / отв. ред. Ю. В. Бромлей. – Москва : Наука, 1986. – С. 450.
4. Козлов, В. И. Динамика численности народов / В. И. Козлов. – Москва : Наука, 1969. – С. 177.
5. Об охране здоровья женщин: Постановление Народного Комиссариата здравоохранения РСФСР и Народного Комиссариата юстиции РСФСР от 18.11.1920. – URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=26749#PkoZoKTMZCltJMSw> (дата обращения : 20.10.2022).
6. О запрещении аборт, увеличении материальной помощи роженицам, установлении государственной помощи многодетным, расширении сети родильных домов, детских яслей и детских садов, усилении уголовного наказания за неплатеж алиментов и о некоторых изменениях в законодательстве о разводах: Постановление ЦИК СССР № 65, СНК СССР № 1134 от 27.06.1936. – URL : <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=4068#OquVoKTSi13NkZIE1> (дата обращения: 20.10.2022).
7. Об отмене запрещения аборт: Указ Президиума Верховного Совета СССР от 23.11.1955. – URL : <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=15519#ZJXXoKTyQjz104dK> (дата обращения: 20.10.2022).
8. Фаузер, В. В. Влияние аборт на демографическую динамику населения Республики Коми / В. В. Фаузер // Муниципальные образования регионов России: проблемы исследования, развития и управления / под общ. ред. Р. Е. Рогозиной. – Воронеж : Издательство «Цифровая полиграфия», 2022. – С. 407.
9. Запрет аборт: отношение россиян // Демоскоп. № 1013-1014, 26 декабря 2023 – 15 января 2024. – <https://www.demoscope.ru/weekly/2023/01013/opros02.php> (дата обращения: 26.12.23).

СРАВНЕНИЕ ОЦЕНОК ЧИСЛЕННОСТИ НАСЕЛЕНИЯ В ТЕКУЩЕМ УЧЕТЕ И ПЕРЕПИСЯХ НАСЕЛЕНИЯ: ИСТОРИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Г. Н. Фаузер

*Институт социально-экономических и энергетических проблем Севера
ФИЦ Коми НЦ УрО РАН, г. Сыктывкар*

История возникновения и развития российской государственной статистики определяется, прежде всего, развитием общества и государства, их социально-экономическими потребностями. Изменение экономической политики в конце XVIII в., проявившееся в оживлении свободного предпринимательства, сказалось на характере русской статистики, проявлении в ней черт средства социального познания, более широком отражении состояния экономики и общественной жизни.

Высочайшим Манифестом от 20 сентября (по новому стилю) 1802 г. повелено: каждому Министру в конце года подавать Его Императорскому Величеству через Правительственный Сенат письменный отчет по управлению всех вверенных ему частей. Именно в этот день началось организационно-структурное оформление статистической деятельности в России.

20 марта 1811 г. создан официальный центр правительственной статистики России – Статистическая часть Российской Империи (Статистическое отделение при Министерстве полиции). Возглавил его статистик-академик К. Ф. Герман. В 1834 г. в Совете Министерства внутренних дел (МВД) учреждается особое Статистическое отделение. Согласно утвержденным 20 декабря Правилам о Статистическом отделении при Совете МВД, целью его создания было составление подробных и по возможности точных описаний состояния всех частей, подведомственных МВД. Сверх этого ему поручалось предварительное рассмотрение представленных вновь планов городов, проектов новых разделений губерний и уездов, предположений о городских доходах и расходах и рассмотрение в хозяйственном отношении предполагаемых по ведомству МВД новых зданий.

В 1850-е гг. Министерством внутренних дел выполнен ряд специальных статистических работ. По характеру эти работы можно разделить на три группы: исследования, характеризующие крепостное население России; разработка данных о ценах на земли; исследования состояния помещичьего землевладения, характера землепользования, крепостных повинностей и задолженностей помещиков [1].

В развитие отечественной статистики и организацию проведения первой переписи населения 1897 г. внес большой вклад П. П. Семенов-Тянь-Шанский – известный географ, экономист, статистик, член-эксперт редакционной комиссии по подготовке крестьянской реформы 1861 г.

Рассмотрим два основных вида учета: текущий и учет переписи населения. Статистический учет событий естественного движения населения, называемый текущим, базируется на записях актов гражданского состояния (ЗАГС). Обязательная регистрация демографических событий в России отмечается с начала XVIII в. (1702). В это время по указу Петра I началась обязательная регистрация случаев рождения и смерти в православных церковных приходах, а с 1722 по 1918 г. отмечается повсеместная практика ведения метрических книг. Но такого рода учет имел недостаток. Так, учету не были подвергнуты факты мертворождения; случаи смерти, если человек не был крещен или неправославного вероисповедания. И только в период правления Екатерины II были приняты законы о введении учета демографических событий еще и у неправославного населения.

С 1913 г. в городах была введена обязательная врачебная регистрация причин смерти, на основе которой информация о причине смерти вносилась в метрические книги. В декабре 1917 г. был издан Декрет о гражданском браке, детях и ведении книг записей актов состояния. В соответствии с этим Декретом повсеместно стали создаваться отделения для учета родившихся, умерших и вступающих в брак. На территории Коми края по состоянию на 1921 г. существовало 94 органа ЗАГСа, в том числе в Сысольском и Усть-Куломском уездах – по 27, в Усть-Вымском – 21 и Ижмо-Печорском – 19. Ими обслуживалось население численностью 201 504 чел., и можно предположить, что фактически все население, так как, согласно переписи населения 1920 г., составляла 179 847 чел. [2]. К 1928 г. формирование отделов ЗАГСа завершилось на территории Европейской части страны. К началу 1940-х гг. регистрация естественного движения существовала на всей территории страны, а с 1948 г. проводились регулярные проверки полноты регистрации. Полное формирование органов ЗАГСа в нашей стране окончилось только в 1940-х гг., в то время как в ряде европейских стран такого рода регулярный учет велся с конца XVIII в.

Учету подвергались демографические события естественного движения населения. В современных органах ЗАГСа фиксировались факты рождения, мертворождения, смерти, заключения и расторжения браков. Все отмеченные выше события прямо (рождаемость и смертность) или косвенно (заключение и расторжение брака) оказывают влияние на воспроизводство населения.

На основании информации о естественном движении рассчитываются численность населения страны, относительные показатели естественного движения (в сочетании с данными переписи населения), строятся прогнозы численности и состава населения на перспективу [3].

Законодательной базой текущего учета является Федеральный закон «Об актах гражданского состояния» (от 15.11.1997 № 143-ФЗ), который включает в себя порядок и сроки регистрации рождаемости и смертности, заключения и расторжения брака и др. Благодаря этим документам происходит упорядочение информации и определяются сроки регистрации фактов естественного движения населения.

Второй источник информации о качественных характеристиках населения – это перепись населения. По определению, данному экспертами ООН, перепись населения – это процесс сбора, обобщения, анализа и публикации демографических, экономических и социальных данных обо всем населении, проживавшем на определенный момент времени в стране или четко ограниченной части страны. История проведения переписей, ее методология, используемые вопросы достаточно полно представлены в опубликованных работах [4, 5]. Историография видов учета и особенности проведения переписей населения в Республике Коми представлены в ряде работ [6–9]. Отдельные аспекты текущего учета и расхождения их данных с итогами переписей населения и ряд других вопросов рассмотрены в материалах конференций [10–12].

В Союзе ССР организация текущего учета и проведения переписей населения была возложена на государственные органы статистики – Центральное статистическое управление СССР, в новой России – на Федеральную службу государственной статистики (Росстат). Текущий учет всех демографических событий велся ежемесячно, поквартально и итоговым результатом за конкретный год, переписи населения проводились, как правило, раз в 10 лет. К получаемой информации предъявлялись определенные требования, поскольку «качественный демографический анализ возможен лишь на основе полной, разносторонней и достоверной информации о демографических событиях» [13].

Однако вернемся к анализу текущего учета и переписей населения. Российская статистика населения основана на системе «переписи населения – текущий учет движения населения». Между переписями данные о населении рассчитываются на основе сведений о движении населения. Такая схема действует в большинстве стран с надежной демографической статистикой, но понятие «перепись» страны трактуют по-разному. Лишь в немногих странах статистика населения основана на регистрах населения. Данные, получаемые из регистра населения, точнее, но его создание и ведение сложны.

Чтобы система «перепись – текущий учет» работала, необходимо, чтобы переписи проводились по сопоставимой методике. По близкой методике были проведены советские переписи населения 1959, 1970, 1979 и 1989 гг. Методика Всероссийских переписей населения 2002 и 2010 гг.

содержала ряд существенных отличий от предыдущих, также ряд специфических особенностей имеет и перепись 2021 г.

Все три прошедшие в России после распада СССР переписи дали большую общую численность населения, чем показывали расчеты на основе данных о движении населения. Перепись 2002 г. зафиксировала на 1 млн 266 тыс. чел. больше, чем текущий расчет численности населения. Эта величина рассчитана без учета данных по Чеченской Республике, о населении которой до переписи существовали только приблизительные сведения, так как данные о движении населения республики в 1993–2002 гг. не собирались. Численность населения по переписи 2010 г. превысила текущую оценку на момент переписи на 940 тыс., а по переписи 2021 г. – на 1 млн 470 тыс. чел. [14].

Рассмотрим, насколько сопоставимыми были данные текущего учета и переписей населения 2002, 2010 и 2021 гг. по Республике Коми, а также в разрезе муниципальных образований (МО), включающих шесть городских округов и 14 муниципальных районов. Прежде чем провести анализ, сделаем небольшое методическое пояснение. Найти данные численности населения за 2003 и 2011 гг. без учета итогов переписи населения нам не удалось. В этом плане для чистоты анализа данные за 2022 г. взяты без учета итогов переписи населения 2021 г., поэтому основное внимание уделим последней переписи населения.

Можно выделить две группы МО: первую, где данные переписи населения оказались выше, чем по текущему учету, и вторую, где данные переписи населения оказались ниже, чем по текущему учету. Из 20 муниципальных образований в семи численность населения по переписи населения оказалась выше данных текущего учета. Самое большое отклонение отмечено в Койгородском МР – 113, 0 %, Прилузском – 111,2 и Корткеросском МР – 109,8 %. Наибольший недоучет населения отмечен в Удорском МР – 79,0 %, в МР Сосногорск – 83,4 и ГО Инта – 84,9 % (таблица).

Численность населения по муниципальным образованиям Республики Коми, данные текущего учета и переписей населения, 2002–2022 годы, тыс. чел.

Муниципальные образования	На 1 января 2002 г.	Перепись населения 2002 г.	На 1 января 2010 г.	Перепись населения 2010 г.	На 1 января 2022 г.	Перепись населения 2021 г.
1	2	3	4	5	6	7
Республика Коми	1117,2	1018,7	951,2	901,2	803,5	737,9
Городские округа						
Сыктывкар	242,5	245,8	251,1	250,9	258,4	233,9
Воркута	166,8	134,2	110,6	95,9	71,3	68,4
Вуктыл	24,5	18,4	15,8	14,9	11,1	10,6

Окончание табл.

1	2	3	4	5	6	7
Инта	59,4	46,4	36,4	35,2	25,8	21,9
Усинск	60,2	52,8	50,4	47,2	42,4	36,9
Ухта	125,3	127,4	127,1	121,7	110,6	96,2
Муниципальные районы						
Ижемский	23,2	21,5	19,3	18,8	16,8	16,5
Княжпогостский	30,4	29,7	25,1	23,4	18,3	15,6
Койгородский	9,8	10,0	9,0	8,4	6,9	7,8
Корткеросский	25,5	23,6	22,3	19,7	17,3	19,0
Печора	83,3	66,3	61,1	57,4	46,7	44,0
Прилузский	27,1	24,8	22,0	20,7	16,1	17,9
Сосногорск	57,8	52,5	48,7	46,8	41,6	34,7
Сыктывдинский	27,5	24,2	24,7	22,7	24,4	21,8
Сысольский	18,5	16,9	15,5	14,0	11,9	11,9
Троицко-Печорский	19,5	17,6	15,2	13,9	10,0	10,2
Удорский	24,7	25,1	22,8	20,4	16,2	12,8
Усть-Вымский	38,2	34,0	30,7	29,5	24,1	24,3
Усть-Куломский	36,4	32,1	29,8	26,8	22,7	22,7
Усть-Цилемский	16,6	15,4	13,6	13,0	10,9	10,8

Проблема недоучета / расхождения данных между итогами переписи населения 2021 г. и данными текущего учета будет еще не раз обсуждаться на страницах научных изданий. Можно привести результаты одного из первых аналитических обзоров, выполненных Е. М. Андреевым и Е. В. Чуриловой.

Перепись населения раунда 2020 г. имела ряд отличий от переписей 2002 и 2010 гг.: 1) перепись 2021 г. была проведена в разгар пандемии коронавирусной инфекции; 2) россияне впервые могли принять участие в переписи, заполнив электронные переписные листы в сети Интернет; 3) критический момент переписи приходился не на первый день проведения переписи; 4) период проведения переписи составил один месяц. Кроме того, опросы показали высокую долю населения, не принявшего личного участия в переписи.

Используя опубликованные результаты переписи населения, авторы попытались оценить влияние особенностей проведения переписи 2021 г. на точность ее результатов, а также ответить на вопрос, возможна и необходима ли корректировка демографических показателей за 2011–2021 гг. с учетом данных переписи 2021 г. Проведенный анализ показал, что в переписи 2021 г. как минимум сведения о каждом шестом жителе России были взяты из административных источников, что привело к большим расхождениям в численности населения во всех половозраст-

ных группах на основании переписи населения 2021 г. и текущих оценок численности населения. Наиболее выражено это расхождение в детских (0–14 лет) и пожилых (80 лет и старше) возрастах, что говорит о наличии проблем в административных данных этих возрастов. В целом авторы полагают, что точность данных о населении по переписи 2021 г. не ниже, чем полученных в переписях 2002 и 2010 гг., однако результаты переписи 2021 г. должны быть скорректированы.

Проблема неполного охвата населения переписью начала проявлять себя в 2002 г. и усугубилась в 2010 г., когда 2,5 % общей численности населения были посчитаны по данным административных записей. Повышение неполноты охвата населения переписью показали и данные Левада-центра (2021), согласно которым 42 % респондентов не принимали участия в переписи населения или, по крайней мере, не знают, что их переписал кто-то из родственников. В свете этих данных увеличение доли населения, переписанной по данным административных источников, неудивительно [14]. В ближайшее время предстоит сделать более детальный анализ имевшего место расхождения данных текущего учета и переписей населения.

Статья подготовлена в рамках НИР «Человеческие ресурсы северных регионов России: потенциал развития или ограничение экономического роста (№ ГР 122012700169-9, 2022–2024 гг.).

Литература

1. Росстат: официальный сайт. – Москва. – URL : <https://rosstat.gov.ru/folder/11725> (дата обращения: 18.12.2023).
2. ЦГА Коми АССР. Ф. 140. Оп. 2. Ед. хр. 249.
3. Долбик-Воробей, Т. А. Статистика населения и демография + Приложение: тесты: учебник / Т. А. Долбик-Воробей, О. Д. Воробьева. – Москва : КНОРУС, 2018. – С. 50–51 – (Магистратура).
4. История переписей населения в России / сб. информационных материалов / Челябинскстат. – Челябинск, 2009. – 66 с.
5. Лыткина, Т. С. Экономическая социология и демография: учеб. пособие / Т. С. Лыткина, В. В. Фаузер. – Сыктывкар : Изд-во СГУ им. Питирима Сорокина, 2017. – С. 25–29.
6. Становление и развитие статистической науки и практики. Доклады Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 100-летию Старовского В. Н. – Сыктывкар, 2005. – 292 с.

7. Роль статистики в современном обществе и эффективном управлении. Материалы Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 100-летию образования государственной статистики в Коми крае / Комистат. – Сыктывкар, 2019. – 419 с.
8. Роль статистики в современном обществе. Материалы заочной конференции / Комистат. – Сыктывкар, 2011. – 110 с.
9. Фаузер, В. В. Республика Коми на рубеже веков: демография, миграция, расселение / В. В. Фаузер. – Ижевск : ООО «Принт», 2023. – С. 23–61 (Б-ка демографа; вып. 22).
10. Фаузер, В. В. Статистические методы изучения социально-демографического портрета управленческих кадров организаций республики / В. В. Фаузер, И. Е. Стукалов, А. И. Черных // Становление и развитие статистической науки и практики. Доклады Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 100-летию Старовского В. Н. – Сыктывкар, 2005. – С. 275–289.
11. Фаузер, В. В. Мониторинг как метод изучения социально-трудовых отношений / В. В. Фаузер // Роль статистики в современном обществе. Материалы заочной конференции / Комистат. – Сыктывкар, 2011. – С. 93–96.
12. Фаузер, В. В. Методические вопросы сравнительного анализа результатов социологических опросов с данными статистики // Роль статистики в современном обществе и эффективном управлении. Материалы Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 100-летию образования государственной статистики в Коми крае / Комистат. – Сыктывкар, 2019. – С. 339–345.
13. Попова, Л. А. Роль данных текущей статистики в региональных демографических исследованиях / Л. А. Попова // Роль статистики в современном обществе и эффективном управлении. Материалы Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 100-летию образования государственной статистики в Коми крае / Комистат. – Сыктывкар, 2019. – С. 225.
14. Андреев, Е. М. Результаты Всероссийской переписи населения 2021 года в свете статистики текущего учета населения и переписей предыдущих лет / Е. И. Андреев, Е. В. Чурилова // Демографическое обозрение. – 2023. – 10 (3). – С. 4–20. – URL : <https://doi.org/10.17323/demreview.v10i3.17967> (дата обращения: 18.12.2023).

ИСТОРИЯ РАЗВИТИЯ ЗДРАВООХРАНЕНИЯ КОРЯКСКОГО АВТОНОМНОГО ОКРУГА

Д. Д. Чулкина, врач-ординатор

М. А. Степчук, канд. мед. наук

г. Белгород

Введение

14–13 тыс. лет назад предки современных коряков (коряк – это человек, имеющий оленей) пришли на территорию нынешнего округа. Они мигрировали из Восточной Сибири. Часть племен осела в северных регионах, часть – перебралась на Камчатку. Некоторые племена перешли по льду Берингова пролива на Аляску, стали предками индейцев Северной Америки. Между ними прослеживаются единые мифологические представления, похожие обряды, ряд общих генов. Впервые название «коряки» встречается в заметках российских колонизаторов XVIII столетия и исследователей Камчатки.

В 1770 г. на территории округа проживали только малочисленные народы Севера (м.н.с.). Население лечилось у шаманов, знахарей и повивальных бабок. Постоянное недоедание, антисанитарные жилищно-бытовые условия и отсутствие медицинской помощи приводили к вспышкам инфекционных заболеваний: холеры, кори, натуральной оспы, дифтерии, уносивших ежегодно много человеческих жизней, порой от 10 до 33 % населения (1883–1886 гг. – голод, 1890 г. – оспа, 1899 г. – корь и др.). Медработников насчитывалось единицы, в основном фельдшера. Они стремились дать населению элементарные санитарно-гигиенические знания. В то время были распространены: чесотка, трахома, сифилис, цинга, фурункулез. Народные средства (лечение травами) не всегда помогали. Продолжительность жизни составляла чуть более 30 лет. Частыми были смертельные случаи на охоте, рыбалке, в быту. Много коряков погибло в военных конфликтах, особенно в войнах с чукчами за оленей.

В 1909 г. в Петропавловске открыли больницу на пять коек, а на территории округа вел прием всего один фельдшер в с. Тигиль. В 1913 г. на Камчатке появился врач. В 1920 г. на полуострове работало 10 фельдшерских пунктов (ФП), а в Петропавловске создан комиссариат здравоохранения, который возглавил фельдшер А. С. Лукашевский, боровшийся с белогвардейскими группами Попеляева-Бочкарёва за освобождение Камчатки и округа. Из выделенных Правительством средств для поставок продовольствия на Камчатку, с целью борьбы с голодом и помощи бедному населению, часть была передана в округ. Однако положение м.н.с. в округе улучшалось медленно. Население питалось в основном рыбой, частично мясом, сладкой травой и ягодами. Элементарная культура

и санитария отсутствовали. Жили в основном в юртах, зимних землянках с выходом через отверстие в крыше. Освещением служили жирники или лучина, а в тесных маленьких домиках вместо окон были пузыри рыбы, нерпы или медведя. В 1923–1924 гг. из-за плохого подхода рыбы в Карагинском и Тигильском районах начался голод, жители вынуждены были есть собак, заваливавшиеся шкуры и кожаные ремни.

В 1925 г. для обследования м.н.с. прибыл в с. Тигиль первый врачебный отряд Красного Креста (РОККа) в составе врача, фельдшера и двух санитаров. В 1926 г. открыты фельдшерские пункты в селах Хайрюзово и Карага, а в 1927 г. – в с. Палана. В 1928 г. работало уже три отряда РОККа, закрепленных на юге округа в с. Хайрюзово, в центре – в с. Палана, на севере – в с. Пенжино, они обслуживали все население территории. Медики выезжали с базовых сел в удаленные для оказания помощи на собачьих упряжках, реже – на оленьих с примитивным набором инструментов и лекарственных препаратов, проводили и санитарно-просветительную работу.

Тяжелое наследие досталось Корякскому автономному округу в год его образования на территории севера Камчатки с суровыми метеоусловиями: зима – девять месяцев, частые ветра, пурги, метели, шторма, бездорожье, редко бывает солнце, сниженное содержание кислорода и др. [1–4].

Методология и методы исследования

В данном исследовании изучена совокупность отрицательных факторов, влияющих на состояние здоровья и развитие здравоохранения в Корякском автономном округе (КАО). При исследовании автор использовал комплекс методов: статистический, исторический, сравнительного анализа и др. С их помощью были рассчитаны показатели здоровья населения, демографические, обеспеченности сети и кадров, которые позволили сделать выводы и предложения.

Результаты и обсуждение исследования

Развитие здравоохранения. Постановлением ВЦИК «Об организации национальных объединений в районах расселения малочисленных народов Севера» от 10 декабря 1930 г. был образован Корякский национальный округ (КАО) с центром в Корякской культбазе, располагавшейся в с. Манилы Пенжинского района, в 70 км от устья р. Пенжино. В этот год в округе функционировало три больницы и четыре фельдшерско-акушерских пункта (ФАП). В 1932 г. в с. Палана была открыта сельская больница, которую разместили в доме священника Лонгинова (из четырех комнат одна служила родовой, в двух располагались семь больных, еще в одной велись прием амбулаторных больных и амбулаторное лечение). Руководил больницей до 1948 г. фельдшер. К концу 1937 г. в районах

были открыты Центральные районные больницы (ЦРБ), число коек увеличилось до 128. К 1945 г. ввели в эксплуатацию еще четыре больницы и семь ФАПов. Ликвидированы острые заразные болезни. Эту работу возглавили четыре районных (с 1940 г.) и окружная (с 1950 г.) СЭС. Средства на строительство больницы в с. Палана были выделены в 1941 г., но построили ее только в 1958 г. на 40 коек, оснащенная центральным отоплением и электроосвещением. В связи с дефицитом врачей в КАО, при окружной больнице было открыто отделение санитарной авиации (девять врачей) и три передвижных отряда для оказания врачебной помощи в районах и оленеводческих бригадах. К 1970 г. были упразднены районные и окружной отделы здравоохранения, их роль осуществляли ЦРБ и Корякская Центральная окружная больница (КЦОБ). Число ФАПов увеличилось до 56, больниц – до 33, число коек в них возросло до 775, работало 160 врачей и 338 средних медицинских работников. В районах также созданы передвижные медицинские отряды для раннего выявления малых форм туберкулеза, борьбы с трахомой, диагностики туберкулеза у детей и клинического обследования диспансерных больных. Борьбу с туберкулезом возглавили районные и окружной противотуберкулезные диспансеры. Лекарственное снабжение больниц и населения обеспечивали районные и окружная аптеки.

Под руководством главврача КЦОБ В. Кутняка в 1976 г. было введено в строй типовое здание окружной больницы на 120 коек, которое функционирует и сегодня. В конце 1984 г. приступили к работе в КЦОБ новый главврач В. И. Игнатенко и его заместитель по лечебной работе М. А. Степчук, уделявшие особое внимание укреплению материально-технической базы медучреждений округа и повышению квалификации медработников. Во многих больницах был произведен капитальный ремонт, построен ряд современных корпусов в ЦРБ и зданий поликлиник и ФАП. Ранее поликлиника КЦОБ располагалась вдали от больницы, в старом деревянном здании, и зимой медработникам и пациентам приходилось в любую непогоду перемещаться из одного здания в другое по мере необходимости (лаборатория, рентген-кабинет, скорая медицинская помощь были при больнице). В связи с этим в 1991 г. под руководством М. Степчука и по его проекту в течение года построена и введена в строй поликлиника КЦОБ с наземным переходом в здание стационара, а в 1994–1995 гг. рядом с больницей – 5-этажный жилой дом с двумя подъездами для медицинских работников. Таким образом, впервые, и не только на Камчатке, появился медицинский городок, где рядом располагались все виды медицинской помощи, и в считанные минуты была возможность вызвать необходимого специалиста для оказания экстренной помощи в любое время суток.

Работа по укреплению кадров дала результаты. В 1990 г. в округе уже работало 224 врача, из них 32 – представители м.н.с., и 663 средних медицинских работника, из них 113 – м.н.с. Росла квалификация медицинских работников: в 1990 г. с первой квалификационной категорией работало 43 врача и 57 средних медработников. Их число постоянно увеличивалось. Укомплектованность медработниками в округе в среднем в 1990 г. составляла 97 %. Низкая укомплектованность врачами была в самом северном районе – Пенжинском – 84,8 %. В удаленных селах не хотели работать ни приехавшие врачи, ни представители м.н.с. В этой связи повышать доступность медпомощи населению, особенно в суровую зимнюю погоду, помогали выездные окружные специалисты. Для них закупили специальную утепленную одежду и обувь. Выезжали на больничном тяжелом гусеничном тягаче (ГТТ). Брали с собой передвижной рентген-аппарат и лаборанта-бактериолога. Преодолевали сотни километров по бездорожью. Специалисты консультировали больных в ЦРБ и уезжали в далекие национальные села района, где проводили комплексное обследование населения, в том числе на туберкулез, альвеококкоз и онкологические заболевания. Бригада врачей из 15–16 специалистов уезжала в районы с главврачом сроком на две-три недели в каждый. Экстренную помощь жителям организовывало отделение экстренной медпомощи КЦОБ под руководством заместителя главврача по медицинской работе. Средства на санавиацию выделяло руководство округа. Однако из-за непогоды было крайне сложно это сделать, поэтому даже в маленьком селе имела участковая больница на 10–15 коек, где под руководством (по телефону) окружных специалистов оказывалась помощь до прибытия самолета [1–4].

Ситуация осложнилась в «крутые» 1990-е гг.: инфляция; задержки выплаты заработной платы; забастовки; «разгул демократии», когда главврача избирали голосованием с участием младшего персонала и рабочих хоздвора; переход на «страховую медицину» с обезличенными страховыми взносами, недоработанными медико-экономическими стандартами, которые зачастую невозможно было выполнить в большинстве больниц (отсутствие необходимого оборудования или специалиста) и т.д. Ухудшались социально-экономические условия жизни и работы жителей КАО. Это не могло не сказаться на их здоровье.

Демографическая ситуация в КАО была напряженной. Статистические данные в 1930-е гг. были во многом недостоверны: отсутствовал правильно поставленный учет случаев рождений и смерти; отмечен значительный недоучет населения, особенно кочующего; отсутствовали данные за определенные периоды. Данные первой приполярной переписи

си (1926–1927) также нельзя считать достоверными: перепутали эвенов с эвенками, ительменов с коряками и др. По данным окрстата, в округе в 1930 г. проживали 13 тыс. чел., среди них пришлое население – всего 3500 (26,9 %), м.н.с. – 9500 (73,1), в том числе: коряки – 7020 (73,9); чукчи – 1020 (10,74); ительмены – 820 (8,63); эвены – 640 (6,74 %). За 60 лет (1930–1990) численность населения увеличилась в три раза, в основном за счет пришлого населения, и составила в 1990 г. – 39 363 чел. (60 национальностей), в том числе: пришлое население – 29 241 (74,3 %); м.н.с. – 10 122 (25,7). Таким образом, в связи с социальными преобразованиями в западных районах страны и развитием округа, пришлое население увеличилось в 8,4 раза, а м.н.с. – всего на 6,5 %. При этом необходимо учесть, что большинство чукчей и эвенов эмигрировали в свой округ, а низкий темп прироста м.н.с. в первые десятилетия существования округа с высокой смертностью связан и с тем, что в 1950-е гг. треть представителей м.н.с. записывались русскими, и только после 1956 г., когда были введены льготы северянам, процесс получил обратное развитие.

В течение 15 лет (1985–1990) за счет улучшения условий жизни м.н.с., роста их культуры, повышения качества оказания медицинской помощи и более высокой рождаемости увеличился естественный прирост м.н.с. Подтверждением этого стал рост численности детей м.н.с. на 11,5 % при росте численности детей всего в округе на 1,5 %. Этому также способствовало улучшение статистики. Однако в демографической ситуации в округе в целом наметилась отрицательная динамика. На фоне продолжающегося снижения рождаемости на 15,8 % отмечен рост на 11,1 % показателей общей смертности, которые достигли в 1990 г. 16,0 и 8,0 соответственно (на 1 тыс. населения). В результате на 32,2 % уменьшился естественный прирост населения. Напряженность демографической ситуации усилилась за 1990–1994 гг.: рождаемость снизилась еще на 23,7 %, смертность выросла на 63,7 %, началась естественная убыль населения. Кроме того, в связи с социальными преобразованиями увеличился отток населения. В результате численность населения в округе уменьшилась еще на 14,5 % и составила 33,7 тыс. чел. Продолжались ассимиляция и отток м.н.с. из округа. В год 90-летия со дня образования КАО численность населения в округе составила всего 15,7 тыс. чел. (уменьшилась еще в 2,4 раза). Это обусловлено ухудшением социально-экономических условий в округе, продолжающимся оттоком населения, ростом доли пожилого населения, дальнейшим снижением рождаемости, ростом смертности, снижением продолжительности активной жизни жителей [1–4].

Состояние здоровья населения. Анализ общей заболеваемости показал, что ее уровень с 1985 по 1994 г. увеличился на 5,8 %, а среди м.н.с. –

на 10,3 % и превышает уровень заболеваемости населения области на 36,7 %, а по РФ – на 49,4 % [1–6]. В округе были широко распространены среди м.н.с. заболевания альвеококкозом и туберкулезом. Среди всего населения отмечен высокий уровень сердечно-сосудистых заболеваний, болезней органов дыхания, пищеварения и опорно-двигательного аппарата. Рос уровень онкологических заболеваний. Этому способствовали и суровые климатогеографические условия. Сказывалась и смена питания м.н.с., которую изучил автор. Завоз продуктов питания оленеводам в стойбища организовывало руководство совхозов, и оленеводы практически перешли на европейский тип питания. Рацион питания береговых коряков также изменился. Среди всего населения отмечен дефицит большинства витаминов и ряда микроэлементов. Рацион питания не был сбалансирован по основным ингредиентам (белкам, жирам и углеводам).

Все перечисленные отрицательные факторы сказались на ожидаемой продолжительности жизни населения КАО. Если в 1930-е гг. она была несколько выше 30 лет, то в 1987 г. средний возраст умерших достиг 55 лет, а к 1994 г. он снова снизился до 50 лет. Этот процесс и сегодня не имеет тенденции к значимому улучшению как в округе, так и в Камчатском крае. Так, в 2022 г. в крае снизился до уровня 2021 г. на 14,5 % индекс промышленного производства, выросли на 11,1 % потребительские цены и на 22 % – индекс промышленных цен производителей и др. Численность населения в 2001 г. составляла 384,2 тыс. чел., в 2022 г. – 312,7 тыс. чел. (снижение – на 18,6 %). Показатели рождаемости в 2022 г. составили 9,6 на 1 тыс. населения, смертности – 12,2 что свидетельствует о превышении смертности над рождаемостью на 27,1 %.

Заключение

Таким образом, в результате исследования установлено, что за 60 лет развития здравоохранение КАО претерпело значительные преобразования. Увеличилось число больниц, врачей, повысился уровень их квалификации, организовано оказание квалифицированной медицинской помощи населению, в том числе силами передвижных отрядов и санитарной авиации. В результате улучшения за 1985–1990 гг. социально-экономических условий и качества оказания медпомощи, роста культуры и более высокой рождаемости м.н.с. увеличился их естественный прирост. Однако демографическая ситуация в округе продолжает ухудшаться за счет снижения рождаемости, роста смертности и оттока населения. Растет заболеваемость населения, которая в последние годы носит нестабильный характер. В отдельные годы некоторые демографические показатели колеблются, нарушая общую тенденцию.

Рекомендации: улучшение как социально-экономической ситуации, так и оснащения больниц современным диагностическим и лечебным обо-

рудованием, эффективными медикаментами; повышение эффективности работы передвижных отрядов; создание условий широкого использования м.н.с. традиционного хозяйствования и традиционного питания, обеспечивающих оптимальные адаптивные условия жизнедеятельности и сохранения их активного здоровья.

Литература

1. Корякский округ: даты, события, факты: справочное издание: [от первых письменных упоминаний об округе до наших дней] / авт.-сост. Т. М. Хелол, В. Т. Броневиц, В. А. Мышляев // Петропавловск-Камчатский : Камчатпресс, 2018. – 336 с.
2. Электронный ресурс: [https://ru.wikipedia.org/wiki/ Корякский округ](https://ru.wikipedia.org/wiki/Корякский_округ) (дата обращения: 18.12.2023).
3. Электронный ресурс: <https://kamgov.ru/korakskij-okrug> (дата обращения: 18.12.2023).
4. Я сердце отдаю Палане... Книга: документы, воспоминания, фотографии, стихи и песни / под общ. ред. В. Т. Кравченко // Палана; Петропавловск-Камчатский : Изд. «Камчатпресс», 2007. – 111 с.
5. Демографический ежегодник России. 2022: Стат. сб. / Росстат. – Москва, 2021. – 275 с.
6. Камчатский край в цифрах. 2022: Краткий статистический сборник. – П-Камчатский : Камчатстат, 2022. – 142 с.

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ МОДЕРНИЗАЦИИ ТЕРРИТОРИАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ

З. К. Чуланова, канд. экон. наук, доцент,

Н. Ж. Бримбетова, канд. экон. наук, доцент

Институт экономики КН МНВО Республики Казахстан, г. Алматы

Западный Казахстан – это крупный регион, определяющий своим развитием народнохозяйственную специализацию страны и способствующий реализации национальных интересов. В этот регион входят четыре области, территориально-отраслевая структура которых, несмотря на многогранность и перспективность, требует модернизации.

Приоритетами развития Актюбинской области являются урбанизация и обеспечение качества жизни населения на территории при сохранении ее роли как крупного поставщика углеводородного сырья, продуктов металлургической и химической промышленности, машиностроительной отрасли. С учетом имеющихся возможностей усиливается роль области

как транспортно-логистического хаба всего Западного региона с развитой инфраструктурой.

Атырауская область расположена в транспортном коридоре, соединяющем Восточную Европу и Закавказье с Центрально-Азиатским регионом и КНР, через Каспийское море с Ираном, Туркменистаном, Азербайджаном, граничит с Астраханской областью России.

Промышленный потенциал определяют крупные экспортоориентированные компании по добыче сырой нефти и попутного газа, перегонке нефти, производству и распределению электроэнергии. Несмотря на то, что регион имеет большую долю в ВВП страны, вопросы занятости городского и сельского населения остаются проблемными, генерируя угрозу бедности.

Приоритетом территориально-пространственного развития Западно-Казахстанской области является обеспечение комфортного проживания населения (в основном концентрирующегося в городах Уральске, Аксай и в крупных селах, относящихся к точкам экономического роста), направленного на повышение доступности социальных благ населению.

Имеющийся приграничный потенциал области, близость к индустриально развитым Уральскому и Поволжскому районам России, являются фактором долгосрочного развития территории, так как близлежащие города Самара и Оренбург могут служить центром экономического притяжения населения области.

Запасы нефти, газа, фосфорита, угля, марганца, различных солей, ракушечника определяют специализацию Мангистауской области. В области сосредоточен ряд крупных и средних предприятий, оказывающих нефтедобывающим компаниям всего Западного региона различные услуги: по бурению, строительные, транспортные, по обустройству площадок для скважин и др. Развитая физическая инфраструктура области, наличие транспортных и строительных организаций, крупных складских помещений способствуют развитию нефтесервисного подкластера в регионе. Усиление этих позитивных моментов в областях Западного Казахстана требует модернизации развития территорий данного пространства.

Одним из слабых мест в процессе модернизации территории является отсутствие методической базы, позволяющей оценить перспективы регионального развития. Каждый регион, город, населенный пункт должны развиваться, учитывая свои ресурсные возможности и ориентируясь на конкретные научно обоснованные показатели, а не на среднереспубликанские данные. Достижение устойчивого развития экономики в регионе обусловлено наличием ресурсных возможностей и разумным их управлением, т.е. важно идти в правильном направлении, не вступая в конфликт с объективными факторами и условиями воспроизводства на территории.

Функцию такого ориентира должна выполнять концепция или модель устойчивого развития региона, которая предполагает комплексную и эффективную территориальную организацию производства и расселения населения. Общий эффект складывается из эффектов от рационального размещения производительных сил, правильного сочетания инфраструктуры (производственной, социальной и рыночной) и основного производства и рационального (правильного) расселения населения. В этой связи обеспечение устойчивого развития, поддержание необходимых территориальных пропорций в экономике, недопущение чрезмерной дифференциации регионов по уровню социально-экономического развития, обеспечение эффективного функционирования общереспубликанского рынка являются важнейшими аспектами модернизации национальной экономики и ее устойчивого развития. Формирование новой региональной политики Казахстана требует выявления тенденций территориального развития, выработки механизмов совершенствования экономических, социальных и институциональных отношений [1].

Различный стартовый уровень социально-экономического развития регионов обусловил неодинаковость темпов их адаптации к рынку, что впоследствии еще больше усилило дифференциацию регионального развития. Первая негативная тенденция была связана с тем, что в условиях действия механизма конкуренции регионы стали различаться по их конкурентным преимуществам и недостаткам. В свою очередь, это повлияло на неодинаковость процесса адаптации к рынку регионов с разной структурой экономики. И, наконец, существенное ослабление государственного регулирования регионального развития (в частности, отмена некоторых региональных экономических и социальных компенсаций) повлияло на региональную дифференциацию в уровнях социально-экономического развития.

Второй негативной тенденцией территориального развития страны является появление проблемных территорий, в частности, депрессивных, характеризующихся устойчивым и глубоким спадом экономической активности и резким снижением уровня жизни населения. Положение ряда депрессивных регионов может улучшиться за счет расширения внутреннего спроса, в том числе импортозамещения, за счет осуществления диверсификации, конверсии, модернизации производства, стимулирования развития малого бизнеса, улучшения местного инвестиционного климата, поиска новых рынков сбыта и т.д. Все-таки депрессивные регионы должны быть объектами прямого государственного регулирования.

Третья негативная тенденция объясняется тем, что в результате ослабления экономических связей между областями, городами межрегиональные отношения вытеснены внешнеэкономическими. Региональная

замкнутость не выгодна как территории, так и стране в целом, так как сужается рынок сбыта продукции, что отражается в конечном итоге на эффективности регионального развития.

Таким образом, имевшие место в экономике негативные тенденции территориального развития, извлечение уроков из анализа их действия должны послужить объективной предпосылкой формирования региональной политики нового качества, направленной на устойчивое развитие регионов. Основные принципы, на которые необходимо опираться при разработке региональной политики, следующие:

- ослабление региональной дифференциации возможно только на основе экономического роста и развития всех регионов с опорой на собственные силы;

- государственное регулирование территориального развития должно стремиться к разумному компромиссу между поддержкой бедных и созданием условий для развития отсталых регионов;

- финансовая поддержка должна оказываться не только депрессивным регионам, но и другим, вложения в развитие которых предполагаются высокоэффективными;

- помощь отсталым регионам, в первую очередь, исходит из критерия экономической эффективности с учетом поддержания социальной справедливости.

Главной целью региональной политики нового качества должно стать обеспечение экономической безопасности и гармоничного развития всех регионов на основе их оптимальной специализации, рационального размещения производительных сил, использования ресурсного потенциала и конкурентных преимуществ.

Реализация новой региональной политики должна быть рассчитана на следующие этапы:

- завершение переходного периода;

- переход к качественному изменению размещения производства, природопользования, состояния окружающей среды;

- новый подход к расселению населения, развитию транспорта и связи;

- начало выхода на траекторию устойчивого развития экономики регионов и обеспечения их конкурентоспособности.

Прохождение через эти этапы позволит подойти к решению проблемы модернизации экономического пространства. Для региональной политики нового качества характерным должно стать усиление внимания к проблемам совершенствования территориальной организации производительных сил и развития инфраструктуры (производственной, социальной, институциональной) на всех иерархических уровнях.

В числе ключевых проблем реализации региональной политики нового качества ставится достижение такого объема и структуры производства в регионах страны, которые способствуют эффективному территориальному развитию. На этой основе в условиях укрепления рыночных отношений будет происходить формирование новых территориальных пропорций производства и потребления по топливно-сырьевым и продовольственным товарам, промышленному оборудованию и транспортным средствам, а также по продукции со средней и высокой степенью наукоемкости.

Немаловажным моментом в реализации новой региональной политики на макроуровне является ускорение формирования региональных систем расселения населения и размещения производств, учитывающих природно-экономические особенности развития отдельных территорий, в границах которых обеспечивается благоприятная среда для жизни человека, комплексное развитие производственной и непроизводственной сфер.

С позиции местного хозяйства на первый план выходят проблемы реализации принципиально новых хозяйственно-экономических и территориальных решений при освоении малых и небольших источников природных ресурсов в целях сохранения экологического равновесия. Это позволит существенно расширить площади хозяйственно используемых земель.

Таким образом, формирование нового качества экономических отношений в регионах, направленного на устойчивое развитие экономики, предусматривает рассмотрение следующих приоритетов, которые обеспечат модернизацию территории:

- узловые проблемы регионального социально-экономического развития страны в перспективе и особенности государственной региональной политики;
- экономические и социальные пропорции потребностей в важнейших видах товаров и услуг, межрегиональные пропорции ресурсной базы, обеспечивающей эти потребности (по вариантам);
- определение народнохозяйственной специализации регионов в изменяющихся условиях территориального разделения труда;
- важнейшие особенности межрегионального обмена и формирования общекзахстанского рынка (по вариантам);
- обоснование состава и направлений перспективного развития проблемных регионов.

На наш взгляд, модернизация территориального развития – есть объективно необходимый, постепенный переход к новой пространственной экономике, новой системе расселения населения, новой структуре отношений между государственными, местными органами управления,

хозяйствующими субъектами и населением, нацеленной на развитость внутрисубъектского рынка товаров и услуг, конкурентоспособность отраслей экономики и обеспечение устойчивого развития регионов. Таким образом, положения, входящие в понятие модернизации территории, в сущности предполагают обеспечение эффективности функционирования региональных систем, которая проявляется неоднозначно, комплексно [1].

Во-первых, эффективное функционирование регионов должно касаться социального аспекта:

- при рентабельном производстве на территории должна быть достойная оплата труда работников;
- высокопроизводительные предприятия должны обеспечивать своим работникам высокий уровень жизни и одновременно создавать новые места для обеспечения населения, проживающего на данной территории, работой.

Во-вторых, на территории должен быть обеспечен высокоорганизованный тип хозяйствования, когда:

- конкурентоспособность поддерживается за счет повышения технического уровня производства и внедрения высоких ресурсосберегающих технологий;
- происходит диверсификация производства и его адаптация к меняющимся условиям.

В-третьих, должна функционировать такая система социальной защиты, когда будут задействованы резервы, заложенные в естественном человеческом стремлении к самореализации, т. е. созданы условия обеспечения подлинной социальной эффективности экономики, которая была бы в состоянии реализовать глубокую модернизацию экономического пространства регионов и прогресс общества.

Вышесказанное позволяет выделить минимальный набор требований к экономической системе, которая на основе модернизации территориального развития сможет обеспечить и поддержать конкурентоспособность экономики регионов и страны в целом. Социально эффективная экономика должна:

- характеризоваться динамичностью и способностью к саморазвитию;
- вовлекать в свою орбиту все общество, а не только один социальный слой или население отдельных территорий;
- позволять эффективно использовать все производительные ресурсы общества (в первую очередь человеческие);
- содействовать реализации интеллектуального потенциала на основе развития науки и образования и повышению его востребованности народным хозяйством.

В этой связи набор требований к модернизации территориального развития, которые впоследствии найдут отражение в критериях выбора стратегии регионального экономического развития, позволяет сформулировать необходимость диверсификации экономики регионов как основы выработки новой пространственной политики [2].

Статья подготовлена в рамках программно-целевого финансирования Комитетом науки Министерства науки и высшего образования Республики Казахстан исследования «Устойчивое развитие природно-хозяйственных и социально-экономических систем Западно-Казахстанского региона в контексте зеленого роста: комплексный анализ, потенциал, природные оценки и сценарии» (ИРН BR 21882122).

Литература

1. Бримбетова, Н. Ж. Модернизация территориального развития Казахстана: методология и приоритеты / Н. Ж. Бримбетова. – Алматы : Институт экономики КН МОН РК, 2011. – 229 с.
2. Салихов, Ш. М. Развитие производительных сил как критерий экономического прогресса / Ш. М. Салихов // Региональная экономика: теория и практика. – 2004. – № 6. – С. 40–45.

ТРАНСФОРМАЦИЯ БРАЧНО-СЕМЕЙНЫХ ОТНОШЕНИЙ В РОССИИ В ПЕРИОД XX–XXI ВЕКОВ

Е. А. Чупрова, аспирант

*Институт социально-экономических и энергетических проблем Севера
ФИЦ Коми НЦ УрО РАН, г. Сыктывкар*

Социально-экономические трансформации и изменение условий жизни в России обусловили серьезные преобразования в сфере брака и семьи. Семья играла и продолжает играть важнейшую роль в жизни человека и формировании личности, она закладывает основы нравственности человека, помогает раскрыть индивидуальные черты личности [1].

Ряд международно-правовых актов указывает на понятие «семья». Например, в статье 16 Всеобщей декларации прав человека 1948 г. отмечено, что «семья является естественной и основной ячейкой общества и имеет право на защиту со стороны общества и государства» [2]. Статья 23 Международного пакта о гражданских и политических правах 1966 г. обращает внимание на право семьи на защиту со стороны общества и государства [3]. В конвенции ООН о правах ребенка 1989 г. «се-

мья рассматривается как основная ячейка общества и естественная среда для роста и благополучия всех ее членов, особенно детей, которой должны быть предоставлены необходимые защита и содействие с тем, чтобы она могла полностью возложить на себя обязанности в рамках общества» [4, 5]. Можно заметить, что определение семьи в международных правовых актах определяется как естественная и основная ячейка общества, что отражает внешнюю связь между семьей и обществом, но не раскрывает внутреннюю природу этого явления. Цель различных отраслей права состояла в предоставлении правовой защиты семейным отношениям, но каждая отрасль толковала понятие «семья» по-своему. Так, весьма существенные изменения происходили в понятии «семья» на протяжении истории человечества.

В Российском законодательстве нет развернутого, полного определения категории «семья», лишь отмечается, что это союз мужчины и женщины [6]. Возможно, причина кроется в том, что понятие семьи имеет социологический, а не правовой характер [7]. Так, в дореволюционный период правоведы рассматривали семью как союз лиц, связанных браком, а также лиц, происходящих от этого [8], при этом отмечали, что в основе семьи лежит физиологический момент (этим, в свою очередь, определяется элементарный состав семьи, соединение мужчины и женщины); физический и нравственный склад семьи создается помимо права, а юридический элемент необходим и целесообразен в области имущественных отношений членов семьи [8, 9]. Говоря о семейных ценностях, невозможно отрицать, что «это взаимосвязь моральных, нравственных, культурных, традиционных особенностей в малой социальной группе, основанной на браке, кровном родстве, при заключении брака...» [10].

В наши дни наблюдается размывание традиционных требований к семье: нарушение последовательности брачность – сексуальность – прокреация (рождение, появление на свет) уже не является нарушением социокультурных норм. Все больше людей считают, что в брак вступать предпочтительно, но необязательно; иметь детей желательно, но их отсутствие не является аномалией. Происходит изменение структуры семей в сторону уменьшения доли их классического типа, увеличивается доля неполных семей, образовавшихся вследствие внебрачных рождений и разводов, а также союзов юридически неоформленных браков. Но каким изменениям подвергся институт семьи и брака за последние 100 лет в России (СССР) [11]?

Конец XIX – начало XX в. показало, что ценностные установки российского населения на брачно-семейные отношения, как правило, основывались на религиозных взглядах. Для России были характерны различные вероисповедания, наиболее распространенными являлись христианство,

ислам и иудаизм [12]. Существование различных вероисповеданий в России определяло вступление в брак людей одной религии и национальности и создавало запреты на межнациональные браки. Так, статья 1 тома 10 Свода законов Российской Империи определяла, что «Лица Православного исповедания всех без различия состояний могут вступать между собой в брак, не испрашивая на сие ни особого от правительства дозволения, ни увольнения от сословий и обществ, к которым они принадлежат» [13]. Брачный возраст устанавливался единым для представителей всех религиозных конфессий: 18 лет – для мужчин и 16 – для женщин, исключением была территория Закавказья, где устанавливался особый возраст: 15 – для мужчин и 13 – для женщин. Также был установлен верхний предел брачного возраста – 80 лет, запрещался брак с монахами и лицами, посвященными в иерейский и дьяконский саны, а также с «безумными и сумасшедшими». Вступление в брак и создание семьи являлось долгом перед Богом и обществом, при этом пожелание и чувства людей, вступавших в этот брак, обычно не учитывались.

Несмотря на сложившуюся систему семейных отношений, в начале XX в. постепенно религиозные ценности брака и семьи перестали удовлетворять потребности населения. На смену им приходит революционное понимание семейных отношений, которое в корне меняет образ семьи начала XX в. Так, отвергается обязательность церковного брака, устанавливается свобода не только вступления в брак, но и развода. Основная задача советского государства в области семейной политики состояла в том, чтобы подорвать ценность патриархальной семьи с ее гендерными стереотипами и создать новый тип «ячейки общества». Конечной целью такого подхода к семейным отношениям было формирование идеала социалистической семьи, которая бы находилась под тотальным контролем государства [14, с. 21–24].

Октябрьская революция 1917 г. внесла свои коррективы в институт семьи, и начался период становления так называемого «советского семейного права», первыми источниками которого были декреты ВЦИК и СНК РСФСР от 18 декабря 1917 г. «О гражданском браке, о детях и о ведении книг актов состояния» [15] и от 19 декабря 1917 г. «О расторжении брака» [16]. В октябре 1918 г. принимается первый семейный кодекс – «Кодекс законов об актах гражданского состояния, брачности, семейном и опекунском праве РСФСР» [17], который устранял все ранее существовавшие социальные и сословные, национальные и религиозные запреты при вступлении в брак. Юридическая сила признавалась только за гражданским браком, а именно зарегистрированным в органах ЗАГС [18].

В 1920–1930-е гг. свои взгляды на брак и семью выразили в работах партийные и государственные деятели. Например, А. М. Коллонтай (ре-

волюционерка; первая женщина на посту министра в Кабинете министров и женщина-посол) [19–21] считала, что брак должен быть союзом равноправных и свободных людей. Также в обществе преобладали взгляды на брак как союз равноправных и свободных людей, независимый от социальной, религиозной и национальной принадлежности, расторгимый, не подлежащий социальному и государственному контролю. Эти взгляды проявились в 1926 г. в ходе обсуждения проекта нового брачного законодательства [22–24].

Новый Кодекс [17] был принят 19 ноября 1926 г. и вступил в силу с 1 января 1927 г. Он оказал немалое значение в разрушении традиционной семьи и способствовал формированию семьи, освобожденной от прежних ограничений, запретов и условностей, выработанных дореволюционным обществом. В Кодексе признавалась юридическая сила за незарегистрированными в органах ЗАГСа, т.е. фактическими, браками. Это означало, что лица, состоявшие в незарегистрированном браке, получали такие же права, как и в зарегистрированном брачном союзе: на имущество, получение содержания от супруга в случае нетрудоспособности по состоянию здоровья, безработицы, беременности и послеродового периода, а также выплату алиментов на ребенка [18, 25].

Признание юридических прав женщин во всех сферах российского общества стало главным фактором в изменении традиционных брачно-семейных ценностей, при этом значение женщины оставалось в большинстве случаев традиционным, а следовательно, оставалась подчиненная родителям дочь, мужу – жена, мать, хозяйка дома и воспитательница детей. Женщины, находившиеся в браке и имевшие детей, зачастую не участвовали в общественном производстве, а занимались исключительно семьей и домом [26].

Постепенно признание равноправия женщин стало проявляться все сильнее, несмотря на все еще возникающие противоречия в обществе и семье. При вступлении в брак преобладал свободный выбор будущего супруга или супруги. В большинстве случаев брак основывался на взаимных чувствах, интересах, желаниях и потребностях, а мотивы расчета и материального интереса значительно сократились.

В 1930-х гг. брачно-семейные отношения и ценности укрепились в сознании населения еще больше. В условиях индустриализации российского общества расширилось применение женского труда в промышленности и сельском хозяйстве, на транспорте и связи, в торговле и общественном питании, просвещении и здравоохранении и во многих других сферах. Женщины начали осваивать мужские профессии, новым витком стало значительное увеличение женщин, работавших в государственных учреждениях, партийных и общественных организациях. Они стремились

повысить свой образовательный уровень, что отразилось в данных Всесоюзной переписи населения 1939 г. – на 1 тыс. чел. населения приходилось женщин со средним образованием – 69,0, мужчин – 85,5; с высшим образованием – 4,2 и 9,8 соответственно [27].

Использование женского труда и увеличение образовательного уровня повлияли на рост экономической и морально-психологической самостоятельности женщин, заметно выросли внесемейные интересы женщин, сложнее и разнообразнее становились их потребности не только в профессиональной, но и семейной жизни. Значительно расширились брачные контакты молодежи, их интересы были связаны со многими учебными, профессиональными и общественными делами.

В этот период наблюдалось значительное усиление контроля над брачно-семейными отношениями со стороны комсомольских, партийных и профсоюзных организаций. Общественные организации имели право вторгаться и диктовать условия в решении сложных проблем брака и семьи. Данный контроль заметно усилился из-за проведения в РСФСР паспортизации и введения в 1932 г. в городах прописки.

В годы Великой Отечественной войны (1941–1945) увеличилось число женщин репродуктивного возраста, не состоявших в браке, неполных семей, вдов и разведенных женщин, а также материнских семей (женщина, не состоявшая в браке, воспитывает ребенка одна). Существенные изменения в семейное законодательство внес Указ Президиума Верховного Совета СССР от 8 июля 1944 г. «Об увеличении государственной помощи беременным женщинам, многодетным и одиноким матерям». В соответствии с ним юридическая сила стала придаваться только зарегистрированным бракам, была усложнена процедура развода, отменено право одинокой матери на обращение в суд с иском об установлении отцовства и о взыскании алиментов на содержание ребенка, рожденного вне брака. Одновременно одиноким матерям предоставлялось право либо получать государственное пособие на ребенка, либо отдавать его в детские учреждения.

Фактическим супругам статья 19 Указа предписывала оформить свои отношения в ЗАГСе (с указанием в свидетельстве о браке даты начала фактического совместного проживания). Была введена двухступенчатая процедура развода: районные (городские) народные суды лишь выясняли причины и мотивы развода, пытались примирить супругов (первая стадия), а окончательное решение мог вынести только вышестоящий суд (вторая стадия); допускались отказы в расторжении брака.

В пункте 22 Указа от 8 июля 1944 г. впервые законодательно закреплялось правило, что в паспортах должна содержаться запись о регистрации брака, имеющая информацию о фамилии, имени, отчестве и год рождения супруга, месте и времени регистрации брака. Названная норма

действовала недолго – она была отменена Указом Президиума Верховного Совета РСФСР от 16 апреля 1945 г. Однако в дальнейшем к этому правилу вернулись. Как известно, и в настоящее время в паспортах граждан Российской Федерации в штампе о регистрации брака содержатся те же самые сведения, которые требовались еще Указом от 8 июля 1944 г. Во время военных лет самостоятельность женщин сильно повысилась, в отличие от прошлых лет. Все это оказало серьезное влияние на изменение традиционных семейных ценностей в послевоенный период, особенно в годы «Хрущёвской оттепели» [28].

В этот период начинают ослабевать консервативные установки. Мотивация вступить в брак и завести детей значительно возросла, что отражает растущую важность самостоятельного выбора брака для обоих полов. Согласие родителей на брачный выбор детей учитывалось, но решающего значения их голос уже не имел [29, 30].

В послевоенный период в супружеских отношениях большое значение придавалось общности идейных взглядов и убеждений. Обеспечение стабильности и духовной близости в супружеской паре, понимание значимости идейной поддержки и взаимного содействия в целях построения коммунистического общества были ключевыми факторами в идеологической концепции супружеских отношений [31].

Вторая половина XX в. характеризуется более современными нормами брачно-семейных отношений, усиливается автономность семьи. Указом, принятым Президиумом Верховного Совета СССР 10 октября 1965 г., происходит упрощение процедуры развода, сокращается судебное рассмотрение дел с двух инстанций до одной [32]. Также было отменено положение Указа Президиума Верховного Совета СССР от 8 июля 1944 г. о публикации в газете объявления о расторжении брака [33].

В Кодексе о браке и семье РСФСР, принятом в 1969 г., процедура развода была еще более упрощена [34]. Так, супруги, не имевшие общих детей до 18 лет, при обоюдном согласии имели право не обращаться в судебные инстанции, а разводиться в ЗАГСе. В новом Кодексе четко указывалось, что правовое регулирование брачных отношений в РСФСР осуществляется только государством. Юридические последствия порождал только брак, зарегистрированный в установленном законом порядке государственными органами записи актов гражданского состояния или иными уполномоченными органами, как, например, председателями поселковых (сельских) Советов и т.п.

В эпоху 1970-х и 1980-х гг. семейным ценностям были свойственны новые аспекты. Заметно изменилось отношение к сексуальности и брачному поведению, появляется выбор, который может привести как к вступлению в брак и созданию семьи, так и к отношениям без официального заключения брака. Такие ценностные установки влияют на количе-

ство внебрачных рождений у женщин в возрасте до 18 лет [35, с. 39; 36]. Столкновение в семье современных и традиционных ценностей нередко порождало острые противоречия и вызывало конфликты между супругами, родителями и детьми [35, с. 66; 36, с. 65–71; 37].

С возрастом меняются установки женщин в отношении счастливой семейной жизни. Согласно отчету социологов, ценность удовлетворительного брака у женщин всех категорий постепенно снижается по мере старения. Эта тенденция проявляется с большей интенсивностью у женщин, которые никогда не были в браке, по сравнению с теми, кто уже был в состоянии супружества. Также было отмечено, что существует прямая связь между уровнем образования и ценностями воспитания детей, так как с увеличением уровня образования наблюдается снижение значимости некоторых ценностей, связанных с воспитанием детей, поскольку женщины, достигшие высокого уровня образования, часто стремятся реализовать себя профессионально и отдать больше времени работе, а не семье. Они видят в карьере и трудовых достижениях главный источник самоутверждения и удовлетворения [38, 39].

В период 1990-х гг. социальная нестабильность общества в России и существенное снижение уровня жизни большинства населения стали неотъемлемой частью повседневной реальности. Эти трудности повлекли за собой многочисленные стрессовые ситуации, которые привели к глубочайшим эмоциональным переживаниям. Отсутствие финансовой стабильности и эмоциональной устойчивости у россиян того периода способствовало ухудшению качества жизни и созданию нервного напряжения внутри семей.

Данные выборочного обследования, проведенного Госкомстатом России в конце 1992 г., говорят о широком распространении материнских семей; повышалось число супружеских пар, не желавших иметь детей. Отмечается, что 2,0 % молодоженов не хотели иметь детей, что значительно влияло на уровень рождаемости в российском обществе. Демографы также отмечали существовавшее в современном российском обществе разделение институтов брака и семьи, что соответствовало повышению числа внебрачных рождений и фактических браков. Если в Российской Федерации в 1980 г. процент родившихся вне брака в общей численности родившихся составлял 10,8 %, то в 1994 гг. – 19,6 % [40].

Ценностные установки российских женщин претерпели значительные изменения. В прошлом женщины ограничивались ролью домохозяйки и матери, отдавая предпочтение семейным ценностям и благополучию своих детей, но не в период 1990-х гг., когда на первый план стало выходить карьерное продвижение [41]. Однако в семейных установках населения, как и в предыдущие годы, сохранялось стремление к взаимной люб-

ви и уважению, равноправию и партнерству супругов, психологической близости между родителями и детьми. Важно отметить, что эти ценности были отражены в Семейном кодексе Российской Федерации 1995 г. [42], принятом 29 декабря 1995 г.

Браки, заключенные в 1990-х гг., были тесно связаны и с регулированием прав собственности, что привело к увеличению интереса, особенно среди молодежи, к прагматизму и рационализму, а также способствовало распространению так называемых «браков по расчету». В то же время в обществе группы людей, обладавших значительными имущественными и финансовыми ресурсами, часто придерживались традиционных ценностей брачной и семейной жизни, таких как роль отца в семье и положение неработающей матери. Национальные регионы России также сохраняли традиционные отношения во многих семьях на протяжении этих лет.

Конец XX в. был отмечен кардинальными изменениями в социально-экономической жизни российского общества. Наблюдавшийся кризис мировоззрения, культурный перелом, переоценка ценностей отразились на институте семьи. Расширение экономической функции семьи приводит к ослаблению воспитательных и репродуктивных функций, увеличению разводов, разорванности семейных связей и родственных отношений. В связи с этим актуализировались такие проблемы семьи, как недостаточный уровень материального обеспечения, рост неполных семей, увеличение внебрачной рождаемости, снижение педагогической культуры родителей и мн. др. [14, с. 4].

Начало XXI в. приносит с собой новые вызовы и изменения в семейную жизнь. В современном обществе возникают трансформационные процессы, которые оказывают влияние на семейные ценности и представления. Современная семья стала более гибкой и разнообразной, отходя от стандартного образа семейного устройства [43].

Такие трансформации связаны со множеством факторов, включая глобализацию и культурный обмен. Привнесенные извне ценности и представления о семье начинают проникать в общество и влиять на его менталитет. В результате семья в начале XXI в. становится примером смешения различных культурных и ценностных установок. Она может быть представлена в различных формах: нуклеарная, однополая, многодетная и т.д. Семья перестает быть ограниченной определенными рамками и стандартами и становится более открытой и гибкой.

Благодаря влиянию телевидения, литературы и СМИ, играющих огромную роль в современном обществе, мы стали свидетелями трансформации традиционной гендерной идентичности и формирования новых моделей гендерных отношений в семье, которые напрямую связаны с самооценкой мужчины и женщины. В целом направление трансформацион-

ных процессов в семье в начале XXI в. характеризуется неоднородностью и противоречивостью ценностей, а также объединением советских ментальных стереотипов и новых современных представлений о семье, которые формируются под влиянием глобализации и культурных изменений. Таким образом, за 100 лет семейно-брачные отношения прошли долгий и тернистый путь. Распространение социально-экономических изменений и эволюция жизненных условий в Российской Федерации привели к существенным преобразованиям в области брака и семьи.

Семья XXI в. является итогом социальной эволюции за 100 лет. Одна эпоха сменяла другую, менялись культура, мировоззрение и ценностные ориентиры, а вместе с ними и отношения между мужчиной и женщиной, статус женщин, отношение родителей к детям, а детей к родителям. Семейная иерархия, которая раньше была строго вертикальной, постепенно преобразовалась в более горизонтальную форму. В современном обществе семьям приходится непрерывно противостоять разрозненной и агрессивной окружающей среде, особенно информационной, навязывающей новый стиль и порядок жизни. Несмотря на все изменения, произошедшие в семье за последние десятилетия, этот социальный институт остается неизменным и продолжает занимать центральное место в жизни людей.

Статья подготовлена в рамках НИР «Человеческие ресурсы северных регионов России: потенциал развития или ограничение экономического роста (№ ГР 122012700169-9, 2022–2024 гг.).

Литература

1. Монахов, А. Б. Семья: правовое определение понятия / А. Б. Монахов // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. – 2014. – Вып. 9. – С. 55–60.
2. Сайт ООН. – URL : https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declhr.shtml (дата обращения: 12.01.2024).
3. Сайт ООН. – URL : https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pactpol.shtml (дата обращения: 12.01.2024).
4. Сайт ООН. – URL : https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/childcon.shtml (дата обращения: 12.01.2024).
5. Матвеев, П. А. Понятие семьи в российском праве / П. А. Матвеев // Юридический вестник Кубанского государственного университета. – 2011. – № 3 (8). – С. 10–17.
6. Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 // Собр. Законодательства РФ. – 1996.

7. Комментарий к Семейному кодексу Российской Федерации / [Антокольская М. В. и др.]; отв. ред. И. М. Кузнецова. – 2-е изд., перераб. и доп. – Москва : Юристъ, 2000. – 566 с. – С. 10.
8. Шершеневич, Г. Ф. Избранное. Т. 5: Учебник русского гражданского права / вступ. слово, сост.: П. В. Крашенинников. – Москва : Статут, 2017. – 832 с. – (Юристы, изменившие право, государство и общество).
9. Берая, И. О. Правовое закрепление понятия «семья» / И. О. Берая // Молодой ученый. – 2017. – № 1 (01). – С. 66, 67.
10. Дюльдина, Ж. Н. Категории «ценность» и «семейные ценности» в философских, психологических и социально-педагогических науках / Ж. Н. Дюльдина, Л. П. Шустова // Современные наукоемкие технологии. – № 11. – 2016. – С. 96–99. – С. 96.
11. Малкина-Пых, И. Г. Семейная терапия: справочник практического психолога / И. Г. Малкина-Пых. – Москва : ЭКСМО, 2005. – 990 с. – С. 25.
12. Араловец, Н. А. Семейные ценности городских жителей России в XX в. / Н. А. Араловец // Труды Института российской истории РАН. – 2010. – № 9. – С. 311–331.
13. Свод законов Российской Империи: Книга третья том десятый [Электронный ресурс] // ред. И. Д. Мордухай-Болтовского, сост. Н. П. Балканов, С. С. Войт, В. Э. Герценберг. – Электронная версия печатной публикации. – Санкт Петербург : Русское Книжное Товарищество «Дятел», 1912. – 343 с. – URL : <http://civil.consultant.ru/reprint/books/211/> (дата обращения: 13.11.2023).
14. Черникова, В. Е. Трансформация представлений о семье в российском социокультурном пространстве XX–XXI вв. / В. Е. Черникова // Общество: философия, история, культура. – 2020. – № 5 (73). – С. 21–24.
15. О гражданском браке, о детях и о ведении книг актов состояния: Декрет ВЦИК и СНК РСФСР от 18.12.1917. – URL : <https://docs.cntd.ru/document/456017706> (дата обращения: 13.11.2023).
16. О расторжении брака: Декрет ВЦИК и СНК РСФСР от 19.12.1917. – URL : <https://base.garant.ru/72929952/> (дата обращения: 13.11.2023).
17. Кодекс законов об актах гражданского состояния, брачности, семейном и опекунском праве РСФСР от 16.09.1918. – URL : <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=2902#Y1YjavTfYD9wMeWC> (дата обращения: 13.11.2023).
18. Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1917–1918, 1919, 1920, 1921, 1922 гг. / Совет Народных Комиссаров. – Москва : Издательство Управление делами СовНаркКома СССР, 1942. – 1483 с.
19. Несс, И. Международная энциклопедия революции и протеста, Оксфорд, Великобритания : Wiley, 2009. – 4280 с. – С. 1, 2.

20. Энциклопедия женской автобиографии: в 2-х т. Т. 2 / В. Бойнтон, Д. Малин. – Уэстпорт : Greenwood Press, 2005. – 625 с.
21. Коллонтай, А. Свобода и любовь / А. Коллонтай. – Москва : Родина, 2021. – 304 с.
22. Брак и семья: Сб. документов и материалов. – Москва, 1926. – 174 с. – С. 91, 104, 134
23. Роговин, В. З. Проблемы семьи и бытовой морали в советской социологии 20-х годов / В. З. Роговин // Социальные исследования. – 1970. – № 4. – С. 95–97. – С. 95–97.
24. Вольфсон, С. Я. Социология брака и семьи: Опыт введения в марксистскую генеалогию / С. Я. Вольфсон. – Минск: Белорус. гос. ун-т, 1929. – 472 с. – С. 364, 365.
25. Философия любви: в 2 ч. / сост. А. А. Ивин; Предисл. Д. П. Горского, А. А. Ивина. – Москва : Политиздат, 1990. – 508 с. – С. 334
26. Всесоюзная перепись населения 1926 года / Центральное статистическое управление СССР, Отдел переписи. – Москва : Гос. соц.-экон. изд. – 1928–1935.
27. Всесоюзная перепись населения 1939 года: Основные итоги / под ред. Ю. А. Полякова. – Москва : Наука, 1992. – 256 с.
28. РСФСР. Законы. Кодекс законов о браке, семье и опеке: Офиц. текст с изм. на 1-е ноября 1946 г. и с прил. постатейно-систематизир. материалов / М-во юстиции РСФСР. – Москва : Юрид. изд-во, 1947. – 164 с. – С. 51, 52.
29. Харчев, А. Г. Брак и семья в СССР: Опыт социологического исследования / А. Г. Харчев. – Москва : Мысль, 1964. – 325 с. – С. 178–180.
30. Харчев, А. Г. Брак: идеал и действительность / А. Г. Харчев, К. Л. Емельянов // Социальные исследования. – 1970. – № 4. – С. 61–65.
31. Бойко, В. А. Человек в семье / В. А. Бойко. – Краснодар : Кн. изд-во, 1962. – 43 с. – С. 15.
32. О некотором изменении порядка рассмотрения в судах дел о расторжении брака: Указ Президиума Верховного Совета СССР от 10.12.1965 № 4238-VI. – URL : <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=11138#Ax5ElvTsXQSuHLVu> (дата обращения: 05.11.2023).
33. Об увеличении государственной помощи беременным женщинам, многодетным и одиноким матерям, усилении охраны материнства и детства, об установлении почетного звания «Мать-героиня» и учреждении ордена «Материнская слава» и медали «Медаль материнства»: Указ Президиума Верховного Совета СССР от 08.07.1944. – URL : <https://base.garant.ru/57500932/> (дата обращения: 05.11.2023).

34. Кодекс о браке и семье РСФСР от 30.07.1969. – URL : <http://www.kremlin.ru/acts/bank/6> (дата обращения: 05.11.2023).
35. Голод, С. И. Семья и брак: Историко-социологический анализ / С. И. Голод. – Санкт-Петербург : Петрополис, 1998. – 270 с. – С. 39.
36. Голод, С. И. XX век и тенденции сексуальных отношений в России / С. И. Голод. – Санкт-Петербург : Алетейя, 1996. – 188 с.
37. Кон, И. С. Сексуальная культура в России: клубничка на березке / И. С. Кон. – Москва : ОГИ, 1997. – 464 с. – С. 50–52, 60–65, 72.
38. Русские: Этносоциологические очерки / Российская акад. наук, Ин-т этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая, Ин-т нац. пробл. образования. – Москва : Наука, 1992. – 461. – С. 160.
39. Становление брачно-семейных отношений: [Сб. ст.] / АН СССР, Ин-т социологии; редкол.: М. С. Мацковский, Т. А. Гурко (отв. редакторы) и др. – Москва : ИС, 1989. – 163 с.
40. Гурко, Г. А. Трансформация института современной семьи / Г. А. Гурко // Социологические исследования. – 1995. – № 10. – С. 96–99. – С. 96.
41. О положении семей в Российской Федерации, 1994–1996 гг. / М-во труда и социал. развития РФ. Департ. по делам семьи, женщин и детей. НИИ семьи; О. И. Волжина, канд. пед. наук (рук.) и др. – Москва : НИИ семьи, 1998. – 183 с. – С. 100.
42. Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 // Собр. Законодательства РФ. – 1996.
43. Белых, Т. В. Трансформация семейных ценностей / Т. В. Белых // Трансформация идеи гражданского общества в контексте социальных изменений: сб. ст. по материалам Первой междунар. конф., Белгород, 30 окт. 2014 г. / НИУ БелГУ; отв. ред. Ю. А. Зубок. – Белгород, 2014. – С. 191–196.

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
-----------------------	----------

ПЛЕНАРНЫЕ ДОКЛАДЫ

<i>Фаузер В. В.</i> Развитие демографической науки в Республике Коми.....	4
<i>Смирнов А. В.</i> Научный путь В. П. Подоплелова через призму тематики его публикаций	13
<i>Попова Л. А., Зорина Е. Н.</i> Особенности демографического старения северных регионов России в соответствии с новым экономическим порогом старости	23
<i>Князева Г. А.</i> Трансформация лесной ресурсной периферии: от индустриализации до устойчивого развития.....	33

СЕКЦИОННЫЕ ДОКЛАДЫ

<i>Асадуллина Н. Р., Павлов К. В.</i> Проблемы, особенности и направления цифровизации социальной сферы Республики Узбекистан.....	42
<i>Бримбетова Н. Ж., Чуланова З. К.</i> Возможности устойчивого развития регионов Казахстана и их самодостаточность	48
<i>Бурцева И. Г.</i> Роль добывающей промышленности в социально-экономическом развитии региона.....	55
<i>Бурый О. В.</i> Энергетическая бедность: возможна ли безуглеродная экономика на Севере?	63
<i>Вишнякова Д. В.</i> Сельские поселения Коми края второй половины XIX века по данным «Списков населенных мест».....	72
<i>Войтёнок Ж. Е.</i> О методических подходах к оценке продовольственной безопасности в Республике Беларусь	80
<i>Дроздов Д. О.</i> Влияние технологичности продукции на устойчивость развития предприятия.....	84
<i>Жеребцов И. Л., Фаузер В. В.</i> Историография работ по демографии Республики Коми: 1969–2016 годы	92
<i>Журавлев Н. Ю.</i> Трансформация демографических характеристик северных регионов (сравнительный анализ показателей переписей населения 1989–2021 годов)	101
<i>Игнатова Н. М.</i> Особенное и типичное в адаптации спецпереселенцев в 1930–40-е годы (на материалах Республики Коми)	107
<i>Клепиков Н. В.</i> Подготовка кадров для управленческого учета в бюджетной сфере	115
<i>Козлова О. А., Бедрина Е. Б.</i> Проблемы адаптации детей мигрантов в российском обществе.....	118
<i>Куратов О. А.</i> К вопросу об осуществлении переселенческой политики государства на территории Усть-Сысольского уезда в начале XX века	123
<i>Лыткина У. В.</i> Возрастной состав умерших в Республике Коми в советский период	127

<i>Массунов С. Л.</i> Экологические параметры возобновляемой энергетики при переходе к «углеродной нейтральности»: наземная ветрогенерация	135
<i>Молодцова В. Н.</i> Информационная основа экспертной оценки инфраструктурного потенциала объектов агропромышленного комплекса северного региона.....	148
<i>Найденова Т. А., Швецова И. Н.</i> Межбюджетные отношения как фактор финансовой устойчивости субъекта РФ	155
<i>Ненашев М. В.</i> «Дневные записки» академика И. И. Лепёхина о южных коми в свете этнографических данных.....	160
<i>Новокишинова Е. Н.</i> Оценка инвестиционной привлекательности Республики Коми в условиях санкционного давления.....	165
<i>Одинцова Т. М.</i> Модели ESG-отчетности в повестке устойчивого развития	170
<i>Павлов К. В., Асадуллина Н. Р.</i> Самозанятость как форма предпринимательской деятельности в Республике Узбекистан	177
<i>Панарина И. А.</i> Употребление алкогольных напитков в Республике Коми: из прошлого в настоящее.....	183
<i>Панюкова Е. В., Данилова Е. В.</i> Актуальное реагирование для защиты населения от клещевых инфекций в г. Сыктывкаре	192
<i>Посвенчук А. А.</i> Культурный код белорусской промышленной модернизации: некоторые особенности и проблемы.....	196
<i>Сатпаева З. Т.</i> Основные институциональные инструменты устойчивого развития в Казахстане	202
<i>Степчук М. А.</i> Особенности условий работы и питания рыбаков Камчатки в период путины	208
<i>Теребихин В. М.</i> Социогуманитарное развитие Республики Коми в период российской социетальной трансформации 1991–1995 годов	216
<i>Тимушев Е. Н.</i> Оценка бюджетной устойчивости арктических регионов России.....	225
<i>Фаузер В. В.</i> Отношение государства к абортam и их динамика в Республике Коми	233
<i>Фаузер Г. Н.</i> Сравнение оценок численности населения в текущем учете и переписях населения: исторический аспект	243
<i>Чуклина Д. Д., Степчук М. А.</i> История развития здравоохранения Корякского автономного округа.....	250
<i>Чуланова З. К., Бримбетова Н. Ж.</i> Социально-экономические аспекты модернизации территориального развития	256
<i>Чупрова Е. А.</i> Трансформация брачно-семейных отношений в России в период XX–XXI веков.....	262

ISBN 978-5-89606-662-0

Научное издание

**МАТЕРИАЛЫ III ВСЕРОССИЙСКОЙ
НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ
(с международным участием)**

**СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ,
ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ И ИСТОРИЧЕСКИЕ
ИССЛЕДОВАНИЯ НА СЕВЕРЕ РОССИИ**

21–22 декабря 2023 г., г. Сыктывкар

Редакторы – К. А. Попова, О. А. Гросу
Переводчик – Е. С. Кузьмина
Оригинал-макет – Е. Н. Старцева, Д. В. Осипова
Дизайн обложки – Д. В. Осипова

Лицензия № 0047 от 10.01.99

Подписано в печать 10.04.2024. Формат 60х84 1/16.
Усл. печ. л. 17,25. Уч.-изд. л. 17. Тираж 300. Заказ № 12.

Редакционно-издательский центр ФИЦ Коми НЦ УрО РАН.
167982, ГСП-2, Республика Коми, г. Сыктывкар, ул. Коммунистическая, д. 24.